Говард Филлипс

Лавкраф

Хребты безумия

Annotation

При жизни этот писатель не опубликовал ни одной книги, после смерти став кумиром как массового читателя, так и искушенного эстета, и неиссякаемым источником вдохновения для кино- и игровой индустрии; его называли «Эдгаром По XX века», гениальным безумцем и адептом тайных знаний; его творчество уникально настолько, что потребовало выделения в отдельный поджанр; им восхищались Роберт Говард и Клайв Баркер, Хорхе Луис Борхес и Айрис Мёрдок.

Один из самых влиятельных мифотворцев современности, человек, оказавший влияние не только на литературу, но и на массовую культуру в целом, создатель «Некрономикона» и «Мифов Ктулху» – Говард Филлипс Лавкрафт.

- Говард Филлипс Лавкрафт
  -
  - Алхимик
  - Белый Корабль
  - По ту сторону сна
  - Показания Рэндольфа Картера
  - Кошки Ултара
  - Полярная звезда
  - Дерево
  - Артур Джермин
    - I
    - II
  - Селефаис
  - Усыпальница
  - Гипнос
  - В склепе
  - Неименуемое
  - Изгой
  - Болото луны
  - Он
  - Заброшенный дом
    - I
    - II

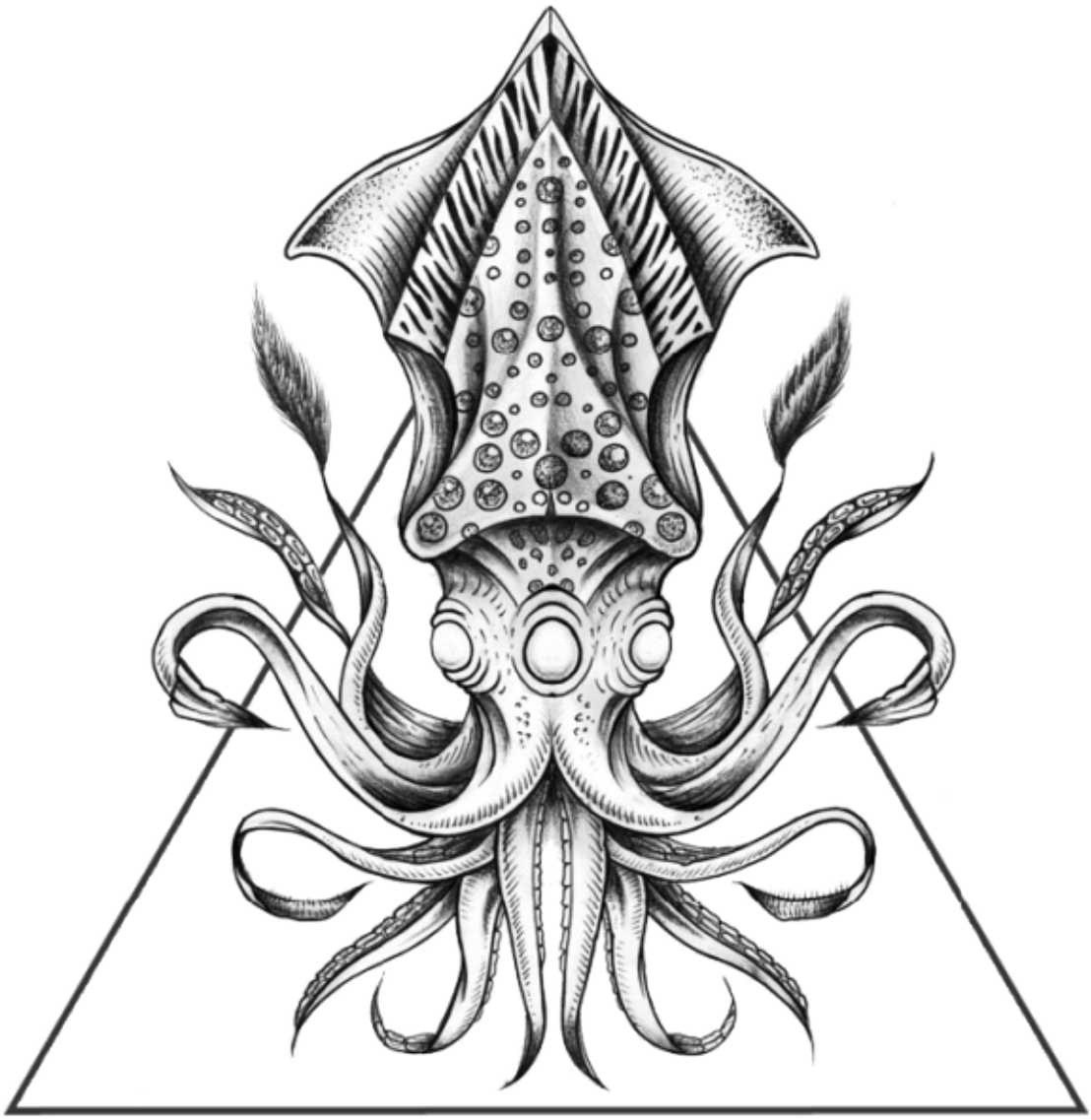
        - III
        - IV
        - V
    - Странный дом в тумане на вершине горы
    - Взыскание Иранона
    - Хребты безумия
        - I
        - II
        - III
        - IV
        - V
        - VI
        - VII
        - VIII
        - IX
        - X
        - XI
        - XII
    - Азатот
    - Говард Филлипс Лавкрафт, Кеннет Стерлинг
    - Злой священник
    - В поисках неведомого Кадата
    - Говард Филлипс Лавкрафт, Август Дерлет
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

Говард Филлипс Лавкрафт
Хребты безумия
Фантастические повести, рассказы

© В. Бернацкая; О. Колесников; В. Кулагина-Ярцева; Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.



Алхимик
Перевод Олега Колесникова

На небольшом возвышении на самой вершине покатой горы, склоны которой поросли густым, дремучим лесом, словно венчающая гору корона стоит замок моих предков. Многие века его величественный силуэт служит неизменной частью пейзажа всей окружающей сельской местности, а сам замок – дом старинного рода, прямая линия которого даже древнее, чем поросшие мхом стены. Древние башни, пережившие многие поколения, но рушащиеся под неуклонным давлением времени, в эпоху феодализма представляли одну из самых грозных и величественных крепостей Франции. Из бойниц и укрытий на стенах не раз видели баронов, графов и даже королей, готовых штурмовать до последнего, но никогда в просторных залах замка не звучало эхо шагов завоевателей.

Но с той героической поры все переменилось. Бедность, хотя и не дошедшая до крайней нужды, и гордость, не позволившая носителям славного имени осквернить его коммерцией, воспрепятствовали поддержанию великолепия древнего родового владения; и сейчас все здесь – выпадающие из стен камни, запущенная буйная растительность в парке, пересохший пыльный ров, щербатые внутренние дворики, осыпающиеся башни, а также покосившиеся полы, изъеденные червями стенные панели и поблекшие гобелены в них – рассказывает печальную повесть об увядшем величии. Одна из главных башен рассыпалась от времени, затем это же произошло с другой, и наконец у крепости осталась лишь одна башня, в которой вместо могущественного лорда пребывал его обнищавший потомок.

Именно в одной из просторных и мрачных палат оставшейся башни замка я, Антуан, последний из несчастного и проклятого рода графов де К., впервые увидел свет долгих девяносто лет назад. В этих стенах и на склонах горы, покрытых темными мрачными чащами и изрезанных ущельями и гротами, прошла вся молодость моей безрадостной жизни. Своих родителей я не знал. Мой отец умер в возрасте тридцати двух лет, за месяц до моего рождения; его убил камень, сорвавшийся с полуразрушенного парапета. Моя мать умерла в родах, и я оказался на попечении слуги, человека, достойного доверия и наделенного к тому же недюжинным умом, которого звали, если мне не изменяет память, Пьер. Я

был единственным ребенком в замке, и нехватка товарищей для игр усугублялась стараниями моего воспитателя, всячески препятствующего любому моему общению с крестьянскими детьми, семьи которых обитали по всей окружающей гору равнине. Свой запрет Пьер тогда объяснял тем, что отпрыску благородного рода не следует водить дружбу с плебеями. Теперь я знаю, что истинная причина была другой: он хотел уберечь мои уши от праздных историй о роке, преследующем многие поколения мой род, которые, щедро приукрашенные, рассказывались поселянами на досуге по вечерам перед жарко растопленным очагом.

Поэтому, одинокий и предоставленный самому себе, свое детство я проводил, изучая старинные фолианты, коими была заполнена полумрачная библиотека замка, и бесцельно странствуя по не тронутому многие века фантастическому лесу, покрывавшему гору до самого подножия. Подобное времяпрепровождение, вероятно, и явилось причиной того, что меланхолия стала частью моей натуры. Занятия и исследования, связанные с мрачной таинственностью дикой природы, имели для меня особую притягательность.

Однако мне было позволено узнать очень мало об истории окружающей местности, и это крайне удручало меня. Возможно, изначально очевидное нежелание моего престарелого воспитателя углубляться в историю моих предков положило начало тому ужасу, который я испытывал при каждом упоминание о моем доме, но на исходе детства я сумел соединить бессвязные недомолвки, слетавшие с языка заговаривающегося старика, относящиеся к неким обстоятельствам, с годами превратившимся для меня из странных в вызывающие страх. Обстоятельства, которые я имею в виду, это то, что все наследные графы моей семьи умерли в раннем возрасте. Сначала я объяснял себе их безвременную кончину естественными причинами, полагая, что происхожу из семьи, в которой мужчины живут не долго, однако со временем стал соединять это с бессвязными старческими бормотаниями, в которых речь часто шла о проклятии, отмерявшем носителям графского титула срок жизни в тридцать два года. В день, когда мне исполнилось двадцать один год, престарелый Пьер вручил рукописную книгу, переходившую, по его словам, от отца к сыну на протяжении многих поколений и дописывавшуюся каждым новым обладателем. Она содержала поразительные записи, и их внимательное изучение подтвердило мои самые мрачные предположения. Мне следовало бы более критически отнестись к изложенному там, но в то время вера во все мистическое глубоко укоренилась в моей душе.

Начиналась она с рассказа о событиях тринадцатого века, когда замок, где я родился и вырос, был грозной и неприступной крепостью. В наших владениях появился некий весьма примечательный человек, низкого положения, но все же не крестьянин, по имени Мишель, впрочем, более известный как Мове, что означает «злой», поскольку о нем шла зловещая слава. Свою жизнь он посвятил поискам философского камня и эликсира молодости и слыл искушенным в черной магии и алхимии. У Мишеля Злого был сын по имени Карл, юноша, столь же сведущий в тайных науках, сколь и отец, и которого прозвали поэтому Ле Сорсье, или Колдун. Порядочные люди сторонились этой пары, подозревая, что отец и сын делают что-то нечестивое. Поговаривали, что Мишель заживо сжег свою жену, принеся ее в жертву дьяволу, что именно он и его сын виновны в необъяснимых исчезновениях крестьянских детей. Тьму, окутывающую этих двоих людей, прорезал лишь один луч искупительного света: ужасный старик беззаветно любил своего отпрыска, и тот испытывал к нему чувство, намного превосходившее обычную сыновнюю преданность.

Однажды ночью в замке на горе наступило смятение из-за исчезновения юного Годфри, сына Генриха, графа де К. Группа, отправившаяся для поисков юного графа, во главе с обезумевшим отцом ворвалась в небольшой домик, где жили колдуны, и застала там старого Мишеля Злого, хлопотавшего возле большого кипящего котла. Не в силах сдержать себя от ярости и отчаяния, граф бросился на колдуна, и несчастный старик испустил дух в его смертоносных объятиях. Тем временем слуги нашли молодого Годфри в дальних, не использовавшихся в тот момент покоях огромного замка, но радостная весть пришла уже после того, как Мишель оказался убит. Когда граф со своими людьми покидал скромное жилище алхимика, со стороны леса показался силуэт Карла Колдуна. Болтовня взбудораженных слуг сообщила ему о судьбе его отца, и на первый взгляд могло показаться, что он бесстрастно отнесся к его участи. Но затем, медленно надвигаясь на графа, Карл монотонным и при этом ужасным голосом произнес проклятие, преследовавшее с того момента представителей рода графа де К.

> Не сможет ни один его прямой потомок
> Превысить возраст этого убийцы, —

изрек он, а затем, прежде чем метнуться в сторону темного леса и скрыться за чернильным занавесом ночи, быстрым движением выхватил из

складок своего платья склянку с бесцветной жидкостью и выплеснул ее в лицо убийцы. Граф упал и вскоре, не приходя в сознание, скончался, на следующий день его похоронили, а с того момента, как он появился на свет, и до его смерти прошло немногим более тридцати двух лет. Группы крестьян проводили поиски в окружающих лесах и полях, но убийца графа исчез бесследно.

Время и запрет на упоминания об этом происшествии стерли проклятие из памяти семьи графа, так что когда Годфри, невольный виновник трагедии и наследник графского титула, пал от стрелы во время охоты в возрасте тридцати двух лет, никто не связал его смерть с давними событиями. Но когда годы спустя Роберт, следующий граф, был найден в соседней области мертвым по непонятной причине, крестьяне шепотом стали поговаривать, что смерть нашла их господина вскоре после того, как ему исполнилось тридцать два. Луи, сын Роберта, достигнув рокового возраста, утонул в крепостном рву; скорбный список пополнялся поколение за поколением: жизни Генрихов, Робертов, Антуанов и Арманов, жизнерадостных и добродетельных, обрывались, стоило им достичь возраста их далекого предка в тот момент, когда он совершил убийство.

Из прочитанного я понял, что дальнейшего существования мне отмерено самое большее одиннадцать лет, а может, и меньше. Жизнь, не имевшая прежде в моих глазах особой ценности, с каждым днем становилась все милее, тогда как загадочный мир черной магии затягивал меня все глубже и глубже. Я жил отшельником, и современная наука нисколько не интересовала меня; изучал я лишь средневековую и старался, подобно старику Мишелю и юноше Карлу, овладеть таинствами колдовства и алхимии. Но все же мне никак не удавалось постичь природу странного проклятия, поразившего мой род. Иногда, отбрасывая мистицизм, я пытался найти рациональное объяснение смерти моих предков – например, банальной расправой, начатой Карлом Колдуном и продолженной его потомками. Убедившись в результате долгих изысканий, что род алхимика не имел продолжения, я вернулся к своим исследованиям, посвященным поиску заклинания, способного освободить мой род от бремени ужасного проклятия. Лишь в одном отношении я был непоколебим: мне следует остаться холостым, ибо моя смерть прервет и само проклятие.

Мне было почти тридцать, когда Господь призвал к себе Пьера. Я один похоронил старого слугу во внутреннем дворике, где он любил прогуливаться. Таким образом, я остался единственным живым существом, обитающим в крепости, и мой тщетный протест против надвигающегося рока стал ослабевать, сменяясь смирением с тем, что я должен разделить

судьбу моих предков. Большую часть времени я проводил, исследуя покинутые и разрушающиеся залы и башни старого замка, куда раньше, будучи подростком, заходить не решался; стал проникать в такие закоулки, где, по словам старого Пьера, нога человека не ступала уже более четырехсот лет. Повсюду мне попадались странные и удивительные предметы. Мебель, покрытая пылью веков, осыпалась трухой от давно воцарившейся сырости. Все обильно покрывала густая паутина; огромные летучие мыши хлопали странными костистыми крыльями в давно необитаемом мраке.

Я стал отслеживать свой точный возраст, с точностью до дня и часа, ибо каждое движение тяжелого маятника часов в библиотеке отсчитывало заметную часть остатка моего обреченного существования. С мрачным предвкушением я дожидался того момента, который неотвратимо приближался. Проклятие обрывало жизни моих предков незадолго до того, как они достигали возраста, в котором погиб граф Генрих, и теперь я ежесекундно ждал неведанной смерти. Я не знал, в каком обличии она предстанет передо мной, но решил, что ей не встретить в моем лице малодушной дрожащей жертвы. А тем временем с возросшим энтузиазмом продолжал исследовать закоулки старого замка.

Во время одной из самых долгих вылазок в полуразрушенное крыло замка, менее чем за неделю до рокового часа, отмечающего предел моего земного бытия, произошло главное событие всей моей жизни. Почти все утро я пробирался по коридорам и полуразрушенным лестницам в одной из самых потрепанных временем древних башен замка. В начале дня я искал, как спуститься на более низкие уровни, туда, где в Средние века, по всей видимости, была тюрьма, а затем склад для хранения пороха. Когда я, спустившись по одной из лестниц, осторожно двигался по пропитанному селитрой проходу, настил под ногами становился все более хлипким, и вскоре мой мерцающий факел высветил голую, сочащуюся водой стену. Разворачиваясь, ибо дальше идти было некуда, я случайно заметил на полу рядом с ногами неприметную крышку люка с кольцом. После долгой, с перерывами, возни мне удалось ее приподнять; от пахучего дыма, вырвавшегося из черного провала, пламя факела заметалось с шипением, позволив мне, однако, рассмотреть ведущие в глубину каменные ступени.

Как только факел, опущенный в смердящую бездну, стал гореть спокойно и устойчиво, я начал спуск. После долгого спуска по ступеням я оказался в узком каменном проходе, проложенном, судя по всему, глубоко под землей. Проход этот оказался довольно длинным и привел к сырой и древней массивной дубовой двери, оказавшей сопротивление всем моим

попыткам открыть ее. Через какое-то время, отчаявшись, я повернул назад, к лестнице, но не успел сделать и нескольких шагов, как пережил одно из самых сильных и глубоких впечатлений, какое может выпасть на долю человека. Я вдруг услышал, как скрипят ржавые петли медленно отворяющейся за моей спиной тяжелой двери. Мои чувства в тот момент описать невозможно. Само по себе наличие в давно опустевшем старом замке очевидных свидетельств присутствия человека или духа вызвало у меня шок. Когда я обернулся и уставился на то, что было причиной звука, мои глаза, должно быть, вылезли от увиденного из орбит.

В древнем, готического вида дверном проеме стоял человек с шапочкой на голове и в длинном черном средневековом платье. Его длинные волосы и ниспадающая борода были очень густыми и отливали чернотой. Мне никогда не доводилось встречать человека с таким высоким лбом и так глубоко запавшими щеками, обрамленными суровыми морщинами; а его руки, длинные, узловатые, похожие на клешни, имели такую смертельную, подобную мрамору белизну, какой я никогда не видел у человека. Костлявое, аскетическое до истощения тело странно и уродливо контрастировало с просторностью его специфического одеяния. Но самым странным были его глаза – два бездонных черных колодца, глубоко понимающие, но при этом полные нечеловеческой злобы. Уставленный на меня их пристальный взгляд был преисполнен такой ненависти, что я словно прирос к полу.

Наконец человек заговорил, и его резкий голос, в котором звучали откровенное презрение и скрытая недоброжелательность, лишь усилил мой ужас. Язык, на котором он изъяснялся, оказался той формой латыни, которой пользовались просвещенные люди в Средние века, и был мне отчасти знаком благодаря изучению трудов древних алхимиков и магов. Он повел речь о проклятии, висящем над моим родом, о том, что мне недолго осталось жить, и подробно описал преступление, совершенное моим предком, и со злорадством перешел к мести Карла Колдуна. Карл скрылся в ночи, но спустя годы вернулся, когда наследник, Годфри, приблизился к тому возрасту, в каком был его отец в роковую ночь, чтобы выпустить стрелу в его сердце. Затем он тайком пробрался в замок и поселился в том самом заброшенном подземелье, у входа в которое стоял сейчас зловещий рассказчик, но покидал его, чтобы подстеречь Роберта, сына Годфри, когда тому минуло тридцать два года, и силой заставить того проглотить яд, чтобы продолжилось мщение, предсказанное в проклятии. Предоставив мне гадать далее над самой главной загадкой – почему проклятие не исчезло вместе со смертью Карла Колдуна, который рано или поздно

должен был найти успокоение, – он пустился в долгий рассказ об алхимии и об исследованиях этих двух колдунов, отца и сына, особенно обратив внимание на то, что Карл пытался получить эликсир, дарующий отведавшему его вечную жизнь и неувядаемую молодость.

Воодушевление рассказчика, казалось, вымыло из его взгляда жгучую недоброжелательность, ошеломившую меня поначалу, но вдруг в его глазах снова вспыхнул дьявольский блеск, и с шипением, похожим на змеиное, он высоко поднял склянку с очевидным намерением прервать мою жизнь тем же способом, каким шесть столетий назад Карл Колдун расправился с моим предком. Движимый инстинктом самосохранения, я вырвался из оцепенения, уже долго удерживавшего меня на одном месте, и запустил в существо, угрожающее моей жизни, гаснущим факелом. Я услышал, как склянка разбилась о камень в дверном проходе, и в тот же момент платье странного человека вспыхнуло, осветив подземный проход странным, неприятным сиянием. Испуганный вопль моего несостоявшегося убийцы, полный бессильной злобы, оказался последней каплей для моих истерзанных нервов, и я без сознания повалился на склизкий пол.

Когда чувства наконец вернулись ко мне, вокруг была глубочайшая тьма, и разум, потрясенный пережитым, отказывался от попыток узнать чего-либо еще, но любопытство все же одержало верх. «Кто же был этот злобный человек? – думал я. – Как он проник в замок? Почему он жаждал отомстить за смерть Мишеля Злого и как могло получиться, что со времен Карла Колдуна проклятие в течение долгих столетий неумолимо настигало очередную жертву?» Я оказался свободен от давившего на меня страха, ибо сразил того, кто призван был стать в отношении меня орудием проклятия, и теперь горел желанием лучше разобраться в том, что века преследовало мою семью и превратило мою юность в один долгий кошмарный сон. Набравшись решимости продолжить исследование, я нашарил в кармане огниво и кремень и запалил запасной факел.

Первое, что я увидел, – было изуродованное почерневшее тело загадочного незнакомца. Ужасные глаза оказались закрыты. Преодолевая отвращение, я прошел в покои за готической дверью. То, что там оказалось, более всего напоминало лабораторию алхимика. В одном углу высилась груда ярко-желтого металла, искрящегося в свете факела. Вероятно, это было золото, но я не стал тратить время на проверку этого предположения, поскольку был еще не в себе от недавних событий. В дальнем конце покоя оказался выход в одно из ущелий посреди дикого леса. С изумлением я понял, каким образом незнакомец проник в замок, и двинулся обратно. Я не собирался разглядывать останки моего врага, но, когда приблизился к телу,

мне показалось, что он издал едва слышный стон, словно жизнь в нем еще не совсем потухла. Ошеломленный, я повернулся к обгорелому скорченному телу на полу.

Внезапно эти ужасные глаза, с чернотой более глубокой, чем обгорелые черты лица, раскрылись и уставились на меня с выражением, которое я был не способен истолковать. Потрескавшиеся губы силились произносить какие-то слова, но я их не вполне понял. Когда я различил среди них имя Карла Колдуна, мне затем показалось, что прозвучали слова «годы» и «проклятие», но общий смысл речи уловить не удавалось. При виде недоумения в моих глазах смоляные глаза незнакомца окатили меня такой злобой, что я задрожал, забыв о беспомощном состоянии моего противника.

На последней волне утекающей силы несчастный приподнялся немного на сырых склизких камнях. Я хорошо запомнил, как в предсмертной тоске он вдруг обрел голос и выплеснул на остатках дыхания слова, которые преследуют меня с тех пор днем и ночью.

– Глупец! – выкрикнул он. – Неужели ты не догадался, в чем мой секрет? Безголовый придурок, не способный понять, каким образом проклятие над твоим родом могло исполняться на протяжении шести веков! Разве я не рассказал тебе о великом эликсире вечной жизни? Разве ты не знаешь, что великая задача алхимии оказалась решена? Тогда скажу тебе прямо – это был я! Я! Я! Прожил шестьсот лет, чтобы исполнять свою месть, ибо я – Карл Колдун!

1916

Белый Корабль
Перевод Олега Колесникова

Я Бэзил Элтон, смотритель маяка на Северном мысе; мой дед и мой отец тоже были здесь смотрителями. На удалении от берега стоит серая башня на скользких скалах, обнажающихся во время отлива и скрытых от глаз во время высокого прилива. Вот уже более ста лет этот маяк указывает путь величественным парусникам, странствующим по всем семи морям; во времена моего деда их было много, при отце значительно меньше, а теперь они проплывают так редко, что порой я ощущаю себя настолько одиноким, будто остался последним человеком на планете.

В старину заходили в эти края большие белопарусные корабли из дальних стран, от далеких восточных берегов, где солнце светит жарко, а над чудесными садами и пестрыми храмами витают сладкие ароматы. Старые капитаны часто заглядывали к моему деду и рассказывали обо всех этих диковинах, а он, в свою очередь, поведал о них моему отцу, а отец в долгие осенние вечера рассказывал о них мне под жуткие завывания восточного ветра. Да и сам я много читал обо всем подобном в книгах, которые мне давали, когда я был молод и восторгался чудесами.

Но чудеснее рассказов старых людей и книжной премудрости была тайная мудрость океана. Голубой, зеленый, серый, белый или черный, спокойный, волнующийся или вздымающий водяные горы, океан никогда не умолкает. Всю свою жизнь я наблюдал за ним, прислушивался к его шуму и научился понимать его с полуслова. Сначала он рассказывал мне простенькие истории про тихие пляжи и ближайшие гавани, но с годами он стал более дружелюбен и рассказывал уже о других вещах – более странных и более отдаленных в пространстве и во времени. Иногда в сумерках серая дымка на горизонте расступалась, позволяя мне увидеть пути, ведущие вдаль, а порой среди ночи морские глубины становились прозрачными и фосфоресцировали, давая мне увидеть пути, ведущие вглубь. И тогда мне доводилось увидеть как пути, которые существовали, так и пути, что могли существовать, ибо океан древнее самих гор и пропитан памятью и снами самого Времени.

Этот Белый Корабль приходил с юга, когда полная луна стояла высоко в небе. С южного направления он тихо и плавно скользил по морю. И волновалось ли оно или было спокойным, был ли ветер попутным или

встречным, корабль всегда шел плавно и тихо, паруса его были приспущены, а длинные ряды весел ритмично поднимались и опускались. В одну из ночей я разглядел на палубе бородатого человека в мантии, который, казалось, манил меня на корабль, предлагая отправиться к неведомым берегам. После этого я много раз видел его при полной луне, и всякий раз он зазывал меня.

Луна светила необычайно ярко в ту ночь, когда я откликнулся на зов и перешел на Белый Корабль по мосту из лунного света. Человек, зазывавший меня, обратился ко мне на певучем языке, который показался мне вполне понятным, и все то время, пока мы плыли в сторону таинственного Юга, золотого в свете полной луны, гребцы пели тихие песни.

А когда наступил розовый и лучезарный рассвет нового дня, я увидел вдалеке зеленый берег, незнакомый мне, яркий и прекрасный. От морской глади поднимались великолепного вида террасы, поросшие буйной растительностью, среди которой можно было углядеть крыши и колоннады необычных храмов. Когда мы стали ближе к зеленому берегу, бородатый человек сказал мне, что это земля, называемая Зар, где живут все сны и помыслы о прекрасном, что являлись когда-то людям, а потом оказались забыты. И взглянув снова на террасы, я понял, что это правда, потому что среди того, что я заметил, было и то, что виделось мне сквозь туман за горизонтом и в фосфоресцирующих глубинах океана. А также были здесь формы и фантазии, великолепнее которых я никогда не видал: видения юных поэтов, умерших в нужде до того, как успели поведать миру о своих прозрениях и мечтах. Но мы не прогулялись по ровным лугам страны Зар, ибо сказано было, что тот, кто ступит на них, никогда больше не вернется на родной берег.

Когда Белый Корабль молчаливо удалился от украшенных храмами террас страны Зар, на горизонте показались шпили могучего города, и бородатый человек сказал мне: «Это Таларион, Город Тысячи Чудес, где собрано все таинственное, что люди тщетно пытались постигнуть». И снова посмотрев на него с близкого расстояния, я увидел, что город этот величественнее любого другого, о каком я знал или видел во сне. Шпили его храмов возносились в небо так высоко, что невозможно было разглядеть их острия, и далеко за горизонт уходили его мрачные серые стены, над которыми выступали только крыши немногих домов, странные и зловещие, хотя и украшенные фризами и соблазнительными скульптурами. Мне очень хотелось вступить в этот притягательный и в то же время отталкивающий город, и я умолял бородатого человека высадить меня на

сияющий причал у гигантских резных ворот Акариэль, но он вежливо отклонил мою просьбу, сказав: «В Таларион, Город Тысячи Чудес, входили многие, но не вернулся никто. По его улицам бродят только демоны и безумцы, переставшие быть людьми, и мостовые белы от непогребенных костей тех, кто отважился взглянуть на нематериальный образ Лати, царствующий в этом городе». И Белый Корабль проследовал мимо стен Талариона, и много дней вслед за нами на юг летела птица, чье прекрасное оперение было цвета лазури неба, с которого она явилась.

Затем мы приблизились к приветливому берегу, радующему глаз буйством цвета, в глубину которого, насколько мог видеть глаз, в полуденном солнечном свете тянулись чудесные рощи, пронизанные радиально расходящимися аллеями. Из беседок, скрывающих то, что внутри, от нашего взгляда, доносились обрывки песен под аккомпанемент лиры, перемежающиеся со смехом, столь сладостным, что я начал настаивать, чтобы гребцы направили туда корабль. И бородатый человек не сказал ни слова, только смотрел на меня, пока мы приближались к берегу, перед которым густо росли лилии. Внезапно ветер, подувший с этих цветущих лугов, принес запах, заставивший меня вздрогнуть. Ветер стал сильнее, и воздух оказался пропитан зловонным кладбищенским духом зачумленных городов и не закопанных могил. И когда мы с безумной поспешностью поплыли прочь от этого проклятого берега, бородатый человек наконец произнес: «Это Ксура, Страна Недостижимых Удовольствий».

И снова небесная птица следовала за Белым Кораблем над теплым благословенным морем, несомая ласковым, ароматным бризом. Мы плыли день за днем и ночь за ночью, а когда восходила полная луна, слушали тихие песни гребцов, такие же приятные, как в ту давнюю ночь, когда я покинул родной берег. При свете луны мы бросили якорь в гавани страны Сона-Нил, с двух сторон которой – мысы из хрусталя, поднимающиеся над морем и сходящиеся вместе сверкающей аркой. Это была Страна Фантазий, и мы сошли на зеленеющий берег по золотому мосту из лунного света.

В стране Сона-Нил нет ни времени, ни пространства, ни страданий, ни смерти, и я прожил в ней многие тысячелетия. Рощи и пастбища там зелены, цветы ярки и ароматны, водные потоки сини и сладкозвучны, ключи прозрачны и холодны, а храмы, замки и города Сона-Нил величественны. Эта страна безгранична, за одним чудесным видом тут же открывается другой, еще более прекрасный. В селениях и среди блеска городов живет и свободно странствует счастливый народ, и каждый здесь наделен изяществом манер и безмятежным счастьем. Тысячелетия,

прожитые мной в этом краю, я блаженно странствовал по рощам, где из живописных зарослей выглядывали причудливые пагоды, а белые дорожки были усажены по краям чудесными цветами. Я поднимался на пологие холмы, с которых мог видеть чарующие пейзажи с городками, пристроившимися в уютных долинах, и золотые купола гигантских городов, сверкающие на горизонте в бесконечной дали. А при свете луны видел искрящееся море, два хрустальных мыса и спокойную гавань, где бросил якорь Белый Корабль.

Снова была ночь полнолуния в незапамятный год Тарпа, когда я вновь увидел манящий силуэт небесной птицы и ощутил первые уколы беспокойства. Тогда я обратился к бородатому человеку и поведал ему о желании отправиться в далекую Катурию, которую не видел никто из людей, но все верили, что она лежит за базальтовыми столпами Запада. Это Страна Надежды, и там сияют идеалы всего, что где-либо когда-либо было известно, или по крайней мере так говорилось. Но бородатый человек сказал мне: «Следует опасаться тех коварных морей, за которыми, по рассказам, лежит Катурия. Здесь, в Сона-Ниле, нет ни боли, ни смерти, но кто знает, что скрывается там, за базальтовыми столпами Запада?» Однако в следующее полнолуние я ступил на борт Белого Корабля, и бородатый человек неохотно отплыл от счастливого берега, отправляясь в нехоженые моря.

А небесная птица летела впереди, ведя нас к базальтовым столпам Запада, но теперь гребцы не пели тихие песни при полной луне. В воображении я часто рисовал себе неведомую страну Катурию с ее пышными рощами и великолепными дворцами и представлял, какие новые наслаждения ожидают меня там. «Катурия, – говорил я себе, – это место, где обитают боги, страна бесчисленных городов из золота. Ее леса из алоэ и сандаловых деревьев напоминают благоуханные рощи Каморина, и в них веселые птицы насвистывают приятные мелодии. На зеленых и усыпанных цветами горах Катурии возвышаются замки из розового мрамора, богато украшенные барельефами и изображениями триумфов, а в их внутренних дворах прохладные серебряные фонтаны очаровательно мелодично разбрызгивают ароматную воду из рождаемой в пещерах реки Нарг. Города Катурии окружены золотыми стенами, и мостовые их также из золота. В садах этих городов растут удивительные орхидеи и благоухают озера, дно которых усыпано кораллом и янтарем. По ночам на улицах и в садах зажигают фонари, выполненные из трехцветного панциря черепахи, и звучат голоса певцов и звуки лютни. Все дома в Катурии – воистину дворцы, каждый из них выстроен над источающим аромат каналом, в

котором течет вода священной реки Нарг. Эти дома выстроены из мрамора и порфира и покрыты сверкающим золотом, которое отражает лучи солнца и усиливает блеск городов в глазах блаженных богов, глядящих на них с отдаленных пиков. Но прекраснее всех строений дворец великого монарха Дориеба, которого одни считают полубогом, а другие богом. Дворец Дориеба высок, многочисленные мраморные башни возвышаются над его стенами. В его просторных залах происходят многолюдные собрания, а на стенах в них развешаны трофеи за многие века. Кровлю дворца, из чистого золота, подпирают высокие столпы из рубина и лазурита, украшенные резными изображениями богов и героев, исполненными так искусно, что при виде на них кажется, что это живые обитатели Олимпа. Пол во дворце стеклянный, под ним текут искусно подсвеченные воды реки Нарг, и в них плавают рыбки дивной окраски, которых не встретишь за пределами прелестной Катурии».

Так беседовал я сам с собой о Катурии, несмотря на то что бородатый человек предостерегал меня и уговаривал вернуться к счастливым берегам страны Сона-Нил, ибо Сона-Нил известна людям, тогда как Катурию не доводилось видеть никому.

И на тридцать первый день нашего странствия вслед за птицей мы увидели базальтовые столпы Запада. Они были окутаны туманом, так что нельзя было ни увидеть того, что за ними, ни разглядеть их вершины, которые, говорят, достают до небес. И бородатый человек снова уговаривал меня повернуть назад, но я не внял его увещеваниям, ибо из-за столпов до моего слуха доносились голоса певцов и звуки лютни, более сладостные, чем самые сладкие песни Сона-Нил, восхваляющие меня самого – смельчака, отправившегося при полной луне вдаль и долго прожившего в Стране Фантазий. Так что Белый Корабль поплыл на звуки песни в туман между базальтовыми столпами Запада. Когда же музыка стихла и туман рассеялся, мы увидели не землю Катурии, а стремительно несущиеся морские воды, которые неодолимо увлекали наше беспомощное судно неведомо куда. Скоро до нашего слуха донесся отдаленный грохот падающей воды и нашему взору открылось титаническое облако брызг чудовищного водопада впереди, далеко на горизонте, в котором океаны мира низвергались в бездну небытия. И тогда бородатый человек сказал мне сквозь слезы, сбегающие по его щекам: «Мы отказались от прекрасной страны Сона-Нил и теперь никогда туда не вернемся. Боги могущественнее людей, и они победили». В ожидании грядущей катастрофы я закрыл глаза и перестал видеть небесную птицу, которая трепетала призрачными голубыми крыльями над самым краем стремительно обрушивающегося

потока.

Сразу после крушения наступила полная темнота, сквозь которую доносились пронзительные крики людей и нечеловеческие стоны неживых предметов. Ураганный ветер с востока пробрал меня холодом, когда я приник к мокрой каменной плите, оказавшейся у меня под ногами. Затем я снова услышал грохот, открыл глаза и увидел, что нахожусь на площадке маяка, откуда отправился в путь многие тысячелетия назад. В темноте передо мной смутно вырисовывались расплывчатые очертания судна, налетевшего на безжалостные скалы, а когда я посмотрел вверх, то увидел, что маяк погружен во тьму – впервые с тех пор, как мой дед принял на себя заботу о нем.

Не дожидаясь рассвета, я вошел внутрь башни и увидел на стене календарь. На нем значился том самый день, когда я отплыл отсюда. На рассвете я спустился из башни, чтобы осмотреть обломки кораблекрушения, но нашел на скалах только мертвую птицу с оперением цвета небесной лазури и одну-единственную расщепленную рею, оказавшуюся белее гребешка волны или снега на горной вершине.

После этого океан не раскрывал мне свои секреты, и хотя много раз в небе бывала полная луна, Белый Корабль с юга не приходил больше никогда.

1916

По ту сторону сна
Перевод Валерии Бернацкой

Интересно, задумывается ли большинство людей над могущественной силой сновидений и над природой порождающего их темного мира? Хотя подавляющее число ночных видений является, возможно, всего лишь бледным и причудливым зеркалом нашей дневной жизни – против чего возражал Фрейд с его наивным символизмом, – однако встречаются изредка не от мира сего случаи, не поддающиеся привычному объяснению. Их волнующее и не оставляющее в покое воздействие позволяет предположить, что мы как бы заглядываем в мир духа – мир, не менее важный, чем наше физическое бытие, но отделенный от него непреодолимым барьером. Из своего опыта знаю: человек, теряющий осознание своей земной сущности, временно переходит в иные, нематериальные сферы, резко отличающиеся от всего известного нам, но после пробуждения сохраняет о них лишь смутные воспоминания. По этим туманным и обрывочным свидетельствам мы можем о многом догадываться, но ничего – доказать. Можно предположить, что бытие, материя и энергия не являются в снах постоянными величинами, какими мы привыкли их считать, точно так же пространство и время значительно отличаются там от наших земных представлений о них. Порой мне кажется, что именно та жизнь является подлинной, а наше суетное существование на земле – явление вторичное или даже мнимое.

Именно от подобных раздумий меня, еще молодого тогда человека, оторвали в один из зимних дней 1900–1901 годов, когда в психиатрическую лечебницу, где я работал, доставили мужчину, чей случай вскорости необычайно заинтересовал меня. Из документов явствовало, что его звали то ли Джо Слейтер, то ли Джо Слайдер, на вид он был типичным жителем Катскиллских гор, то есть одним из тех странных, отталкивающего вида существ – потомков старого земледельческого клана, чья вынужденная почти трехвековая изоляция среди скал, в безлюдной местности способствовала постепенному вырождению, в отличие от более удачливых соплеменников, выбравших для поселения обжитые районы. Это своеобразное племя напоминает тех опустившихся обитателей юга, которых презрительно именуют «белая рвань», им равно незнакомы законы и мораль, а их интеллектуальный уровень самый низкий в стране.

Джо Слейтера доставили в лечебницу четверо полицейских, заверивших меня, что их подопечный весьма опасен, однако при первом осмотре я не заметил в его поведении ничего пугающего. Хотя он был значительно выше среднего роста и, казалось, состоял из одних мускулов, но сонная, выцветшая голубизна его маленьких слезящихся глаз, редкая и неопрятная светлая бороденка, тяжело отвисшая, вялая нижняя губа производили впечатление какой-то особой беззащитности недалекого человека. Каков был его возраст, не знал никто: там, где он жил, свидетельств о рождении не существовало, так же как и прочных семейных уз, но, учитывая плешь на голове и удручающее состояние зубов, главный врач положил ему сорок лет.

Прочитав медицинские и судебные заключения, мы пришли к определенным выводам о болезни этого человека: бродяга и охотник, он всегда казался своим темным сородичам несколько чудаковатым. Он подолгу спал, а пробуждаясь, часто рассказывал о непонятных вещах в манере столь странной, что вызывал страх даже в сердцах лишенных фантазии соплеменников. Необычным был не язык – свой бред он описывал на примитивном местном наречии, – а тон и окраска речи, которые обретали такую таинственную мощь, что никто не оставался безучастным. Сам он бывал потрясен и озадачен не меньше слушателей, но уже через час после пробуждения всё забывал и снова впадал в тупую безучастность, свойственную жителям этого горного района.

Со временем приступы утреннего безумия у Слейтера участились, становясь все исступленней, пока наконец не произошла – приблизительно за месяц до его появления в лечебнице – та жуткая трагедия, которая и вызвала его арест. Однажды около полудня, очнувшись от глубокого сна, в который он впал после изрядной попойки, имевшей место часов в пять предыдущего дня, Слейтер издал такой душераздирающий вопль, что соседи прибежали к нему в хижину – грязный хлев, где он жил со своими родными, наверняка такими же жалкими людишками, как и он сам. Выбежав из хижины прямо на снег, он, воздев руки, старался подпрыгнуть как можно выше, крича при этом, что ему «надо в большую-большую хижину, где сверкают стены, пол и потолок и откуда-то гремит музыка». Двое крепких мужчин пытались держать его, но он яростно вырывался с необъяснимой силой маньяка и продолжал кричать, что ему во что бы то ни стало надо найти и убить «эту штуковину, которая сверкает, трясется и хохочет». Свалив вскоре одного из мужчин неожиданным ударом, он набросился на другого в каком-то кровожадном, демоническом экстазе, истошно вопя, что он «допрыгнет до неба, спалив на своем пути все, что

будет мешать».

Родные и соседи в панике разбежались, а когда самые смелые вернулись, Слейтера уже не было и на снегу темнело нечто бесформенное, что еще час назад было живым человеком.

Никто из горцев не осмелился преследовать убийцу, возможно надеясь, что он замерзнет в горах. Но несколько дней спустя, тоже утром, они услышали доносящиеся из отдаленного ущелья вопли и поняли, что ему удалось выжить. Следовательно, надо было самим расправиться со злодеем. Тут же снарядили вооруженный отряд, передавший вскоре свои полномочия (трудно сказать, какими они им представлялись) случайно встреченным в этих местах полицейским, которые, наткнувшись на отряд и узнав, в чем дело, присоединились к поискам.

На третий день Слейтера обнаружили без сознания в дупле дерева и отвезли в ближайшую тюрьму, где, как только он пришел в себя, его обследовали психиатры из Олбани. Им арестант объяснил все чрезвычайно просто. Однажды, изрядно выпив, он заснул еще до сумерек. Очнувшись, увидел, что стоит с окровавленными руками в снегу перед своим домом, а у его ног – изуродованный труп Питера Слейтера, его соседа. Объятый ужасом, он бросился в лес, не в силах лицезреть то, что могло быть делом его рук. Ничего другого он, по-видимому, не помнил, и даже умело поставленные вопросы специалистов не прояснили сути.

Ту ночь Слейтер провел спокойно и, проснувшись, тоже ничем особенным о себе не заявил, хотя выражение его лица несколько изменилось. Доктору Бернарду, чьим пациентом он стал, показалось, что в светло-голубых глазах появился странный блеск, а обвисшие губы слегка сжались, как бы от некоего принятого решения. Однако на вопросы Слейтер отвечал с прежней безучастностью жителя гор, повторяя то же, что и вчера.

Первый приступ болезни произошел в больнице на третье утро. Сначала Слейтер метался во сне, а затем, проснувшись, впал в такое бешенство, что лишь усилиями четверых санитаров на него удалось надеть смирительную рубашку. Психиатры, чье любопытство было до крайности возбуждено захватывающими при всей их противоречивости и непоследовательности рассказами родных и соседей больного, дружно обратились в слух. В течение четверти часа Слейтер делал отчаянные попытки освободиться, бормоча на своем примитивном диалекте что-то о зеленых, полных света зданиях, о громадных пространствах, странной музыке, призрачных горах и долинах. Но более всего его занимало нечто таинственное и сверкающее, что раскачивалось и хохотало, потешаясь над

ним. Это громадное и непонятное существо, казалось, заставляло Слейтера мучительно страдать, и его сокровенным желанием было свершить кровавый акт возмездия. По его словам, он готов, чтобы убить это существо, лететь через бездны пространства, сжигая всё на своем пути. Слейтер повторял это много раз, а потом вдруг замолк. Огонь безумия потух в его глазах, и вот он уже в тупом недоумении смотрит на врачей, не понимая, почему связан. Доктор Бернард освободил больного от пут, и тот провел на свободе весь день, однако перед сном его убедили надеть смирительную рубашку. Слейтер признавал, что иногда немного чудит, но вот почему – объяснить не мог.

На протяжении недели у Слейтера было еще два приступа, но они мало что нового подсказали докторам. Те ломали голову над подоплекой его видений: читать и писать их подопечный не умел, сказок и легенд тоже, очевидно, не знал. Откуда же брались эти фантастические образы? Их внелитературное происхождение выдавала речь несчастного безумца, остававшаяся во всех случаях крайне примитивной. В бреду он говорил о вещах, которых не понимал и о которых не мог толком рассказать; он переживал нечто такое, о чем никогда ранее слышать не мог. Врачи вскорости сошлись на том, что причиной болезни стали патологические сны пациента, необычайно яркие образы которых и после пробуждения владели разумом этого жалкого существа. Дабы соблюсти необходимые формальности, Слейтер предстал перед судом по обвинению в убийстве, был признан сумасшедшим, оправдан и направлен в лечебницу, где я тогда занимал скромное положение интерна.

Как я уже говорил, меня всегда занимала жизнь человека во сне, отсюда понятно нетерпение, с каким я приступил к осмотру пациента, предварительно ознакомившись со всеми документами. Он, казалось, почувствовал мою симпатию и нескрываемый интерес к нему, оценил и ту мягкость, с которой я его расспрашивал. В дальнейшем он не узнавал меня во время приступов, когда я затаив дыхание внимал его хаотичному рассказу о космических видениях, зато всегда узнавал в спокойные периоды, сидя у зарешеченного окна за плетением корзин и, возможно, тоскуя о навсегда утраченной жизни в горах. Родные его не навещали, они, наверное, нашли другого главу семейства, как это принято у отсталых горных племен.

Постепенно я все более восхищался безумным и фантастическим миром грез Джо Слейтера. Сам он был поразительно убог в интеллектуальном и языковом отношении, однако его ослепительные, грандиозные видения, пусть и переданные на бессвязном варварском

жаргоне, могли зародиться лишь в особом, высшем сознании. Я часто задавал себе вопрос: как могло случиться, что неразвитое воображение дегенерата с Катскиллских гор могло вызвать к жизни картины, отмеченные искрой гения? Как мог неотесанный тупица воссоздать эти блистающие миры, полные божественного сияния и необъятных пространств, о которых Слейтер вещал в безумном бреду? Я всё больше склонялся к мысли, что в жалком человечишке, подобострастно взирающем на меня, таится нечто, выходящее за рамки понимания, как моего, так и моих более опытных, но наделенных скудным воображением коллег.

От самого же больного я не мог узнать ничего определенного. Мне удалось лишь выяснить, что в своем полусне Слейтер бродит, а иногда плавает в неведомых людям пространствах – среди огромных сверкающих долин, лугов, садов, городов, сияющих дворцов. Там он уже был не полудиким выродком, а личностью яркой и значительной, чьи деяния исполнены достоинства и величия. Существование ему омрачал лишь некий смертельный враг, который был не похож на человека и обладал хотя и видимой, но нематериальной структурой. Именно поэтому Слейтер и называл его «штуковиной». Эта «штуковина» причиняла Слейтеру чудовищные, непонятного свойства страдания, за которые наш маньяк (если он таковым все же являлся) порывался отомстить.

Из того, что рассказывал Слейтер, я уяснил, что он и «сверкающая штуковина» обладали равной мощью, что сам он во сне тоже был «сверкающей штуковиной» – словом, принадлежал к той же породе, что и его враг. Эту догадку подтверждали и его частые упоминания о полетах сквозь пространства, когда он сжигал на своем пути все преграды. Эти видения облекались больным в нескладную, совершенно неадекватную форму, что позволило мне прийти к выводу, что в мире его сновидений, если он действительно существовал, общение происходит без помощи слов. Может быть, душа, сопутствуя этому убогому созданию в его снах, изо всех сил пыталась передать ему нечто такое, что не выговаривалось на его примитивном и ограниченном языке? И возможно, я встретился с интеллектуальной эманацией, чью тайну я мог бы раскрыть, если бы нашел способ. Я не поверял свои мысли старым врачам: с возрастом люди становятся скептиками и циниками, с трудом принимая новое. Кроме того, совсем недавно главный врач по-отечески предостерег меня: по его мнению, я слишком много работаю и нуждаюсь в отдыхе.

Я всегда думал, что человеческая мысль в своей основе – поток атомов и молекул, который можно представить в виде либо радиоволн, либо лучевой энергии, подобно теплу, свету и электричеству. Эта идея развилась

в убеждении, что телепатия, или мысленная связь, может осуществляться с помощью соответствующих приборов. Еще в колледже я собрал приемник и передатчик, напоминающие те громоздкие устройства, которые применялись в беспроволочном телеграфе, когда еще не существовало радио. Со своим другом, тоже студентом, я провел ряд ни к чему не приведших опытов, после чего запрятал приборы подальше, вместе с другим учебным хламом, пообещав себе когда-нибудь заняться этим снова.

И вот теперь, охваченный желанием разгадать тайну сна Джо Слейтера, я отыскал эти приборы и провозился с ними несколько дней, готовя для испытаний. Приведя устройство в порядок, я не упускал ни одного случая испробовать его. Как только у Слейтера начинался приступ бешенства, я тут же закреплял передатчик на его голове, а приемник – на своей и, слегка поворачивая рукоятку настройки, пытался отыскать, возможно, существующую волну умственной энергии. Я с трудом представлял себе, в какой форме – в случае успеха – будет усваиваться эта энергия моим мозгом, но не сомневался, что сумею распознать и истолковать ее. Я проводил эти эксперименты, никого не поставив о них в известность.

Это случилось 21 февраля 1901 года. Оглядываясь назад, я отдаю себе отчет в фантастичности случившегося и иногда задумываюсь, не был ли прав доктор Фентон, приписавший мой рассказ игре больного воображения. Помнится, он выслушал его сочувственно и терпеливо, однако тут же дал мне успокоительное и сделал все, чтобы уже на следующей неделе я смог уйти в полугодовой отпуск.

Той роковой ночью я был до крайности возбужден и расстроен, так как стало ясно, что, несмотря на прекрасный уход и лечение, Джо Слейтер умирает. То ли ему недоставало его родных горных просторов, то ли ослабший организм уже не мог справляться с бурями, сотрясавшими его мозг, но, каковы бы ни были истинные причины, огонек жизни еле теплился в его измученном теле. В тот день он всё время дремал, а с наступлением темноты впал в беспокойный сон.

Против обыкновения я не надел на него смирительную рубашку, решив, что он уже слишком слаб и не может представлять опасности, даже если перед смертью переживет еще один приступ помешательства. Однако я все же закрепил на наших головах провода космического «радио», смутно надеясь получить, хоть в эти последние часы, первое и единственное послание из загадочного мира сна. В палате кроме меня был еще санитар, простоватый парень, ничего не смысливший в моем устройстве и не пытавшийся расспрашивать меня о цели моих манипуляций. Часы тянулись

медленно; я заметил, что голова санитара свесилась на грудь, но не будил его. Вскоре я и сам, убаюканный равномерным дыханием здорового человека и умирающего, должно быть, задремал.

Меня разбудили звуки странной музыки. Аккорды, отзвуки, экстатические вихри мелодий неслись отовсюду, а перед моим восхищенным взором открылось захватывающее зрелище неизъяснимой красоты. Стены, колонны, архитравы, как бы наполненные огнем, ослепительно блистали со всех сторон. Я же, находившийся в центре, казалось, парил в воздухе, устремляясь ввысь, к огромному, уходящему в бесконечность своду, великолепие которого я бессилен описать. Рядом с величественными дворцами (а точнее сказать, время от времени вытесняя их в калейдоскопическом вращении) появлялись бескрайние равнины, мирные долины, высокие горы, уютные гроты. Я сам мог прибавлять им очарования: стоило мне подумать о чем-то, что могло украсить их еще больше, и это тут же возникало, вылепляясь по моему желанию из некой сверкающей, легкой и податливой субстанции, в которой равно присутствовали и материя и дух. Созерцая всё это, я быстро осознал, что во всех восхитительных метаморфозах повинен мой мозг: каждый новый, открывающийся передо мной вид был именно таким, каким хотело видеть мое переменчивое сознание. Я не чувствовал себя чужим в этом раю: мне был знаком каждый его уголок, каждый звук, как будто я обитал здесь и буду обитать вечно.

Затем ко мне приблизилась сверкающая аура моего солнечного собрата, и у нас завязался разговор – душа с душой, бессловесный и полный обмен мыслями. Приближается час его триумфа, скоро он отбросит сковывающую его тленную плоть, навсегда освободится от нее и ринется за своим ненавистным врагом в отдаленный уголок Вселенной, где огнем свершит грандиозное возмездие, которое заставит дрожать небесные сферы. Мы парили рядом, но вот я заметил, как вокруг нас начали меркнуть и исчезать предметы, будто некая сила призывала меня на землю, куда мне так не хотелось возвращаться. Существо рядом со мной, казалось, почувствовало это и стало заканчивать беседу, готовясь к расставанию, однако оно удалялось от меня с меньшей скоростью, чем всё остальное. Мы обменялись еще несколькими мыслями, и я узнал, что у нас со сверкающим братом еще будет встреча, но уже в последний раз. Сдерживающая его жалкая оболочка должна вот-вот распасться, меньше чем через час он будет свободен и погонит своего врага через Млечный Путь, мимо ближних звезд к самым границам Вселенной.

Весьма ощутимый толчок отделял последние картины постепенно

затухающего света от моего резкого, сопровождаемого чувством неопределенной вины перехода в состояние бодрствования. Я сидел, выпрямившись на стуле, глядя, как умирающий беспокойно мечется на койке. Джо Слейтер, несомненно, просыпался, хотя, по-видимому, уже в последний раз. Вглядевшись, я заметил, что на его впалых щеках появился отсутствовавший доселе румянец. Плотно сжатые губы тоже выглядели необычно, словно принадлежали человеку с более сильным, чем у Слейтера, характером. Мускулы лица окаменели, глаза были закрыты, но тело конвульсивно сотрясалось.

Я не стал будить санитара, а, напротив, поправив съехавшие наушники телепатического «радио», ждал последних, прощальных сигналов, которые мог передать мне спящий. Тот же внезапно повернул ко мне голову, открыл глаза, и я остолбенел: катскиллский вырожденец Джо Слейтер смотрел на меня не прежними выцветшими глазками, а широко распахнутыми огненными очами. В его взгляде не было ни безумия, ни тупости. Никаких сомнений – на меня глядело существо высшего порядка.

В то же самое время мой мозг начал ощущать настойчивые сигналы извне. Чтобы лучше сосредоточиться, я закрыл глаза и тут же был вознагражден отчетливо уловленной мною мыслью: «Наконец-то мое послание достигло тебя». Теперь каждая посылаемая информация мгновенно усваивалась мною, и, хотя при этом не использовался ни один язык, мой мозг привычно переводил ее на английский.

«Джо Слейтер умер», – произнес леденящий душу голос, пришедший с той стороны сна. За этим, однако, не последовало то, чего я с ужасом ожидал – страданий, мук агонии, – голубые глаза смотрели на меня так же спокойно, выражение лица было таким же одухотворенным.

«Хорошо, что он умер, он не способен быть носителем космического сознания. Его грубая натура не смогла приспособиться к неземному бытию. В нем было больше от животного, чем от человека, однако только благодаря его невежеству ты узнал меня, ибо космическим и планетарным душам лучше не встречаться. Ведь он в течение сорока двух земных лет ежедневно переживал мучительные пытки.

Я – то существо, каким бываешь и ты сам в свободном сне без сновидений. Я – твой солнечный брат, с которым ты парил в сверкающих долинах. Мне запрещено открыть твоему дневному, земному естеству, кем ты являешься в действительности; знай только, что все мы странники, путешествующие через века и пространства. Спустя год я, возможно, попаду в Египет, который вы зовете древним, или в жестокую империю Тцан Чана, чье время придет через три тысячи лет. Мы же с тобой

странствуем в мирах, вращающихся вокруг красной звезды Арктур, пребывая в обличье насекомых-философов, которые горделиво ползают по четвертому спутнику Юпитера. Как мало знает земной человек о жизни и ее пределах! Но больше ему, ради его же спокойствия, и не следует знать.

О моем враге мне нельзя говорить. Вы, на Земле, интуитивно ощущаете его отдаленное присутствие – недаром этот мерцающий маяк Вселенной вы нарекли Алголь, что означает Звезда-Дьявол. Тщетно пытался я вырваться в вечность, чтобы встретиться с соперником и уничтожить его, но мне мешала земная оболочка. Этой же ночью я, подобно Немезиде, свершу праведное возмездие, которое ослепит и потрясет космическое пространство. Ищи меня в небе неподалеку от «дьявольской звезды».

Я не могу больше говорить: тело Джо Слейтера застывает, его грубый мозг перестает мне повиноваться. Ты был моим единственным другом на этой планете, единственным, кто прозрел меня в этой отвратительной оболочке, лежащей сейчас на койке, и стал искать ко мне путь. Мы вновь встретимся – может, это случится в светящейся туманности пояса Ориона, может, на открытых плоскогорьях доисторической Азии, может, сегодня во сне, который ты под утро забудешь, а может, в каких-то новых формах, которые обретет вечность после гибели Солнечной системы».

На этом импульсы прекратились, а взгляд светлых глаз спящего – или, точнее сказать, мертвеца? – потух. Еще не придя в себя от изумления, я подошел к постели больного и взял его руку – она была холодна и безжизненна, пульс отсутствовал. Впалые щеки вновь побледнели, рот приоткрылся, обнажив омерзительные гнилые клыки дегенерата Джо Слейтера. Я поежился, натянул одеяло на уродливое лицо и разбудил санитара. После чего ушел из палаты и молча направился в свою комнату, почувствовав внезапную и неодолимую потребность забыться и видеть сны, которые не смогу вспомнить.

А кульминация? Но разве можно требовать от простого изложения событий, представляющих научный интерес, художественной завершенности? Я просто записал некоторые вещи, показавшиеся мне любопытными, вы же можете толковать их по-своему. Как я уже упоминал, мой шеф, старый доктор Фентон, не верит ничему из рассказанного мною. Он убежден, что у меня было сильнейшее нервное переутомление и что я срочно нуждаюсь в длительном оплаченном отпуске, каковой он мне великодушно предоставил. Исходя из своего профессионального опыта, доктор уверяет меня, что у Джо Слейтера был параноидальный синдром, а его фантастические рассказы почерпнуты из народных преданий,

существующих даже у самых отсталых сообществ. Что бы он ни говорил, я не могу забыть того, что увидел на небе в ночь после смерти Слейтера. Если вы считаете меня сомнительным свидетелем, то окончательное заключение пусть выведет другое перо, что, возможно, и станет желаемой кульминацией. Позволю себе привести следующее описание звезды *Nova Persei*, сделанное знаменитым астрономом Гарретом П. Сервиссом: «22 февраля 1901 года доктор Андерсон из Эдинбурга открыл новую удивительную звезду неподалеку от Алголя. Ранее на этом месте ее не наблюдали. Через 24 часа незнакомка разгорелась настолько, что по своей яркости превзошла Капеллу. Спустя неделю-другую она потускнела, однако на протяжении еще нескольких месяцев ее можно было, хоть и с трудом, различить невооруженным глазом».

1919

Показания Рэндольфа Картера
Перевод Олега Колесникова

Повторяю вам, джентльмены: дознание, которое вы проводите, не даст никакого результата. Хоть целую вечность удерживайте меня здесь, заточите в темницу, казните меня – если считаете нужным принести жертву мнимому божеству, что зовется «правосудием», – ничего нового вы от меня не услышите. Я рассказал все, что помню, поведал как на духу, ничего не скрывая и не искажая, а если что осталось непроясненным – виной тому мгла, застилавшая мой рассудок, и непостижимая природа тех ужасов, что ее вызвали.

Повторяю: я не знаю, что случилось с Харли Уорреном, хотя думаю – по крайней мере, надеюсь, – что он пребывает в безмятежном забытьи, если, конечно, столь благословенная вещь вообще существует. Истинно то, что на протяжении пяти лет я был его ближайшим другом и верным спутником в опаснейших изысканиях в области неизведанного. Не стану также отрицать – особенно потому, что моя собственная память стала слаба, – что человек, который свидетельствовал здесь, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь в половине двенадцатого на Гейнсвильском пике, направляющихся, по его словам, в сторону Большой кипарисовой топи. То, что мы несли электрические фонари, лопаты и моток провода, соединяющий какие-то аппараты, я готов подтвердить и под присягой, ибо эти предметы играли важную роль в той чудовищной истории, разрозненные фрагменты которой глубоко врезались мне в память, как бы та ни была слаба и ненадежна. Но о том, что произошло впоследствии и почему меня обнаружили наутро на краю болота одного и в невменяемом состоянии, – я не способен поведать ничего помимо того, что уже устал вам повторять. Вы утверждаете, что ни на болоте, ни где-либо рядом нет места, подходящего под описанный мною кошмарный эпизод. Я повторяю, что только описываю увиденное собственными глазами. Было это видением или бредом – о, я надеюсь, что видением или бредом! – не знаю, но это все, что сохранилось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы пребывали исключительно друг с другом, вдали от прочих людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, способен ответить только он сам, или его тень, или та сущность, для которой у меня нет названия и которую я не в силах описать.

Я не скрывал, что не только был в курсе того, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и отчасти принимал в них участие. Я прочитал все книги из его обширной коллекции старинных раритетов на запретные темы, что написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, оказалось меньшинство по сравнению с фолиантами, исписанными абсолютно непонятными мне значками. Большая часть из них, насколько я могу судить, были арабскими, но та вдохновленная нечистой силой книга, что привела к чудовищной развязке – он унес ее с собой в кармане, – была написана знаками, подобных которым я нигде и никогда не встречал. Уоррен же ни за что не соглашался открыть мне, о чем она. Что же касается характера наших штудий – могу лишь повторить, что теперь уже не вполне это представляю. И, говоря откровенно, даже рад своей забывчивости, потому что в целом они были жутковаты, и я принимал участие скорее с деланным энтузиазмом, нежели с искренним интересом. Уоррену всегда удавалось помыкать мною, и я его отчасти даже побаивался. Помню, мне стало не по себе от выражения его лица накануне этого ужасного происшествия, когда он увлеченно излагал мне свои соображения относительно того, почему некоторые трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в могилах, неподвластные тлену. Но теперь я не боюсь его; сам он, похоже, столкнулся с такими ужасами, по сравнению с которыми мой страх ничто. Теперь я боюсь за него.

Повторяю снова, что не имею внятного представления о наших намерениях той ночью. Несомненно лишь, что это было тесным образом связано с книгой, которую Уоррен захватил с собой, – упомянутой уже древней книгой, написанной непонятным алфавитом, полученной им по почте из Индии месяц назад, – но, клянусь, я не знаю, что именно мы предполагали найти. Свидетель утверждает, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвильском пике направляющимися в сторону Большой кипарисовой топи. Возможно, так оно и было, но в памяти у меня все расплывчато. Врезалась мне в душу и опалила ее сцена, явно имевшая место значительно позже; полагаю, было уже далеко за полночь, поскольку серп луны застыл высоко в мглистых небесах.

Окружало нас старое кладбище, настолько древнее, что я испытывал трепет, глядя на многочисленные приметы глубокой старины. Располагалось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, редкой травой и причудливо стелющимися сорняками. Неприятный запах в этой лощине в моем воображении абсурдным образом вязался с гниющим камнем. Нас окружали дряхлость и запустение, и меня не покидала мысль, что за многие века мы с Уорреном – первые живые существа, нарушившие

безмятежность здешних могил. Бледная ущербная луна тускло проглядывала над краем ложбины сквозь нездоровые испарения, струившиеся, казалось, из каких-то невидимых катакомб, и в ее слабом свете я различал зловещие очертания древних плит, урн, кенотафов и фасадов мавзолеев; все это было разрушающимся, поросшим мхом, потемневшим от времени и наполовину скрытым в буйно разросшейся вредоносной растительности.

Мое первое яркое впечатление от этого чудовищного некрополя: мы с Уорреном остановились возле какой-то древнего вида гробницы и скинули на землю то, что принесли с собой. Возле меня лежали две лопаты и электрический фонарь, а возле моего спутника – точно такой же фонарь и переносные телефонные аппараты. Мы не проронили ни слова – и место, и наша цель были нам, похоже, хорошо известны – и, не теряя времени, взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипшую землю с древнего плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, составленную из трех тяжелых гранитных плит, мы чуть отошли назад, посмотреть со стороны на представшую нам картину, а Уоррен, похоже, делал в уме какие-то прикидки. Вернувшись к гробнице, он, орудуя лопатой как рычагом, попытался приподнять плиту, ближайшую к груде камней, которая, должно быть, в свое время представляла собой памятник. Не преуспев в этом, он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями мы расшатали каменный блок, приподняли его и поставить на торец.

На месте удаленной плиты зиял черный провал, из которого хлынули настолько тошнотворные миазмы, что мы в ужасе отпрянули. Спустя некоторое время, когда испарения стали менее густыми, мы снова приблизились к яме. Наши фонари осветили верхние ступени, сочащиеся какой-то мерзкой подземной сукровицей, каменной лестницы, ограниченной по сторонам влажными стенами с налетом селитры. Именно тогда прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова – их произнес Уоррен, обращаясь ко мне, и голос его, несмотря на кошмарную обстановку, был таким же спокойным, как всегда.

– К великому сожалению, – сказал он, – вынужден просить тебя оставаться здесь, наверху. Было бы преступлением с моей стороны позволить человеку с таким слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда. Ты не можешь даже вообразить, несмотря на все прочитанное и услышанное от меня, что суждено увидеть и совершить мне. Это дьявольская миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы, после всего того, что предстоит мне увидеть внизу, вернуться в наш мир

живым и в здравом уме. Не хочу обидеть тебя и, видит Бог, я рад, что сейчас ты со мной, но вся ответственность за предстоящее в некотором роде лежит на мне, а я не считаю себя вправе приводить такой сгусток нервов, как ты, к порогу возможной смерти или безумия. Твоему воображению недоступно то, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя в известность по телефону о каждом своем движении, а провода, как видишь, у нас хватит до центра Земли и обратно.

Эти бесстрастно произнесенные слова все еще звучат у меня в ушах, и я хорошо помню свои протесты. Я отчаянно упрашивал его взять меня с собой в глубины гробницы, но он оставался неумолимым и даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать. Именно эта угроза и подействовала, ибо лишь у него был ключ к тайне. Этот момент я хорошо помню, а вот чего ради мы туда прибыли – сказать теперь не могу. Добившись от меня безусловного согласия во всем слушаться его, Уоррен поднял с земли провод и подключил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый заплесневелый камень рядом с проходом в гробницу. Уоррен пожал мне руку, накинул моток провода на плечо и начал спускаться в недра мрачного склепа.

С минуту мне были видны отсветы его фонаря и слышно шуршание скидываемого витками с плеча провода, но потом свет резко исчез, будто лестница сделала резкий поворот, и почти тут же стихли и звуки. Я остался в одиночестве, хотя и со связью с неведомыми безднами через волшебную нить, изоляция которой зеленовато отсвечивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело светил фонарем на циферблат часов и с лихорадочным беспокойством прижимал ухо к телефонной трубке, однако на протяжении четверти часа так и не услышал ни звука. Потом в трубке раздался слабый треск, и я в тревоге выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на терзающие меня предчувствия, я оказался никак не готов услышать те слова, что устройство донесло до меня из глубин чертова склепа, произнесенные таким встревоженным, дрожащим голосом, что я не сразу опознал Харли Уоррена. Еще совсем недавно такой невозмутимый и бесстрастный, теперь он говорил шепотом, звучащим страшнее, чем душераздирающий вопль:

– Боже! Если бы ты только мог видеть то, что вижу я!

Я не смог вымолвить ни слова. Только безмолвно ждал. Затем испуганный шепот продолжил:

– Картер, это ужасно… чудовищно… невообразимо!

Наконец я смог совладать со своим голосом и разразился потоком

полных тревоги вопросов. Вне себя от ужаса я повторял снова и снова:

– Уоррен, что там? Что там?

Я вновь услышал голос друга – искаженный страхом голос, в котором были отчетливо слышны нотки отчаяния:

– Я не могу сказать тебе, Картер! Это выше всякого понимания… я не должен говорить тебе… никакой человек не способен выжить, узнав об этом! Великий Господь! Я ожидал чего угодно, но только не такого!

В трубке установилось молчание, несмотря на бессвязный поток вопросов с моей стороны. Потом опять прозвучал голос Уоррена – похоже, на высшей ступени уже не сдерживаемого ужаса:

– Картер, во имя любви к Господу, верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорее! Сделай так и убегай скорее – это твой единственный шанс на спасение! Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал это и тем не менее продолжал испуганно повторять вопросы. Вокруг меня были могилы, тьма и тени; внизу подо мной – ужас, недоступный человеческому пониманию. Но мой друг пребывал в еще большей опасности, чем я, и, несмотря на испуг, мне было обидно, что он полагает меня способным бросить его в таких обстоятельствах. В трубке прозвучали еще несколько щелчков, а затем отчаянный вопль Уоррена:

– Уматывай скорее! Ради бога, столкни плиту на место и уматывай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустился до просторечных выражений, свидетельствовало о крайней степени его потрясения, и это оказалось последней каплей. Приняв вдруг решение, я прокричал:

– Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

На эти слова трубка откликнулась воплем, в котором сквозило уже полное отчаяние:

– Не делай этого! Ты не понимаешь!.. Уже слишком поздно… И лишь я один виноват! Столкни плиту и беги – мне уже никто не поможет!

Тон Уоррена опять изменился – сделался мягче, в нем стала слышна горечь безнадеги, но при этом ясно звучала тревога за мою судьбу.

– Скорее, а то будет поздно!

Я пытался не слишком вслушиваться в его увещевания, стараясь стряхнуть сковавший меня паралич и броситься ему на помощь. Но когда он обратился ко мне в очередной раз, я все еще сидел без движения, скованный леденящим ужасом.

– Картер, торопись! Не теряй времени! Все бесполезно… тебе нужно уходить… лучше я один, чем мы оба… плиту…

Пауза, щелчки и вслед за тем слабый голос Уоррена:

– Почти все кончено… не продлевай этого… завали вход на чертову лестницу и беги со всех ног… ты зря теряешь время… прощай, Картер… прощай навсегда…

Внезапно Уоррен перешел с шепота на крик, переходящий в вопль, исполненный тысячелетнего ужаса:

– Будь они прокляты, эти исчадия ада!.. их здесь легионы!.. Господи!.. Беги! Беги! БЕГИ!

После этого наступила тишина. Бог знает сколько тысячелетий я просидел ошеломленный, бормоча, взывая и выкрикивая в телефонную трубку. Уходило тысячелетие за тысячелетием, а я все сидел и шептал, звал, кричал и вопил:

– Уоррен! Уоррен! Ответь мне – ты все еще здесь?

А потом на меня обрушился ужас, явившийся апофеозом всего происшедшего – немыслимый, невообразимый и почти необъяснимый. Я уже сказал, что, казалось, многие тысячелетия миновали с тех пор, как Уоррен выкрикнул последнее отчаянное предупреждение, и с тех пор лишь мои крики нарушали гробовую тишину. Однако спустя все это время в трубке снова раздались щелчки, и я весь обратился в слух.

– Уоррен, ты здесь? – снова позвал я, но в ответ мой рассудок накрыло беспроглядной мглой. Я даже не пытаюсь дать себе отчет о том, что именно имею в виду, джентльмены, и не решаюсь как-то описать это, ибо первые же услышанные мною слова лишили меня чувств и привели к тому провалу в памяти, что продолжается вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Имеет ли смысл говорить о том, что голос казался низким, вязким, глухим, отдаленным, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Что еще могу я рассказать? На этом заканчиваются мои воспоминания, и далее я не способен поведать ничего. Услышав этот голос, донесшийся из глубин зияющего спуска в склеп, я впал в беспамятство – на неведомом кладбище в глубокой сырой лощине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, где все оплетено растениями и пропитано зловонными испарениями – и сидел, оцепенело наблюдая за пляской под бледной ущербной луной бесформенных, питающихся трупами теней.

А произнес он вот что:

– Идиот! Уоррен МЕРТВ!

1920

Кошки Ултара
Перевод Валерии Бернацкой

Рассказывают, что в городке Ултар, лежащем за рекой Скай, запрещено убивать кошек. И, глядя на кота, который мурлыча греется у камелька, я думаю, что это мудрое решение. Ведь кот – загадочнейшее существо, он посвящен в сокрытые от человека тайны. Он – душа Древнего Египта и единственный свидетель существования давно забытых городов: Мероэ[1] и Офира[2]. Он – родственник властелина джунглей и посвящен в тайны древней и загадочной Африки. Сфинкс – его кузен, они говорят на одном языке, но все же кот старше сфинкса и помнит такое, о чем тот давно позабыл.

В Ултаре еще до выхода указа, запрещающего убивать кошек, жил старик крестьянин с женой, и ничто им не было так любо, как изловить и погубить соседскую кошку. Трудно сказать, зачем они это делали, разве что были из тех, кто не выносит кошачьи вопли по ночам, кого передергивает при мысли, что кошки крадучись бродят в полночь по дворам и садам. Так или иначе, старики с удовольствием заманивали в западню и убивали каждую кошку, имевшую несчастье приблизиться к их жилищу, а по разносившимся ночью воплям соседи догадывались, что конец животных был ужасен. И все же никто не заговаривал об этом со стариками – слишком уж невозмутимое выражение хранили они на своих лицах, да и жили на отшибе, в маленькой хибарке под развесистыми дубами. А если уж говорить начистоту, то хотя кошачьи хозяева и ненавидели эту парочку, но еще больше боялись и, вместо того, чтобы как следует проучить жестоких убийц, старались следить, чтобы их любимцы не бродили поблизости от уединенной хижины под густыми деревьями и не ловили там мышек. Когда все же случалось непоправимое и кошка пропадала, владелец, слыша после наступления темноты вопли несчастной твари, бессильно плакал или же возносил хвалу Богу за то, что такая судьба не постигла его ребенка. Ведь жители Ултара были простыми людьми и не знали всю славную родословную кошек.

И вот однажды диковинный караван с юга вступил на узкие, мощенные булыжником улицы Ултара. Темнокожие путешественники отличались от обычного бродячего люда, что проходил через деревню дважды в год. На рынке они предсказывали за деньги судьбу и покупали

яркие бусы. Никто не знал, откуда родом эти странники, но молились они как-то чудно, да и повозки их украшали странные фигуры с человеческим торсом и с головами кошек, соколов, баранов и львов. А голову предводителя каравана венчал двурогий убор с загадочным диском посередине.

Ехал с этим удивительным караваном маленький мальчик; не было у него ни отца, ни матери, а был только крошечный черный котенок, которого он очень любил. Жестокая судьба подарила мальчику это маленькое пушистое существо, дабы смягчить боль всех утрат: когда ты юн, взирать на резвые шалости своего черного дружка – большая утеха. И поэтому мальчик, которого темнокожие люди называли Менесом, играя с грациозным котенком в углу диковинно разукрашенной повозки, смеялся чаще, чем плакал.

На третье утро пребывания каравана в Ултаре котенок исчез. Менес горько рыдал, и тут кто-то из жителей рассказал ему о старике и его жене и о том, что сегодня ночью из их хижины опять доносились страшные звуки. Услышав это, мальчик перестал рыдать и призадумался, а потом стал молиться. Он простер руки к солнцу со словами молитвы на незнакомом языке. Впрочем, жители городка и не пытались разобрать слова молитвы, их взоры устремились к облакам, которые стали принимать удивительные очертания. Странно, но с каждым словом мальчика на небе возникали неясные, призрачные фигуры экзотических существ, увенчанных короной с двумя рогами и диском посередине. Природа часто дарит людям с воображением удивительные картины.

Той же ночью странники покинули Ултар, и никто их больше не видел. Одновременно в городке исчезли все кошки, что привело в отчаяние их хозяев. Никто больше не мурлыкал у камелька – пропали большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. Старый бургомистр Кренон был уверен, что это темнолицые люди увели с собой кошек, чтобы отомстить за котенка Менеса, и громко проклинал и караван, и самого мальчика. Но по мнению тощего нотариуса Нита, здесь скорее замешаны старый крестьянин и его жена: их ненависть к кошкам с течением времени, казалось, лишь возрастала. И все же никто не осмелился открыто расспросить о случившемся зловещую чету, хотя маленький Атал, сын хозяина гостиницы, клялся, что видел собственными глазами, как в сумерках все кошки Ултара, медленно и торжественно выступая по двое, словно совершая неведомый ритуал, постепенно окружили проклятый дом под деревьями. Жители сомневались, можно ли верить такому малышу, и хотя подозревали, что старые злыдни замучили животных до смерти, все же

предпочли не связываться с ними, пока не встретят старика где-нибудь подальше от его чертова подворья.

Наконец весь Ултар, мучась от бессильной злобы, забылся тяжелым сном, а утром, когда проснулись, – ба! – все кошки снова грелись у печурок. Все были на своих местах – большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. Они вернулись домой, отяжелевшие и лоснящиеся, и громко мурлыкали от удовольствия. Удивленные горожане, толкуя о случившемся, не знали, что и думать. Старый Кренон твердил свое: это-де темнолицые увели животных, от старика и его жены кошки живыми бы не вернулись. Но удивительнее всего, по общему мнению, было то, что блюдца с молоком и кусочки мяса стояли нетронутыми. Кошки Ултара не притрагивались к пище целых два дня, а только дремали у печки или грелись на солнышке.

Лишь неделю спустя горожане заметили, что по вечерам в окнах дома под дубами не загорается свет. И тогда тощий Нит напомнил им, что с того дня, как пропали кошки, никто не видел старых злыдней. Еще через неделю бургомистр переборол страх и постучал в дверь жилища, исполняя свою обязанность служителя власти, но из дома не донеслось ни звука. Впрочем, бургомистр не забыл захватить с собой кузнеца Шенга и резчика по камню Тула. Когда же они, взломав ветхую дверь, проникли внутрь, то увидели только два дочиста объеденных скелета да ползающих в темных углах тараканов.

Среди жителей Ултара было много всяких толков. Следователь Зат обсудил происшествие во всех подробностях с тощим нотариусом Нитом, а потом засыпал расспросами Кренона, Шенга и Тула. Затем все вместе еще раз с пристрастием допросили маленького Атала, сына хозяина гостиницы, дав ему в награду леденец. А после этого долго судили да рядили о старике крестьянине и его жене.

И в конце концов бургомистр издал памятный указ, о котором рассказывают торговцы в Хатеге и путешественники в Нире, а именно: «Никто в Ултаре не смеет убить кошку».

1920

Полярная звезда
Перевод Олега Колесникова

В мое северное окно жутковато светит Полярная звезда. Сияет долгими адскими часами непроницаемой темноты. И когда на календаре осень и ветры с севера завывают и проклинают все подряд, а в короткие утренние часы под убывающим месяцем красноватые кроны деревьев на болоте перешептываются друг с другом, я сижу возле окна и наблюдаю за этой звездой. Проходят часы, и Кассиопея соскальзывает вниз, тогда как Большая Медведица выползает из-за пропитанных болотными испарениями деревьев, покачиваемых ночным ветром. Перед самым рассветом Арктур красновато мигает над расположенным на возвышении кладбищем, а Волосы Вероники загадочно подмигивают с таинственного востока, но Полярная звезда продолжает злобно светить на том же самом месте на черном своде, мерзко помигивая, как вперившийся болезненный взгляд силящегося передать какое-то загадочное сообщение, однако неспособного вспомнить ничего, помимо лишь того факта, что когда-то обладал этим известием. Иногда, когда на небе пасмурно, мне удается заснуть.

Я хорошо помню ночь большого северного сияния, когда над болотом поигрывал ужасающими вспышками дьявольский огонь. Только когда его закрыли облака, мне удалось заснуть.

Под убывающим месяцем я впервые увидел город. Он лежал, тихий и сонный, на странном плато высоко в горах между двумя странными пиками. Стены и башни его были из мертвенно-бледного мрамора, как и его колонны, купола и мостовые. На мраморных улицах возвышались мраморные столпы, на верхней части которых были вытесаны лица суровых бородатых мужей. Воздух был теплым и неподвижным. И над всем этим, всего в десяти градусах от зенита, сияла эта стерегущая Полярная звезда. Я долго рассматривал город, но день все не наступал. Когда красный Альдебаран, мерцающий низко над горизонтом, но никогда не заходящий, прополз четверть своего круга, я заметил огни и движение в домах и на улицах. Обитатели, одетые странно, но в то же время благородные и знакомые мне, прогуливались и говорили под убывающим месяцем мудрые слова на языке, который оказался мне вполне понятен, хотя и не был похож ни на какой из известных мне языков. И когда красный

Альдебаран совершил еще чуть более половины своего кругового пути, снова установились темнота и молчание.

Пробудившись, я оказался уже не тем, кем был раньше. Над моей памятью тяготело видение города, а в душе вставало другое смутное воспоминание, в природе которого я тогда не был уверен. После этого в те ночи, когда было облачно и я мог спать, я зачастую видел город; иногда его согревали желтые горячие лучи солнца, которое не закатывалось, а описывало круг низко над горизонтом. А в ясные ночи Полярная звезда глядела так злобно, как никогда раньше.

Со временем я стал задумываться: какова моя роль в этом городе на странном горном плато между странными пиками? Сначала я довольствовался наблюдением за его жизнью в качестве вездесущего бестелесного зрителя, но затем у меня возникло желание определить свое отношение к ней и высказывать свои мысли тем суровым людям, которые каждый день вели беседы на общественных площадях. Я сказал себе: «Это не сон, ибо чем я могу доказать, что более реальна та, другая жизнь в доме из камня и кирпича к югу от мрачного болота и кладбища на пригорке, где каждую ночь в мое северное окно заглядывает Полярная звезда?»

Однажды ночью, слушая ораторов на большой площади, где стояло множество статуй, я ощутил в себе перемену и внезапно понял, что перестал быть призраком и обрел материальную форму. Я больше не был чужеземцем на улицах Олатое, города, расположенного на плато Саркиа между пиками Нотон и Кадифонек. В этот момент говорил мой друг Алос, и речь его радовала мою душу, ибо это была речь настоящего мужа и патриота. Этой ночью поступило известие о падении Дайкоса и наступлении инутов, злобных желтокожих карликов, появившихся пять лет назад откуда-то с запада, опустошавших приграничные области нашего королевства и осаждавших многие наши города. Захватив укрепления у подножия гор, они могли теперь вторгнуться на плато, пусть даже каждый гражданин будет сражаться с ними за десятерых. Эти коренастые негодяи были сильны в военном искусстве и не придерживались понятий чести, которые удерживали наших рослых сероглазых ломарцев от завоевательных походов.

Алос, мой друг, был командующим всех сил плато и нашей последней надеждой. Спокойно и уверенно он говорил о нависшей над нами угрозе и призывал жителей Олатое, храбрейших из ломарцев, вспомнить славные традиции предков, которые, когда им пришлось двинуться на юг из Зобны, отступая от надвигающегося ледника (когда-нибудь и нашим потомкам придется отступать от него же с земель Ломара), доблестно разгромили

волосатых длиннорукиx каннибалов гнопкехов, преграждавших им путь. Мне Алос не позволил участвовать в боях, потому что я был слабым и подвержен непонятным обморокам при физических и нервных нагрузках. Но мои глаза считались горожанами самыми зоркими, поскольку я ежедневно долгие часы изучал Пнакотические рукописи и премудрость Зобнийских Отцов, поэтому мой друг, не желая моей бесполезной гибели в схватке, оказал мне великую честь, доверив один из важнейших постов. Он отправил меня на сторожевую башню Тапнен, где я должен был послужить глазами его армии. Если инуты попытаются пробраться к цитадели по узкому проходу, огибающему пик Нотон, чтобы захватить гарнизон врасплох, мне следовало огнем подать сигнал, предупредить воинов и спасти город от такой угрозы.

Я в одиночестве отправился на башню, потому что все крепкие телом люди были нужны для обороны горных проходов. Мой мозг был болезненно возбужден и сильно утомлен, ибо я не спал несколько суток, но намерения мои были твердыми, поскольку я любил свою родную страну Ломар и мраморный город Олатое, лежащий между пиками Нотон и Кадифонек.

Но когда я оказался на самом верхнем этаже башни, то увидел серп убывающего месяца, красный и зловещий, мерцающий сквозь дымку испарений над далекой впадиной Баноф. А через окошко в кровле смотрела бледная Полярная звезда, подрагивающая, словно живая, и глядящая искоса, словно недруг и искуситель. Мне показалось, что душа ее вкрадчиво нашептывает, убаюкивая меня и внушая предательскую дремоту отвратительным рифмованным обещанием, повторяемым снова и снова:

Дремлешь, наблюдатель, до поры,
Шесть и двадцать тысяч лет минует,
И тогда вернешься в тот же круг,
Где горят в очаяньи миры.
Звезды светят яростно, в злобе,
Притупляя боль, суля забвенье,
Но едва забудешь опасенья —
Постучится прошлое к тебе.

Тщетно я боролся с овладевающей мной дремотой, пытаясь сопоставить как-то эти странные слова со знаниями, почерпнутыми из Пнакотических рукописей. Моя голова отяжелела и, покачиваясь,

склонилась на грудь, а когда я снова поднял взгляд, уже во сне, из окна на меня злорадно смотрела Полярная звезда над зловеще покачивающимися деревьями на спящем болоте. И мне не удалось проснуться.

Охваченный стыдом и отчаянием, я кричал время от времени, умоляя снящихся мне существ разбудить меня, потому что инуты могут прокрасться через проход, огибающий пик Нотон, и захватить цитадель врасплох, но эти существа, демоны, смеялись надо мною и говорили, что я брежу. Они насмехались надо мною, спящим, а коренастые желтокожие враги уже, наверное, молчаливо подбирались к оборонявшимся. Я не справился со своим заданием и предал мраморный город Олатое. Я не оправдал надежды Алоса, моего друга и командира. Но призраки из моего сна по-прежнему смеются надо мной. Они говорят, что страна Ломар существует только в моих видениях; что в тех краях, где Полярная звезда стоит высоко, а красный Альдебаран крадется вдоль горизонта, уже давно, тысячи лет, нет ничего, кроме снега и льда, и обитают только низкорослые желтокожие туземцы, прозябающие в этом холодном крае и называемые эскимосами.

Терзаемый чувством вины, отчаянно пытаясь спасти город, отвести от него угрозу, я безуспешно старался пробудиться от этого чудовищного сна, в котором я пребываю в доме из камня и кирпича к югу от мрачного болота и кладбища на пригорке, где каждую ночь в мое северное окно заглядывает Полярная звезда, злобная и чудовищная, посматривает с черного небосвода, издевательски подмигивая, как уставившийся глаз сумасшедшего, силящегося передать какую-то весть, но неспособного вспомнить ничего, кроме того, что когда-то знал какое-то известие.

1920

Дерево
Перевод Юрия Соколова

Многие годы назад, когда вилла на склоне холма еще сверкала новым великолепием, в ней обитали два скульптора – Калос и Музидес. Красоту их работ превозносили от Лидии до Неаполя, и никто не посмел бы сказать, что мастерство одного из них превосходит мастерство другого. Изваянный Калосом Гермес стоял во мраморном святилище в Коринфе, а Паллада Музидеса венчала собой столп в Афинах неподалеку от Парфенона. Все люди почитали Калоса и Музидеса и дивились тому, что никакая тень артистического соперничества не омрачает теплоту их братской дружбы.

Однако, хотя Калос и Музидес пребывали в нерушимой гармонии, по природе своей они были людьми различными. В то время как Музидес бражничал ночами посреди городских увеселений Тегеи, Калос оставался дома, ускользнув от внимания своих рабов в какой-нибудь из прохладных уголков масличной рощи. Там размышлял он над видениями, наполнявшими его разум, и обдумывал очертания той красоты, которая впоследствии сделалась бессмертной в дыхании мрамора. Впрочем, праздные люди говорили, что Калос общается с духами рощи и созданные им статуи всего лишь изображают явившихся ему там фавнов и дриад, ибо он не пользовался в своей работе услугами живых натурщиков.

Столь знаменитыми были Калос и Музидес, что никто не удивился, когда Тиран Сиракуз прислал к ним своих людей, чтобы обсудить многоценную статую Тюхе[3], которую он намеревался поставить в своем городе. Огромной и хитроумно сделанной должна была быть она, ибо изваянию этому надлежало стать чудом для соседних народов и объектом интереса путешественников. Высокими помыслами надлежало обладать тому, чья работа могла бы заслужить одобрение, и Калос и Музидес получили приглашение побороться за эту честь. О братской любви их было известно повсюду, и хитроумный Тиран полагал, что оба не станут скрывать друг от друга своих работ, предлагая совет и помощь; и взаимная щедрость эта послужит созданию двух образцов небывалой доселе красоты, самый чарующий из которых затмит даже мечты поэтов.

Скульпторы с радостью приняли предложение Тирана, и в последовавшие дни рабы их слышали только непрекращающийся перестук молотков. Друг от друга Калос и Музидес не скрывали своих работ, однако

другим не показывали. Никакие другие глаза, кроме их собственных, не лицезрели два божественных изваяния, под искусными руками высвобождавшихся из грубых камней, заточавших их в себе от начала мира.

По ночам, как и прежде, Музидес посещал пиршественные залы Тегеи, в то время как Калос бродил в одиночестве по оливковой роще. И все же с течением времени люди заметили, что веселье оставляет прежде искрившегося им Музидеса. Странно, говорили они между собой, что такое уныние может охватить человека, только что получившего столь великий шанс заслужить высочайшую награду своему мастерству. Много месяцев миновало, однако на кислом лице Музидеса никак не обнаруживалось то напряженное ожидание, которого вроде бы требовала ситуация.

А потом однажды Музидес сообщил, что Калос болен, после чего никто уже не удивлялся его печали, ибо все знали, что дружеская привязанность скульптора свята и глубока. Многие теперь отправлялись повидать Калоса и в самом деле замечали бледность лица его; однако теперь Калоса окутывала блаженная ясность, делавшая взгляд его еще более волшебным, чем взор Музидеса, явно отвлеченного тревогой и отодвинувшего прочь всех рабов, чтобы лично ухаживать за своим другом и кормить его из собственных рук. А за плотными занавесками в забвении пребывали две незаконченные каменные фигуры Тюхэ, к которым почти не прикасались в последнее время резцы больного и его верного служителя.

Необъяснимым образом теряя и теряя силы вопреки стараниям озадаченных врачей и своего усердного друга, Калос часто выражал желание, чтобы его отнесли в любимую масличную рощу. Там он просил, чтобы его оставили одного, словно бы желая поговорить с тварями незримыми. Музидес всегда исполнял его просьбы, хотя глаза его наполнялись заметными всем слезами при мысли о том, что Калос более интересуется фавнами и дриадами, чем своим другом. Наконец смерть подошла совсем близко, и Калос принялся говорить о предметах, лежащих за гранью сей жизни. Музидес, рыдая, пообещал другу воздвигнуть ему гробницу, много более красивую, чем склеп Мавзола; однако Калос воспретил ему даже вспоминать о мраморном великолепии. Только одно желание преследовало теперь умирающего: чтобы веточки нескольких маслин из рощи поместили в месте его упокоения – возле головы. И вот однажды ночью, пребывая в одиночестве во мраке масличной рощи, Калос скончался. Прекрасной, выше всякого описания, была мраморная гробница, которую исполненный горя Музидес высек из камня для своего любимого друга. Никто другой, кроме самого Калоса, не смог бы создать подобные

барельефы, изображавшие Элизий во всем великолепии. Не позабыл Музидес и поместить взятые из рощи веточки олив возле головы Калоса.

Когда острота горя оставила Музидеса и сменилась смирением перед судьбой, он принялся усердно работать над своим изваянием Тюхе. Все почести теперь заранее принадлежали ему, поскольку сиракузский Тиран не желал иметь дело с каким-либо другим скульптором, кроме него или Калоса. Работа предоставила свободный выход его чувствам, и Музидес ни на день не оставлял ее и усердно трудился, забросив развлечения, которыми прежде так наслаждался.

Тем временем он проводил свои вечера возле надгробия друга, из-под которого, у головы спящего, пробилась юная маслина. Так быстро росло это деревце и столь странными оказались его очертания, что всякий побывавший у гроба дивился им, восклицая; а Музидес как будто бы одновременно восторгался и испытывал отвращение.

Через три года после смерти Калоса Музидес отправил к Тирану вестника, и на Тегейской агоре начали шептать, что великое изваяние завершено. К этому времени дерево у гробницы приобрело удивительные пропорции, превосходя все прочие деревья своего рода, а особенно тяжелая ветвь протянулась над помещением, в котором работал Музидес. Многие приходили, чтобы полюбоваться великолепным деревом и восхититься искусством скульптора, так что он редко оставался в одиночестве.

Однако множество гостей не смущало его; напротив, он как бы опасался оставаться один, теперь, после того как была завершена целиком поглотившая его работа. Нудный горный ветер, вздыхавший в масличной роще и в ветвях выросшего на могиле древа, странным образом производил едва ли не осмысленные звуки.

Под сумрачным вечерним небом явились в Тегею посланцы Тирана. Всем было известно, что они прибыли затем, чтобы увезти с собой великое изображение Тюхэ и покрыть Музидеса вечной славой, так что проксены[4] оказали им весьма теплый прием. Когда ночь близилась к своему исходу, великая буря разразилась над гребнем Менала, и люди из далеких Сиракуз были рады тому, что пребывают в городском уюте. Они беседовали о своем блистательном Тиране, о великолепии его столицы и восхищались славой той статуи, которую сработал для него Музидес. Тегейцы же говорили о великодушии Музидеса и о тяжком горе его по утраченному другу, и о том, что даже грядущая слава не могла утешить его в отсутствие Калоса, который мог бы и сам заслужить эти лавры. Говорили они и о дереве, выросшем из-под надгробья у головы Калоса. И ветер взвизгивал здесь еще более жутким голосом, и сиракузяне и аркадийцы вместе молились Эолу.

Под лучами утреннего солнца проксены повели вестников Тирана вверх по склону к обители скульптора, в которой разгулявшийся ночью ветер натворил странного. Крики рабов возносились над сценой разрушения, и посреди оливковой рощи более не возносилась блистательная колоннада того чертога, в котором грезил и творил Музидес. Одинокими и потрясенными скорбели смиренные залы и основания стен, ибо на роскошный и величественный перистиль обрушился нависавший над ним тяжелый сук странного нового дерева, с удивительной полнотой превративший величественную мраморную поэму в груду неприглядной щебенки.

Ошеломленные, потрясенные ужасом застыли перед развалинами сиракузяне и тегейцы, то и дело переводя взгляд на огромное и зловещее дерево, столь таинственно похожее на человека и корнями своими уходившее в землю возле украшенного скульптурами надгробия Калоса. И страх и смятение их еще более усилились, когда, обыскав обрушившееся строение в поисках благородного Музидеса и созданного им чудесного и прекрасного изображения Тюхэ, они не обрели и следа ни того ни другого. Великий хаос царил посреди развалин, и представители обоих городов в разочаровании оставили их; ибо сиракузяне не обрели статуи, чтобы доставить ее домой, а у тегейцев не осталось более художника, которого можно было бы увенчать славой. Впрочем, спустя некоторое время сиракузяне приобрели в Афинах великолепное изваяние, тегейцы же утешились тем, что возвели на агоре мраморный храм в честь дарования, добродетели и братской любви Музидеса.

Только масличная роща растет как и прежде, как стоит и дерево, выросшее из гробницы Калоса, а старый пасечник рассказал мне, что иногда ветви его перешептываются под ночным ветром и все повторяют друг другу: «Ойда! Ойда! Знаю! Все знаю!»

1921

Артур Джермин
Перевод Валерии Бернацкой

I

Жизнь – страшная штука, а по отдельным дьявольским намекам, доходящим до нас из пучины неведомого, мы можем догадываться, что на самом деле все обстоит в тысячи раз хуже. Наука со своими шокирующими открытиями не только не принесла человечеству счастья, но, возможно, станет даже его убийцей. Однако есть ли такое понятие – человечество? Ведь желание во что бы то ни стало утаить сокрытое зло никак не могло родиться в разуме смертного. Если бы мы знали, кем являемся на самом деле, то поступили бы как сэр Артур Джермин, однажды вечером обливший себя горючей смесью и поднесший к одежде спичку. Никто так и не собрал в урну его прах и не поставил памятник на могилу: найденные после него документы и некий заключенный в ящик предмет настолько всех потрясли, что эту смерть постарались поскорее забыть. Те же, кто знал его близко, никогда о нем не говорили.

Артур Джермин ушел на болото и сжег себя, после того как извлек и рассмотрел привезенный из Африки предмет. Именно из-за этого предмета, а вовсе не из-за своей необычной внешности он покончил с собой. Многим не понравилось бы жить с таким лицом, но Артур Джермин спокойно уживался с ним – ведь он был поэт и ученый. Страсть к науке была у него в крови, ведь его прадедушка, сэр Роберт Джермин, был известный антрополог, а прапрапрадедушка, сэр Уейд Джермин, одним из первых исследовал бассейн реки Конго и со знанием дела описал его племена, животный мир и возможную праисторию. Научный энтузиазм сэра Уейда граничил поистине с сумасбродством, и когда были опубликованы материалы его исследований некоторых районов Африки, то эксцентричные предположения автора о существовании в доисторические времена в Конго белой цивилизации вызвали много насмешек. В 1765 году этого бесстрашного путешественника поместили в психиатрическую лечебницу города Хантингдона.

Безумие жило во всех Джерминах, к счастью, этот род был малочислен. В его генеалогическом древе отсутствовали побочные ветви – Артур был последним представителем рода. Трудно сказать, что сделал бы он, увидев предмет, будь у него родственники. Джермины никогда не отличались приятной наружностью – чего-то в их облике для этого недоставало, – но Артур превзошел в безобразии всех. Впрочем, по старинным фамильным портретам, висевшим в родовом поместье

Джерминов, можно было заключить, что до сэра Уейда в семье встречались и вполне благообразные люди. Безумие тоже вошло в семью с сэром Уейдом, чьи бредовые россказни об Африке приводили его друзей равно и в восторг, и в ужас. Взять хотя бы необычную коллекцию, привезенную им из Африки, – разве не позволяла она усомниться в его нормальности? А тот факт, что никому ни разу не довелось увидеть его жену? По словам сэра Уейда, она была дочерью португальского торговца, встреченного им в Африке, и не любила европейских обычаев. Он привез ее вместе с родившимся в Африке сыном из своего второго, самого продолжительного путешествия. Из третьего же, и последнего, жена не вернулась. Никто так никогда и не видел ее вблизи, даже служанки, но, по слухам, нрав у нее был свирепый. Во время своего непродолжительного пребывания в мужнином фамильном замке она жила в отдаленном крыле, где ее навещал один только супруг. Стремление к семейному уединению было развито у сэра Уейда до такой степени, что, вернувшись из Африки, он никому, кроме негритянки из Гвинеи, довольно неприятного вида, не позволял ухаживать за маленьким сыном. После смерти леди Джермин он целиком посвятил себя заботам о мальчике.

Но сумасшедшим сэр Уейд прослыл все-таки из-за своих завиральных идей. В таком рациональном веке, как восемнадцатый, образованному человеку не следовало бы рассказывать о диких зрелищах и фантастических сценах, разыгрывавшихся под конголезской луной, о высоких, полуразрушенных и заросших диким виноградом стенах и башнях заброшенного города, о сырых каменных ступенях, ведущих во мрак гробниц, наполненных сокровищами, о запутанных подземных ходах. Особенно шокировал всех его бредовый рассказ о существах, населяющих город. По его словам, они напоминали и обитателей джунглей, и потомков древней языческой цивилизации. Их причудливый облик озадачил бы самого Плиния. Эти существа возникли, возможно, после того как гигантские обезьяны захватили приходящий в упадок город – вместе с его стенами и башнями, склепами и таинственным резным орнаментом.

После своего окончательного возвращения сэр Уейд стал разглагольствовать обо всех этих вещах с совершенно неподобающим пылом – обычно после третьего стакана вина в трактире «Голова рыцаря». Он похвалялся, что отыскал в джунглях нечто такое, чего никто никогда не видел, и рассказывал, как жил там среди никому не ведомых развалин. Об аборигенах же он говорил теперь такие несуразности, что его быстренько упрятали в сумасшедший дом. Оказавшись за решеткой больничной палаты, этот джентльмен, казалось, не сокрушался о своей судьбе – так

сильно он к той поре переменился. По мере того как взрослел сын, сэр Уейд все меньше любил свой замок и наконец прямо-таки его возненавидел. Родным домом ему стала «Голова рыцаря». Попав же в лечебницу, он как будто даже испытывал благодарность за заботу о нем. Спустя три года он умер.

Филип, сын сэра Уейда, отличался большими странностями. Внешне он чрезвычайно напоминал отца, однако облик его и поведение были настолько грубы, что многих приводили в трепет. Его старались избегать. Хотя он и не унаследовал отцовского безумия, чего многие боялись, зато был определенно глуп и, кроме того, время от времени впадал в приступы необъяснимой ярости. Небольшого роста, он был очень силен и необычайно ловок. Через двенадцать лет после получения титула Филип женился на дочери своего егеря, по происхождению цыгана, а перед самым рождением сына ушел на флот простым моряком, чем только подтвердил свою плохую репутацию. Рассказывали, что после окончания Войны за независимость он служил на торговом корабле, везшем груз в Африку, но исчез незадолго до того, как судно отчалило от берегов Конго.

В сыне сэра Филипа Джермина наследственные черты обернулись странной, фатальной стороной. Высокого роста, довольно привлекательный, несмотря на некоторую странность пропорций, с загадочной восточной грацией во всем своем облике, Роберт Джермин уже в самом начале сознательной жизни проявил себя как ученый и исследователь. Он первый изучил с научным пристрастием крупную коллекцию редкостей, привезенную его сумасшедшим дедом из Африки, а также прославил родовое имя в области этнологии, подобно тому как его предок сделал это в географии. В 1815 году сэр Роберт женился на дочери седьмого виконта Брайтхолма и имел в этом браке трех детей, из которых старший и младший никогда не показывались на людях по причине физических и душевных изъянов. Удрученный этими печальными семейными обстоятельствами, ученый нашел утешение в работе, совершив две продолжительные экспедиции в центральную часть Африки. В 1849 году его второй сын, Невил, исключительно неприятный субъект, соединивший в себе угрюмый нрав Филипа Джермина и надменность Брайтхолмов, убежал из дому с какой-то танцовщицей. Он объявился через год и был прощен. В родовое гнездо Невил вернулся вдовцом, с малюткой Альфредом, которому предстояло стать отцом Артура Джермина.

Друзья говорили, что разум сэра Роберта Джермина пошатнулся из-за семейных невзгод, но, возможно, поводом к этому послужил африканский фольклор. Пожилой ученый собирал легенды одного из племен онга,

жившего в том районе, где путешествовал сначала дед, а потом и он сам в поисках затерянного города с жителями странного этнического типа. Некоторая логика, присутствовавшая в загадочных записях его предка, позволяла предположить, что воображение безумца подхлестывалось местными поверьями. 19 октября 1852 года путешественник Сэмюел Ситон посетил замок Джерминов, захватив с собой записи легенд, собранных им среди племен онга; он считал, что знаменитому этнологу будет интересна та их часть, где рассказывается о сумрачном городе белых обезьян во главе с белым богом. На словах он, возможно, добавил еще что-то, оставшееся неизвестным, потому что беседа завершилась кровавой трагедией. Задушив путешественника, сэр Роберт Джермин вышел из библиотеки и, прежде чем ему сумели помешать, убил всех своих детей: тех двух, которых никто не видел, и того, который убегал из дома. Перед смертью Невил Джермин успел, однако, спрятать своего двухлетнего сына, которому иначе неминуемо грозил бы тот же конец. Что касается самого сэра Роберта, то он, отказавшись дать какое-либо объяснение чудовищному своему деянию, неоднократно пытался покончить с собой и наконец скончался от апоплексического удара на второй год пребывания в тюрьме.

Сэр Альфред Джермин унаследовал титул баронета, когда ему не было и четырех лет, однако особым аристократизмом не отличался. В двадцать лет он стал работать в кабаре, а в тридцать шесть, покинув жену и ребенка, ушел с бродячим американским цирком. Конец его был ужасен. Среди цирковых животных особой популярностью у публики пользовалась огромная горилла с необычайно светлой кожей – она была послушна и хорошо поддавалась дрессировке. Эта обезьяна совершенно покорила Альфреда Джермина, и они часто и подолгу рассматривали друг друга через решетку клетки. Со временем Джермин добился разрешения работать с обезьяной, удивив всех своими неожиданными способностями к дрессуре. Однажды утром, когда цирк находился в Чикаго, горилла и Альфред репетировали сложный номер с боксом. Животное случайно нанесло дрессировщику-любителю удар сильнее обычного, чем задело его самолюбие. О том, что за этим последовало, артисты группы «Величайшее шоу мира» не любят вспоминать. Сэр Альфред Джермин издал неожиданно для всех резкий, нечеловеческий крик, схватил своего незадачливого противника и, затащив в угол клетки, вонзился зубами в волосатую глотку. Горилла потеряла над собой контроль, и, прежде чем вмешался дрессировщик-профессионал, баронет был разорван в клочья.

II

Артур Джермин был сыном Альфреда Джермина и певички из кабаре неизвестного происхождения. Когда Альфред бросил ее, она привезла ребенка в родовой замок его отца, где уже не осталось никого, кто имел бы право ее выставить. Она знала кое-что понаслышке о дворянской чести и потому постаралась, чтобы ее сын получил самое лучшее образование, какое только позволяли весьма стесненные средства. Денег в семье не хватало, да и замок нуждался в ремонте, но молодой Артур крепко привязался к этому древнему дому со всем его укладом. Мечтатель и поэт, он не был похож на остальных Джерминов. Соседи, помнившие рассказы о португальской жене сэра Уейда, утверждали, что в потомке заговорила латинская кровь; другие же, посмеиваясь над его склонностью ко всему прекрасному, приписывали ее влиянию матери-певички, которую общество так и не признало. Поэтическая натура Артура Джермина особенно бросалась в глаза по контрасту с его исключительно безобразной внешностью. Большинство Джерминов, как мы уже упоминали, отличались некрасивостью, но Артур превзошел всех. Трудно сказать, чем именно отталкивала его внешность, но и выражение лица, и профиль, и необычайно длинные руки – все мгновенно рождало антипатию к нему.

Но ум и характер Артура Джермина с лихвой искупали недостатки его наружности. С его талантами и образованием он добился признания и ученых степеней в Оксфорде и, казалось, был рожден для того, чтобы восстановить высокую научную репутацию семьи. Хотя по темпераменту Артур был скорее поэт, нежели ученый, тем не менее он собирался продолжить труды предков в области африканской этнологии и истории, используя богатейшую, хотя и загадочную, коллекцию сэра Уейда. Наделенный большим воображением, он частенько задумывался о доисторической цивилизации, в существование которой так истово верил сумасшедший путешественник, и тогда в его грезах вставал затерянный в джунглях город, упоминавшийся в фантастических записках его предка. При каждом, даже косвенном упоминании о безымянной, никому ранее не ведомой расе, живущей в джунглях, он испытывал странное чувство, в котором подсознательный ужас смешивался с неодолимым любопытством. Он много размышлял над тем, что могло лежать в основе этой фантазии, и в поисках ответа обращался к легендам, собранным его прадедом и Сэмюелом Ситоном среди племен онга.

В 1911 году, после смерти матери, сэр Артур Джермин решил довести свои изыскания до конца. Продав часть земель и выручив необходимую для снаряжения экспедиции сумму, он отплыл в Конго. С помощью бельгийских властей он нанял проводников и отправился в джунгли, где провел год среди племен онга и калири, собрав там сведения, важность которых превзошла все его ожидания. В племени калири ему повстречался пожилой вождь по имени Мвану, обладавший не только цепкой памятью, но и значительным интеллектом – он и сам интересовался старинными легендами. Старик знал все те фантастические истории, которые читал Джермин, и добавил к ним еще одну – о каменном городе и белых обезьянах, которую слышал от своих родичей.

По словам Мвану, древний город и его жители-метисы погибли много лет назад в войне с жестоким племенем нбангусов. Разрушив жилища и уничтожив все живое, племя унесло с собой мумию богини – она и была, собственно, предметом их вожделений. Богиня, которой поклонялись таинственные жители-метисы, напоминала обезьяну и, по преданию, когда-то царствовала в городе. Кем в действительности являлись эти обезьяноподобные белые существа, Мвану не знал, но предполагал, что они-то и построили разрушенный впоследствии город. Рассказ местного жителя не связал воедино для Джермина отдельные легенды, но история мумифицированной принцессы при дальнейших расспросах становилась все интереснее.

По преданию, обезьянья принцесса стала супругой пришедшего с запада великого белого бога. Они долгое время совместно управляли городом, но после рождения сына уехали, взяв младенца с собой. Позднее бог и принцесса вернулись и какое-то время снова царствовали. После смерти принцессы божественный супруг поместил ее мумию в просторный каменный храм, где она стала предметом ритуального поклонения. Сам же покинул город.

Легенда существовала в трех вариантах. Согласно первой, ничего особенного в дальнейшем не произошло; правда, считалось, что мумия приносит удачу и могущество владеющему ею племени. Именно поэтому нбангусы и похитили ее. В другом варианте бог вернулся, чтобы умереть у ног своей мумифицированной супруги. В третьем говорилось о приезде взрослого сына (человека? обезьяны? бога?), ничего не знавшего о тайне своего рождения. Негры с их пылким воображением, конечно же, многое присочинили, и теперь трудно было докопаться до подлинных фактов, лежащих в основе сей экстравагантной истории.

После этих рассказов Артур Джермин уже не питал ни малейших

сомнений в том, что описанный старым Уейдом город в джунглях существовал, а когда в 1912 году случайно набрел на его руины, испытал некоторое разочарование. Хотя каменные развалины ясно говорили о том, что это не обычная негритянская деревушка, однако величина города была сильно преувеличена. Резных орнаментов, к сожалению, не обнаружили, а малочисленность экспедиции не позволила начать работы по расчистке входа в подземный туннель, который, возможно, привел бы к системе подземных ходов и склепов, о которых упоминал и сэр Уейд. Пытались расспрашивать о белых обезьянах и о мумии местное население, но без особого успеха. Наконец один европеец вызвался перепроверить сведения из рассказа старого Мвану. Это был бельгийский подданный господин Веререн, торговый агент, работавший в Конго. Он рассчитывал не только отыскать мумию, о которой кое-что слышал и раньше, но и заполучить ее. Члены когда-то могущественного племени нбангус были теперь преданными вассалами короля Альберта и при небольшом нажиме, без сомнения, согласились бы расстаться с украденным ими божеством. Поэтому Джермин отплыл в Англию исполненный радужных надежд воочию увидеть в ближайшие месяцы бесценную реликвию, которая подтвердила бы самые фантастические рассказы его прапрапрадедушки, по крайней мере из тех, что дошли до него. Самые бредовые рассказы сэра Уейда наверняка слышали завсегдатаи «Головы рыцаря», но уже невозможно было разыскать и расспросить их потомков.

Артур Джермин терпеливо ждал обещанного господином Веререном ящика, а пока с еще бóльшим тщанием изучал записи сумасшедшего предка. Он чувствовал все более тесную связь с ним и старался теперь отыскать в бумагах сведения не только об африканских экспедициях, но и о его жизни в Англии. О таинственной затворнице-жене сохранилось много устных преданий, но ни одного вещественного свидетельства ее пребывания в Джермин-хаусе. Размышляя о том, что же послужило причиной столь странного заточения, Джермин решил, что это как-то связано с безумием сэра Уейда. Из рассказов он помнил, что его прапрапрабабушка была дочерью португальского купца из Африки. Наверняка унаследованный ею здравый смысл, а также некоторое знание Черного континента побудили ее скептически отнестись к «басням» мужа, чего он ей, конечно, не простил. Она умерла в Африке, куда он, возможно, насильственно ее привез, чтобы доказать свою правоту. Но все это были лишь предположения. Джермин прекрасно понимал, что спустя сто пятьдесят лет после смерти этих странных супругов трудно представить себе истинную картину.

В июне 1913 года пришло письмо от Веререна, в котором он сообщал, что нашел мумию богини. По его словам, это было нечто из ряда вон выходящее и совершенно не поддающееся определению. Только специалист мог бы понять, к какому виду – приматов или человека – относится это существо, однако плачевное состояние, в котором находилась мумия, исключало и эту возможность. Время и климат Конго не пощадили богиню, к тому же дело усугублялось тем, что ее мумифицировали не по правилам. Шею мумии украшала золотая цепь с медальоном, на котором были выгравированы геральдические знаки. Эту ценность туземцы наверняка похитили у какого-нибудь путешественника и использовали как талисман. Месье Веререн позволил себе вышутить наружность мумии, прибавив, что, по его мнению, она удивит его корреспондента, но в остальном был краток – его слишком интересовала научная сторона вопроса. Он писал, что сам экспонат прибудет месяц спустя после письма.

Ящик с мумией доставили в Джермин-хауз в полдень третьего августа 1913 года и по просьбе хозяина сразу же внесли в большую комнату, где хранились собранные сэром Робертом и Артуром африканские раритеты. О том, что случилось дальше, известно из рассказов слуг, а также из осмотра на месте происшествия различных бумаг и предметов. Среди изложенных версий наиболее убедительным представляется рассказ старого дворецкого Сомса. По его словам, перед тем как вскрыть ящик, сэр Артур Джермин попросил всех покинуть комнату. Вскоре по донесшемуся оттуда стуку молотка стало ясно, что он приступил к делу. Затем воцарилась тишина. Сколько она продолжалась, Сомс не мог сказать с точностью, но, во всяком случае, не больше четверти часа. Затем раздался отчаянный вопль хозяина. Дверь тут же распахнулась, и Джермин, пулей вылетев из комнаты, понесся прочь, словно его преследовал страшный враг. Лицо хозяина, неприятное и при спокойном выражении, теперь, искаженное ужасом, было поистине чудовищным. Почти добежав до выхода, он вдруг остановился, как бы пораженный пришедшей в голову мыслью, повернулся и побежал к лестнице, ведущей в подвал. Ошеломленные слуги застыли на месте, не решаясь спуститься за хозяином. Тот все не возвращался, а потом из подвала донесся сильный запах нефти. Когда стемнело, во дворе послышался легкий шум, и помощник конюха увидел, как Артур Джермин, с головы до ног залитый нефтью, выскользнул из двери подвала и исчез на болоте, подступающем к дому. Его конец видели все оцепеневшие от ужаса обитатели замка. Сначала в темноте вспыхнула крошечная искорка, затем занялось пламя, и вот уже огненный столб взмыл к небесам. Род Джерминов прекратил существование.

Причина, по которой обугленные останки Артура Джермина не собрали и не похоронили, вызвана содержимым присланного из Африки ящика, которым заинтересовались после его смерти. Мумия богини выглядела отвратительно, вдобавок была источена временем, однако не вызвало никаких сомнений: в ящике лежала мумифицированная белая обезьяна неизвестного вида. Волосяной покров был у нее выражен гораздо меньше, чем у большинства известных науке приматов, и вообще она удивительным образом – что поражало неприятней всего! – напоминала человека. Не хотелось бы вдаваться во все эти подробности, но о двух вещах сказать необходимо – слишком во многом соответствуют они африканским запискам сэра Уейда, а также конголезским легендам о белом боге и обезьяньей принцессе. Во-первых, изображенный на медальоне герб принадлежал роду Джерминов, а во-вторых, шутливый намек месье Веререна на сходство принцессы с кем-то из его знакомых расшифровывался мгновенно: сморщенное личико богини – все тотчас отметили это с ужасом и отвращением – было как две капли воды похоже на лицо утонченного Артура Джермина, прапраправнука сэра Уейда Джермина и его неизвестной супруги. Члены Королевского общества антропологов сожгли проклятую мумию, а медальон бросили в глубокий колодец, дабы ничто не напоминало о том, что Артур Джермин жил на этом свете.

1921

Селефаис
Перевод Олега Колесникова

В видениях Куранес видел город в долине, морской берег вдали, снежную вершину горы над морем и галеры ярких расцветок, отчалившие из гавани и плывущие в дальние края, где море смыкается с небом. Именно в видениях его звали Куранес; в обычной жизни его звали иначе. Вероятно, другое имя он придумал себе неслучайно, ибо был последним в роду и остро чувствовал свое одиночество в многомиллионном равнодушном Лондоне. Не так уж много людей общались с ним, напоминая тем самым, кем он был. Его деньги и земли – все это ушло в прошлое, ему было безразлично, что о нем думают люди, он предпочитал грезить и писать о своих грезах. Те, кому он показывал первые пробы пера, высмеяли его; тогда он стал писать для себя, а затем и вовсе забросил это занятие. И чем больше он удалялся от обыденного мира, тем изумительнее становились его видения и тем более беспомощными оказывались попытки описать их. Куранес был человеком консервативного воспитания и мыслил не так, как модные писатели. Они пытались сорвать с жизни ее сотканные из мифов покровы и показать неприкрытое безобразие отвратительной реальности, Куранес же искал саму красоту. Знания и обретенный опыт не смогли раскрыть ее, и тогда он обратился к фантазии и иллюзии и нашел красоту совсем рядом – в туманных воспоминаниях о детстве и детских мечтах.

Немногие сознают, какие неведомые дали раскрываются в историях и мечтах их юности; ибо дети, слушая и мечтая, не пытаются вгонять мысли в какие-то рамки, а когда мы пытаемся вспомнить уже будучи взрослыми, то воспоминания получаются скучными и унылыми, отравленными ядом жизни. И все же некоторые из нас просыпаются среди ночи, увидев диковинные фантазии: зачарованные горы и сады, поющие под солнцем фонтаны, золотые пики гор, вздымающиеся возле ласковых морей, долины, простирающиеся вокруг спящих городов из камня и бронзы, удалых воинов, разъезжающих по опушкам густых лесов на белых лошадях, покрытых попонами; и тогда мы догадываемся, что заглянули через ворота из слоновой кости в мир, открытый для нас прежде, когда мы еще не были так мудры и несчастны.

Куранес внезапно смог вернуться в прежний мир своего детства. Ему снился дом, где он родился, большой, увитый плющом, в котором прожили

тринадцать поколений его предков и где он надеялся умереть и сам. Летней лунной ночью он тайком выбрался в сады, спустился вниз, по террасам, мимо парка со старыми дубами и вышел на длинную белую дорогу, ведущую к деревне. Деревня казалась очень старой на вид, с покосившимися, будто начинающая убывать луна, домами на околице, и Куранес невольно задумался: что же таится в домах с островерхими крышами: сон или смерть? Посреди улицы росла высокая трава, а дома смотрели на него взглядом непроницаемо грязных стекол либо пустыми глазницами. Куранес шел не останавливаясь, будто куда-то конкретно. Он не пытался проявлять своеволия, опасаясь, что все окажется иллюзией, как мечты и устремления повседневной жизни, никогда ни к чему не приводящие. Потом он свернул из деревни к обрыву – и внезапно оказался на краю света, у бездны, возле которой стояла деревня; весь мир заканчивался, и взору открывалась бесконечная пустота, не содержащая ничего, и небо над ней было пустое, не освещалось даже ущербной луной или мерцанием звезд. Глубокая внутренняя убежденность сподвигла Куранеса сделать шаг вперед, и он медленно полетел вниз, плыл все ниже и ниже, миновал темные, бесформенные, неприснившиеся сны, слабо светящиеся сферы частично приснившихся сновидений и смеющихся крылатых эльфов, которые, казалось, высмеивали всех мечтателей мира. Потом тьма перед ним расступилась, и Куранес увидел ущелье и город в долине, сверкающий вдали на фоне неба, моря и снежной вершины горы, вздымающейся возле моря.

Куранес проснулся в тот же миг, как увидел город, но этого мига ему хватило – он сразу узнал Селефаис, город в долине Оот-Наргаи за Танарианскими холмами, где его дух обитал целую вечность в тот час давнего летнего полдня, когда он убежал от няньки и, наблюдая за плывущими облаками, заснул возле деревни, убаюканный теплым морским бризом. Он был крайне недоволен, когда его нашли и разбудили, потому что во сне собирался отплыть на золотой галере в чудесные края, где море смыкается с небом. Вот и на этот раз Куранес, проснувшись, почувствовал досаду, потому что нашел свой сказочный город после сорока тоскливых лет.

Но через три ночи Куранес снова вернулся в Селефаис. Как и в прошлый раз, сначала ему приснилась деревушка, сонная или вымершая, и бездна, через которую он должен был безмолвно перелететь; затем снова перед ним оказалось ущелье, и он увидел сверкающие минареты города, изящные галеры, стоявшие на приколе в голубой гавани, и китайские деревья гинкго на горе Аран, колышущиеся от морского бриза. Но на сей

раз никто не выхватил его из мира грез, и он, как крылатое существо, опустился на поросшую травой полянку на склоне горы, и ноги его мягко коснулись травы. Наконец ему удалось вернуться в долину Оот-Наргаи к замечательному городу Селефаис.

Спускаясь с горы, Куранес наслаждался ароматом трав и любовался красочными цветами; он перешел бурную журчащую речку Нараксу по деревянному мостику, на котором много лет назад вырезал свое имя, миновал рощицу и подошел к большому каменному мосту у городских ворот. Здесь ничто не изменилось: не потемнели мраморные стены, не покрылись патиной украшавшие их бронзовые скульптуры. И Куранес понял: ему не надо опасаться, что все здесь стало совсем другим. Даже часовые на крепостном валу были те же самые и такие же молодые, какими он их запомнил. Тогда Куранес вступил в город через бронзовые ворота и прошел по ониксовым мостовым, а купцы и погонщики верблюдов приветствовали его, как будто он никуда надолго не уходил, и то же самое повторилось в бирюзовом храме Нат-Нортат, где жрецы в венках из орхидей объяснили ему, что в Оот-Наргаи время не движется и здесь всегда вечная юность. Затем Куранес прошел по Столбовой улице к той части крепостного вала, что граничила с гаванью, где толпились купцы и моряки, а также чужестранцы из тех краев, где море смыкается с небом. Куранес долго стоял на крепостном валу, глядя на ярко освещенную гавань, на морскую рябь, сверкавшую под непривычным солнцем, на галеры, скользившие по воде. Трудно было оторвать взгляд от горы Аран, царственно возвышавшейся над морем, нижняя часть склонов которой была зелена от растительности, а снежный пик упирался в небо.

Куранесу безумно хотелось отплыть на галере в те удивительные края, о которых слышал так много чудесного, и он отправился на поиски капитана, когда-то давно согласившегося взять его с собой в плавание. Он разыскал этого человека, Атхиба, сидящим на том же самом сундуке с пряностями и, казалось, даже не заметившим, сколько времени прошло. Затем они вдвоем подплыли к галере, стоявшей на якоре, капитан отдал приказ гребцам, и галера вышла в бурное Серенарианское море, которое где-то вдали сливается с небом. Несколько дней галера неслась по волнам, и наконец путники приблизились к горизонту, туда, где море смыкается с небом. Галера, не замедляя хода, вплыла в голубизну неба и двинулась меж пушистых облачков, слегка розоватых от света солнца. А далеко внизу, под килем, Куранес видел незнакомые земли, реки и города неслыханной красоты, неживщиеся в лучах солнца, которое здесь никогда не заходило. Наконец Атхиб сказал, что путешествие подходит к концу: они

приближаются к гавани Серанниана, облачного города, построенного из розового мрамора на эфирном берегу, где западный ветер начинает дуть в небо. Но когда на горизонте стали видны самые высокие из башен этого города, Куранес услышал звук, от которого проснулся в своей лондонской мансарде.

После этого он многие месяцы тщетно искал чудесный город Селефаис и галеры, уплывающие к небу, и хотя посетил в грезах много чудных, невиданных мест, никто из встреченных им не помог ему отыскать Оот-Наргаи, лежащий за Танарианскими холмами. В одну из ночей он пролетал над темными горами, где на большом расстоянии друг от друга горели едва различимые костры – там паслись стада диковинных косматых животных, и на шее у вожаков висели колокольчики, позвякивающие при ходьбе, – и в самой глухой части этой затерянной в горах страны, куда редко проникали путешественники, он приметил очень древнюю стену, изгибами проходящую через горы и долины, настолько громадное сооружение, что не верилось, что это дело рук человеческих: и в ту и в другую сторону стена уходила куда-то вдаль. За этой стеной в предрассветных сумерках он увидел странные сады с вишневыми деревьями, а когда взошло солнце, пред ним предстал прекрасный мир белых и красных цветов, сочной зеленой листвы, белых дорожек, сверкающих ручейков и голубых маленьких озер, резных мостиков и пагод с красными крышами – настолько прекрасный, что Куранес в восхищении на миг забыл про Селефаис. Но, направившись к пагоде, он вспомнил про чудесный город – и спросил бы местных людей про него, но обнаружил, что здесь обитают только птицы, пчелы и бабочки. В другую ночь Куранес поднимался по бесконечной винтовой лестнице из мокрого камня и наконец увидел в лунном свете из окна башни долину и реку; на противоположном берегу реки лежал спящий город, и Куранесу показалось, что он узнает знакомые места. Он собирался уже спуститься и спросить, как добраться до Оот-Наргаи, но вдруг из-за горизонта выплыла яркая звезда, и Куранес понял, что перед ним руины города и не река, а болото, поросшее камышом, а на всем вокруг лежит печать смерти – с тех пор как король Кинаратолис вернулся из завоевательного похода и узрел месть богов.

Вот так Куранес тщетно искал сказочный город Селефаис с его галерами, плавающими в небесный град Серанниан, а попутно видел много чудес и однажды едва спасся от верховного жреца, о котором лучше умолчать, но скажу лишь, что тот скрывал лицо желтой шелковой маской и жил в полном одиночестве в очень древнем каменном монастыре, стоявшем

на холодном пустынном плато Ленг. Со временем Куранесу стали настолько постылы бесцветные дни, разделяющие ночи, что он, желая продлить ночные грезы, стал пользоваться наркотиками. Полезным в этом отношении оказался гашиш, и с его помощью Куранес совершил путешествие в удивительное пространство, где отсутствует форма, а светящиеся газы изучают тайны жизни. Фиолетовый газ рассказал Куранесу, что это пространство находится за пределами того, что он назвал бы бесконечностью. Этот газ никогда раньше не слышал о планетах и живых организмах, но смог определить, что Куранес явился из той бесконечности, где существуют материя, энергия и сила притяжения. Куранес безумно жаждал вернуться в Селефаис с его дивными минаретами и потому стал принимать более сильные дозы наркотиков. Но в один прекрасный летний день все деньги у него закончились, и покупать наркотики было не на что; его выселили из мансарды, и он, бесцельно бродя по улицам и перейдя по очередному мосту, оказался в глухой оконечности города, где дома попадались все реже и реже. Но внезапно здесь его ожидания сбылись: Куранес повстречал кортеж рыцарей из Селефаиса, прибывший, чтобы забрать его с собою навсегда.

Они были прекрасны, эти рыцари на чалых лошадях, в сверкающих доспехах и расшитых золотом плащах с гербами. И так многочисленны, что поначалу Куранес по ошибке принял кортеж за войско; но их прислали, чтобы оказать ему особую честь: ведь Куранес создал Оот-Наргаи своими мечтаниями, и потому теперь его навечно назначили верховным богом города. Рыцари усадили Куранеса на коня, и он поскакал в голове кавалькады. Величественная конница выехала на равнины Суррея и вскоре миновала родовой замок Куранеса, где жили когда-то его предки. Но вот что удивительно: скача вперед, всадники совершали обратное путешествие во времени. Так, проезжая в сумерках деревню, Куранес видел дома и людей такими, как видел их Чосер или его предшественники, и порой им попадались рыцари верхом в сопровождении своей прислуги. Когда стемнело, лошади побежали резвее, а в ночи и вовсе полетели, будто по воздуху. В предрассветных сумерках они приблизились к деревне, которую Куранес видел обитаемой в детстве, а потом, в другом сне, спящей или вымершей. Сейчас она была обитаема, и деревенские жители, поднявшиеся рано утром, кланялись проезжавшим всадникам, сворачивавшим на улицу, которая во сне обрывалась пропастью. Прежде Куранес бывал у пропасти только ночью, теперь он жаждал увидеть бездну при свете дня и нетерпеливо подгонял своего коня. Едва все они приблизились к краю пропасти, с запада разлился золотой свет и закрыл все вокруг лучезарной

завесой. Пропасть казалась бурлящим хаосом розового и небесно-голубого цвета, и невидимые голоса запели ликующий гимн, когда всадники ринулись вниз и поплыли среди сверкающих облаков в серебристом сиянии. Казалось, бесконечно долго падают вниз всадники, а кони их ступают по золотым облакам, как по золотому песку в пустыне, но наконец лазурная завеса распахнулась, открывая подлинное великолепие – изумительную красоту Селефаиса на берегу моря и горного снежного пика над ним. Галеры ярких расцветок плыли из гавани в далекие края, где море смыкается с небом.

И Куранес стал верховным правителем Оот-Наргаи, города своей мечты, и его окрестностей, а двор его располагался попеременно в Селефаисе и городе в облаках Серанниане. Он и сейчас там правит и будет править вечно, несмотря на то что возле утесов Инсмута волны насмешливо поигрывали телом бродяги, забредшего на рассвете в полупустую деревню, потаскали его вдоль берега и выбросили возле Тревор-Тауэрс, где преуспевающий пивовар, ставший миллионером, наслаждался атмосферой приобретенного не так давно старинного родового имения деградирующей аристократии.

1922

Усыпальница
Перевод Валентины Кулагиной-Ярцевой

Принимая во внимание обстоятельства, которые привели к моему заточению в этом приюте для умалишенных и само мое пребывание здесь, я вполне сознаю, что достоверность моего рассказа может вызвать естественные сомнения. Как ни печально, умственные представления большинства людей слишком ограниченны для того, чтобы разумно и терпеливо оценить те отдельные явления, которые лежат за пределами повседневного опыта и которые способны увидеть или ощутить лишь немногие психологически восприимчивые люди. Хотя человеку с широкими взглядами известно, что не существует четкого различия между реальным и нереальным, что все существующее представляется таким как есть лишь благодаря тонким индивидуальным умственным и физическим особенностям, посредством которых мы воспринимаем его, прозаическое большинство считает безумием проблески озарения, проникающие сквозь грубую завесу банального эмпиризма.

Мое имя Джервас Дадли. С самого детства я был мечтателем и фантазером. Достаток семьи позволял мне не заниматься доходной деятельностью, а неуравновешенность характера не содействовала регулярным занятиям и отдыху в обществе знакомых. Я пребывал в сферах, далеких от реального мира, юность и молодость моя прошли за чтением старинных и редких книг, в странствиях по полям и рощам близ нашей родовой усадьбы. Не думаю, что я находил в этих книгах или видел в полях и рощах совершенно то же, что видели или находили другие, но не стану распространяться об этом, поскольку подробный рассказ лишь послужит подтверждением грубой клеветы на мой разум, клеветы, которую мне не раз доводилось слышать в опасливом перешептывании здешних служителей. Мне достаточно излагать события, не анализируя их причин.

Как уже было сказано, я пребывал вдали от реального мира, но это не значит, что я существовал один. Так жить никому не под силу, и лишенный сообщества живых неизбежно находит себе компанию из не живущих более или из предметов неодушевленных.

Неподалеку от нашего дома находилась поросшая лесом лощина. Там, в тенистых зарослях, я проводил почти все время, – то читая, то предаваясь размышлениям и мечтам. По ее мшистым склонам я делал первые детские

шаги, вокруг ее покрытых причудливыми наростами дубов сплетались мои мальчишеские фантазии. Я знал живших в этих деревьях дриад, и не раз наблюдал их исступленные пляски в пробивающихся лучах тусклой луны… но об этом я не стану сейчас говорить. Я расскажу лишь об одинокой гробнице в самых темных зарослях – о заброшенной гробнице старинного благородного семейства Хайдов, последний прямой представитель которого упокоился в этом темном обиталище за много десятилетий до моего рождения.

Усыпальница, о которой я веду речь, была сооружена из гранита, выветрившегося и выцветшего под воздействием туманов и сырости. Она была вырублена в горе, так что на поверхности виднелся лишь портал. Тяжелая каменная дверь – плита, висевшая на ржавых железных петлях, – преграждала вход. Дверь была затворена неплотно – в этом угадывалось нечто зловещее – и заперта на тяжелые железные цепи с отвратительного вида висячими замками, бывшими в ходу около полувека назад. Усадьба рода, отпрыски которого лежали здесь, некогда венчала тот самый склон, в глубину которого уходила гробница, но уже много лет назад она пала жертвой пламени, вспыхнувшего от удара молнии. О полуночной буре, разрушившей мрачный особняк, иногда, понизив голос, со страхом рассказывали старожилы здешних мест, глухо намекая на то, что они называли «божьим гневом». Но очарование скрытой под сенью леса усыпальницы, всегда пленявшее меня, от этого лишь усиливалось. Пожар унес жизнь только одного человека. Семейство Хайдов перебралось в другую страну, и когда здесь, под сенью тишины и тени, должен был упокоиться последний из рода Хайдов, скорбную урну с его прахом доставили издалека. Здесь некому было положить цветы перед гранитным порталом, и редко кто отваживался пройти мимо гробницы, в печальной тени, которая, казалось, странным образом задерживалась на отполированном водой камне.

Никогда не забуду вечера, когда я впервые набрел на почти скрытую зарослями обитель смерти. Стоял июль – время, когда алхимия лета преображает лес в сливающуюся воедино яркую массу зелени, когда кружится голова от запахов пульсирующего моря влажной листвы и неопределимых ароматов земли и плодов, когда перестаешь видеть мир в истинном свете, время и пространство становятся пустыми словами, а эхо давно минувших времен настойчиво звучит в очарованном сознании.

Целый день я бродил по таинственным рощам лощины, обдумывая то, что нет нужды обсуждать, беседуя с теми, кого нет нужды называть. В свои десять лет я видел и слышал много чудесного, недоступного другим, и в

некоторых отношениях был на удивление взрослым. Когда, пробираясь между густых зарослей шиповника, я вдруг нашел вход в усыпальницу, то не имел ни малейшего представления о том, что обнаружил. Темные гранитные плиты, странно приоткрытая дверь, траурные барельефы над аркой не пробудили во мне ни печальных, ни пугающих ассоциаций. О могилах и гробницах я много знал и много фантазировал, но, принимая во внимание особенности моего характера, родители оберегали меня от прямого соприкосновения с кладбищами и погостами. Удивительное каменное сооружение на поросшем лесом склоне лишь возбудило мое любопытство, так как его холодное влажное нутро, куда я тщетно пытался заглянуть сквозь дразнящую щель, не связывалось у меня со смертью и разложением. Вдруг любопытство сменилось диким, безрассудным желанием, которое и привело меня в это заключение, в этот ад. Повинуясь голосу, который шел, должно быть, из самой жуткой глубины леса, я решил проникнуть в манящую тьму, несмотря на преграждавшие путь тяжелые цепи. В угасающем свете дня я гремел их ржавыми звеньями, пытаясь пошире открыть каменную дверь, потом пробовал протиснуться в щель; но ни то ни другое мне не удалось. И если поначалу меня снедало простое любопытство, то тут я пришел в неистовство; в сумерках вернувшись домой, я поклялся сотне богов этой рощи, что любой ценой когда-нибудь окажусь в черных холодных глубинах, которые, казалось, призывали меня.

Доктор с седоватой бородкой, который ежедневно появляется в моей комнате, однажды сказал тому, кто навещал меня, что это решение знаменовало начало достойной сожаления мономании; но вынесение окончательного приговора я предоставляю моим читателям – после того как они узнают обо всем.

Месяцы, последовавшие за моим открытием, прошли в тщетных попытках взломать сложный замок чуть приоткрытой усыпальницы и в осторожных расспросах о характере и истории обнаруженного мною сооружения. Дети, как правило, имеют обыкновение прислушиваться к разговорам, таким образом, я многое узнал, но привычка к скрытности не позволила мне ни с кем поделиться ни своим открытием, ни принятым решением. Наверное, следует упомянуть, что я не был ни удивлен, ни испуган, узнав об истинном назначении усыпальницы. В моих довольно своеобразных представлениях о жизни и смерти холодный прах и живое, трепещущее тело были связаны довольно слабо; я просто чувствовал, что злополучное благородное семейство каким-то образом представлено в одетом камнем пространстве, которое я стремился исследовать. Невнятные толки о таинственных ритуалах и нечестивых празднествах прошлых лет,

которые совершались в старинной усадьбе, лишь усилили мой интерес к гробнице, и я ежедневно просиживал часами перед ее порталом. Однажды я просунул свечу в узкую дверную щель, но не увидел ничего, кроме сырых каменных ступеней ведущей вниз лестницы. Запах усыпальницы и отпугивал, и околдовывал меня. Казалось, он знаком мне, знаком с давних, за пределами воспоминаний, времен, предшествовавших моему воплощению в теперешнем теле.

На следующий после моего открытия гробницы год я случайно наткнулся на старый, заплесневелый том перевода «Жизнеописаний» Плутарха на забитом книгами чердаке собственного дома. Читая жизнеописание Тезея, я поразился рассказу об огромном камне, под которым юный герой должен был найти знамения своей судьбы, как только станет достаточно взрослым, чтобы поднять такую тяжесть. Эта легенда умерила мое страстное желание проникнуть в усыпальницу, внушив мне, что время еще не пришло. Позже, сказал я себе, став сильнее и хитроумнее, я без труда открою тяжелую, запертую на цепь дверь, а пока надо покориться велению Судьбы.

Таким образом, мои бдения около поросшего мхами портала стали реже, но большую часть времени я проводил в не менее странных занятиях. Иногда я потихоньку вставал по ночам и украдкой выбирался на прогулки по тем самым кладбищам и погостам, от которых оберегали меня родители. Что там делалось, я не буду рассказывать, потому что теперь не совсем уверен в реальности происходившего; но я помню, как после таких ночных прогулок я часто удивлял окружающих знанием подробностей, не сохранившихся в памяти поколений. Однажды я поразил домашних необычным рассказом о похоронах известного сквайра Брустера, влиятельного в наших местах и богатого человека, умершего в 1711 году; его надгробный памятник из серого с синеватым отливом сланца, на котором были выбиты череп и скрещенные кости, с течением времени понемногу рассыпался в пыль. В порыве детской фантазии я объявил, что владелец похоронной конторы, Гудмен Симпсон, украл башмаки с серебряными пряжками, шелковую одежду и атласное белье покойника, и добавил, что сам сквайр, которого не совсем покинула жизнь, дважды перевернулся в зарытом в землю гробу на следующий день после погребения.

Мысль о том, чтобы проникнуть в гробницу, не оставляла меня; неожиданно сделанное генеалогическое открытие – по материнской линии мои предки были в отдаленном родстве с Хайдами, род которых, как считалось, пресекся, – лишь укрепило мою решимость. Я оказался

последним потомком не только отцовского рода, но также и этого, более древнего и более таинственного. Я начал ощущать, что эта гробница моя, и с нетерпением ждал, когда наконец, открыв дверь, смогу оказаться внутри и сойти по скользким каменным ступеням во тьму. У меня создалась привычка внимательно прислушиваться, сидя у приоткрытой двери, я выбирал для этих странных бдений тихую полуночную пору. С годами мне удалось расчистить небольшую прогалину в зарослях перед замшелым каменным порталом на склоне холма, а ветви росших вокруг деревьев переплелись, образовав стены и купол лесного шатра. Этот шатер был моим храмом, закрытая дверь – святыней, и часто, когда я лежал там, растянувшись на мшистой земле, меня посещали удивительные мысли и удивительные грезы.

Ночь, когда я совершил первое открытие, была душной. Очевидно, я задремал и, пробуждаясь, ясно услышал голоса. Их тон и произношение удержали меня от того, чтобы заговорить; их тембр заставил меня промолчать; могу поручиться, что лексика, манера говорить и сами высказывания разительно отличались от современных. Все особенности новоанглийского диалекта – и четкая риторика полувековой давности, и характерное неблагозвучное произношение колонистов-пуритан, казалось, были представлены в этой беседе теней, хотя это я осознал только впоследствии. А в тот момент мое внимание привлекло совсем другое явление, настолько мимолетное, что я не поручился бы за его реальность. Просыпаясь, я увидел, как мелькнул и тут же погас свет внутри забытой гробницы. Это не вызвало у меня ни удивления, ни испуга, но я убежден, что в ту ночь я коренным образом и навсегда переменился. Вернувшись домой, я поднялся на чердак, уверенно направился к полусгнившему сундуку и обнаружил там ключ. На следующий день я легко отпер дверь, которую так долго и напрасно старался открыть. В мягких сумерках я в первый раз проник в усыпальницу на давно опустевшем склоне. Я был точно околдован, сердце колотилось, я ощущал неописуемое ликование. Закрыв дверь, я стал спускаться по ступеням, как будто давно их знал; свеча то и дело мигала в удушливых испарениях, но я чувствовал себя в этом затхлом склепе как дома. Оглядевшись вокруг, я увидел множество мраморных плит с гробами или остатками гробов. Некоторые были закрыты и совершенно целы, другие почти рассыпались, и их серебряные ручки и накладки валялись среди странных кучек беловатой пыли. На одной из серебряных пластин я прочел имя сэра Джеффри Хайда, приехавшего из Сассекса в 1640 году и умершего несколькими годами позже. В глубине просторной ниши стоял прекрасно сохранившийся гроб,

украшенный только пластинкой с именем – именем, заставившим меня и улыбнуться, и вздрогнуть. Повинуясь странному импульсу, я влез на широкую плиту, погасил свечу и улегся в него. На раннем рассвете я, пошатываясь, вышел из усыпальницы и запер дверь на цепь. Юность моя закончилась, хотя всего двадцать один раз зимние холода успели проморозить мое бренное тело. Жители деревни, рано начинавшие день, бросали на меня любопытные взгляды, удивляясь следам якобы бурной пирушки на лице юноши, который, как им было известно, вел уединенную и воздержанную жизнь. Перед родителями я решился предстать лишь после долгого освежающего сна.

С тех пор гробница служила мне убежищем каждую ночь. Не стану рассказывать о том, что я видел, слышал и делал. В первую очередь изменения произошли в моей речи, на которой всегда сказывалось влияние окружения, и появившаяся в ней архаичность вскоре была замечена. Неожиданно для себя я сделался на диво дерзким и безрассудным. Изменились манеры, я стал вести себя как светский человек, несмотря на то что жил всю жизнь отшельником. Прежняя замкнутость сменилась разговорчивостью, мне стало доступно и легкое изящество речи Честерфилда[5], и нечестивый цинизм Рочестера[6]. Я проявлял удивительную эрудицию, не имевшую ничего общего с чуть ли не монашеской образованностью, приобретенной мною в юности; я покрывал форзацы своих книг импровизированными легкими эпиграммами в духе Гея и Прайора[7]. Однажды за завтраком я сам приблизил катастрофу, вдохновенно продекламировав – с интонациями явно подвыпившего человека – стихотворение XVIII века, эпохи короля Георга, игривую застольную песнь, полную вакхического веселья, которой не найти ни в одной книге, и звучавшую примерно так:

Мы эля в тяжелые чаши нальем
И выпьем за то, что пока мы живем;
Пускай громоздится в тарелке еда —
Поесть и напиться мы рады всегда.
Подставь же стакан!
Жизнь так коротка.
За гробом не выпьешь уже ни глотка!

Был красен от выпивки Анакреон,
Но счастлив и весел при этом был он.
Пусть буду я красным, но все же живым,

Чем белым, как мрамор, и столь же немым!
Эй, Бетти, друг мой!
Целуйся со мной!
В аду не найти мне подружки такой!

Красавчика Гарри держите, не то,
Парик потеряв, упадет он под стол!
А сами наполним мы кубки опять,
Все ж лучше под лавкой, чем в яме, лежать!
Здесь смех и вино,
Веселья полно;
В могиле тебе недоступно оно.

Черт, как я надрался! Шагнуть не могу,
Стоять не могу, и язык – ни гу-гу!
Хозяин, порядок пора навести!
До дома попробую я добрести.
Кто мне бы помог?
Не чувствую ног,
Но весел, пока не прибрал меня Бог![8]

Примерно в это же время я стал бояться огня и молний. Прежде они не производили на меня никакого впечатления, теперь же я испытывал перед ними непреодолимый ужас и спасался в самых укромных уголках, как только на небе разворачивалась грозовая панорама. Излюбленным убежищем мне служил разрушенный подвал сгоревшего в огне особняка Хайдов – сидя в нем, я старался вообразить, каким было это здание прежде. И однажды поразил одного из окрестных жителей, безошибочно указав ему вход в неглубокий нижний подвал, о котором я, как выяснилось, знал, несмотря на то что о его существовании многие годы никто не вспоминал.

Наконец произошло то, чего я давно опасался. Мои родители, встревоженные переменами в манерах и облике единственного сына, из самых благих побуждений учредили слежку за моими передвижениями, и это грозило катастрофой. Я никому не рассказывал о посещении гробницы, с детских лет благоговейно храня свои тайны; теперь же я вынужден был с еще большей осторожностью пробираться по лесному лабиринту, чтобы отделаться от возможного преследования. Ключ от усыпальницы висел у меня на шее на шнурке, и никто не подозревал о его существовании. Я ни

разу не вынес наружу ни одного предмета, найденного в усыпальнице.

Как-то утром, выйдя из сырой гробницы и закрывая замок на цепи не совсем твердой рукой, я заметил на соседнем склоне испуганное лицо соглядатая. Конец был явственно виден, ведь мое убежище обнаружено, цель ночных странствий раскрыта. Соглядатай не остановил меня, и я поспешил домой, чтобы постараться подслушать, что он станет рассказывать моему измученному беспокойством отцу. Неужели о моем пребывании за запертой цепями дверью станет известно всем?

Вообразите же радость и облегчение, которые я испытал, услышав, что соглядатай рассказывает боязливым шепотом, будто я провел ночь возле усыпальницы, обратясь лицом к неплотно закрытой двери! Каким чудом он мог так обмануться? Несомненно, сверхъестественные силы покровительствовали мне! Ободренный этим обстоятельством, я вновь стал, не таясь, посещать усыпальницу, уверенный, что никому не дано увидеть, как я вхожу внутрь. Целую неделю я наслаждался загробным общением, которое не стану описывать, а потом произошло это, и я был привезен сюда, в ненавистную обитель, где царят печаль и однообразие.

В ту ночь я не собирался выходить: в тучах погромыхивал гром, а на дне лощины дьявольскими огоньками фосфоресцировало мерзкое болото. И даже зов мертвых звучал по-иному. Меня тянуло не к гробнице на склоне, а к обугленному подвалу на вершине, словно обитавший там демон манил меня невидимой рукой. Пройдя рощицу и оказавшись на ровном месте перед развалинами, я увидел в неверном свете луны то, чего всегда в какой-то мере ожидал. Перед моим восхищенным взором вновь возник во всем своем великолепии особняк, рухнувший столетие назад; все окна сияли блеском множества свечей. По подъездной аллее одна за другой кареты везли гостей из Бостона, а многочисленные обитатели соседних усадеб, разодетые, напудренные, подходили пешком. Я смешался с толпой гостей, хотя и сознавал, что мне подобает находиться среди хозяев. В зале царили музыка и смех, у каждого в руке был бокал с вином. Несколько лиц оказались знакомы мне, хотя я знавал их уже ссохшимися, тронутыми смертью и разложением. В этой дикой, нечестивой толпе я был самым диким и самым беспутным. Из моих уст изливался поток богохульств, я произносил речи, в которых отрицал все законы – и божеские, и человеческие, и природные.

Внезапно над самой крышей, перекрыв шум неистового веселья, раздался удар грома. Разбушевавшиеся весельчаки в ужасе смолкли. Красные языки пламени и опаляющий жар охватили здание; участники празднества, испуганные обрушившимся на них бедствием, которое,

казалось, было ниспослано свыше, с пронзительными криками исчезли. Я остался один, меня удержал на месте унизительный страх, какого я никогда прежде не испытывал. Но вдруг он сменился новым ужасом. Если я заживо сгорю дотла, а пепел мой развеется по ветру, я никогда не буду лежать в усыпальнице Хайдов! Разве не ждет меня мой гроб? Разве нет у меня законного права на вечный покой среди потомков сэра Джеффри Хайда? Вечный! Я стремился получить свое посмертное наследство во что бы то ни стало, пусть даже душе моей пришлось бы столетиями искать воплощения в теле, которое сможет упокоиться в нише склепа. Джервас Хайд не разделит печальной участи Палинура! [9]

Когда видение горящего дома растаяло в воздухе, я вдруг ощутил, что исступленно кричу и бьюсь в руках двух мужчин, один из которых – тот самый шпион, выслеживавший меня у гробницы. Дождь лил как из ведра, а на южной стороне неба, у горизонта, вспыхивали молнии, какие недавно сверкали у нас над головой. Я кричал, я требовал похоронить меня в склепе, а мой отец скорбно стоял поодаль и время от времени просил удерживавших меня людей обходиться со мной как можно мягче. На полу разрушенного подвала чернел круг – след мощного удара, ниспосланного с небес; из этого развороченного ударом молнии места несколько любопытствующих жителей деревни извлекли и принялись рассматривать при свете фонарей небольшую шкатулку старинной работы.

Прекратив тщетную и теперь уже бесполезную борьбу, я наблюдал за тем, как они любовались найденными в земле сокровищами, как, получив дозволение, принялись их делить. В шкатулке, замок которой был разбит, находилось множество бумаг и ценных предметов, но я не мог отвести глаз от одного из них. Это была миниатюра на фарфоре с инициалами «Дж. Х.», изображавшая молодого человека в изящно завитом по моде XVIII века парике с кошельком. Насколько я мог разглядеть, лицо его было точной копией того, что я ежедневно видел в своем зеркале.

На следующий же день я оказался в этой комнате с зарешеченными окнами, но кое-что мне продолжает сообщать старый слуга – простая душа, которого я любил в детстве и которому, как и мне, нравятся кладбища. Все мои рассказы о пребывании в усыпальнице вызывают у слушателей только сочувственные улыбки. Отец, который часто навещает меня, утверждает, что я ни разу не входил в запертую на цепь дверь и что, как оказалось при ближайшем рассмотрении, ржавого замка в течение последних пяти десятков лет никто не трогал. Он даже говорит, что о моих прогулках к гробнице знали все окрестные жители и что меня часто видели у мрачного портала. Я спал с открытыми глазами, устремленными на неплотно

прилегающую дверь. Никаких вещественных доказательств, с помощью которых я мог бы опровергнуть эти утверждения, у меня нет, ведь ключ от замка был утерян, когда я в ту ужасную ночь бился в руках своих преследователей. Удивительные знания о прошлом, которые я почерпнул во время ночных встреч с мертвецами, отец считает плодом многолетнего беспорядочного чтения старинных книг из фамильной библиотеки. И если бы не мой старый слуга Хайрам, я бы сейчас не сомневался в собственном безумии. Но Хайрам, преданный Хайрам, поддерживает во мне веру. Он совершил нечто, позволяющее мне сделать, во всяком случае, часть моей истории достоянием публики. Неделю назад он взломал замок, запиравший цепи на неизменно приоткрытой двери, и спустился с фонарем в мрачные глубины. На плите в каменной нише он обнаружил старый, но пустой гроб, на потускневшей серебряной пластинке которого стоит лишь одно слово: Джервас. Я получил обещание, что после смерти буду лежать в этом гробу, в этой усыпальнице.

1922

Гипнос
Перевод Олега Колесникова

Что же касается сна, этого зловещего приключения, случающегося каждую ночь, то вызывала бы удивление та смелость, с какой люди раз за разом отдают себя в его власть, не будь она результатом неведения и непонимания опасности.

Бодлер

Наверное, меня хранят милосердные боги, если таковые действительно существуют, в те часы, когда ни сила воли, ни какие-либо изобретенные человеком средства не способны удержать от падения в пропасть сна. Смерть милосердна, ибо из ее владений нет возврата; но тот, кто возвращается из мрачнейших владений ночи, измученный и познавший, навсегда лишается мира и покоя. Я был глупцом, неистово стремящимся познать тайны, не предназначенные для человеческого рассудка. Глупцом или богом был мой единственный друг, который вел меня этим путем и которого в итоге постигла та ужасная участь, что должна была достаться мне.

Припоминаю, как мы впервые встретились на железнодорожной станции, где он оказался в центре внимания толпы пошлых зевак. Он лежал без сознания, облаченный в черный костюм, его тело свела судорога, придавшая ему удивительную строгость. Думаю, ему было тогда около сорока – об этом свидетельствовали глубокие морщины на бледном, со впалыми щеками, но овальном и красивом лице и легкая проседь в густых вьющихся волосах и аккуратной бородке, которая прежде была иссиня-черной. Высокий лоб был божественной формы и точно высечен из пентелийского мрамора. Мне, скульптору по профессии, он показался статуей фавна античной Греции, найденной в руинах храма и чудесным образом оживленной в наш удушливый век, для того лишь, чтобы подчеркнуть пронизывающий холод и груз напрасно прожитых лет. И когда он открыл свои крупные, горящие лихорадочным блеском черные глаза, я уже знал, что отныне он станет моим единственным другом – другом человека, у которого никогда не было друзей, – поскольку такие глаза,

должно быть, видят великолепие и ужас царств, находящихся за пределами обыденного сознания и действительности; царств, о которых я мечтал в грезах, но напрасно искал наяву. Поэтому, разогнав толпу, я предложил ему пройти со мной, быть моим учителем и проводником в постижении удивительных тайн, и он согласился, не произнеся ни слова. Позднее я обнаружил, что его голос похож на музыку, в нем сливались глубокое звучание виол и легкий звон хрусталя. Мы часто беседовали и ночью, и днем, пока я вытачивал из слоновой кости его бюсты и миниатюрные головки, чтобы запечатлеть для вечности различные выражения его лица.

Не берусь описать словами суть наших изысканий – слишком уж мало они связаны с какими-либо представлениями людей о мире. Они имели отношение к огромной устрашающей Вселенной и познании реальности, лежащий за пределами нашего понимания материи, времени и пространства, – той Вселенной, о существовании которой мы иногда догадываемся в тех особенных разновидностях сновидений, что неведомы заурядным представителям рода людского и лишь несколько раз в жизни являются человеку, одаренному воображением. Мир нашего бодрствующего сознания порожден из этой же Вселенной примерно как шут выдувает из трубочки мыльный пузырь и соприкасается с нею не больше, чем мыльный пузырь со своим творцом, когда этот шут втягивает его обратно по своей прихоти. Люди науки лишь смутно догадываются об этом, но по большей части стараются не замечать. Мудрецы как-то пытались толковать сны, и боги смеялись над ними. Один человек с восточными воззрениями сказал как-то, что время и пространство относительны, и люди подняли его на смех. Но этот человек с восточными воззрениями всего лишь высказал предположение. Я пытался сделать больше, чем просто предположение, и мой друг пытался – и отчасти преуспел. Затем мы стали пробовать вместе и с помощью экзотических наркотиков погружались в запретные глубины сновидений в моей башне-мастерской, пристроенной к старинному особняку в многовековом графстве Кент.

Одним из главных душевных терзаний тех дней была невыразимость. Невозможно записать или как-то еще сообщить то, что я узнал и увидел в часы тех нечестивых исследований, ибо ни в одном языке нет подходящих для этого слов и понятий. Наши впечатления от начала и до конца относились к области ощущений, которые нельзя сопоставить с реакциями нервной системы человека. И хотя это были ощущения и они даже содержали некоторые подобия времени и пространства, я не могу сказать про них ничего четкого и определенного. Все, что возможно в пределах

возможностей человеческой речи, это передать общий характер наших опытов, называя происходящее в них погружениями и полетами, ибо при каждом таком откровении какая-то часть нашего сознания отрывалась от всего реального и настоящего и воспаряла над темными, внушающими ужас безднами, иногда прорывалась сквозь хорошо различимые препятствия, которые можно описать как странные вязкие облака.

Мы совершали эти бестелесные полеты иногда поодиночке, иногда вместе. Когда мы были вдвоем, мой друг всегда сильно опережал меня, но несмотря на бестелесность я узнавал о его присутствии всплывающим в памяти зрительным образам: его лицо в странном золотом свете пугающе красивое, с удивительно юными чертами, с горящими глазами, изгибом бровей гордого олимпийского бога и чуть тронутыми сединой волосами и бородою.

За временем мы не следили: оно казалось нам всего лишь иллюзией. Должно быть, в этом была какая-то доля истины, ибо мы удивлялись тому, что совсем не старимся. Наши обсуждения были чудовищно богохульственны и амбициозны: ни боги, ни демоны не отважились бы на то, чего домогались мы. Меня и сейчас пробирает дрожь, когда я рассказываю о наших занятиях, и я не решаюсь говорить о них более подробно; впрочем, скажу, что однажды мой друг написал на листке бумаги желание, которое не осмелился произнести вслух, а я сжег этот листок и со страхом посмотрел на усыпанное звездами ночное небо за окном. Я намекну – только намекну, – что он замышлял обрести власть над всей видимой вселенной и даже большей областью, предполагал достичь того, чтобы Земля и все звезды перемещались в пространстве согласно его воле, и решать судьбы всех живущих. Клянусь, что у меня не было ничего даже близкого к подобным притязаниям, а если это противоречит каким-то словам или записям моего друга, то он, несомненно, глубоко заблуждался, ибо я не властный человек, чтобы рисковать совершить нечто крайне запретное ради великого достижения.

В ту ночь ветры неизведанных пространств неудержимо несли нас к безграничному вакууму за пределами мыслимого. Особые непередаваемые ощущения вызывали в нас безграничный восторг, но сейчас они почти стерлись из моей памяти, а то, что осталось, пересказать почти невозможно. Вязкие облака проносились мимо одно за другим, и наконец я почувствовал, что мы достигли области столь далекой, в какой не бывали никогда прежде.

Мой друг был далеко впереди, но, несмотря на это, когда мы нырнули в удивительный океан первозданного эфира, я заметил мрачное ликование,

которым светилось его удивительно юное лицо. Вдруг его очертания исчезли, и в то же время я почувствовал, что оказался перед препятствием, которое не могу преодолеть. Оно было подобно тем, какие мне уже встречались, но оказалось неизмеримо плотнее; нечто вязкое и клейкое, если вообще возможно применять подобные описания свойств нематериального мира.

Барьер, остановивший меня, мой друг и наставник преодолел без труда. Новая попытка прорваться привела к тому, что я пробудился от наркотического сна и, открыв глаза, увидел мастерскую в башне и бледное все еще бесчувственное тело моего спутника напротив, мраморные очертания его лица, невероятно изможденного, невыразимо прекрасного в золотистом лунном свете.

Вскоре тело в углу пошевелилось, и да хранят меня небеса от того, чтобы еще когда-либо увидеть или услышать подобное. Я не способен описать его крики и жуткие видения ада, отражавшиеся в его черных, обезумевших от страха глазах. Могу сказать лишь, что упал без чувств и пришел в себя лишь тогда, когда он, очнувшись, принялся меня трясти, желая избавиться от страха и одиночества.

Так завершились наши добровольные погружения в глубины грез. Упавший духом и вздрагивающий от дурных предчувствий, мой друг предостерег меня от возможных новых попыток исследования той области, где мы побывали. Он не решился рассказать, что именно там увидел, однако исходя из своего жизненного опыта решил, что нам теперь следует как можно меньше спать, даже если для этого придется использовать сильнодействующие лекарства. Довольно скоро я убедился в его правоте: невыразимый страх охватывал меня всякий раз, как только мною овладевал сон.

После каждого даже самого краткого и непродолжительного сна мне казалось, что я постарел, а мой друг дряхлел с пугающей быстротой. Было ужасным замечать, как на нем появляются морщины и седеют волосы. Наш образ жизни изменился полностью. Мой друг, прежде всегда бывший затворником – он даже не сообщил свое настоящее имя и откуда родом, – теперь панически боялся одиночества. По ночам он остерегался оставаться один, и даже компания в несколько человек его не успокаивала. Отрадой ему стали разнообразные шумные сборища и неистовые пирушки; немноголюдные мужские встречи нас не устраивали.

В большинстве случаев мы внешностью и возрастом настолько не соответствовали окружению, что это вызывало насмешки, и меня это больно ранило, но мой друг считал это меньшим злом, чем одиночество.

Особенно опасался он оказываться под открытым небом, и когда такое случалось, то невольно часто боязливо посматривал вверх, будто за ним охотилось что-то чудовищное. Посматривал он не в какую-то определенную сторону – я заметил, что направление этих взглядов в разное время разное. Весенними вечерами он бросал взгляды на северо-восток. Летом он украдкой смотрел куда-то почти над головой. Осенью поглядывал на северо-запад. Зимой его осторожное внимание привлекала восточная часть небосклона, но только в предутренние часы.

Наиболее спокойным он казался зимними вечерами. Лишь по прошествии двух лет я понял, что этот страх связан с каким-то вполне конкретным местом; тогда я стал замечать, что поглядывает он всегда на одну и ту же точку звездного неба, где-то в области созвездия Северной Короны.

В то время мы занимали небольшую мастерскую в Лондоне, по-прежнему оставаясь неразлучными, но избегая разговоров о тех днях, когда пытались проникнуть в тайны нереального мира. Лекарственные препараты, беспорядочный образ жизни и нервное переутомление довольно заметно состарили нас, редеющие волосы и борода моего друга стали белыми как снег. Несмотря на это, мы умудрялись обходиться без долгого сна и крайне редко уделяли более одного-двух часов подряд на то беспамятство, что превратилось для нас в ужасную угрозу.

Наконец, в туманном и дождливом январе, наступил тот день, когда деньги у нас закончились и не на что было приобрести необходимые медицинские препараты. Я уже продал все свои статуи и резные головы из слоновой кости и не имел ни малейшего желания доставать материал и работать над новыми скульптурами. Положение наше было ужасным, и однажды ночью мой друг впал в странный тяжелый сон, из которого мне никак не удавалось его пробудить. Я и сейчас прекрасно помню эту сцену: запущенная мрачная каморка на чердаке, под самой крышей, по которой беспрерывно стучит дождь; мерно тикают настольные часы; воображаемо тикают карманные часы на туалетном столике; скрипят ставни в какой-то отдаленной части дома; звуки города, приглушенные туманом и расстоянием; но самое страшное – размеренное, глубокое, зловещее дыхание моего друга, ритмично отмеряющее мгновения сверхъестественного страха и агонии духа, блуждающего в невообразимых, немыслимо удаленных запретных сферах.

Напряжение моего бдения становилось невыносимым, дикая вереница мимолетных впечатлений и ассоциаций проносилась в моем слегка помутившемся сознании. Я услышал донесшийся откуда-то бой часов –

наши часы этого не умели, – и моя возбужденная фантазия приняла его за отправную точку. Часы… время… пространство… безграничность… и затем мои мысли вернулись к настоящему, и, несмотря на туман и дождь, я вдруг ощутил, как на северо-востоке Северная Корона восходит над горизонтом. Созвездие, которого так опасался мой друг, нависает сверкающим полукольцом и простирает свои лучи сквозь неизмеримые бездны эфира. Вдруг мои уши уловили новый звук, прекрасно различимый сквозь общий шумовой фон – низкий монотонный вой, доносящийся издалека; жалобный, протяжный, насмешливый зов откуда-то с северо-востока.

Но не этот отдаленный вой лишил меня чувств и оставил на моей душе печать страха, от которой мне уже никогда не избавиться; не из-за него я так кричал и дергался в конвульсиях, что соседям и полиции пришлось выломать дверь. Дело было не в том, что я услышал, а в том, что увидел; ибо в темной, запертой и зашторенной комнате появился луч зловещего красно-золотистого света из северо-восточного угла – луч, который не рассеивал тьму вокруг, а подсвечивал только голову спящего, раздваивая видение его лица, так что я увидел светящееся и странно помолодевшее лицо моего друга, такое, каким я помнил его во время наших совместных блужданий по безднам пространства и раскрепощенного времени, когда он преодолел барьер и проник в тайную, самую сокровенную и запретную область ночных кошмаров.

Пока я в изумлении смотрел на это, голова приподнялась, черные, глубоко запавшие влажные глаза в ужасе раскрылись, а на тонких, бледных губах застыл крик, настолько пропитанный страхом, что не мог воплотиться в звуке. В этом мертвенно-бледном лице, сияющем и молодом, столь хорошо знакомом мне, я видел, что моего друга затопляет могучий, разрушающий мозг страх, не сравнимый ни с чем ни на земле, ни на небе.

Мы оба не произнесли ни слова, тогда как далекий вой нарастал, становясь все ближе и ближе; когда же я проследил за взглядом обезумевших глаз и лишь на миг увидел открывшееся ему – то, от чего шел звук и где начинался проклятый луч, – со мной случился сильнейший припадок эпилепсии, сопровождаемый криками, перебудившими всех соседей и заставившими их вызвать полицию. Я не раз пробовал, но мне не удается описать, что именно мне довелось там увидеть, а на застывшем лице моего несчастного друга, видевшего гораздо больше меня, уже ничто не прочтешь. Но с тех пор я стараюсь больше не поддаваться коварному и ненасытному Гипносу, повелителю снов, а также избегаю ночного неба, безумной жажды познания и философии.

Невозможно разобраться, что же все-таки случилось в ту ночь, ибо не только моего сознания коснулась ужасная тень, но и все окружающие вдруг стали проявлять забывчивость, более похожую на безумие. В один голос они утверждают, будто у меня вообще не было никакого друга, и только искусство, философия и безумие заполняли мою трагическую жизнь. Той ночью соседи и полиция пытались утешить меня и даже вызвали доктора, который дал что-то успокоительное, но никто из них не поверил в увиденный мною кошмар. Участь моего несчастного друга не вызвала у них жалости, тогда как обнаруженное на кушетке в углу мастерской привело к восхвалениям, вызвавшим у меня отвращение, и принесло мне ту славу, которую я отвергаю в отчаянии и провожу многие часы, беспомощный и одуревший от лекарств, лысый, седобородый старик, молитвенно взывающий к обожаемому найденному ими предмету.

Они отрицают, что я продал все свои работы, и восторгаются тем безмолвным и окаменевшим, что порождено проклятым лучом. Это все, что осталось от моего друга; друга, который был моим проводником на пути к безумию и катастрофе; изумительная, богоподобная мраморная голова в стиле древнегреческих статуй, молодость которой бессильно повредить время, прекрасное лицо, обрамленное короткой бородой, чуть тронутые улыбкой губы, изгиб бровей гордого олимпийского бога и густые вьющиеся локоны, украшенные венком из полевых маков. Говорят, что моделью для нее послужил я сам в возрасте двадцати пяти лет, но на ее мраморном основании высечено лишь одно имя греческими буквами: ΗΥΠΝΟΣ.

1923

В склепе
Перевод Валерии Бернацкой

На мой взгляд, глупо считать, что с простыми людьми никаких других историй, кроме банальных, случиться не может, а ведь именно так думают многие. Стоит вам упомянуть о некой деревеньке, населенной янки, где гробовщик, недотепа и бедолага, остался по неосторожности в склепе, и читатель непременно будет ждать от вас немудреного анекдота с легким налетом гротеска. Однако в весьма заурядной истории, приключившейся с Джорджем Берчем, которую теперь, после его смерти, я могу поведать читателям, есть нечто, в сравнении с чем даже мрачнейшие из трагедий покажутся жизнерадостными побасенками.

В 1881 году Берч неожиданно закрыл свое дело и сменил профессию, не распространяясь о причинах, побудивших его к этому. Молчал и его врач, старина Дэвис, теперь уже почивший в бозе. Считалось, что болезнь Берча явилась следствием пережитого шока – в результате несчастного случая он оказался заперт в склепе на кладбище Пек-Уолли, где провел девять часов и выбрался откуда лишь с превеликим трудом. Все это чистая правда, но были в этой истории и другие, более мрачные подробности; как-то Берч, будучи мертвецки пьян, поведал мне о них. Думаю, он рассказал мне всю правду потому, что я был его врачом, к тому же после смерти Дэвиса его неодолимо тянуло поделиться с кем-нибудь еще. Ведь он был старый холостяк – ни родных, ни близких.

До 1881 года Берч оставался деревенским гробовщиком, но даже среди людей этой профессии выделялся своей черствостью и примитивностью. Качество его работы оставляло желать лучшего и сегодня никого бы уже не удовлетворило, по крайней мере в городах, но думаю, что и жители Пек-Уолли содрогнулись бы, узнай они, как бессовестно ловчит этот мастер ритуальных услуг, когда ему заказывают дорогую обивку, невидную на дне гроба, или с каким небрежением укладывает покойников в их последнее пристанище. Нет сомнений, Берч был неряшлив, равнодушен к людскому горю, никуда не годился в профессиональном отношении, и все же, мне кажется, он не был злым человеком. Просто он был от природы груб – туповатый, ленивый, жадный, что и привело впоследствии к несчастью, которого могло бы и не случиться. У него напрочь отсутствовало воображение, которое не позволяет рядовому обывателю, получившему

хоть какое-то воспитание, выходить за общепринятые рамки приличия в своем поведении.

Я не мастер рассказывать истории и поэтому не знаю, с чего начать свое повествование. Может, всего уместнее начать с того холодного декабря 1880 года, когда земля промерзла до такой степени, что могильщики поняли: до весны им не выкопать ни одной могилы. Деревушка, к счастью, была небольшая, умирали не часто, и потому все клиенты Берча могли найти себе временный приют в старом общем склепе. Наш гробовщик от холодной погоды вовсе разленился и, кажется, превзошел в халатности самого себя. Еще никогда не сбывал он таких утлых и нескладных гробов и совсем не обращал внимания на проржавевший засов склепа, дверцей которого он то и дело хлопал с вызывающей небрежностью.

Наконец пришла весна, и для девятерых умолкших навеки заложников зимы, терпеливо ждавших в склепе часа своего упокоения, были выкопаны могилы. Берч, хоть и не любивший хлопот, связанных с погребением мертвецов, все же одним ненастным апрельским днем начал перевозить гробы, но прекратил работу еще до полудня по причине сильного дождя, беспокоившего лошадь. Он успел доставить к месту вечного приюта одного лишь Дариуса Пека, девяностолетнего старца, чья могила была недалеко от склепа. Берч решил, что перевезет остальных завтра, начав с низкорослого Мэтью Феннера, чья могила также была неподалеку, но проканителился целых три дня, вплоть до пятнадцатого – до Страстной пятницы. Лишенный всяких предрассудков, он не побоялся работать в святой день, хотя впоследствии его никакими силами нельзя было заставить чем-либо в такие дни заниматься. События того вечера, несомненно, очень его изменили.

Итак, пятнадцатого апреля, в пятницу пополудни, Берч впряг лошадь в повозку и направился к склепу, чтобы перевезти гроб с телом Мэтью Феннера. Он не скрывал впоследствии, что был несколько навеселе, хотя тогда еще не пил горькую, как позднее, когда хотел забыться. У него просто немного кружилась голова, отчего он вел себя еще безалабернее обычного, чем раздражал чуткую лошадь. Берч гнал ее к склепу, стегая кнутом, а она ржала, била копытом и мотала головой, как и в тот день, когда им помешал дождь. Было сухо, но дул сильный ветер, и Берч поспешно отпер железную дверь и забрался в склеп, одна сторона которого примыкала к склону холма. Многим было бы не по себе в этом сыром, затхлом помещении, где в беспорядке стояли восемь гробов, но не отличавшегося тонкостью чувств Берча заботило лишь одно – не перепутать гробы и поместить каждого в его могилу. Он еще помнил шумный скандал, который закатили

переехавшие в город родственники Ханны Бигсби, когда решили перевезти ее прах на городское кладбище и обнаружили под могильным камнем останки судьи Кепуэлла.

В склепе было темновато, но Берч обладал хорошим зрением и не спутал гроб Асафа Сойера с нужным ему, хотя они почти ничем не отличались. Собственно, вначале гроб этот предназначался для Мэтью Феннера, но получился такой нескладный и шаткий, что Берч, вспомнив, как этот щуплый старичок был добр и щедр к нему, когда пять лет назад Берчу грозило разорение, неожиданно для себя, в приступе какой-то странной сентиментальности, отставил его в сторону. Для Мэтта он сколотил самый лучший гроб, на какой только был способен, однако, поскупившись, сохранил и отвергнутый, приспособив его для Асафа Сойера, когда тот скончался от лихорадки. Сойер был недобрым человеком, о его дьявольской мстительности и злопамятстве ходили легенды. Поэтому Берч не испытал никаких угрызений совести, сплавив ему эту развалюху, которую сейчас и отпихнул с дороги в поисках гроба Феннера.

Но как только он отыскал его, дверь вдруг с шумом захлопнулась, оставив гробовщика почти в полной темноте. Свет едва пробивался сквозь узкую фрамугу да вентиляционное отверстие над головой, и Берчу пришлось пробираться к двери на ощупь, то и дело останавливаясь и спотыкаясь о гробы. Он долго громыхал во мраке проржавевшими задвижками, бился о железные панели, удивляясь, отчего это дверь стала такой неподатливой. Наконец правда открылась ему, и тогда он отчаянно закричал, но его услышала только лошадь, издав в ответ неодобрительное ржание. Засов, к которому он относился столь небрежно, окончательно заклинило, и незадачливый гробовщик, жертва собственной беспечности, оказался запертым в склепе.

Это событие произошло в полчетвертого пополудни. Берч, по природе человек флегматичный и трезвый, вскорости перестал вопить и принялся искать инструменты, которые, как он помнил, лежали где-то в углу склепа. Сомнительно, чтобы он в полной мере прочувствовал весь ужас и фатальность ситуации, однако его основательно раздражал сам факт заточения, столь грубо выключивший его из жизни деревни. Дневной распорядок полностью нарушен, одно ясно: если его не выручит какой-нибудь праздный гуляка, придется провести здесь всю ночь, а может, и больше. Отыскав наконец инструменты и выбрав из них молоток и стамеску, Берч снова пробрался между гробами к двери. Дышать было совершенно нечем, но он не обращал на это внимания, пытаясь справиться с массивным железным засовом. Он отдал бы многое сейчас за фонарь или

хотя бы свечу, но за неимением их трудился изо всех сил почти в полной темноте.

Поняв, что с засовом ему не справиться – особенно теми инструментами, которыми он располагал, – Берч огляделся в поисках другого выхода. С одной стороны склеп был врыт в склон холма, и узкая вентиляционная труба проходила через толстый слой земли, что делало абсолютно невозможной попытку выбраться через нее. Однако можно было попытаться расширить узкую фрамугу, расположенную в фасаде строения, прямо над дверью. Берч долго ее разглядывал, прикидывая, как бы до нее добраться. Лестницы в склепе не было, а ниши для гробов, расположенные с трех сторон, которыми, кстати, Берч никогда не пользовался, также были для него бесполезны. Подняться наверх можно было, только составив лестницу из самих гробов, и Берч стал прикидывать, как лучше это сделать. Уже три гроба, поставленные один на другой, давали ему возможность дотянуться до фрамуги, но с четырьмя, считал он, будет удобнее. Все гробы были одного размера, взгромоздить их один на другой не представляло труда, но требовалось покумекать, как поставить все восемь, чтобы «лестница» была поустойчивей. Размышляя обо всем этом, он пожелал себе, чтобы его изделия оказались попрочнее. Однако у него не хватило воображения пожелать также, чтобы они были пустыми.

В конце концов он порешил, что в основание «лестницы» лягут три гроба, установленные параллельно стене, на которые он поставит еще два ряда по два гроба в каждом, а сверху у него будет еще один. Это сооружение позволит без труда взобраться на него, даст устойчивость и нужную высоту. Но потом Берчу показалось, что лучше оставить в основании только два гроба, а один держать в запасе на тот случай, если с четырех ступеней ему будет трудно выбраться наружу. И вот наш узник начал трудиться в темноте, созидая свою миниатюрную вавилонскую башню и обращаясь при этом весьма бесцеремонно с безмолвными останками своих односельчан. От его усилий некоторые гробы уже трещали, и тогда для большей уверенности Берч решил поставить на самый верх прочный гроб Мэтью Феннера. Не доверяя глазам, он попытался отыскать на ощупь и почти сразу же наткнулся на него. Это была великая удача, так как Берч непредусмотрительно запихнул его в третий этаж.

Воздвигнув наконец свою башню, Берч решил дать передышку натруженным рукам и немного посидел на нижней ступени этого мрачного сооружения. Затем, прихватив с собой инструменты, с превеликой осторожностью взгромоздился на самый верх и оказался прямо на уровне фрамуги. Она была со всех сторон выложена камнем, и следовало изрядно

потрудиться, чтобы сделать из этой щели достаточно большой лаз. Лошадь при стуке молотка как-то странно заржала; в ее ржании слышались не то издевка, не то одобрение. Уместно было и то и другое. С одной стороны, стать узником сего ветхого строения – какой убийственный сатирический комментарий к тщете человеческих усилий! С другой стороны, стремление выбраться из западни, несомненно, заслуживало всяческого уважения.

Наступивший вечер застал Берча за работой. Теперь он совсем уже ничего не видел – за облаками померк даже свет луны, но все же воспрянул духом, так как щель значительно увеличилась. Он был уверен, что к полуночи сумеет выбраться, и к этой уверенности не примешивалось никакой суеверной робости. На него никак не влияли ни время, ни место, ни странное общество у него под ногами. Он со стоическим спокойствием отбивал камень за камнем, тихонько поругиваясь, когда осколки попадали ему в лицо, но от души расхохотался, когда один попал в лошадь, уже давно бившую в остервенении копытом у кипариса. Лаз понемногу увеличивался, и Берч время от времени делал попытку в него пролезть – при этом гробы под ним шатались и скрипели. Он уже понял, что ему не придется ставить еще один гроб – щель была на досягаемом уровне.

Только в полночь Берч решил, что теперь-то уж наверняка пролезет в отверстие. Усталый и вспотевший, он спустился вниз и присел отдохнуть, чтобы набраться сил для последнего рывка. Голодная лошадь непрерывно ржала, и в этом ржании было нечто настолько жуткое, что даже Берчу стало не по себе. Он уже не чувствовал того подъема, который испытал, уверившись в близком спасении, теперь он опасался, что, раздавшись с возрастом в боках, все-таки не сможет пролезть в дыру. Вновь взбираясь на поскрипывающие гробы, Берч мучительно ощущал собственный вес, а поднимаясь на последний, услышал угрожающий треск, недвусмысленно говоривший, что крышка проломилась. Зря он, видимо, понадеялся на лучшее свое изделие: стоило ему только встать на него, как гнилые доски треснули, и Берч провалился в гроб. Лошадь, испуганная то ли шумом, то ли усилившимся зловонием, издала отчаянный звук, который и ржанием-то нельзя было назвать, и понеслась куда-то в ночную тьму, таща за собой громыхающую тележку.

Берч понял, что положение его аховое – теперь дыра была значительно выше его груди, но, собрав все силы, решился на отчаянную попытку. Уцепившись за край фрамуги, он попытался подтянуться, однако что-то мешало ему, казалось, его крепко держат за ноги. Тут он впервые за все время испытал страх и изо всех сил постарался освободиться от непонятной помехи, но на ноги будто гири навесили. Внезапно он

почувствовал резкую боль, как если бы в лодыжку впилось что-то острое. Берч, несмотря на весь свой ужас, объяснил для себя эту боль вполне естественными причинами, полагая, что у треснувшего гроба обнажились гвозди или расщепленные углы. Он, должно быть, кричал, уж во всяком случае, отчаянно брыкался, почти теряя сознание.

Наконец страшным усилием воли Берч вырвался из западни, протиснулся в щель и рухнул на сырую землю. Он не мог, как выяснилось, идти и пополз, волоча окровавленные ноги и конвульсивно впиваясь ногтями в могильную землю, а выглянувшая из облаков луна освещала эту жуткую картину. Берч полз к домику кладбищенского сторожа, тело у него было ватным, а движения замедленными, как в ночном кошмаре. Никто не гнался за ним, во всяком случае, когда Армингтон, ночной сторож, услышав царапанье, открыл дверь, кроме Берча, за нею никого не было.

Армингтон уложил Берча на свободную кровать и послал своего сына Эдвина за доктором Дэвисом. Больной был в полном сознании, но ничего не объяснял, повторяя только что-то вроде: «Мои ноги… пусти… один в склепе». Пришедший со своим неизменным саквояжем и ободряющими словами доктор распорядился снять с несчастного верхнюю одежду и башмаки. Его раны (обе лодыжки в области ахиллова сухожилия были зверски истерзаны, как будто из них вырвали по изрядному куску мяса), казалось, озадачили и даже напугали старого врача. Он с волнением расспрашивал больного о случившемся, дрожащими руками постарался побыстрее обработать и забинтовать раны, не в силах глядеть на это жуткое зрелище.

В вопросах, которые Дэвис задавал гробовщику, звучал плохо скрываемый страх, похоже, он хотел выпытать у своего пациента – что было совсем нехарактерно для старого врача – все до мельчайших подробностей о кошмарном ночном приключении. Его особенно интересовало, уверен ли Берч, что на самом верху стоял тот самый гроб, и как он сумел отыскать его в темноте, точно ли это был гроб Феннера и как ему удалось отличить его от того, в котором покоился зловредный Асаф Сойер. И мог ли так внезапно треснуть гроб Феннера? Деревенский врач Дэвис видел, конечно, оба гроба во время похорон и, конечно же, посещал Феннера и Сойера незадолго до их смерти. И помнил свое изумление на похоронах Сойера: как это он поместился в гроб, сделанный по размерам тщедушного Феннера?

Через два часа доктор ушел, посоветовав Берчу говорить всем, что поранил ноги о гвозди и острые углы. Кому придет в голову что-нибудь другое? Лучше помалкивать и не обращаться к другим врачам. Берч так и

сделал, я же со своей стороны, осмотрев после его откровений старые, бледные уже шрамы, согласился, что это был мудрый совет. Берч навсегда остался хромым – связки так полностью и не восстановились, – но, полагаю, самый большой ущерб понесла его душа. Психическое здоровье гробовщика заметно пошатнулось, больно было видеть, как бывший увалень и флегматик вздрагивает при одном лишь упоминании о пятнице, склепе, гробе и подобных вещах. Его напуганная лошадь вернулась-таки домой, но его разум в прежнем виде не возвратился к нему. Он сменил работу, но так и не обрел покоя. Возможно, его мучил страх, возможно, на этот страх позднее наложилось раскаяние в совершенных грехах. Желая забыться, он пристрастился к спиртному.

Той ночью, оставив Берча, доктор Дэвис, взяв с собой фонарь, направился к склепу. При свете луны он увидел разбросанные осколки камней и изуродованный фасад строения. Дверца склепа легко подалась, едва он дотронулся до нее. Насмотревшийся всего в операционных, доктор смело вошел внутрь и огляделся. Но от тяжелого зловония и открывшегося перед ним зрелища у доктора перехватило дыхание. Он громко закричал, крик перешел в еще более ужасный хрип. В следующее мгновение он уже несся к сторожке и там, забыв все правила профессиональной этики, разбудил пациента и, тряся его, возбужденно и прерывисто зашептал нечто такое, что обожгло уши гробовщика, будто с шипением изрыгаемый яд.

> «Это был Асаф! Так я и думал! Я хорошо помню, у него не хватало переднего зуба. Заклинаю, не показывай никому свои раны – там есть эти отметины. Труп почти разложился, но злобное выражение на его лице… на его бывшем лице… видно и сейчас… Ведь это сущий дьявол. Помнишь, как он разорил старого Раймонда, и это через тридцать лет после спора о границе между их участками! Или как безжалостно раздавил он прошлым летом укусившего его щенка! Сущий дьявол, Берч! Он может мстить и из гроба. Спаси меня, Боже, от его мести!
>
> Зачем ты сделал это, Берч? Конечно, он был негодяй, и я не виню тебя за этот бракованный гроб, но все же ты зашел слишком далеко. Экономить, конечно, не грех, но ведь старина Феннер был такого маленького роста!
>
> Этого зрелища я никогда не забуду. Брыкался ты, видать, здорово – гроб Асафа валяется на земле, череп расколот, кости раскиданы. Всякого я насмотрелся, но такого не упомню! Жуткое зрелище! Бог свидетель, ты, Берч, получил по заслугам. Череп

заставил меня содрогнуться, но то, что я увидел потом, было во сто крат хуже: *содранное с твоих лодыжек мясо лежит в бракованном гробу Мэтта Феннера!*»

1925

Неименуемое
Перевод Олега Колесникова

В осенних сумерках мы сидели на запущенном надгробии семнадцатого века на старом аркхемском кладбище и рассуждали о неименуемом. Обратив взгляд на исполинскую иву с почти целиком вросшей в ствол древней могильной плитой, надпись на которой прочесть теперь не представлялось возможным, я стал фантазировать по поводу того, какого типа «питательные» вещества извлекают гигантские корни этого гигантского дерева из земли многовекового кладбища; мой приятель упрекнул меня в том, что я несу вздор, ибо здесь уже более ста лет никого не хоронят, а значит, в почве нет ничего особенного, чем могло бы питаться это дерево, помимо самых обычных веществ. И вообще, добавил он, все эти мои постоянные упоминания о различных «неименуемых» и «не произносимых вслух» вещах – пустой детский лепет, вполне в духе моих ничтожных успехов на ниве литературы. Я слишком увлекаюсь в рассказах всяческими кошмарными видениями и звуками, которые лишают моих персонажей не только мужества и дара речи, но и памяти, в результате чего они не могут внятно поведать о случившемся. Мы познаем все окружающее, заявил он, посредством своих пяти чувств и с помощью интуиции; следовательно, не может существовать таких предметов или явлений, которые не поддаются строгому описанию, основанному либо на достоверных фактах, либо на корректно выстроенных богословских доктринах – в качестве последних предпочтительны догматы конгрегационалистов в любой их модификации, вплоть до трактовки сэром Артуром Конан Дойлем.

С этим другом, Джоэлом Мэнтоном, мы часто вели спокойные, размеренные споры. Он был директором Восточной средней школы, а родился и воспитывался в Бостоне, где и приобрел характерное для жителя Новой Англии самодовольство, отличающееся глухотой ко всем изысканным обертонам жизни. Он был убежден, что если что-то и имеет реальную эстетическую ценность, так это наш обыденный, повседневный опыт, а следовательно, задача создателя художественного произведения не в том, чтобы возбуждать сильные эмоции увлекательным сюжетом и глубокими переживаниями и страстями, но поддерживать в читателе спокойный интерес и воспитывать вкус к аккуратным, детальным

описаниям будничных событий. Особое недовольство вызывала у него моя чрезмерная увлеченность мистическим и необъяснимым; ибо, несравнимо глубже меня веруя в сверхъестественное, он не выносил, когда потустороннее низводили до обыденного, делая его предметом литературного исследования. Ему, логичному, практичному и трезвомыслящему, было трудно понять, что именно в уходе от обыденности и вольном манипулировании образами и представлениями, которые в действительной жизни, как правило, вгоняются нашими ленью и привычкой в хорошо знакомые схемы, можно обрести величайшее наслаждение. Для него все предметы и ощущения имели раз и навсегда заданные свойства и параметры, причины и следствия; и хотя в глубине души он сознавал, что человеческое мышление иногда способно иметь дело с явлениями и ощущениями, не укладывающимися с геометрической строгостью в наши представления и опыт, но все же считал себя вполне компетентным для того, чтобы проводить условную черту и убирать из рассмотрения все, что не может быть познано и испытано среднестатистическим гражданином. А кроме того, он был почти уверен, что не может существовать действительно неименуемое – подобное казалось ему бессмыслицей.

Я прекрасно сознавал всю тщетность построенных на образах и метафизических аргументах в попытках переубедить этого самодовольного ортодоксального обывателя, но в обстановке этого послеобеденного диспута было нечто такое, что побуждало меня выйти за рамки обычных словопрений. Полуразрушенные серые плиты, деревья почтенного возраста, остроконечные крыши старинного городка, прибежища ведьм и колдунов – все это, обступающее кладбище со всех сторон, вдохновило меня встать на защиту своего творчества, и я кинулся в атаку, перейдя границу и вступив на территорию врага. Впрочем, начать контратаку не составило особого труда, поскольку я знал, что Джоэл Мэнтон почтительно относится ко всякого рода бабушкиным сказкам и суевериям, которые в наши дни не воспринимает всерьез ни один сколько-то образованный человек – таким, например, поверьям, что после смерти человек может появляться в весьма отдаленных местах или что лица стариков, долго глядящих в окна, запечатлеваются в самом стекле. Воспринимать всерьез то, о чем нашептывают деревенские старушки, заявил я, означает допускать посмертное существование неких бестелесных субстанций отдельно от их материальных эквивалентов. Но это означает признавать возможность явлений, не укладывающихся в рамки обычных представлений; ибо если мы допускаем, что видимый или осязаемый образ мертвеца может

передаваться в пространстве через половину земного шара и во времени через века, то разве нелепы предположения, что заброшенные дома населены странными разумными существами или что на старых кладбищах скапливается бесплотный разум ушедших поколений? И если душа, во всех предписываемых ей свойствах, не подчиняется законам материального мира, то разве невозможно вообразить, что после физической смерти человека продолжает жить некая чисто духовная сущность, способная принимать такую форму – или отсутствие формы, – которая для наблюдателя окажется вызывающей крайнее отвращение и абсолютно неименуемой? «Здравый смысл», когда рассуждаешь о подобных вещах, дружески заверил я Мэнтона, означает попросту отсутствие воображения и гибкости ума.

Наступали сумерки, но мы не торопились завершать нашу беседу. Мои аргументы для Мэнтона, похоже, оказались недостаточно весомыми, и он продолжал оспаривать их с убежденностью в своей правоте, характерной для профессиональных преподавателей; я же держался пока вполне уверенно на своих позициях и не собирался сдаваться. Сумерки стали сгущаться, вдалеке в окнах замерцали огоньки, но мы уходить не собирались. Сидеть на надгробии оказалось вполне удобно, и моего прозаически настроенного друга нисколько не беспокоили ни глубокая трещина в древней кирпичной кладке прямо у нас за спиной, ни окружающее нас пятно тьмы, образовавшееся потому, что между надгробием, на котором мы расположились, и ближайшими уличными фонарями возвышался полуразрушенный необитаемый дом, построенный еще в семнадцатом веке. В этой непроглядной тьме на запущенном надгробии вблизи заброшенного дома мы продолжали обсуждать «неименуемое», и, когда Мэнтон наконец перестал изрекать язвительные замечания, я рассказал ему об ужасных событиях, действительно имевших место и лежащих в основе того из моих рассказов, который казался ему наиболее нелепым.

Рассказ этот назывался «Окно мансарды» и был опубликован в январском выпуске «Уисперс» за 1922 год. Во многих местах Америки, в особенности на юге и на тихоокеанском побережье, журналы с этим рассказом даже убирали с прилавков, потакая требованиям слабонервных идиотов, и лишь в Новой Англии проявили невозмутимость и только пожимали плечами в ответ на жалобы на мою эксцентричность. Критиковали меня в первую очередь за то, что описанное существо было биологически просто невозможно; оно всего лишь одна из версий расхожих деревенских сказок, которые Коттон Мэзер по причине чрезмерной

доверчивости вставил в свои сумбурные «Великие деяния Христовы в Америке», причем происхождение этой небылицы настолько неопределенное, что он не решился указать место, где это произошло. И уж совсем не вписывалось ни в какие рамки то, как я развил и усложнил древний мистический сюжет, проявив себя как бездумного и претенциозного графомана. Мэзер действительно описал появление подобного существа, но кто, кроме дешевого охотника за сенсациями, мог бы поверить, что оно способно вырасти и станет, во плоти и во крови, шастать по ночам и заглядывать в окна домов, а днем прятаться в мансарде заброшенного дома, и будет делать это целое столетие, пока какой-то прохожий не увидит его в окне мансарды, а потом так и не сможет объяснить, отчего у него поседели волосы? Все это выглядело полнейшим вздором, притом совершенно безвкусным, и мой приятель не упустил возможность согласиться с последним утверждением. Тогда я рассказал ему о прочитанном в дневнике, датированном 1706–1723 годами, обнаруженном мною среди прочих бумаг семейного архива менее чем в миле от того места, где мы в тот момент беседовали. В дневнике описывались необычные шрамы на спине и груди одного из моих предков, и я заверил Мэнтона в подлинности этого документа. А также я рассказал ему о страшных историях, рассказываемых местным населением, передающихся из поколения в поколение, и о том, как вполне реально сошел с ума один паренек, осмелившийся в 1793 году войти в покинутый дом, чтобы посмотреть на некие следы, которые, предполагалось, там должны были быть.

История была жуткой – но какой впечатлительный человек не содрогнется, изучая пуританский период истории Массачусетса? Нам известно крайне мало о том, что скрывалось в глубине, за внешней стороной событий, но по тем отдельным чудовищным проявлениям, когда гной омерзительно прорывался наружу, можно судить о степени разложения. Охота на ведьм – это лишь ужасный луч, высвечивающий, что творилось в смятенных умах людей, но даже она – это лишь пустяк. В жизни отсутствовала красота; не было никакой свободы – мы можем судить об этом по архитектуре, сохранившимся предметам быта, а также по ядовитым проповедям тогдашних духовников. Но под ржавой железной смирительной рубашкой таились невероятные уродства, извращенные пороки и колдовство. Вот когда был, действительно, апофеоз Неименуемого!

В своей демонической 6-й книге, которую не рекомендуется читать после наступления темноты, Коттон Мэзер, разражаясь анафемой, называет

все вещи своими именами. Сурово, словно библейский пророк, немногословно и бесстрастно, как не мог после него излагать уже никто, он поведал о твари, породившей на свет нечто среднее между нею и человеком, нечто с дурным глазом, и о безымянном пьянчуге, повешенном, несмотря на его крики, потому что у него был похожий глаз. На этом история Мэзера кончается, и он не сделал ни малейших намеков на то, что случилось потом. Возможно, он просто не знал, а может, знал, но не осмелился сказать. Другие, кто знал, тоже предпочли сохранить молчание, и потому до сих пор неизвестно, что же заставляло людей приглушать голос до шепота при упоминании о замке на двери, за которой скрывалась лестница на мансарду в доме бездетного, убогого и угрюмого старика, установившего на могиле, которую все обходили стороной, серую плиту без надписи, но сохранившиеся в избытке легенды таковы, что от них у смельчаков стынет самая пылкая кровь.

Обо всем этом я узнал из найденного мною древнего дневника; все осторожные намеки и не предназначенные для посторонних ушей истории о существах с дурным глазом, которых видели в окнах по ночам и на пустынных лесных опушках. Некая тварь напала на моего предка ночью на проселочной дороге и оставила следы рогов на его груди и следы когтей, подобных обезьяньим, на спине; на дорожной пыли удалось найти перемежающиеся четкие отпечатки копыт и чего-то похожего на лапы обезьяны. Один почтальон рассказывал, что, проезжая верхом через Медоу-Хилл незадолго до рассвета, при тусклом сиянии луны видел старика, догонявшего и окликавшего какое-то гадкое существо, убегавшее вприпрыжку, и многие поверили почтальону. Также точно известно, что в 1710 году, после похорон дряхлого бездетного старика, тело которого положили в склеп за его домом, рядом со странной плитой без надписи, в его доме раздавались какие-то голоса. Дверь на мансарду отпирать не стали, но оставили дом таким, какой он был, – мрачным и заброшенным. Когда же из покинутого дома доносились звуки, прохожие вздрагивали и шепотом успокаивали себя, что, наверное, замок на той двери достаточно прочный. Надежда эта не оправдалась, и случился кошмар в доме приходского священника, всех обитателей которого нашли наутро не просто бездыханными, но разодранными на части. Легенды более поздних лет уже более похожи на байки – полагаю, по той причине, что то существо, скорее всего, скончалось. Но память о нем сохранялась долго – вероятно потому, что истории передавались по секрету.

Пока я рассказывал все это, мой друг Мэнтон сделался малословным, и я понял, что история произвела на него глубокое впечатление. Когда я

замолчал, он не рассмеялся, но вполне серьезно поинтересовался о том пареньке, что сошел с ума в 1793 году и стал прототипом главного героя моего рассказа. Я объяснил ему, зачем мальчишка забрался в мрачный, заброшенный дом, который все обходили стороной. Этот момент не мог не заинтересовать моего приятеля, поскольку он верил, что на окнах запечатлеваются лица людей, долго сидевших подле них. Наслушавшись рассказов о существах, появлявшихся в окнах упомянутой мансарды, паренек решил пойти и посмотреть на них и прибежал обратно обезумевший и непрестанно кричащий.

Пока я все это рассказывал, Мэнтон был погружен в глубокую задумчивость, но как только я закончил, к нему тут же вернулось обычное скептическое отношение. Согласившись, ввиду представленных аргументов, что какой-то необычный монстр действительно существовал, Мэнтон, однако, указал мне, что даже самые болезненные извращения натуры никак нельзя отнести к неименуемому, поскольку они довольно четко описываются средствами современной науки. Восхитившись его логике и настойчивости, я привел еще несколько свидетельств, услышанных мною от стариков. В этих более современных историях с призраками, пояснил я, упоминаются существа столь ужасные и отвратительные, что никак нельзя предположить, чтобы они были природными тварями: кошмарные призраки гигантских размеров и чудовищных очертаний, иногда видимые, иногда только осязаемые, в безлунные ночи как бы плавающие по воздуху, появляющиеся то в старом доме, то возле склепа сзади него, то над могилой, где рядом с плитой без надписи пустило корни молодое деревцо. Правда ли, что они душили и рвали людей на части, как утверждала молва, – не знаю, но, во всяком случае, эти призраки оставляли сильное и неизгладимое впечатление о себе; неспроста старейшие из местных жителей испытывали к ним суеверный страх еще каких-нибудь два поколения назад, и лишь в последнее время о них почти не вспоминали, что, кстати, и могло послужить причиной их исчезновения. Наконец, если подойти к этой проблеме со стороны эстетической теории и вспомнить, какие гротескные, искаженные формы принимают духовные эманации человеческих существ, то вполне естественно, что вряд ли удается добиться связного и внятного описания в случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной призрачной мерзостью, как дух злобного, уродливого монстра, само существование которого уже было кощунством по отношению к природе. Такая химера, порожденная мертвым мозгом дьявольской помеси зверя и человека, разве не может оказаться во всей своей неприглядной наготе

подлинно неименуемым?

Должно быть, уже настала ночь. Мимо на удивление бесшумно пролетела летучая мышь; она коснулась меня крылом и Мэнтона, вероятно, тоже – я не видал его в темноте, но мне показалось, что он взмахнул рукой. Спустя некоторое время он снова заговорил:

– А сам этот дом с окном мансарды сохранился? И там по-прежнему никто не живет?

– Да, я видел его собственными глазами.

– И ты обнаружил там что-нибудь? Я имею в виду, в мансарде или еще где-то…

– В углу между крышей и полом лежали кости. Не исключено, что паренек увидел именно их. Слабонервному, чтобы свихнуться, этого могло оказаться вполне достаточно, ибо если все эти кости принадлежали одному существу, то оно было кошмарным чудовищем, какое может привидеться только в бреду. Я счел своим долгом избавить мир от этих костей, поэтому сходил за мешком и оттащил их к могиле за домом. Там оказалась щель, туда я их и свалил. Не думай, что это была просто причуда – видел бы ты тот череп! На нем были рога сантиметров десять длиной, а лицевые и челюстные кости примерно такие же, как у нас.

Наконец я почувствовал, что Мэнтона, который почти прижался ко мне, пробрала настоящая дрожь! Но его любопытство оказалось сильнее страха.

– А что же окна?

– Все они были без стекол. У одного окна даже выпала рама, а в остальных не осталось ни кусочка стекла. Это были… ну, с такой ромбовидной решеткой из небольших кусков стекла, какие были обычными до 1700 года. Думаю, стекла в них отсутствовали уже лет сто, не меньше. А может, их унес тот паренек?… Об этом предание ничего не говорит.

Мэнтон снова затих и задумался.

– Я хотел бы увидеть этот дом, Картер, – произнес он наконец. – Где он? Есть там стекла или нет, мне интересен сам дом. И та могила, куда ты кинул кости, и другая могила, с плитой без надписи, – во всем этом, должно быть, есть что-то жуткое.

– Ты видел этот дом сегодня, пока не стемнело.

Некоторая театральность, с которой я произнес последнюю фразу, подействовала на моего приятеля куда сильнее, чем я мог ожидать, – он судорожно отпрянул от меня и удушливо выкрикнул, вложив в этот крик все накопившееся и сдерживаемое до сего момента напряжение. Это был очень странный крик, но самое ужасное заключалось в том, что на него

последовал ответ. Словно отзываясь ему эхом, из кромешной тьмы донесся скрип, и я догадался, что это открывается одно из решетчатых окон в проклятом старом доме неподалеку от нас. Более того, поскольку все остальные рамы давным-давно рассыпались, я понял, что скрип издает жуткая пустая рама того самого окна мансарды.

Затем с той же стороны налетел порыв ледяного затхлого воздуха и сразу же почти рядом со мной раздался пронзительный крик; он исходил из расколотого места упокоения человека и монстра. В следующее мгновение меня свалил удар чудовищной силы, нанесенный невидимым объектом громадных размеров и непонятной природы, и я растянулся на оплетенной корнями почве зловещего кладбища, а из могилы неслась такая адская какофония шумов и сдавленных хрипов, что мое воображение мгновенно заполнило окружающий беспросветный мрак мильтоновскими легионами безобразных демонов. Пронесся леденящий иссушающий вихрь, раздался грохот обваливающихся кирпичей и штукатурки, но прежде чем успел понять, что происходит, я милосердно лишился чувств.

Обладая меньшими габаритами, чем я, Мэнтон оказался более выносливым, и, хотя в итоге он пострадал сильнее меня, очнулись мы почти одновременно. Наши койки стояли бок о бок, и через несколько секунд мы узнали, что находимся в больнице Св. Марии. Сиделки, собравшиеся вокруг нас, поведали нам о том, как сюда мы попали: какой-то фермер обнаружил нас в полдень на пустыре за Медоу-Хилл, примерно в миле от старого кладбища, на том самом месте, где когда-то, говорят, располагалась бойня. У Мэнтона были две серьезные раны на груди и несколько мелких резаных и колотых ран на спине. Я отделался легкими повреждениями, но зато все мое тело оказалось покрыто ссадинами и синяками удивительного происхождения – например, один из них был явно отпечатком копыта. Мэнтон явно больше меня знал о нашем приключении, однако ничего не рассказал озадаченным и заинтригованным врачам до тех пор, пока не выведал у них все подробности о наших ранах. Только после этого он сообщил, что на нас напал разъяренный бык – выдумка, на мой взгляд, неудачная, ибо откуда такой бык мог взяться?

Как только врачи и сиделки покинули нас, я повернулся к приятелю и шепотом, исполненным страхом, спросил:

– О Боже, Мэнтон, что же это было? Эти раны выглядят так… на что оно было похоже?

Я примерно представлял, что он скажет, но был слишком ошеломлен, чтобы ликовать, услышав его ответ.

– Нет, описать это невозможно. Оно было повсюду… какое-то желе…

слизь, не имеющая формы… имеющая тысячи форм, столь кошмарных, что хочется скорее забыть о них. Я видел глаза, а в них – чистый порок! Это была бездна… пучина… воплощение крайней мерзости. Настолько неприличное, что я не могу описать… Картер, это было неименуемое!

1925

Изгой
Перевод Олега Колесникова

Барон всю ночь ворочался в постели;
Гостей подпивших буйный пляс томил
Чертей и ведьм – и в черноту могил
Тащили их во сне к червям голодным.

Джон Китс[10]

Несчастен тот, у кого воспоминания о детстве вызывают лишь страх и печаль. Жалок тот, кто, оглядываясь на прожитую жизнь, видит лишь долгие часы уединения в огромных мрачных залах с тяжелыми портьерами и рядами навевающих тоску древних книг или лишь бесконечные бдения в сумеречных рощах, среди наводящих благоговейный ужас огромных, причудливых, оплетенных лианами деревьев, безмолвно тянущих в вышину искривленные ветви… Такой участью наделили меня щедрые боги – быть одиноким и отвергнутым, сломленным и сдавшимся. Но я отчаянно цепляюсь даже за эти блеклые воспоминания, когда мой рассудок стремится умчаться куда-то за пределы нашего мира.

Не знаю, где я родился, память хранит воспоминания только об этом замке, бесконечно древнем и безмерно ужасном, с мрачными проходами и галереями, с высокими потолками, на которых глаз может узреть лишь какие-то тени и паутину. Камни разрушающихся коридоров выглядят так, будто всегда были покрыты мерзкой сыростью, и повсюду здесь этот проклятый запах – будто только что догорел погребальный костер ушедших поколений. Здесь никогда не бывает светло, и потому я иногда зажигаю свечу, чтобы полюбоваться пламенем, а солнечный свет мне видеть не доводилось, поскольку кошмарные деревья, поднявшиеся выше башен, закрывают его. Правда, одна черная башня вздымается выше леса, достигая вершиной открытого неба, но она частично разрушена и подняться по ней почти невозможно, – разве что карабкаться по отвесной стене, цепляясь за камни.

Я провел здесь многие годы, но не знаю, сколько именно, ибо не отмечал хода времени. Наверное, кто-то заботился обо мне, но я не видел

никаких других живых существ помимо крыс, пауков и летучих мышей. Тот, кто меня нянчил, видимо, был ужасающе стар, ибо первое, что приходит мне в голову при мысли о человеческом существе, – некая пародия на меня, нечто перекошенное, ссохшееся и зачахшее, как этот замок. Кости и скелеты, встречавшиеся в каменных склепах глубоко под землей, воспринимались мною как нечто совершенно обыденное. В моем представлении они имели гораздо большее отношение к реальной жизни, чем те существа, о которых я знаю лишь по цветным изображениям в древних книгах. Из этих книг я и знаю все, что мне известно о мире вокруг. У меня не было учителей или наставников; за все эти годы я ни разу не слышал человеческого голоса, даже собственного: хотя я умею читать, мне никогда не приходило в голову делать это вслух. О своем внешнем виде я мог только догадываться – зеркал в замке не было, и я представлял себя похожим на молодых людей, изображенных в книгах. Я ощущал себя молодым, потому что помнил так мало.

Я часто перебирался через ров с гниющей водой к мрачным тихим деревьям, под которыми лежал и грезил о прочитанном в книгах; обычно при этом я представлял себя находящимся в многолюдном солнечном мире, лежащем за бескрайними лесами. Однажды я попытался сбежать, пробравшись через лес, но стоило мне удалиться от замка, как сумерки сгустились, воздух становился все более пропитанным ужасом, и потому я опрометью бросился назад, боясь затеряться в лабиринте мрачного безмолвия.

Так я жил, мечтал и ожидал чего-то в этом нескончаемом полумраке – сам не зная, чего ожидаю. И наконец, истомленный одиночеством в сумраке, я уже не смог сдерживать страстное стремление к свету и воздел с мольбою руки к той единственной черной полуразрушенной башне, что поднималась над лесом в неведомое небо. Я решился взобраться на эту башню, даже рискуя разбиться; уж лучше увидеть небо и погибнуть, чем существовать, не увидев ни разу дневного света.

В промозглых сумерках я взбирался по древним выщербленным ступеням, пока не достиг того уровня, где они заканчивались, и там, невзирая на опасность, продолжил подъем, используя углубления и выступы на стене. Ужасным и зловещим был этот мертвый, лишенный ступеней каменный цилиндр, черный, полуразрушенный и заброшенный, кажущийся еще более зловещим от бесшумно пролетающих время от времени нетопырей. Но еще более ужасным и зловещим было мое медленное продвижение, ибо сколько я ни лез, тьма над головой не рассеивалась, и озноб начал сжимать меня леденящей хваткой. Я дрожал,

терзаясь догадками о том, почему не становится светлее, и не смея поднять глаза. Беспокоясь, что, возможно, уже настала ночь, я то и дело шарил рукой в поисках амбразуры окна, чтобы посмотреть и оценить, как высоко я взобрался.

И наконец, после целой вечности крайне рискованного подъема вслепую над пропастью по вогнутой поверхности, я коснулся головой чего-то твердого и понял, что достиг крыши, или, по крайней мере, какого-то перекрытия. Я поднял в темноте руку и, потрогав преграду, убедился, что она каменная и неподвижная. Тогда я стал двигаться по окружности башни, цепляясь за все, за что удавалось ухватиться на склизкой стене, до тех пор пока, подняв руку, не обнаружил, что преграда слегка поддается, и там снова попытался подниматься, упираясь в преграду головой, поскольку обе руки у меня были заняты. Никакого света сверху я не увидел и, уперевшись локтями в горизонтальную поверхность, понял, что мое восхождение еще не закончено, поскольку ощутил каменный пол наблюдательной площадки, большей по диаметру, чем сама башня. Я осторожно закончил пролезать через люк, стараясь не позволить тяжелой крышке упасть обратно, но последнее мне не удалось. Я в изнеможении лежал на каменном полу, с эхом стука от захлопнувшегося люка в ушах, и надеялся, что смогу открыть его снова, когда это понадобится.

Будучи уверенным, что уже поднялся на огромную высоту, выше проклятого леса, я заставил себя подняться на ноги и принялся наощупь искать окно, что-бы впервые увидеть небо, луну и звезды, о которых прежде только читал. Но повсюду меня ждало разочарование, поскольку вокруг были только широкие полки из мрамора, заставленные ящиками пугающе большого размера. Снова и снова я задавался вопросом, какие же древние тайны скрываются здесь, в вышине, бездну времени отделенные от замка внизу? Затем вдруг мои руки нашарили дверной проем с каменной дверью со странным рельефом. Попытавшись открыть ее, я обнаружил, что она закрыта; но, преодолев крайнюю усталость, вложив в рывок все остатки сил, смог заставить ее открыться. Сразу же после этого безмерный восторг охватил меня, ибо сквозь узорную железную решетку, к которой поднимался короткий пролет каменной лестницы, светила полная луна, которую прежде я видел только во снах и в тех смутных видениях, которые не осмеливаюсь назвать воспоминаниями.

Теперь уже не сомневаясь, что достиг верхушки башни, я бросился вверх по ступенькам; но вдруг луна скрылась за облаком, и в наступившей тьме я замедлил шаги. Было все еще темно, когда я наощупь добрался до решетки. Она оказалась незапертой, но я не решился отворять ее, боясь

сорваться и упасть с той головокружительной высоты, на которую поднялся. Затем луна появилась.

Наибольшее потрясение вы испытываете, когда видите что-то беспредельно неожиданное и до нелепости невероятное. Никогда прежде я не испытывал ужаса, сопоставимого с тем, который испытал, увидев в тот миг совершенно абсурдную картину. Сама по себе она была вполне заурядной и тем самым более ошеломительной, ибо увидел я вот что: вместо головокружительного вида с огромной высоты на верхушки деревьев вокруг меня, на том же уровне, на котором я стоял, простиралась ровная земная поверхность, над которой возвышались мраморные плиты и колонны, стоящие в тени древней каменной церкви, остатки шпиля которой призрачно поблескивали в лунном свете.

Почти не сознавая своих действий, я отворил решетку и, пошатываясь, ступил на белую гравиевую дорожку, ведущую отсюда в двух противоположных направлениях. Мой разум, даже в таком потрясенном и взвинченном состоянии, по-прежнему неистово рвался к свету, и даже невероятное чудо не могло сбить меня с пути. Я не знал и не желал знать, что со мной случилось – безумие это, сон или колдовство, – но желал, чего бы это ни стоило, узреть великолепие и блеск окружающего мира. Я не знал, кто я, что я, чего меня может окружать, но, следуя вперед, вдруг ощутил что-то вроде спавшей до сего момента памяти, благодаря чему мой дальнейший путь не всегда определял случай. Миновав плиты и колонны, я проследовал под аркой и пошел через луг по дороге, местами хорошо заметной, местами настолько терявшейся в траве, что лишь замшелые камни выдавали, что когда-то она здесь проходила. Один раз мне пришлось переплыть быструю речку в том месте, где остатки древней каменной кладки свидетельствовали о давно исчезнувшем мосте.

Еще через два часа я наконец добрался туда, куда стремился – к увитому плющом замку посреди запущенного парка, до безумия знакомого и в то же время удивительно странного. Я увидел, что вода заполнила ров, а некоторые из хорошо знакомых мне башен совсем исчезли, но в то же время оказалось пристроено новое крыло – словно специально что-бы смутить прежнего обитателя. Но наибольшее изумление вызвали распахнутые окна, из которых наружу лился яркий свет и доносились звуки веселой пирушки. Заглянув в одно из них, я увидел компанию странно одетых людей, ведущих оживленную беседу. Я никогда прежде не слышал человеческой речи и мог только догадываться, о чем они говорят. Черты лиц некоторых из них казались мне смутно знакомыми, другие воспринимались полностью как чужаки.

Тогда я шагнул через низкое окно в освещенный яркими огнями зал, и это оказался шаг от мимолетного проблеска надежды к чернейшей бездне безысходности и отчаяния. Едва я вступил в зал, в нем воцарился кошмар, ибо мое появление произвело такое впечатление, какого я никак не ожидал. Как только я переступил через подоконник, всех собравшихся здесь охватил внезапный непонятного происхождения ужас, исказивший их лица и заставивший почти каждого издать вопль. Началось всеобщее паническое бегство, некоторые упали в обморок, но их уволокли безумно спешащие убраться отсюда приятели. Многие слепо и беспомощно метались, закрыв лицо рука-ми, в поисках спасения, опрокидывали мебель и натыкались на стены, прежде чем наконец попадали в одну из многочисленных дверей.

Крики шокировали меня; и пока я стоял один в залитом светом опустевшем зале, ошеломленный, прислушиваясь к затихающим воплям, меня посетила трепетная мысль, что рядом со мной есть нечто ужасное, чего я сам не замечаю. На первый взгляд зал показался мне совершенно пустым, но, когда я двинулся к одному из альковов, мне почудилось там какое-то движение – за золоченой аркой дверного проема, ведущего в другой, почти такой же зал. По мере приближения к арке присутствие еще кого-то становилось все более явным; а затем, когда первый и последний звук вырвался из моей груди – ужасное завывание, почти столь же омерзительное, как и то, что стало его причиной, – я узрел со всей ошеломляющей ясностью то невообразимое, безобразное, неописуемое чудовище, которое одним своим видом превратило веселую компанию в обезумевшую толпу спасающихся бегством.

Я не в силах даже приблизительно описать, как оно выглядело, ибо это была смесь всего само-го нечистого, ненормального, неприятного, извращенного и гадкого. Это было омерзительное воплощение упадка, разложения и гниения; ужасное воплощение всего того, что милосердная природа старается упрятать поглубже. Видит Бог, это было существо не из этого мира, – или, во всяком случае, не из этого мира, – и все же, к своему ужасу, я уловил в его изъеденных до костей контурах злобную, отвратительную пародию на человеческий образ, а в гнилых лохмотьях, служивших ему одеянием, что-то знакомое.

Я оказался почти парализован, но не настолько, чтобы не совершить попытку к бегству: робкий шаг назад, который не смог разрушить сковавшие меня чары безмолвного безымянного монстра. Мои глаза, словно заколдованные уставившимися в них мерзкими зрачками, отказывались закрываться, как я ни старался, но милосердно затуманились, и страшное существо стало видно не так отчетливо. Я попытался поднять

руку, что-бы закрыться от его взгляда, но из-за паралича рука не полностью подчинялась мне. В результате этой попытки я потерял равновесие и шагнул вперед, что-бы не упасть. И сразу же с ужасом осознал, как близко нахожусь от этой жуткой твари; мне пока-за-лось, что я слышу ее мерзкое дыхание. Почти обезумев от страха, я выставил вперед руку, защищаясь от зловонного призрака, стоящего ко мне почти вплотную; и тогда мироздание содрогнулось, сотрясаемое судорогой омерзения, когда мои пальцы соприкоснулись с протянувшейся ко мне лапой чудовища, стоящего под золоченой аркой…

Это вскрикнул не я, но все кровожадные вампиры, что несутся, оседлав ночной ветер, вскрикнули за меня, когда на мой разум обрушилась лавина душегубительных воспоминаний. В следующую секунду я знал все, что было прежде; я вспомнил, что было со мной до того, как я очутился в мрачном замке, окруженном лесом, и узнал частично изменившееся здание, в котором сейчас находился; и что самое ужасное – я узнал то безобразное существо, что злобно пялилось на меня, когда я отдергивал запятнанные пальцы от его руки.

Но мироздание включает в себя не только горечь, но и лечебный бальзам, и бальзам для меня – то, что память сглаживает воспоминания и убирает из них самое страшное. В непереносимом ужасе того мгновения я забыл, что именно потрясло меня, а проблески страшных воспоминаний поглощает хаос мелькающих образов. Грезя наяву, я убежал прочь от громады чуждого замка и мчался быстро и беззвучно в лунном свете. Вернувшись на кладбище с мраморными плитами, я спустился по ступенькам и убедился, что не способен открыть каменный люк; я не огорчился, ибо уже давно ненавидел древний замок и окружающие его деревья. Теперь я летаю, оседлав ночной ветер, вместе с насмешливыми и дружелюбными вампирами, а днем веселюсь в катакомбах Нефрен-Ка в потаенной и недоступной долине Хадоф возле берегов Нила. Я знаю, что свет – не для меня, разве что лунный свет, падающий на каменные надгробия Неб; и веселье – не для меня, разве что не имеющие названия пиры Нитокрис под Великой Пирамидой; и все же в моей новообретенной свободе я почти рад горечи отчуждения.

Ибо, несмотря на дарующую успокоение особенность памяти, мне не удастся забыть, что я изгой; я чужак в этом столетии, среди тех, кто все еще люди. Я осознал это в тот момент, когда протянул пальцы к мерзкому изображению в богато позолоченной раме – протянул пальцы и коснулся холодной жесткой поверхности полированного стекла.

1926

Болото луны
Перевод Валерии Бернацкой

Где, в каких запредельных и мрачных краях пребывает сейчас Деннис Бэрри? Не знаю. Прошлой ночью, когда он последний раз находился среди людей, я был неподалеку от него и слышал, когда за ним пришли, его душераздирающие крики. Крестьяне и полиция графства Мет не нашли ни Бэрри, ни остальных, хотя искали долго и упорно. Я же после всего случившегося содрогаюсь от ужаса всякий раз при кваканье болотных лягушек или если в безлюдном месте меня вдруг неожиданно зальет лунный свет.

Я хорошо знал Денниса Бэрри еще в Америке, где он разбогател, и радовался, когда он выкупил свой родовой замок у болот в сонном местечке Килдерри. Там были его корни, и ему хотелось пожинать плоды своего богатства среди родных стен. В давние времена его предки владели Килдерри, построили там замок и счастливо жили в нем, но всё это было и быльем поросло. Много воды утекло с тех пор, замок пришел в полное запустение. Вернувшись в Ирландию, Бэрри часто писал мне, рассказывая, как постепенно башня за башней – возрождается древняя постройка, по ее стенам снова, спустя много веков, побежал плющ, а крестьяне не устают благодарить его за то, что он вкладывает капиталы в процветание родных мест. Но потом все изменилось, крестьяне перестали благословлять моего друга, а, напротив, бежали от него прочь, как от зачумленного. Тогда-то Деннис и послал мне письмо с просьбой навестить его: он очень одинок в своем замке, даже поговорить не с кем, разве что с новыми слугами и рабочими, выписанными им с севера страны.

Когда я приехал, Бэрри сказал мне, что всему виной близлежащие болота. В Килдерри я прибыл на закате, заходящее летнее солнце еще золотило зелень холмов и рощ, а также синеву болота, освещая диковинные древние руины на отдаленном островке. Закат был прекрасен, но крестьяне в Баллилоу уже успели отчасти обратить меня в свою веру, заверив, что Килдерри проклят, и я с опаской взирал на пылающие в вечернем золоте башенки замка. Я приехал из Баллилоу на посланной за мною машине, поскольку Килдерри находится в стороне от железной дороги. Крестьяне, старавшиеся держаться подальше и от автомобиля, и от его водителя-северянина, видя, что я еду в Килдерри, все же не удержались и

предостерегли меня об опасности. А вечером, уже в замке, Бэрри рассказал мне, в чем дело.

Крестьяне покинули Килдерри из-за того, что Деннис Бэрри решил осушить большое болото. Несмотря на всю любовь к Ирландии, американские уроки не прошли для него даром, и ему претила мысль, что прекрасная земля пропадает под водой зря – ведь и торфяник, и самое землю можно использовать с умом. Связанные с болотом легенды и поверья он не принимал всерьез, его лишь позабавило, когда крестьяне сначала отказались участвовать в работах, а потом, увидев его упорство, прокляли своего хозяина и ушли в Баллилоу, захватив только самое необходимое. Тогда Бэрри пригласил работников с севера, а когда замок покинули и слуги, ему опять пришлось выписывать новых людей. Теперь его окружают одни чужаки, оттого-то, почувствовав себя одиноко, он и вызвал меня.

Услышав в подробностях, чего испугались жители Килдерри, я от души посмеялся вместе с моим другом: очень уж нелепыми казались их страхи, связанные с поверьем о болоте и его угрюмом страже, дух которого якобы жил в тех самых древних развалинах, которые я видел на закате. Ходили также толки о пляшущих в темноте огоньках, о ледяных порывах ветра в теплую ночь, о призраках в белом, парящих над водой, и каменном городе, сокрытом под зеленой ряской болота. Крестьяне были убеждены: человека, который осмелится нарушить покой этих мест или осушить бескрайнюю топь, ждет возмездие. Некоторых тайн, говорили крестьяне, касаться нельзя. Эти тайны существуют с незапамятных, легендарных времен, когда детей Партолана постигло несчастье. В «Книге завоевателей» говорится, что эти сыны Греции погибли в Толлате, но старики из Килдерри утверждали, что один город был все же спасен покровительствующей ему богиней Луны, которая укрыла его в лесной чаще на холмах и тем спасла от завоевателей из Немеда, прибывших на тридцати кораблях из земель скифов.

И такие вот басни заставили крестьян покинуть Килдерри! Теперь меня более не удивляло намерение Денниса Бэрри не считаться с этими бреднями. Сам он, кстати, испытывал глубокий интерес к древности и после осушения болота собирался тщательно исследовать эту местность. Он часто посещал руины на острове; возраст их был, очевидно, солиден, архитектурой они отличались от других древних сооружений, но из-за нынешнего ужасающего их состояния трудно было понять, что представляли они собой в период расцвета. Работы по осушению должны были вот-вот начаться, и приезжие с севера готовились очистить

таинственное болото от мха и красноватого вереска, уничтожить крошечные, полные ракушек ручейки и спокойные голубые глади, заросшие камышом.

После всех перипетий дня я устал и хотел спать. Была уже глубокая ночь, и я с трудом дождался, когда Бэрри закончит наконец рассказ. Слуга проводил меня в отведенную мне комнату в одной из отдаленных башенок. Из ее окон просматривались деревня, поляна на краю болота, а дальше и само болото. В лунном свете я видел спящие дома, в которых коренных жителей сменили наемные рабочие с севера, церквушку со старинным шпилем, а вдали, за сонной топью, таинственно поблескивали древние руины на островке. Погружаясь в сон, я услышал – или мне почудилось? – слабые, отдаленные звуки свирели, диковатую, какую-то первобытную мелодию. Эта музыка странно растревожила меня, войдя в мои сны. Однако, проснувшись утром, я понял, что музыка была порождена самими снами, столь удивительными, что в сравнении с ними потускнели даже эти таинственные звуки свирели. Видимо, под влиянием рассказанных Бэрри легенд мне приснилось, что дух мой витал над величественным, утопающим в зелени городом, где вымощенные мрамором улицы, виллы и храмы, статуи, резные орнаменты и надписи – все говорило о былом величии Греции. Мы посмеялись с Бэрри над этим сном, но мой смех звучал громче: друг был обеспокоен поведением рабочих с севера. Они уже шестой день подряд вставали очень поздно, двигались вяло, как в полусне, вот и сегодня выглядели совсем неотдохнувшими, хотя накануне легли рано спать.

Все утро я бродил по залитой солнцем деревне, заговаривая с рабочими. Никаких особых дел у них не было – Бэрри заканчивал последние приготовления перед началом работ, – но на душе у всех было неспокойно из-за неясных, тревожных снов, которые наутро забывались. Я тоже рассказал им о своем ночном видении, однако оно оставило их равнодушными. Оживились они, только когда я упомянул о диковатой музыке: им, помнится, тоже что-то такое слышалось.

Вечером за обедом Бэрри объявил, что работы начнутся через два дня. Меня обрадовало это сообщение, хотя стало мучительно жаль всех этих мхов и вереска, ручейков и озер. Но очень уж хотелось проникнуть в вековые тайны, которые могли скрываться в толще торфяников. Этой ночью мне снова снился сон о поющих свирелях и мраморном городе, но он оборвался резко и пугающе. Я увидел, как на город в зеленой долине надвигается беда – чудовищный оползень обрушился на него и похоронил под собой всё живое. Не пострадал от жестокой стихии только стоявший на

высоком холме храм Артемиды, где престарелая жрица Луны, Клеис, лежала холодная и безмолвная, с короной из слоновой кости на убеленной сединами голове.

Как я уже говорил, мой сон резко оборвался. Непонятное беспокойство не отпускало меня. Некоторое время я не понимал, сплю или бодрствую: звуки свирели продолжали звучать в ушах. Однако, увидев на полу холодные блики Луны, изрешеченные тенью готического окна, я понял, что все-таки нахожусь в замке Килдерри. Когда же где-то вдали часы пробили раз и другой, мне стало окончательно ясно, что я не сплю. Но монотонное звучание свирели все же продолжалось – странная, древняя музыка, вызывающая представление о танцах сатиров на далеком Меналусе. Она не давала спать, и я, поднявшись с кровати, стал в беспокойстве бродить по комнате. По чистой случайности я подошел к северному окну и бросил взгляд на спящую деревню и на поляну у края болота. Я вовсе не собирался глазеть в окно, смертельно хотелось спать, но звуки свирели так измучили меня, что надо было чем-то отвлечься. Однако увиденное как громом поразило мое воображение.

На освещенной луной просторной поляне разыгрывался спектакль, который, раз увидев, не позабыл бы ни один из смертных. Под громкие звуки свирелей, эхом разносящиеся над болотом, по поляне безмолвно и плавно двигались странные фигуры. Мерно раскачиваясь, они постепенно достигали в своем кружении такого экстаза, какой охватывал в давние времена сицилийцев, исполнявших посвященный Деметре танец в ночь полнолуния перед осенним равноденствием неподалеку от Киана. Открытая поляна, сверкающий лунный свет, танцующие призраки, резкий, однообразный звук свирели – все это вместе произвело на меня почти парализующее действие, и все же я отметил, что половину этих неутомимых танцоров составляли наемные рабочие, которые, по моим представлениям, давно должны бы уже спать, другую же – странные призрачные существа в белом, которых при доле воображения можно было счесть эфемерными наядами, живущими в озерцах, питающих болото. Не знаю, сколько времени простоял я у своего одинокого окна, глядя на это зрелище, только в какой-то момент вдруг погрузился в глубокий, полуобморочный сон без сновидений, из которого меня вывел только яркий свет солнца.

Моим первым порывом при пробуждении было пойти и поделиться потрясшим меня сновидением с Деннисом Бэрри, но при свете солнца все выглядело иначе, и мне удалось внушить себе, что это был только сон. Возможно, я стал подвержен галлюцинациям, но ведь не настолько же,

чтобы потерять контроль над собой и полагать, что видел все это наяву. Я ограничился тем, что расспросил рабочих, но, как и следовало ожидать, они, хоть и проспали опять дольше обычного, ничего особенного не припоминали, кроме разве звуков музыки. Я долго размышлял об этих странных звуках, гадая, не сверчки ли это завели свою осеннюю песню раньше положенного срока, смущая по ночам честных людей. Днем мне довелось наблюдать, как Бэрри в последний раз изучает свои чертежи перед началом работ. Итак, утром рабочие примутся за дело… Впервые у меня от страха ёкнуло сердце, и я понял, почему крестьяне бежали отсюда. Непонятно почему, но мне была невыносима мысль, что кто-то потревожит это старое болото с его сокрытыми от солнечного света тайнами; под многовековым слоем торфа мне представлялись поразительные картины. Не следует так вот необдуманно выставлять на всеобщее обозрение то, что таилось там столько веков… Мне хотелось найти удобный повод, чтобы покинуть замок и саму деревню. Я даже попытался заговорить на эту тему с Бэрри, но быстро осекся, смущенный его издевательским смешком. В молчании наблюдал я, как заходящее солнце раскрашивает яркими красками дальние холмы и заливает Килдерри таким ослепительным кроваво-золотым светом, что это казалось дурным предзнаменованием.

Во сне или наяву происходили события наступившей ночи, не могу сказать. Во всяком случае, они превосходили все, что только может породить самая изощренная фантазия. Я, например, не в силах представить каких-либо разумных объяснений, куда после этой ночи исчезли люди из замка и деревни.

Я рано отправился в свою комнату, но, полный тяжелых предчувствий, никак не мог заснуть. Меня томила и зловещая тишина, парящая в этой отдаленной башне. Хотя небо очистилось, ночь все же стояла темная: луна в те дни шла на убыль и всходила совсем поздно. Я лежал и думал о Деннисе Бэрри и о том, что случится с болотом, когда придет утро, и наконец довел себя до такого состояния, что был готов сорваться с места, взять машину хозяина и помчаться в Баллилоу, прочь из этого проклятого места. Но, не успев прийти к определенному решению, я уснул, а во сне снова увидел город в долине – мрачный и помертвевший от нависшей над ним смертельной угрозы.

Возможно, меня снова разбудили громкие звуки свирели, однако после пробуждения не музыка занимала мои мысли. Я лежал спиной к окну, выходящему на восток, где должна была взойти луна, и поэтому ожидал увидеть на противоположной стене ее отсвет. Но увидел я совсем другое. На стене были блики, но не те, что дает луна. Я со страхом смотрел, как

сквозь готическое окно льется ярко-красный свет. Он заполнял всю комнату мощным невиданным сиянием. В такой ситуации я повел себя странно, но это и понятно – только в книгах герой ведет себя расчетливо и разумно. Вместо того чтобы взглянуть на болото и понять наконец, откуда взялся новый источник света, я даже не обернулся к окну, а торопливо натянул на себя одежду в смутной надежде поскорее отсюда удрать. Помню, захватил с собой револьвер и шляпу, но они мне не пригодились: до того как все было кончено, я потерял то и другое – так и не выстрелив из револьвера и не надев шляпу. Любопытство в конце концов пересилило страх, я подкрался к окну, чтобы взглянуть на непонятное алое сияние, и выглянул наружу. И в эту минуту оглушительно запели свирели, сотрясая своими звуками замок и деревню.

Поток яркого, зловеще-алого света струился над болотом, исходил он из загадочных руин на островке. Руины, однако, странно изменились. Мне трудно описать, в чем было дело, может, я сошел с ума, однако мне показалось, что храм снова стоит во всем своем великолепии – не тронутый временем, в окружении колонн, на мраморе его антаблемента, поднявшегося ввысь, горели отсветы пламени. Запели флейты, застучали барабаны, и, пока я как зачарованный взирал на это зрелище, на освещенных мраморных стенах появились темные силуэты танцующих. Выглядело все это невероятно, эффект был поразительный. Я застыл на месте, не в силах отвести глаз от этой картины, а тем временем слева от меня громко зазвучали свирели. В непонятном возбуждении, охваченный тягостными предчувствиями, я пересек круглую свою комнату и подошел к северному окну, из которого просматривались деревня и поляна. То, что я видел до этого, было абсолютно непостижимо, но теперь у меня просто глаза на лоб полезли: по залитой кроваво-красным светом поляне двигалась процессия, которая могла привидеться разве что в кошмарном сне.

То скользя по земле, то плывя в воздухе, медленно двигались по направлению к тихой заводи и дальше, к руинам, болотные призраки, укутанные в белое, – двигались, образуя сложные конфигурации, словно исполняя древний ритуальный танец. Их бесплотные руки покачивались в такт режущей слух мелодии невидимых флейт, увлекая за собой наемных рабочих, которые тянулись чередой, бездумно, слепо и покорно, как собаки, словно повинуясь некой дьявольской силе. Когда наяды достигли болота, из замка, пошатываясь, нетвердой походкой вышли новые жертвы. Они появились из двери, расположенной под моим окном, прошли как во сне через двор, затем по деревенской улочке и присоединились на поляне к колышущейся веренице рабочих. Несмотря на разделяющее нас

расстояние, я тотчас понял, что это прибывшие с севера слуги, и даже признал в одной из самых уродливых и неуклюжих фигур кухарку, чья обычная бестолковая повадка казалась теперь почти трагической. Флейты по-прежнему издавали какие-то немыслимые звуки, а со стороны острова снова послышался зов барабанов. И тут наяды медленно и грациозно вступили в воды древнего болота, а идущие за ними люди, не замедляя хода, тоже стали погружаться и вскоре скрылись под водой. В красном зареве на поверхности болота с трудом различались расходящиеся по воде пузырьки воздуха. Последней пучина поглотила вызвавшую во мне жалость толстуху кухарку. Когда скрылась и она, флейты и барабаны умолкли, померк и слепящий глаза свет, излучаемый руинами; деревня снова замерла в мирном свете только что взошедшей луны.

Я был в полном смятении. Схожу ли я с ума? Сплю? Наяву ли все это произошло? Думаю, спасло меня от общей участи то оцепенение, в которое я неожиданно погрузился. Кажется, я молился – Артемиде, Латоне, Персефоне и Плутону. Словом, всем, кого вспомнил из классической литературы, – пережитый ужас сделал меня суеверным. Я понимал, что стал свидетелем гибели всей деревни, – сомневаться не приходилось: в замке остались только мы с Деннисом Бэрри, чье безрассудство и привело к беде. При мысли о нем меня снова обуял такой страх, что ноги мои подкосились и я упал на пол, хотя сознания не потерял. Внезапно я почувствовал ледяной порыв ветра с востока, где взошла луна, и услышал в нижнем этаже замка отчаянные крики. Вскоре они перешли в такой истошный вопль, что мне и сейчас становится страшно при одном лишь воспоминании о нем. Могу сказать только, что этот вопль принадлежал моему другу.

Видимо, ледяной ветер и страшные крики заставили меня подняться, потому что, насколько помню, я долго бежал по темным комнатам и коридорам, пока не выбрался наружу. Меня нашли на рассвете недалеко от Баллилоу. Я брел как потерянный, что-то бормоча, в полном беспамятстве. Последнее, что я увидел в Килдерри, доконало меня. Несясь прочь от замка, я увидел столь чудовищную картину, что не забуду ее до конца дней своих. Она всегда встает у меня перед глазами, если я оказываюсь лунной ночью неподалеку от болота.

Итак, покинув проклятый замок, я мчался вдоль берега, как вдруг услышал какие-то новые звуки – ничего примечательного, но здесь, в Килдерри, я их прежде не слышал. Стоячие воды, в которых не водилась никакая живность, ожили, кишмя закишели множеством крупных лягушек, которые громко и непрерывно квакали. Лунный свет поблескивал на их

раздувающихся зеленых боках, но свет струился еще из одного источника, в его-то сторону они, казалось, с интересом глазели. Я проследил за взглядом одной особенно жирной и уродливой лягушки и увидел такое, от чего окончательно потерял голову.

От загадочного сооружения на островке протянулся к молодой луне слабо мерцающий луч, не отражавшийся в водах болота. А на этой мертвенно-бледной тропе я с замиранием сердца разглядел извивающуюся фигуру – неясную тень, слабо сопротивляющуюся невидимым демонам, которые тащили ее за собой. Возможно, я сумасшедший, но этот силуэт – дикая, чудовищная карикатура – до странности напомнил мне того, кто был Деннисом Бэрри.

1926

Он
Перевод Юрия Соколова

Я увидел его в бессонную ночь, сквозь которую брел в отчаянии, пытаясь спасти собственную душу и зрение. Мой приезд в Нью-Йорк оказался ошибкой; ибо если искал я пронзающего душу удивления и вдохновения в несметных лабиринтах старинных улочек, вьющихся бесконечно от забытых дворов, площадей и набережных к дворам, площадям и набережным равно забытым, и в циклопических современных башнях и башенках, черным Вавилоном вырастающих под ущербными лунами, то обрел только ужас и уныние, грозившие овладеть мной, парализовать и уничтожить меня.

Разочарование пришло постепенно. Впервые выйдя в город, я смотрел на него на закате с моста, на величественный город над водами, высящийся своими шпилями и пирамидами и словно изящный цветок раскрывающийся над озерцами сиреневого тумана, чтобы играть с пылающими облаками и первыми вечерними звездами. После он осветился – окно за окном – над искрящимися потоками, над которыми плясали и скользили фонари, низкие голоса рожков выпевали причудливую мелодию, превращаясь в усыпанную звездами твердь, исполненную музыки фейри, единую с чудесами Каркасонна, Самарканда и Эльдорадо и со всеми чарами славных и полусказочных городов. Вскоре после этого меня провезли по его старинным дорогам, столь дорогим для моей фантазии узким и кривым переулкам и проездам, где уложенные в георгианском стиле[11] ряды красных кирпичей подмаргивали крохотными слуховыми окошками над поддерживаемыми колоннами порталами входов, глядевших на позолоченные седаны и обшитые панелями экипажи – и в первом порыве восхищения этими давно желанными для меня предметами я думал, что воистину лицезрею такие сокровища, которые по прошествии времени сделают меня поэтом.

Однако удача и счастье не были суждены мне. Яркий дневной свет озарил всего лишь нищету, отчуждение и отвратительный элефантиаз растущего, ползущего во все стороны камня, над которым луна намекала на очарование и древнюю магию; а по желобам улиц текли толпы приземистых и коренастых мужчин с жесткими лицами и прищуренными глазами, проницательных, не знающих мечты незнакомцев, чуждых тому,

что их окружало, не знавших родства с синеглазыми парнями из предшествующих поколений, в сердце своем наделенных любовью к прекрасным зеленым полянам и белым деревенским колокольням Новой Англии.

Посему вместо стихов, на которые я надеялся, явилась зябкая чернота, а с ней и несказанное одиночество; и я наконец познал жуткую истину, которую никто не посмел произнести до меня – неизреченную истину, тайну тайн – гласившую, что город сей, сложенный из камня и шума, не является живым продолжением Старого Нью-Йорка, как Лондон является продолжением Старого Лондона и Париж – Старого Парижа, но на самом деле умер, и распростертое его тело плохо забальзамировано и заражено странными одушевленными тварями, не имеющими ничего общего с ним, каким он был при жизни. Совершив сие открытие, я потерял сон; и хотя некая часть отрешенного спокойствия вернулась назад, после того как я постепенно выработал привычку днем держаться подальше от улиц и выходить только по ночам, когда тьма наделяет жизнью те немногие призраки прошлого, что еще парят в окрестности, а белые старые двери вспоминают те доблестные фигуры, что некогда проходили сквозь них. Добившись подобного облегчения, я даже написал несколько стихотворений, однако воздерживался от возвращения домой, чтобы не явиться к родным униженным и потерпевшим поражение человеком.

А затем, гуляя бессонной ночью, я встретил его. Это случилось в абсурдном и неприметном дворике, находящемся в гринвичском квартале, в котором по своему невежеству поселился я, услыхав о том, что его называют прибежищем поэтов и художников. Старинные проулки и дома, неожиданные площади и дворики воистину восхищали меня, и, обнаружив, что поэты и художники всего лишь громкоголосые претенденты, чья необычная привлекательность не что иное, как мишура, а образ жизни является отрицанием всей чистой красоты, которая присутствует в поэзии и живописи, остался там исключительно из любви к этим почтенным предметам. Я представлял эти улочки такими, какими они были в пору расцвета, когда Гринвич еще оставался тихой деревней, не поглощенной городом; и в предрассветные часы, когда утихомиривались все гуляки, любил скитаться в одиночестве по загадочным мостовым и размышлять над любопытными арканами, которых не могло не оставить здесь предшествующее поколение. Так я сохранил живой свою душу и получил немногие сны и видения, которых так алкал поэт, обитающий в недрах моей души.

Человек этот попался навстречу мне около двух часов облачной

августовской ночи, когда я проходил последовательностью уединенных двориков, ныне доступных только через темные коридоры прилегающих зданий, но прежде бывших частями непрерывной сетки живописных аллей. До моих ушей доносились о них смутные слухи, и я понимал, что их не может быть ни на какой сегодняшней карте; но то, что они забыты, лишь делало их более дорогими в моих глазах, и посему я искал их, удвоив обыкновенное рвение. Но и отыскав их, я лишь удвоил свой пыл; ибо нечто в их расположении смутно намекало, что они могли оказаться только немногими из множества подобных схожих, темных и немых переулков, зажатых между высокими глухими стенами и заброшенными задними постройками или в темноте таящихся за подворотнями, о которых не ведают орды чужаков, или же охраняющихся нечистыми на руку и необщительными художниками, чьи обычаи не были рассчитаны на известность или дневной свет.

Он заговорил со мной без приглашения, отметив мое настроение и взгляды, с которыми я обозревал снабженные дверными молоточками двери над ступенями с железными перилами в бледном свете узорчатых фрамуг, едва освещавшем мое лицо. Его лицо находилось в тени, голову прикрывала широкополая шляпа, удивительным образом идеально сливавшаяся с подчеркнуто вышедшим из моды плащом; впрочем я чуть встревожился еще до того, как он обратился ко мне. Сложения он был очень хилого, тощий почти как пугало; но голос его оказался на удивления мягким и гулким, хотя и не особенно глубоким. Он сказал, что несколько раз замечал меня в моих скитаниях по городу и сделал вывод о том, что я похож на него в своем интересе к останкам минувших лет. Не нужно ли мне руководство человека, поднаторевшего в подобных исследованиях и обладающего местной информацией, несравненно более глубокой, чем та, которую может приобрести любой чужак, посетивший эти края?

Пока он говорил, в желтом свете, падающем из одинокого чердачного окна, я сумел разглядеть его лицо, оказавшееся лицом пожилого и благородного, даже симпатичного человека и даже несшее на себе следы благородного происхождения и утонченности, необычных для сего века и места. Тем не менее некое качество в нем встревожило меня почти в той же мере, как понравились мне черты, – быть может, потому, что оно было слишком белым или слишком бесстрастным, или слишком не соответствовало окрестностям, чтобы я мог чувствовать себя легко и непринужденно. Однако я последовал за ним; ибо в те томительные дни лишь поиск старинных красот и тайн сохранял в живых мою душу, и я посчитал милостью Судьбы возможность присоединиться к тому, чьи

родственные изыскания позволили проникнуть в недоступные мне глубины.

Нечто, присутствовавшее в ночи, принуждало человека в плаще к молчанию, и долгий час он вел меня вперед, воздерживаясь от бесполезных слов, делая кратчайшие из комментариев, называя старинные имена и даты, направляя мое продвижение в основном жестами, пока мы протискивались сквозь щели, на цыпочках проходили по коридорам, перелезали через кирпичные стенки, а однажды проползли на руках и коленях по невысокому сводчатому проходу, чьи немыслимая длина и мучительные изгибы стерли наконец в моей голове всякое понятие о географическом положении, которое я до сих пор умудрялся сохранять.

В редких и случайных лучах света рассматривали мы предметы старинные и чудесные, или, во всяком случае, казавшиеся таковыми, и я никогда не забуду покосившиеся ионические колонны, и желобчатые пилястры, и увенчанные урнами железные заборные столбы, и распахнутые кверху поперечины окон, и декоративные окошки над дверями, становившиеся все более причудливыми и странными по мере нашего погружения в этот неистощимый лабиринт неведомой старины.

Мы никого не встречали, и с течением времени освещенных окон становилось все меньше и меньше. Сперва нам попадались масляные уличные фонари на старинных подвесках. Потом я заметил в некоторых из них свечи; и наконец мы пересекли жуткий и неосвещенный двор, где моему проводнику пришлось подвести меня за руку своей облаченной в перчатку рукой сквозь кромешную тьму к деревянной калитке в высокой стене, за которой оказался недлинный переулок, освещенный только фонарями перед каждым седьмым домом – немыслимо колониальными оловянными фонарями с коническими крышками и дырками, проделанными в боках. Переулок этот уводил круто в гору – много более крутую, чем, на мой взгляд, было возможно в этой части Нью-Йорка – и в верхней части своей был перегорожен заросшей плющом стеной частного поместья, за которой я мог видеть бледный купол и верхушки деревьев, раскачивавшихся на фоне расплывчатого светлого пятна на небе. В стене этой, под невысоким сводом, оказалась калитка из утыканного гвоздями черного дуба, которую мой спутник отпер внушительного размера ключом. Впустив меня внутрь, в полнейшей темноте он направил наше движение как будто бы по усыпанной гравием дорожке и наконец по каменным ступеням к двери дома, которую отомкнул и открыл передо мной.

Мы вошли, и мне немедленно стало дурно от встретившей нас бесконечной затхлости, должно быть, рожденной веками нечистого тления.

Хозяин дома как будто бы не заметил этого, а я из любезности смолчал, пока он вел меня вверх по изогнутой лестнице, по коридору и в комнату, дверь которой, как я слышал, запер за нашими спинами. Затем он задернул занавески трех небольших перегородчатых окон, едва заметных на фоне уже светлевшего неба; после чего перешел к камину, ударил сталью о кремень, зажег две свечи на канделябре о двенадцати подсвечниках и сделал жест, приглашая к негромкому разговору.

В слабом свете я видел, что мы находимся в просторной, хорошо обставленной и обшитой панелями библиотеке, по виду относящейся к первой четверти восемнадцатого столетия, с отменными дверными фронтонами, восхитительным дорическим карнизом и великолепным резным украшением над камином, увенчанным свитком и урной. Над плотно уставленными книжными шкафами в пролетах вдоль стен располагались хорошей работы семейные портреты; потемневшие, образуя загадочную дымку, и имеющие несомненное сходство с человеком, который жестом предложил мне сесть в кресло возле изящного чиппендейловского стола. Прежде чем усесться за него напротив меня, хозяин дома как бы в смущении замер на мгновение; а потом, неохотно стянув перчатки, сняв широкополую шляпу и плащ, остался в полном наряде георгианских времен, начиная от заплетенных в косу волос и гофрированного воротника и вплоть до бриджей, шелкового галстука, шелковых лосин и туфель с пряжками, которых я ранее не заметил. Медленно опускаясь в кресло с изогнутой спинкой, он продолжал пристально рассматривать меня.

Без шляпы он показался мне чрезвычайно старым, что ранее просто не было заметно, и я подумал, не это ли незамеченное доселе чрезвычайное долголетие стало одной из причин моего беспокойства. Когда он заговорил наконец, мягкий, гулкий и старательно приглушенный голос его нередко дрожал, и мне то и дело приходилось напрягаться, чтобы разобрать его слова с трепетом удивления и наполовину отрицаемой тревоги, возраставшей с каждым мгновением.

– Сэр, вы имеете дело, – начал хозяин дома, – с человеком весьма эксцентричным в своих обычаях, за одеяние которого нет нужды приносить извинения человеку, наделенному вашим умом и привычками. Размышляя о лучших временах, я не поленился позаимствовать их обычаи, усвоить их обычаи и манеры, и привычка эта недостойна осуждения, если не практиковать ее напоказ. Мне повезло в том, что я унаследовал сельскую обитель собственных предков, хотя она и была поглощена двумя городами: сперва Гринвичем, дотянувшимся сюда после 1800 года, а потом Нью-Йорком, присоединившимся к нему около 1830 года. В нашем семействе

существовало много причин содержать этот дом без огласки, и я не стал пренебрегать подобной условностью. Сквайр, унаследовавший дом в 1768 году, изучал некие искусства и сделал кое-какие открытия, связанные в основном с влияниями, присутствующими на данном участке земли и в высшей степени достойными внимательной охраны. Некоторые любопытные эффекты этих искусств и открытий я намереваюсь показать вам при условии соблюдения строжайшей секретности; и полагаю, что могу положиться на собственное понимание людей, чтобы не обнаружить недоверия как к вашему интересу, так и верности слову.

Он сделал паузу, однако я мог только кивнуть в ответ головой. Я уже говорил, что был встревожен, тем не менее для души моей не было ничего более смертоносного, чем материальный мир дневного Нью-Йорка, и вне зависимости от того, кем был этот человек: безобидным эксцентриком или адептом опасных искусств, – у меня не было иного выхода кроме как последовать за ним и утолить свою жажду чудес тем, что может он предложить. Поэтому я стал слушать.

– С точки зрения моего предка, – негромко продолжил он, – в воле человечества присутствовали некие весьма примечательные качества – качества, обнаруживавшие свою неожиданную власть не только над поступками того или иного человека, но и над всем разнообразием сил и субстанций в Природе, и над многими стихиями и измерениями, более универсальными, чем она сама. Могу ли я сказать, что он отказал в святости таким великим предметам, как пространство и время, а также обратил к странному применению обряды неких полукровок – индейских краснокожих – некогда останавливавшихся на этом холме? Эти индейцы кипели возмущением, пока строился дом, а потом словно чума липли, добиваясь разрешения посетить окружающую его землю в полнолуние. Год за годом они каждый месяц при удобном случае перелезали через ограду и украдкой производили некие действия. А потом, в 68-м, новый сквайр застал их при совершении оных и был ошеломлен тем, что увидел. Посему он заключил с ними сделку в обмен на право свободного посещения его владений, выговорив себе точное знание о том, что они творили, и узнав, что одну часть своего обряда они унаследовали от краснокожих предков, а другую – от старого голландца во времена Генеральных Штатов. Увы, гнилая язва в бок этому сквайру, боюсь, что он напоил индейцев чудовищно скверным ромом – ибо через неделю после того, как он узнал секрет, сквайр этот остался единственным среди живых, кто знал помянутую тайну. И вы, сэр, стали первым чужаком, узнавшим, что таковая существует, и я лопнул бы, если бы рискнул на подобное неуважение к

«силам» – не проявляй вы столько любопытства к прошлому.

По мере того как он становился разговорчивее – с выговором давних времен, – кожу мою пробирал озноб. Но он продолжал:

– Однако вам следует узнать, сэр, что то, что сквайр узнал от этих диких дворняг, составляло всего лишь часть того знания, которое ему удалось получить. Он не без толку проводил время в Оксфорде и не о пустяках разговаривал в Париже с древним годами алхимиком и астрологом. Короче, до него донесли, что весь мир есть не что иное, как дым, испускаемый нашими разумами; незаметный для вульгарного разумения, но доступный мудрым, чтобы те затягивались им и выдыхали, наслаждаясь, как облачком дымка первосортного виргинского табака. Чего мы хотим, то и можем сделать около себя; а чего не хотим, от того можем и отмахнуться. Не могу сказать, что все это подлинно и телесно, однако достаточно верно для того, чтобы можно было время от времени учинить милый спектакль. Вам, насколько я понимаю, будет интересно разглядеть некие иные годы, причем так, как никогда не покажет фантазия; посему будьте любезны сдержать всякий испуг при виде того, что я намереваюсь показать. Подойдите к окну и молчите.

Тут хозяин дома взял меня за руку, чтобы подвести к одному из двух окон, находившихся на длинной стороне зловонной комнаты, и от первого же прикосновения его пальцев меня пробрал холод. Плоть его, будучи твердой и сухой, во всем прочем напоминала лед; и я едва не вырвал из его ладони свою руку. И все же снова подумал о пустоте и жути реальности и отважно приготовился следовать за ним, куда бы он ни повел меня. Оказавшись возле окна, старик раздвинул желтые шелковые шторы и велел мне смотреть во тьму за окном. Какое-то мгновение я не видел ничего, кроме мириад огоньков, заплясавших где-то далеко-далеко от меня. Затем, словно бы отвечая на хитрое движение руки хозяина дома, над сценой промелькнула зарница, и я увидел перед собой море роскошной листвы… листвы безупречно чистой, а не море крыш, которое рассчитывал бы увидеть всяк пребывающий в здравом уме. По правую от меня руку озорничали воды Гудзона, а впереди вдали мерцал нездоровый отблеск большого соленого болота, пересыпанный звездочками вспышек нервных светляков. Вспышка погасла, и на восковое лицо древнего некроманта легла злобная улыбка.

– Это было до меня… то есть до нового сквайра. Давайте попробуем еще разок.

Я сделался слаб, еще более слаб, чем когда одолевала меня ненавистная современность этого проклятого города.

– Боже мой! – прошептал я, – неужели вы способны делать это раз за разом?

И когда он кивнул, обнажая бурые пеньки некогда желтых клыков, я вцепился в занавески, чтобы не упасть. Однако хозяин дома удержал меня на ногах своей жуткой ледяной хваткой и вновь произвел тот хитроумный жест.

И вновь вспыхнула молния – но на сей раз она озарила не совсем незнакомую мне сцену. Это был Гринвич, привычный Гринвич, там и сям можно было видеть привычную ныне кровлю или рядок домов, и все же заметны были и очаровательные аллеи, и поля, и поросшие травой лужайки. За ними по-прежнему поблескивало болото, но вдали я заметил шпили тогдашнего Нью-Йорка; церкви Тринити, Святого Павла и Кирпичная доминировали над своими сестрами, и слабый полог печного дыма прикрывал сцену. Я тяжело вздохнул, однако не столько от самого зрелища, сколько от тех возможностей, которые предлагало мне пришедшее в ужас воображение.

– Можете… смеете ли вы… обратиться к дальним краям? – проговорил я с трепетом, который как будто бы на секунду разделил и старик, однако злобная улыбка вернулась.

– К дальним краям? Да того, что я видел, хватит, чтобы превратить тебя в безумное каменное изваяние! Назад, назад… вперед, вперед… зри, о скулящий недоумок!

И негромко прорычав эту фразу, он сделал новый жест, вызвав на небо новую молнию, куда более ослепительную, чем прежние. Полные три секунды взирал я на это пандемоническое зрелище, и за секунды эти разглядел перспективу, которой суждено будет впоследствии всегда мучить меня во снах. Я увидел небеса, кишащие странными летучими тварями, а под ними адский черный город с гигантскими каменными террасами и богохульными пирамидами, взметнувшимися в дикарском порыве к луне, и дьявольские огни, горящие в бесчисленных окнах. А на воздушных галереях роились желтые, косоглазые люди этого города в каких-то жутких оранжевых и красных нарядах, безумно плясавшие под лихорадочный грохот литавр, непристойное брякание кроталов[12] и глухие стоны рогов, непрестанные траурные панихиды которых вздымались и опадали волнами порочного битумного океана.

Итак, я видел эту перспективу и словно бы внутренним ухом слышал богохульную подводную и потустороннюю какофонию, властвовавшую над ней. Визжащим ужасом воплощались в ней все страхи, которые город-труп расшевелил в душе моей, и, позабыв о приказе молчать, я вопил, визжал,

выл, надрывался, ибо нервы мои сдали и стены ходуном ходили вокруг меня.

Затем, когда вспышка погасла, я увидел что трепещет и хозяин дома; ужасное потрясение изгнало с его лица змеиную ненависть, которую вызвали мои вопли. Он пошатнулся, вцепился в занавески, как только что сделал я, и буйно замотал головой, как пойманное в ловушку животное. Видит Бог, у него была на это причина, ибо едва стихли отголоски моего воя, как послышался другой звук, настолько адски красноречивый, что только отупение чувств позволило мне сохранить рассудок и остаться в сознании. Ступени лестницы за закрытой дверью ровно скрипели под осторожной поступью босой или обутой в кожу орды; наконец осторожно и осмысленно брякнула медная задвижка, ясная в свете свечи. Старик ткнул в меня рукой, плюнул сквозь наполненный тленом воздух и гортанно взвыл, шатаясь и вцепившись рукой в желтую штору:

– Полнолуние… проклятый… проклятый воющий пес… ты призвал их, и они идут за мной! Ноги в мокасинах… мертвецы… Бог да погубит вас, краснокожие черти, только я не подливал отраву в ваш ром… и разве не сохранил в порядке вашу гнилую магию?… вы сами допились до чумы, проклятые дьяволы, и все хотите обвинить в этом сквайра… прочь ступайте, поганые! Отпустите засов… Здесь для вас ничего нет…

В это мгновение три неторопливых и размеренных удара сотрясли дверную панель, и белая пена появилась на губах отчаявшегося чародея. Ужас его, превращавшийся в нерушимое отчаяние, оставлял место для ярости против меня; и он сделал шаткий шаг в сторону стола, за край которого я держался. Левая рука протянулась ко мне, шторы, зажатые в правой, натянулись и наконец вырвались из своих высоких защепок, пропуская в комнату весь лунный свет, который могло дать посветлевшее небо. Зеленоватые лучи заставили померкнуть свечи, и пелена тлена заново легла на пропахшую гнилью комнату с ее источенными червями панелями, проваливающимся полом, потрескавшейся каминной доской, шаткой мебелью и истрепавшимися драпировками. Она распространилась и на старика, из того же источника или благодаря его страху и ядовитой злобе, и, съежившись и почернев, он рванулся вперед, чтобы разодрать меня пальцами, превратившимся в ястребиные когти. Только глаза его оставались прежними, и их наполняло растворенное движущее свечение, становившееся все ярче по мере того, как обугливалось и съеживалось его лицо.

Стук повторялся теперь с большей настойчивостью, и в нем даже появилась металлическая нотка. Только что стоявшая передо мной черная

тварь превратилась в одну только голову с глазами на ней, бессильно пытавшуюся переползти по шатким половицам в мою сторону и только изредка извергавшую крохотные и беспомощные плевки, полные бессмертной злобы. Теперь на гнилые панели обрушился град сильных и умелых ударов, и в показавшейся в двери трещине промелькнуло лезвие томагавка. Я не шевельнулся, потому что не имел сил для этого, и только завороженно смотрел на то, как рухнула и рассыпалась на куски дверь, как в нее хлынул могучий, но бесформенный поток субстанции, в котором злыми звездами сверкали глаза. Подобный нефти, хлынувшей из лопнувшей прогнившей цистерны, поток перевернул кресло, затек под стол и ручейком метнулся в ту сторону, откуда на меня до сих пор глядели полные ярости глаза почерневшей головы. Сомкнувшись над головой и полностью поглотив ее, поток в то же мгновение начал отступать; унося с собой свою невидимую добычу, не касаясь меня, он втек обратно в черный дверной проем и хлынул вниз по невидимой лестнице, вновь заскрипевшей как бы под ногами, но уже в обратном порядке.

Тут пол наконец подался под моими ногами, и, ошеломленный, я рухнул в темную палату внизу, едва не теряя сознание от ужаса и задыхаясь от окутавшей меня паутины. Лучи зеленой луны, пробивающиеся сквозь разбитые окна, обрисовали передо мной полураскрытую дверь; и, поднявшись с усыпанного кусками штукатурки пола, выпроставшись из досок сгнившего потолка, я увидел, как за ней скользит поток жуткой тьмы, в котором сверкают полные злобы глаза. Поток устремился к двери в погреб, и, отыскав ее, исчез где-то внизу. Пол нижней комнаты теперь прогибался под моими ногами, как только что было на верхнем этаже, и после раздавшегося наверху треска мимо западного окна промелькнуло нечто похожее на купол. Высвободившись на мгновение из обломков, я бросился через холл к входной двери, и, не сумев открыть ее, схватил кресло, и, разбив окно, лихорадочными движениями выбрался на неухоженную лужайку, заросшую высокой, в ярд травой, над которой плясал лунный свет. Стена была высокой, все ворота оказались запертыми, однако, сдвинув оказавшуюся в углу стопку ящиков, я сумел добраться до верха стены и вцепиться в стоявшую там огромную каменную урну.

Измученный взор мой видел вокруг себя только странные стены, невозможные окна и старинные мансардные крыши. Крутой улочки, по которой я пришел сюда, нигде не было видно, и то немногое, что я мог еще видеть, неумолимо и скоро растворялось в тумане, накатывавшем от реки вопреки ясному лунному свету. И вдруг затрепетала та самая урна, за которую я держался, словно бы восприняв от моего тела охватившую меня

смертную слабость, и через какое-то мгновение тело мое рухнуло вниз, навстречу неведомой судьбе.

Нашедший меня человек утверждал, что, несмотря на переломанные кости, я прополз достаточно далеко, ибо кровавый след тянулся за мной насколько он смел взглянуть. Собравшийся дождь скоро смыл этот след, связанный с местом моего сурового испытания, и газетчики могли только упомянуть, что я появился из неведомого места на входе в темный маленький дворик возле Перри-стрит.

Я никогда более не возвращался к этим зловещим лабиринтам и никогда не направил бы туда здравомыслящего человека. Кем или чем было то дряхлое создание, не имею ни малейшего представления, но повторю еще раз: город сей мертв и полон нежданных ужасов. Куда сгинул старец, не знаю; но сам я вернулся домой, на чистые аллеи Новой Англии, над которыми вечерами реют благоуханные морские ветры.

1926

Заброшенный дом
Перевод Валерии Бернацкой

I

Даже в самых кошмарных событиях обычно таится ирония. Иногда она вплетена в сам их ход, а иногда лишь подчеркивает элемент случайности в связях людей и мест. Именно этот последний вариант видим в случае с Эдгаром Алланом По. В конце сороковых годов прошлого века он, безуспешно ухаживая за талантливой поэтессой миссис Уайтмен, частенько посещал старинный город Провиденс. Писатель всегда останавливался в Мэншен-хаус на Бенифит-стрит – бывшей гостинице «Золотой шар», под крышей которой в свое время находили приют Вашингтон, Джефферсон и Лафайет, а его излюбленный путь к жилищу дамы его сердца пролегал по улице, над которой раскинулось на холме кладбище Святого Иоанна, чьи сокрытые зеленью от досужего взора надгробия обладали для него особой притягательностью.

Вы спросите, в чем же заключалась ирония? А в том, что на своем пути этот непревзойденный певец загадочного и сверхъестественного много раз проходил мимо одного дома, расположенного на восточной стороне улицы, – прилепившегося на крутом склоне холма, невзрачного с виду старомодного особняка, утопающего в огромном запущенном саду, разбитом еще в незапамятные времена. Эдгар По никогда не писал и не упоминал в своих беседах об этом доме, вероятно, вообще не обратил на него внимания. А ведь по крайней мере у двух людей есть неоспоримые доказательства, что тайна дома не уступает, а может, и превосходит по своей кошмарной сути взлеты самой изощренной фантазии не раз проходившего мимо него гения. Сам же дом и поныне мрачно возвышается как материальный символ зла.

Этот особняк привлекал внимание любопытных и в старые, и в нынешние времена. Первоначально задуманное как фермерское жилище середины восемнадцатого века, двухэтажное строение отражало вкусы зажиточных колонистов Новой Англии – островерхая крыша, глухая мансарда, портик в георгианском стиле и внутренние помещения, обшитые панелями (последнее диктовалось изменившимися представлениями о красоте интерьера). Фронтон дома смотрел на юг, восточная стена зарывалась в холм – вплоть до нижних окон, а западная выходила на улицу. Такое местоположение обусловливалось сто пятьдесят лет назад нуждами времени: требовалось выровнять улицу. Ведь Бенифит-стрит (прежде она именовалась Бэк-стрит) некогда была извилистой тропой между

захоронениями первых поселенцев. Перемены стали возможны только после перенесения останков колонистов на Северное кладбище, и вот тогда, не боясь уже оскорбить чувства потомков, улицу начали выравнивать.

Прежде западная стена дома начиналась на высоте двадцати футов от тропы, но во времена Революции, когда улицу стали расширять, часть земли срыли, обнажив фундамент строения. Хозяевам пришлось облицевать подвальную стенку кирпичом, а из самого подвала сделать выход на улицу. Тогда же в подвале появились и два оконца. А когда сто лет назад потребовалось проложить тротуар, срыли еще немного земли, и Эдгар По в своих прогулках мог уже видеть только выходящую на улицу темную кирпичную стену – корпус же самого дома старинной кладки начинался лишь на высоте десяти футов.

Прилегающий к дому сад взбегал по холму вверх, раскинувшись довольно далеко и почти достигая Уитон-стрит. Та его часть, что выходила на Бенифит-стрит, была значительно выше самой улицы. От нее сад отделяла отсыревшая и заросшая мхом высокая каменная стена с пробитой в ней крутой лестницей, ведущей мрачными переходами в верхнюю часть участка с неподстриженными лужайками и развесистыми деревьями. Унылая картина разбитых урн, проржавевших котелков, свалившихся с треног, сооруженных из сучковатых палок, и прочих неожиданных вещей дополнялась жалким зрелищем обветшалой двери с разбитым веерообразным окошком, сгнившими ионическими пилястрами и источенным червями треугольным фронтоном.

В годы своей юности я, помнится, слышал разговоры, что в этом доме слишком часто умирали люди. Именно поэтому первые хозяева дома, прожив в нем двадцать лет, переехали в другое жилище. Место, очевидно, было нездоровым. Возможно, причина крылась в сыром подвале, заросшем грибовидной растительностью, откуда гнилостный запах разносился по всему дому, а может, вину следовало искать в гуляющих по коридорам сквозняках или в колодезной воде. Именно эти пагубные обстоятельства назывались моими близкими в первую очередь. Только годы спустя я нашел в записных книжках моего дяди, доктора Илайхью Уиппла, знатока древностей, упоминание о смутных подозрениях, которыми делились по секрету между собой старые слуги и прочая челядь. Догадки эти никогда широко не распространялись и были почти забыты ко времени, когда Провиденс стал крупным городом со множеством пришлых людей.

О привидениях речи не было. Никогда я не слышал от старожилов рассказов о бряцающих цепях, ледяных порывах ветра, внезапно задутых

свечах или незнакомых лицах в окне. Самые дошлые иногда поговаривали, что дом-де «нечист», но дальше этого не шли. Одно было несомненно: люди здесь умирают много чаще, чем во всей округе, точнее сказать, умирали: шестьдесят лет назад при неких не совсем обычных обстоятельствах дом опустел, и с тех пор не находилось охотников поселиться в нем. Скончавшиеся здесь люди не являлись жертвами какого-то рокового случая: скорее, их что-то долго и методично подтачивало, и тот, в ком жизненных сил было меньше, уходил первым. Из выживших же все поголовно страдали явно выраженной анемией или чахоткой, а некоторые и психическими расстройствами. Все это говорило о неблагоприятной для здоровья атмосфере жилища. Ничего подобного, к слову сказать, не замечалось в соседних домах. Вот, пожалуй, и все сведения, которыми я располагал к тому моменту, когда мой дядя после долгих упрашиваний с моей стороны извлек наконец из своих тайников собранные им материалы – шаг, положивший начало нашему опасному расследованию. В мои детские годы этот особняк, окруженный корявыми бесплодными деревьями, уже пустовал. В поднимающемся террасами саду, куда никогда не залетали птицы, росла бледная, на редкость высокая трава и причудливо изогнутые сорняки. Мальчишками мы частенько забегали сюда, и я до сих пор не могу забыть свой детский страх, вызванный не столько странной деформированностью растений, сколько общей зловещей атмосферой и мерзким запахом. Он шел из обветшалого дома, куда мы иногда, влекомые непреодолимой жаждой неведомого, с опаской проникали через незапертую дверь. В этих стенах, обшитых ветхими панелями, витал дух запустения: оконные стекла были разбиты, ставни расшатаны, обои отклеились, отовсюду сыпалась штукатурка, ступеньки отчаянно скрипели под ногами, а то немногое, что осталось из мебели, уже ни на что не годилось. Пыль и паутина довершали эту мрачную картину, и потому мальчишка, который решался подняться на чердак, считался отчаянным смельчаком. Когда-то в это просторное помещение с высокими стропилами, освещаемое лишь двумя маленькими тусклыми оконцами, сваливали без разбора всякую рухлядь: сломанные стулья, сундуки, прялки. Теперь за давностью лет все это превратилось в какое-то бесформенное месиво, в адский бедлам.

И все же чердак вряд ли являлся самым зловещим местом в доме. Им был, несомненно, холодный подвал, попав в который мы не могли унять дрожь. Даже сознание того, что он находится не под землей, а на уровне улицы, и за кирпичной стеной с тонкой дверцей и небольшим окошком шумит жизнь, не спасало нас от жгучего страха. Мы никак не могли

решить для себя, заглядывать ли сюда почаще в надежде увидеть привидения или, напротив, совсем не показываться, зато спасти тело и душу. В подвале гнилостный запах ощущался сильнее, а кроме того, нам был неприятен вид бледной грибообразной поросли, которая особенно буйно разрасталась в дождливую летнюю погоду. Она чем-то напоминала сорняки в саду и имела преотвратный вид, карикатурно походя на поганки или трубки индейцев. Ничего подобного мы нигде больше не встречали. Эти растения, сгнивая, начинали слабо фосфоресцировать, и те, кто проходил мимо дома ночью, потом божились, что видели, как за разбитыми стеклами окон плясали дьявольские огоньки, а зловоние было особенно ощутимо.

Мы никогда, как бы нам ни хотелось, не осмеливались наведываться в подвал ночью, но иногда, если день был пасмурный и дождливый, тоже наблюдали свечение. Кроме того, в подвале было нечто такое, о чем мы никогда не могли с уверенностью сказать, не померещилось ли оно нам. Я говорю о неясном беловатом наросте на грязном полу, смутном, расплывчатом узоре из плесени, который мы различали у основания печи, где поросль редела. Иногда этот узор напоминал по форме скорченную человеческую фигуру, потом сходство уменьшалось и исчезало совсем. Часто не различался и сам нарост. После одного дождливого дня, когда человеческие очертания проступили на полу особенно отчетливо и от плесени по направлению к дымоходу потянулся, как мне почудилось, легкий желтоватый дымок, я рассказал обо всем дяде. Он счел, что у меня разыгралось воображение, и даже посмеялся, но потом задумался. Позже я узнал, что в некоторых самых невероятных из всей череды преданий говорилось о взмывавшем иногда из трубы дыме, принимавшем отвратительные, звероподобные формы. Эти гнусные очертания воспроизводили и корни мрачных деревьев, пробивавшиеся сквозь толщу камня в подвал.

II

Когда я достиг совершеннолетия, дядя ознакомил меня со своими записями и документами, касавшимися заброшенного особняка. Доктор Уиппл относился к здравомыслящим врачам старой школы и, несмотря на свой ярко выраженный интерес к тайне пресловутого дома, не торопился направить юношескую любознательность на столь рискованный объект. Сам он, впрочем, был уверен, что вся тайна сводится к нездоровым природным условиям и качеству строительства, но опасался, что многочисленные загадочные подробности, столь заинтересовавшие его самого, могут потрясти мое воображение и вызвать самые непредсказуемые реакции.

Доктор – седовласый, всегда чисто выбритый джентльмен – был старым холостяком. Он проявлял глубокий интерес к истории нашего края и настолько преуспел в этом, что неоднократно вступал в полемику с такими учеными мужами, как Сидни С. Райдер и Томас У. Бикнелл. Он жил со своим единственным слугой в георгианском коттедже с дверным молотком и обитыми железом перилами, примостившемся у того самого места, откуда Норт-Корт-стрит уходила вверх. С коттеджем соседствовали старинное кирпичное здание суда и дом, прежде принадлежавший колониальному управлению, где дед доктора – двоюродный брат прославленного капитана Уиппла, спалившего в 1772 году «Гаспи», боевой корабль Его Величества, – проголосовал за независимость Род-Айленда. В библиотеке – сыроватой комнате с низким потолком, стенами, обшитыми белыми панелями, накаминником с затейливой резьбой и увитыми виноградом окнами – хранились семейные реликвии и бумаги. В некоторых встречались упоминания о заброшенном доме на Бенифит-стрит, таящие намеки на нечто таинственное. Это проклятое место находилось неподалеку от коттеджа: Бенифит-стрит начиналась сразу за зданием суда и шла вдоль холма, на котором строили свои дома первые колонисты.

Наконец мои неустанные расспросы возымели действие. Дядя решил, что, повзрослев, я имею право знать правду, и ознакомил меня с весьма странными обстоятельствами, касаемыми этого дома. Как показывала объективная статистика, за все время его существования жизнь обитавших в нем людей непрерывно подвергалась воздействию некой злой и разрушительной силы. Это открытие произвело на меня куда большее впечатление, чем на доброго дядюшку. Собранные вместе, отдельные

случаи и некоторые вроде бы незначительные эпизоды наводили на ужасные предположения. Мною снова овладело жгучее, неуемное любопытство, по сравнению с которым мой детский интерес казался обычной в этом возрасте любознательностью. Первые догадки привели впоследствии к долгому и изнурительному изучению документов и наконец – к фатальному расследованию, которое так дорого обошлось мне и моей семье. Ведь дядя, конечно же, присоединился к начатым мною розыскам, и после одной ночи, проведенной вместе в проклятом доме, я вышел оттуда один. Как недостает мне теперь этого доброго человека, в течение долгих лет бывшего в моих глазах образцом чести, добродетели, хорошего вкуса, доброжелательности и образованности. В память о нем я воздвиг мраморное изваяние на кладбище Святого Иоанна, где так любил бродить Эдгар По. Этот погост, ограниченный с одной стороны вековой церквушкой, а с другой – домами и оградительными стенами Бенифит-стрит, по сути, представляет собой тихую укромную рощицу из раскидистых ив, где мирно жмутся друг к другу могилы и родовые склепы.

Изучая историю дома и сопоставляя отдельные события и даты, мы не обнаружили ничего необычного и тем более ужасного ни в обстоятельствах его строительства, ни в личностях первых владельцев, принадлежавших к богатому и уважаемому семейству. Однако с самого начала в доме ощущалось присутствие неопределенной опасности, которая вскоре осязаемо себя проявила. Собранные дядей по крупицам сведения восходили к постройке дома в 1763 году и довольно подробно прослеживали все дальнейшие события. Его первыми хозяевами были Уильям Хэррис и его жена Роби Декстер. С ними также жили их дети: Элкана, родившаяся в 1755 году, Абигайл – в 1757-м, Уильям-младший в 1759-м, и Руфь – в 1761-м. Слывший состоятельным купцом и искусным мореплавателем, Хэррис совершал по поручению фирмы «Обадья Браун и племянники» деловые вояжи в Вест-Индию. После смерти Брауна в 1761 году глава новой фирмы, «Николас Браун и К°», доверил ему бриг «Пруденс» водоизмещением 120 тонн, построенный тут же, в Провиденсе. Повышение по службе позволило Хэррису наконец исполнить давнишнюю свою мечту, укрепившуюся после женитьбы, и выстроить собственный дом.

Для особняка он выбрал живописное место на недавно выровненной и потому считавшейся престижной Бэк-стрит; улицу проложили вдоль холма, и она довольно высоко поднималась над плотно застроенным бедняцким районом. Дом вполне соответствовал красоте места, впрочем, ничего лучшего, учитывая весьма скромные накопления, выстроить было просто

нельзя. Поэтому понятна та торопливость, с какой Хэррис поспешил въехать в новое жилище, тем более что семья ждала пятого ребенка. Но родившийся в декабре мальчик оказался мертвым. С тех пор в течение ста пятидесяти лет ни один ребенок не родился в этом доме живым.

В апреле следующего года дети Хэррисов заболели неизвестной болезнью, и еще до конца месяца Руфь и Абигайл скончались. По мнению доктора Джоуба Айвза, девочки умерли от лихорадки, но другие специалисты утверждали, что смерть наступила в результате истощения и резкого упадка сил. Болезнь была, по-видимому, заразной, так как в июне Ханна Бауэн, служанка, скончалась от недомогания со сходными симптомами. Другой слуга, Эли Лайдисон, постоянно жаловался на слабость и хотел было вернуться в Рибот, на ферму отца, но помешала его внезапная страсть к Митабел Пирс, взятой на место Ханны. Он умер на следующий год, оказавшийся поистине трагическим: тогда же скончался и сам Уильям Хэррис, подорвавший свое здоровье, как все полагали, на Мартинике, где он подолгу находился в последние годы.

Овдовевшая Роби Хэррис так никогда и не оправилась от потери любимого мужа, а смерть старшей дочери, Элканы, нанесла последний удар по ее рассудку. В 1768 году у нее появились первые признаки помешательства, и тогда вдову пришлось перевести на второй этаж, ограничив ее передвижения по дому. Заботы о семье взяла на себя ее старшая незамужняя сестра, простоватая Мерси Декстер, перебравшаяся на Бенифит-стрит. Природа наделила сухопарую Мерси недюжинным здоровьем, которое, впрочем, после переезда заметно пошатнулось. Она была очень привязана к своей несчастной сестре и обожала племянника Уильяма – единственного из детей, кто остался в живых, хотя и превратился из былого крепыша в болезненного, непропорционально высокого и худого подростка. В том же году умерла служанка Митабел, а другой слуга, Презервид Смит, попросил расчет, не дав по этому поводу никаких вразумительных объяснений, а только бормоча нечто невнятное и все время повторяя, что в доме премерзкий запах. Мерси с трудом нашла новых слуг: семь смертей и сумасшествие, поразившие семью всего лишь за пять лет, могли хоть кого отпугнуть. Кроме того, по городу поползли разные слухи, обросшие со временем совсем уж фантастическими подробностями. Наконец ей удалось заполучить людей со стороны: угрюмую Энн Уайт, родом из той части Северного Кингстауна, которая теперь именуется Эксетером, и ловкого бостонского малого по имени Зенас Лоу.

Именно Энн Уайт впервые открыто заговорила о том, о чем шептались

в городе. Мерси не стоило нанимать прислугу из такого Богом забытого местечка, как Нусек-Хилл, слывшего тогда, как, впрочем, и теперь, рассадником самых невероятных поверий и предрассудков. Если не далее как в 1892 году жители Эксетера эксгумировали труп и торжественно сожгли извлеченное из него сердце, дабы воспрепятствовать мнимым ночным хождениям покойника, якобы наводившего порчу на горожан, то можно себе представить, с какой силой могло разыграться воображение их предков в середине восемнадцатого века. У Энн был острый язычок, и спустя несколько месяцев Мерси пришлось расстаться с ней, взяв на ее место преданную и добродушную Марию Роббинз, мужеподобную амазонку из Ньюпорта.

Тем временем несчастную, полностью впавшую в безумие Роби Хэррис мучили сны и видения, о кошмарности которых можно было судить хотя бы по ее отчаянным воплям. Иногда истерические крики больной – свидетельство переживаемого ею ужаса – становились совершенно непереносимы, и тогда Уильяма забирал на время к себе его кузен Пелег Хэррис, живший на Пресбитериен-лейн, неподалеку от нового здания колледжа. Здоровье мальчика там сразу же улучшалось, и будь Мерси столь же мудра, как добродетельна, то позволила бы ему поселиться там насовсем. К сожалению, не осталось подробных сведений о том, что именно выкрикивала миссис Хэррис в приступах безумия, но дошедшее до нас представляется на редкость абсурдным. Ну разве можно поверить, что женщина, знавшая лишь несколько французских слов, могла часами ругаться на этом языке, прибегая к идиоматическим выражениям, известным лишь исконным французам? И чего стоили ее странные жалобы на некую ужасную тварь, пытавшуюся кусать и жевать ее, если она находилась под постоянным присмотром? В 1772 году умер Зенас, и миссис Хэррис, услышав об этом, засмеялась с видимым удовольствием, что было совсем на нее не похоже. А на следующий год и она отошла в мир иной и теперь покоится на Северном кладбище рядом со своим мужем.

Когда в 1775 году начались трения с Великобританией, Уильям Хэррис, несмотря на свои неполные шестнадцать лет, записался добровольцем в армию генерала Грина и за несколько лет значительно преуспел и в здоровье, и в чинах. В 1780 году он служил уже капитаном в войсках Род-Айленда под командованием полковника Энджелла, там, в Нью-Джерси, познакомился с Феб Хетфилд родом из Элизабеттауна, женился на ней и на следующий год, вернувшись с триумфом в Провиденс, привез с собой и юную жену.

Однако возвращение молодого воина не превратилось в сплошной

праздник. Дом, правда, находился в отличном состоянии, а улицу расширили, переименовав в Бенифит-стрит. Однако тетушка Мерси заметно сдала – от ее былой крепости не осталось и следа. Уильяма встретила скрюченная жалкая старушка с безжизненным голосом и бледным как смерть лицом. Похожие перемены произошли и с единственной не покинувшей семейство служанкой, Марией. Осенью 1782 года Феб Хэррис родила мертвую девочку, а пятнадцатого мая следующего года добродетельная Мерси Декстер, прожив жизнь в самоотверженном труде и заботах о близких, оставила этот мир.

Тогда-то Уильям, полностью уверовавший в нездоровый климат своего жилища, решил навсегда покинуть его. Временно сняв для себя и жены номер в только что открывшейся гостинице «Золотой шар», он затеял строительство более благоустроенного дома на Уэстминстер-стрит, в новом городском районе за Большим мостом. Там в 1785 году родился его сын Дьюти, после чего семья благополучно жила в этом доме до того времени, когда интересы коммерции заставили их перебраться ближе к прежним местам и поселиться в новой части восточного квартала, на проложенной вдоль холма Энджел-стрит. Именно там, где впоследствии, в 1876 году, покойный Арчер Хэррис воздвиг свой пышный, но безвкусный особняк с мансардой. В 1797 году Уильям и Феб скончались во время эпидемии желтой лихорадки, а Дьюти взял на воспитание его двоюродный брат Ратбоун Хэррис, сын Пелега.

Ратбоун был человек деловой и поспешил сдать дом на Бенифит-стрит внаем, несмотря на желание Уильяма, чтобы дом пустовал: он считал своим долгом сделать все, чтобы увеличить состояние подопечного. Ратбоун и впредь не озадачивался большим количеством смертей и болезней в доме, из-за которых там часто сменялись жильцы, а также растущей недоброй славой особняка. Похоже, он чувствовал только раздражение, когда в 1804 году городской совет обязал его обработать дом серой, дегтем и нафталином после очередных четырех смертей, о которых много говорили в городе, и не верил, что причиной их была все та же эпидемия лихорадки, уже сходившая на нет. По мнению же совета, о наличии источника инфекции говорил стоявший в доме гнилостный запах.

Самого Дьюти мало заботила его собственность: он вырос, стал морским офицером и проявил себя наилучшим образом в войне 1812 года, служа на судне «Виджилент» под командованием капитана Кехуна. С войны он вернулся в добром здравии, в 1814 году женился и стал отцом в ту незабываемую ночь двадцать третьего сентября 1815 года, когда в заливе бушевал невиданной силы шторм. Затопив полгорода, он вынес на улицы

сторожевой шлюп, мачты которого уперлись прямо в окна дома Хэррисов на Уэстминстер-стрит, как бы символически подтверждая, что новорожденный Уэлком – сын моряка.

Уэлком погиб с честью у Фредерикберга в 1862 году, уйдя из жизни раньше своего отца. Ни он, ни его сын Арчер не были знакомы со страшной историей дома, относясь к нему просто как к неудачной собственности, которую трудно сдать из-за вечной сырости и гнилостного запаха, неудивительного в таком неухоженном и старом жилище. После нескольких смертей, последовавших одна за другой (кульминацией в количественном их нарастании стал 1861 год), дом никогда уже больше не сдавался, и только бурные события начавшейся войны заставили горожан позабыть обстоятельства этих зловещих кончин. По разумению Кэррингтона Хэрриса, последнего в семье представителя мужской линии, дом был заброшенным родовым гнездом, обросшим за долгое время множеством живописных легенд. Когда я поделился с ним жутким знанием, он хотел было тут же снести особняк и выстроить на освободившемся месте гостиницу. Но после того, как я открыл ему *всё*, он решил сохранить дом, провести водопровод и попробовать снова сдать его. Желающие поселиться нашлись тут же, и ужасные события были забыты.

III

Можно себе представить, как потрясла меня хроника семьи Хэррисов. Уйдя с головой в эти записи, я прямо-таки непосредственно ощущал присутствие там непостижимого, чудовищного зла, равного которому я не знал в природе. И связано оно было не с семьей, а с домом. Это мое впечатление подкреплялось множеством документальных свидетельств, обстоятельно собранных дядей, рассказами слуг, вырезками из газет, копиями медицинских свидетельств о смерти и тому подобным. Я не могу, разумеется, привести здесь все документы: дядя, страстный коллекционер по натуре, глубоко заинтригованный историей заброшенного дома, собрал их изрядное количество. Но кое-что повторялось во многих источниках, и вот об этом-то следует упомянуть. Из рассказов слуг, например, выходило, что злая сила таилась в смрадном, заросшем грибковой плесенью подвале. Некоторые слуги, особенно Энн Уайт, вообще избегали туда заглядывать. И еще: по меньшей мере в трех обстоятельных версиях упоминались корни деревьев и плесенные наросты, в дьявольских очертаниях которых угадывались искаженные формы человеческих фигур. Эти рассказы меня особенно заинтересовали, так как и я видел в детстве нечто подобное, хотя у меня было чувство, что каждый рассказчик привносил в историю колорит своего родного фольклора.

Энн Уайт, с ее эксетерскими предрассудками, предлагала самую экстравагантную и одновременно самую логичную версию. Она утверждала, что под домом похоронен один из тех вампиров, которые, чтобы сохранить свою плоть, должны пить кровь и красть дыхание у живых людей. Именно с этой целью ужасные полчища мерзких созданий бродят по ночам в виде привидений или прикидываясь людьми. Энн требовала поскорее взяться за поиски в подполе гнусной могилы, и эта ее упрямая настойчивость стала одной из причин, по которой с ней предпочли расстаться.

Ее рассказы пользовались, однако, большим успехом у соседок, оно и понятно – дом и вправду стоял на земле, где когда-то было кладбище. Это обстоятельство, хоть и весьма существенное, было для меня все же не столь важно рядом с другим: предположения Энн подтверждались жалобами Презервида Смита, слуги, уволившегося до прихода Энн и знать ее не знавшего. Смит утверждал, что кто-то по ночам «высасывает из него силы». Как тут не вспомнить свидетельства, подписанные доктором Чэдом

Хопкинсом, о смерти четырех людей, скончавшихся якобы от желтой лихорадки в 1804 году! В них тоже говорилось о патологическом малокровии жертв. И несчастная Роби Хэррис кричала в бреду о некоем призрачном существе с остекленевшими глазами и острыми клыками.

Хотя я с предубеждением отношусь к разного рода предрассудкам, но здесь стоило призадуматься, особенно после знакомства с двумя газетными заметками разных лет, в которых говорилось о странных смертях в заброшенном доме. В статье из «Провиденс газетт энд кантри» от 12 апреля 1815 года и в другой – из «Дейли транскрипт энд кроникл» от 27 октября 1845 года – сообщалось о поразительно похожих, приводящих в содрогание случаях. Казалось, что описывалась одна и та же кончина. И благочестивая пожилая леди Стэффорд, почившая в 1815 году, и школьная учительница Элизар Дюрфи перед самой агонией чудовищным образом преображались: взгляд их стекленел, а при осмотре они старались впиться зубами в горло врача. Еще более удивительные обстоятельства сопутствовали той череде смертей, после которых дом на Бенифит-стрит навсегда опустел. Больные теряли рассудок, а потом стремительно погибали от прогрессирующей анемии. Впав в безумие, они покушались на жизнь близких, изобретательно изыскивая возможность вцепиться зубами им в горло или запястье.

Мой дядя занялся врачебной практикой то ли с 1860, то ли с 1861 года и уже тогда слышал об этих таинственных случаях от старших коллег. Самым необъяснимым в них представлялось то, что жильцы (а последние годы дом снимали неграмотные, темные люди – чистую публику отпугивал мерзостный запах и плохая репутация дома), не знающие ни слова по-французски, заболевая, проклинали всех и вся именно на этом языке. Как тут было не вспомнить бедную Роби Хэррис, скончавшуюся почти столетие назад! На дядю произвело сильное впечатление все услышанное, и, вернувшись с фронта, он занялся сбором информации о странных смертях в заброшенном доме, в чем ему очень помогли доктора Чейз и Уитмарш, давшие, как говорится, сведения из первых рук. Дядя много и серьезно размышлял над этим феноменом и был несказанно рад моему неподдельному интересу: теперь ему было с кем обсуждать то, над чем посмеивались другие. Он не обладал моей пылкой юношеской фантазией, но опыт подсказывал ему, что таинственное место способно воспламенить воображение и превосходит все известное в области таинственного и ужасного.

Я же отнесся ко всему исключительно серьезно и, не желая ограничиваться пассивной ролью слушателя, старался сам добыть новые

сведения. Беседуя много раз с престарелым владельцем заброшенного дома Арчером Хэррисом вплоть до его смерти в 1916 году, – я получил от него, а также от незамужней сестры Арчера Алисы, здравствующей и ныне, подтверждение собранной дядей информации. На мой вопрос, что могло связывать дом с Францией, оба недоуменно молчали. Арчер вообще ничего не знал, а мисс Хэррис в конце концов припомнила, как ее дед, Дьюти Хэррис, что-то такое рассказывал. Старый моряк, переживший на два года своего сына Уэлкома, павшего в сражении, не знал всей легенды полностью, но вспоминал, как его старая няня, Мария Роббинз, говорила о бредовых выкриках на французском языке Роби Хэррис, за которой ухаживала до самой ее кончины. Мария жила в доме Хэррисов с 1769 по 1783 год в пору, когда семья окончательно покинула опасное жилище, и присутствовала при смерти Мерси Декстер. Как-то она упомянула малолетнему Дьюти о странном поведении Мерси в ее последние минуты, но он вскоре все забыл, помня только, что речь шла о какой-то дикости. Впрочем, даже эти, крайне неопределенные, подробности внучка Дьюти вспомнила с большим трудом. И она, и ее брат мало интересовались историей дома, в отличие от нынешнего его хозяина – Кэррингтона Хэрриса, сына Арчера, которому я без утайки рассказал о жутком нашем расследовании.

Собрав всю доступную информацию о семействе Хэррисов, я стал внимательно изучать документы, относящиеся к прошлому города, занимаясь с захватывающим интересом тем, чему дядя не уделил должного внимания. Мне хотелось составить связное представление об истории поселения начиная с 1636 года, а может, и с более ранних времен, если посчастливится разыскать индейские легенды, бытовавшие в районе Наррагансетского залива. Я узнал, что земля, на которой впоследствии построили дом, была частью протянувшегося вдоль побережья владения, пожалованного в свое время Джону Торкмортону. Земли, дарованные другим колонистам, начинались также недалеко от реки, где теперь пролегает Таун-стрит, и тянулись вверх по холму в направлении нынешней Хоуп-стрит. Земли Торкмортонов, по мере разрастания рода, дробились, и мне надлежало установить, к кому же перешел злосчастный участок на Бэк-стрит, или, что то же самое, на Бенифит-стрит. По слухам, там располагалось кладбище рода Торкмортонов, но, порывшись в старых бумагах, я выяснил, что их останки со временем перезахоронили на Северном кладбище, близ дороги на Потакен-Уэст.

Затем я наткнулся на документ – надо сказать, по чистой случайности, так как он лежал отдельно от всех остальных, – который возбудил мое

острейшее любопытство: документ прояснял наиболее странные обстоятельства дела. Это была запись о сдаче в аренду Этьену Руле и его жене в 1697 году небольшого участка земли из владения Торкмортонов. Вот он, французский элемент! Я начал досконально изучать расположение отдельных участков перед тем, как проложили, а затем и выровняли Бэк-стрит, то есть за 1747–1758 годы, и тут на меня дохнуло ужасом, пожалуй не меньшим, чем с самых зловещих страниц когда-либо читанных оккультных книг. То, что я подсознательно уже знал, подтвердилось: там, где теперь стоял заброшенный дом, было кладбище семейства Руле; оно непосредственно примыкало к их жилищу – одноэтажной постройке, и не существовало никаких свидетельств, что останки захороненных там людей куда-либо переносились. Так как из найденного мною документа ничего более нельзя было извлечь, мне пришлось перерыть всю Историческую библиотеку Род-Айленда, а затем и Библиотеку Шепли, прежде чем я выяснил, кто же такие были эти Руле.

Семейство Руле прибыло в наши места, как выяснилось, из Ист-Гринвича, расположенного на западном берегу Наррагансетского залива. Власти Провиденса долгое время колебались, разрешить ли этим гугенотам из Кода обосноваться в городе. В Ист-Гринвиче, куда Руле приехали после отмены Нантского эдикта, их недолюбливали. Эта неприязнь проистекала, по слухам, не из расовых или национальных предрассудков и не из-за споров о земле – вечном поводе для раздоров между французскими и английскими колонистами, которые не смог притушить даже губернатор Эндрос. Но, учтя их стойкую приверженность к протестантизму, слишком уж яростную, по мнению некоторых, – а также их неподдельную скорбь по утраченному домашнему очагу, которого их практически насильственно лишили, власти даровали им приют в Провиденсе. Более того, смуглолицего Этьена Руле, который мало что смыслил в сельском хозяйстве, зато много преуспел в чтении мудреных книг и часами рисовал диковинные диаграммы, назначили клерком при товарном складе, обслуживающем верфи в южной части Таун-стрит. Именно там позднее разразился бунт, но это было лет сорок спустя, когда старик Руле уже умер. После этого события семейство покинуло город, и дальнейшая его судьба покрыта тайной.

Но о них не забывали еще долго; в течение целого столетия, а может, и больше, пребывание здесь Руле вспоминали как бурный эпизод в размеренной жизни морского порта Новой Англии. Особенно часто обсуждали сына Этьена, Поля, мрачного субъекта, своим странным поведением спровоцировавшего бунт, после которого семейство убралось

из города. В Провиденсе никогда не практиковалась охота за ведьмами, что частенько случалось в пуританских селениях по соседству, но о Поле поговаривали, что он никогда не преклоняет колена в отведенное для молитвы время, да и молится-то непонятно кому. Эти слухи и лежали в основе легенды, известной старой Марии Роббинз. Однако все это не объясняло, какая существовала связь между семейством Руле и бредом на французском языке Роби Хэррис и прочих домочадцев. Не знаю, сопоставлял ли кто-нибудь из жителей города эти легенды с ужасными событиями, известными мне из старой литературы. Я имею в виду то зловещее дело, которое неписаная история мирового Зла связывает с именем *Жака Руле из Кода*, приговоренного в 1598 году к сожжению на костре за общение с дьяволом. Впоследствии по ходатайству парижского парламента смертную казнь заменили пожизненным заточением в сумасшедшем доме. Дело в том, что Руле нашли в лесу с измазанными кровью губами и прилипшими к ним мельчайшими кусочками плоти вскоре после того, как пара волков растерзала мальчика. Одного волка убили, но другому удалось уйти. Если бы не точное указание места происшествия и имени подозреваемого в злодействе оборотня, все это выглядело бы просто таинственной историей – из тех, что рассказывают поздним вечером у камина. По моему мнению, в Провиденсе вряд ли слышали об этом давнем зловещем событии. Однако, если слухи все же распространились, сходство имен наверняка вызвало в сердцах жителей суеверный страх, а это могло стать поводом к той заварушке, в результате которой Руле пришлось покинуть город.

Я все чаще посещал проклятое место, изучал необычную растительность в саду, обследовал стены дома, тщательно просмотрел каждый дюйм земляного пола в подвале и, наконец, с разрешения Кэррингтона Хэрриса, подобрал ключ к той всеми забытой двери, которая выходила прямо на Бенифит-стрит. Мне хотелось иметь на будущее возможность побыстрее выбраться отсюда на свет божий, а не плутать мрачными переходами и темными лестницами, ведущими к парадной двери. Здесь, в подвале, единственном месте, где могла таиться вековая нечисть, я проводил в поисках и размышлениях долгие послеобеденные часы. От мирной городской улицы меня отделяло лишь несколько шагов, да и заходящее солнце пробивалось сквозь затянутые паутиной щели в двери. Но ничего нового мне пока не открылось – все та же удушающая затхлость, плесневые контуры на полу и временами доносящийся откуда-то омерзительно гнилостный запах. Иногда кто-нибудь из прохожих замечал сквозь разбитые стекла в двери неясную фигуру и недоуменно

останавливался, с любопытством приглядываясь.

Спустя какое-то время дядя посоветовал мне посетить подвал после захода солнца, и вот одной ненастной ночью я начал осмотр земляного пола, освещая электрическим фонариком жутковатые плесневые наросты и уродливые, слабо фосфоресцирующие грибы. На этот раз подвал подействовал на меня как-то особенно удручающе, и поэтому я даже не удивился, когда различил – или мне показалось? – среди беловатых плесневых разводов четко обозначенную «скорченную» фигурку, похожую на ту, что я видел ребенком. Сейчас она особенно хорошо выделялась на полу, и, всматриваясь, я заметил поднимающийся от нее тонкий желтоватый дымок, так поразивший меня одним дождливым днем много лет тому назад.

Легкое светящееся испарение, исходящее от плесневого нароста, постепенно обретало в подвальной сырости пугающие очертания, которые, зарождаясь среди гнили, уплывали в темную дыру дымохода, источая на своем пути удушливую вонь. Зрелище было ужасным, особенно для меня, так много знавшего об этом гиблом месте. Но я все же не обратился в бегство, а неотрывно смотрел на проплывающее призрачное существо, оно же, в свою очередь, жадно пожирало глазами меня – что я больше ощущал, чем видел. Услышав мой рассказ о ночном приключении, дядя пришел в большое волнение и после упорных размышлений выработал твердый план дальнейших действий. Учитывая важность предприятия, а также нашего участия в нем, дядя настаивал, чтобы мы оба ближайшую ночь, а может, и несколько ночей подряд, провели в сыром, заросшем гнусными грибами подвале, подстерегая монстра, а дождавшись, постарались бы понять его природу и в случае удачи уничтожить.

IV

В среду 25 июня 1919 года, поставив в известность Кэррингтона о ночной нашей экспедиции, но не вдаваясь в детали и не сообщив, что мы предполагаем делать, мы с дядей перенесли в подвал два складных стула, раскладную кровать и один весьма тяжелый и сложный прибор. Укрывшись от любопытных взоров за обтянутым бумагой оконцем, мы разместили все эти вещи еще днем, готовясь вечером вернуться сюда на ночное дежурство. Мы также заперли дверь, ведущую из подвала на первый этаж, не желая рисковать прибором, который нам с большим трудом и за изрядные деньги удалось заполучить: кто знает, сколько ночей суждено нам здесь провести! Было решено первую половину ночи дежурить вместе, вторую же – поодиночке, по два часа: сначала я, следующим – мой дядя, чтобы каждый мог немного вздремнуть.

Дядя, несомненно, был главой нашего предприятия: ведь это он достал необходимые приборы в Университете Брауна и на оружейном заводе, что на Крентон-стрит, да и теперь продолжал руководить нашими действиями. Какая жизненная сила, какая энергия таилась в этом человеке, которому шел уже восемьдесят второй год! Илайхью Уиппл прожил свою жизнь в соответствии с теми правилами, которые он исповедовал и пропагандировал как врач, и, если бы не трагические обстоятельства, был бы и сейчас в добром здравии. Только двое во всем мире могли догадываться, что с ним произошло, – Кэррингтон Хэррис и я. Мне пришлось все рассказать Хэррису: ведь он как владелец дома должен был знать, что скрывалось в нем. Кроме того, мы предупредили его о нашем расследовании, так что после исчезновения дяди я надеялся, что он все поймет и поможет мне создать для горожан правдоподобную версию случившегося. Услышав мой рассказ, он побледнел, но помочь согласился и признал, что теперь, видимо, можно будет сдать дом.

Было бы грубой и нелепой ложью сказать, что мы не волновались в дождливую ночь нашего первого ночного дежурства. Обывательскими предрассудками мы не страдали, однако путем размышлений и научных исследований пришли к выводу, что трехмерная вселенная, где обитает человечество, является лишь одним из вариантов огромного мира вещества и энергии. В нашем же случае почти все свидетельства из достоверных источников говорили за то, что в доме прочно обосновались некие могущественные силы, представляющие исключительную опасность для

человека. Нельзя сказать, что мы безусловно верили в вампиров или оборотней, однако допускали существование некой неизвестной науке модификации жизненной силы и деградированного биологического вещества. Такие организмы могли только изредка проникать в трехмерное пространство, да и то лишь в том случае, если их собственный мир граничил с нашим. У нас же не было никакой надежды разгадать подоплеку этих эпизодических визитов, ибо, не имея отправной точки, невозможно даже подступиться к разгадке.

Короче говоря, дяде и мне казалось, что неопровержимая цепь фактов говорит о наличии в гиблом доме некоего стойкого воздействия неизвестных сил, прослеживаемого с появления в городе двести лет назад зловеще знаменитого французского семейства. Под воздействием неведомых нам законов атомистического и электронного движения это влияние сохранилось до сих пор. Вся история Руле неоспоримо доказывала, что члены этого рода обладали редкой способностью выхода в другие круги бытия, в темные сферы, вызывающие у обычных людей только ужас и содрогание. Возможно, неприязнь населения к семейству в тридцатые годы восемнадцатого века и связанные с нею городские волнения как-то повлияли на одного из Руле, скорее всего на мрачного Поля, задействовав определенные кинетические механизмы в его извращенном сознании. Высвободившаяся энергия продолжала жить и после его смерти в ограниченных пределах прежнего жилища, где Руле окружала яростная ненависть горожан.

В свете последних научных открытий, включая теорию относительности и внутриатомное устройство, все это не вступало в противоречие ни с физическими, ни с биохимическими законами. Можно представить себе материю или энергию, организованные вокруг чужеродного ядра в виде какой-то формы или бесформенно; можно также предположить, что эта субстанция поддерживает свое существование, паразитируя на жизненной силе, плоти или дыхании других, реально осязаемых существ, в которые она проникает, иногда полностью с ними сливаясь.

Этот симбиоз может проводиться с активно враждебной целью, а может быть и нейтральным средством, поддерживающим существование данной субстанции. Но как бы то ни было, подобный монстр все равно является аномалией. В нашем понимании он захватчик, и первейший долг каждого из нас, если он не враг рода человеческого и печется о его душевном и физическом здоровье, уничтожить злую силу.

Мы не знали, в каком образе явится к нам чудовище, и это беспокоило

нас. Никто, будучи в здравом рассудке, не видел его, и лишь немногие непосредственно ощущали его воздействие. Возможно, он представлял собой чистую энергию – неземную сущность, стоящую вне царства материи, а может, был частично материальной субстанцией – неизвестной науке, нечетко выраженной плазменной массой, способной по своему усмотрению принимать размытые формы твердого, жидкого, газообразного вещества или комбинации из них. И в плесневом наросте на полу, и в форме желтоватого дымка, и в искривленных корнях, о которых говорилось еще в старых легендах, просматривалось отдаленное сходство с очертаниями человеческой фигуры, однако кто мог с уверенностью сказать, было ли это сходство устойчивым состоянием.

Для борьбы с монстром у нас имелось два средства. Во-первых, большая и специально приспособленная для наших целей трубка Крукса, работавшая на мощных батареях и снабженная особыми экранами и рефлекторами: если чудовище окажется неосязаемым, мы надеялись уничтожить его лучевой радиацией высокой мощности. На тот случай, если монстр хотя бы частично является материальным существом, которое можно убить механическим путем, мы припасли два огнемета, с успехом применявшихся на фронтах мировой войны: как и суеверные эксетерские крестьяне, мы собирались сжечь сердце чудовища, если таковое у него сыщется. Эти орудия уничтожения мы установили в подвале между нашими уголком со стульями и раскладной кроватью и местом у печи, где росла столь необычной формы плесень. Когда мы расставляли наши вещи и позднее, когда вернулись на ночное дежурство, белесое пятно было еле заметно. На какое-то мгновение я даже заколебался: а не привиделось ли мне то призрачное существо?

Наше бдение началось в десять часов вечера: смеркалось поздно, а при свете дня ожидаемые явления не происходили. Еле пробивающийся сквозь пелену дождя свет уличных фонарей и слабое фосфоресцирование омерзительных грибов освещали влажные каменные стены, с которых полностью сошла побелка, и весь подвальный интерьер: сырой, зловонный и заплесневелый земляной пол с этими гнуснейшими грибами; прогнившее старье – табуретки, стулья, столы и еще какую-то, не поддающуюся определению мебель; массивные балки и доски над головой; обветшалую дощатую дверь, ведущую в погреба; лестницу с выщербленными каменными ступенями и поломанными деревянными перилами; грубо сложенную из потемневшего кирпича печь, проржавевшие железные части которой указывали, в каких местах ранее находились подвесные крюки, железные решетки для дров, вертел, поддувало и дверца жаровни; а кроме

того – наше аскетическое ложе, складные стулья, а также объемистую и сложную технику уничтожения.

Как и в мои прежние вылазки, мы оставили дверь на улицу незапертой, чтобы иметь путь к отступлению на тот случай, если почувствуем, что не в силах контролировать ситуацию. Мы надеялись, что наши ночные дежурства привлекут в конце концов внимание затаившейся в подвале злой силы и она каким-то образом проявит себя, а там уж мы, разобравшись что к чему, сумеем с помощью наших мощных приспособлений совладать с ней. Однако трудно было предположить, сколько на это потребуется времени. Наше предприятие становилось небезопасным: кто знает, какой силой обладало чудовище. Но игра стоила свеч, и мы не колеблясь пошли на риск, даже не помышляя о посторонней помощи – нас бы только высмеяли, а возможно, и помешали бы нам. Обо всем этом мы долго говорили, сидя ночью в подвале, пока я не заметил, что у дяди слипаются глаза, и не заставил его лечь отдохнуть.

Когда я остался один в эти предутренние часы, меня пронизал страх. Нет, это не оговорка: тот, кто сидит рядом со спящим, особенно одинок. Дядя тяжело дышал, его вдохи и выдохи слышались даже сквозь шорох непрекращающегося дождя. Более всего действовала мне на нервы сочившаяся с сырых стен вода – стук капель будто буравил голову. Дом не просыхал даже в сухую погоду – что уж говорить про такой потоп, как сегодня. От нечего делать я заинтересовался старинной кладкой стен, но при тусклом свете глаза мои быстро утомились, да и доносившиеся отовсюду неприятные звуки постоянно отвлекали. Когда они стали совершенно непереносимыми, я отворил дверь наружу и вдохнул полную грудь воздуха, с удовольствием глядя на милые сердцу картины.

Снаружи все выглядело так обыденно, что мне сразу полегчало. Я глубоко зевнул: усталость брала свое.

Вскоре дядя заворочался во сне. За последние полчаса он уже несколько раз переворачивался с боку на бок, теперь же необычно тяжело задышал, изредка испуская вздохи, напоминающие сдавленный стон. Я посветил на него фонариком, но дядя лежал, повернувшись в другую сторону. Поднявшись, я обошел раскладушку и снова направил луч света на спящего. А вдруг он заболел? То, что я увидел, по непонятным причинам взволновало меня. Возможно, подействовала сама обстановка – зловещий дом и наша ответственная миссия, – ведь картина была самая что ни на есть мирная. Несколько обеспокоенное лицо дяди хранило, впрочем, его обычное выражение, во вздохах тоже не было ничего странного – ситуация вполне к этому располагала и дядины сны могли ей

соответствовать. И все же в его чертах было нечто слишком уж экспрессивное. Обычно дядя, с его безукоризненным воспитанием, держался ровно и доброжелательно, его манеры были мягки и спокойны. Теперь же его, казалось, сотрясали эмоции. Особенно, помнится, меня поразила резкая смена чувств, отражавшаяся на лице спящего. Возбуждение его все нарастало. Судорожно глотая воздух и беспокойно ворочаясь на своей кровати, он наконец открыл глаза. И тут мое впечатление подтвердилось: в нем действительно как бы жило несколько человек, и все – из другого, не нашего времени.

Он что-то быстро забормотал, и в складках его губ, в манере речи появилось нечто новое и неприятное. Поначалу я ничего не мог разобрать, но затем с удивлением услышал такое, от чего похолодел. И это говорил образованнейший человек своего времени, писавший статьи по антропологии и археологии для французского журнала «Ревю де Дё Монд»? Илайхью Уиппл бредил на французском языке, и те несколько фраз, что я сумел разобрать, по своему мракобесию не уступали самым мрачнейшим мифам на страницах этого журнала.

Неожиданно на лбу дяди проступил пот, и он, еще в полудреме, резко вскочил с раскладушки. Французские слова сменились истошным воплем на родном языке: «Дышать! Трудно дышать!» Наконец дядя проснулся полностью, лицо его обрело обычное свое выражение, и, схватив меня за руку, он начал рассказывать свой сон, зловещий смысл которого я прозревал со страхом.

Вскоре после того, как он погрузился в сон, обычные земные сновидения сменились чем-то иным, настолько ни на что не похожим, что он даже затруднился в словах. Это был наш мир и одновременно какой-то другой, где происходила невероятная геометрическая путаница: привычные вещи выступали в необычных, тревожащих конфигурациях. Совмещались, казалось, несоизмеримые вещи, разрозненные фрагменты реальности, как если бы пространство и время, распавшись, вновь слились в причудливых сочетаниях. И в этом вихре фантастических образов вдруг возникали моментальные, если можно так выразиться, фотографии – чрезвычайно четкие видения, ошеломляющие, правда, своей разнородностью.

В один момент дяде почудилось, что он лежит в небрежно вырытой яме, а на него сверху смотрит множество угрюмых физиономий в треуголках поверх растрепанных кудрей. И тут же он очутился в доме – по-видимому, очень старом, – обстановка и жильцы в котором непрерывно менялись, и он, помнится, никак не мог уразуметь, в какой находится комнате и кто стоит рядом, потому что двери и окна тоже участвовали в

этой дикой круговерти. Все это было странно, чертовски странно, и дядя рассказывал сон с какой-то даже робостью, видимо боясь, что я ему не поверю, особенно после того, как он прибавил, что люди в доме очень напоминали чертами лиц семейство Хэррисов. Одновременно он испытывал страшное удушье и неприятное чувство, как если бы кто-то невидимый проникал в него, желая похитить жизненную силу. Я с ужасом представил себе, как изношенный организм восьмидесятилетнего старца сопротивляется проникшим в него злым силам, представил неравную борьбу, где неизбежно победит сильнейший. Но уже минуту спустя успокоился, утешив себя, что сон – это всего лишь сон, да и сами неприятные видения – реакция дяди на предысторию нашего расследования и на непривычную обстановку эксперимента. Ведь в последнее время именно он занимал все наши мысли.

Постепенно беседа рассеяла мои страхи, и, почувствовав сонливость, я в свою очередь занял место на раскладушке. Дядя же, казалось, совершенно не хотел спать и с радостью согласился подежурить, хотя ночные кошмары оборвали его сон задолго до того, как истекли отведенные ему два часа. Заснул я мгновенно, но и мои сновидения были тревожны. Мне снилась темница, где я лежал, ощущая космическое, беспредельное одиночество и зная, что отовсюду надвигается на меня враждебная злая сила. Связанный, с кляпом во рту, я слушал доносящиеся издалека издевательские вопли монстров, жаждущих моей крови. Эхо разносило эти страшные крики по всей темнице. Помнится, надо мной склонялось дядино лицо, но выражение его было не столь приятным, как наяву. Безуспешно пытаясь освободиться от пут, я силился закричать. Сон становился все неприятнее, и я почувствовал облегчение, когда пронзительный вопль, прокатившись эхом по дому, разорвал оковы сна и резко вывел меня из забытья. И тут подвал и все находящиеся в нем предметы вдруг предстали предо мной с какой-то пугающей отчетливостью.

V

Очнувшись, я не увидел дяди – он сидел за моей спиной, перед моими же глазами были дверь на улицу и фрагмент выходящей на север стены с оконцем и потолком. Я видел их гораздо лучше, чем при свете фосфоресцирующих грибов и тусклых уличных фонарей. Нельзя сказать, чтобы освещение стало ярче, нет, книгу с обычным шрифтом, например, нельзя было бы читать. Но появился новый источник света, отбрасывающий тень от меня и раскладушки; он излучал желтоватое сияние и обладал особой проникающей силой, при которой предметы обрисовывались рельефней, чем при обычном освещении. Я стал гораздо зорче, но два других органа чувств – слух и обоняние – переживали страшный шок. В ушах по-прежнему стоял душераздирающий крик, и, кроме того, я почти задыхался от невыносимого гнилостного запаха. Всем своим существом ощутив непонятную угрозу, я почти автоматически спрыгнул с раскладушки и бросился к поставленным нами перед плесневым пятном орудиям защиты. Признаюсь, мне страшно было обернуться; к этому времени я уже осознал, что кричал дядя, и боялся заглянуть в лицо опасности, от которой придется защищать себя и его.

Зрелище превзошло самые худшие ожидания. Безграничный космос иногда посылает отдельным несчастливцам кошмарные, инфернальные видения, но то, что я увидел, было ни с чем не сравнимо. Оттуда, где раньше стелились плесневые грибы, восходило мертвенно-желтое испарение; поднимаясь вверх, оно пузырилось и побулькивало, принимая наполовину человеческие, наполовину звероподобные очертания. Сквозь чудовищную тварь просвечивали печь и дымоход. Говоря, что видел это существо, я не совсем точен: его формы как бы додумывались позднее в моем сознании. Тогда же передо мной клубилось только слабо фосфоресцирующее облако плесневых испарений, оно окутывало и постепенно превращало в омерзительную вязкую массу того, к кому было приковано мое внимание. Этим кем-то был мой дядя, почтенный Илайхью Уиппл, чье потемневшее и расплывающееся лицо глядело на меня со злобной плотоядной усмешкой. Он свирепо тянулся ко мне, желая растерзать, но жуткие когти, не успевая коснуться моей одежды, рассыпались в прах.

Только активность спасла меня от безумия. Я готовился к решительным действиям, и этот настрой оказался бесценным. Мгновенно

осознав, что клубящееся зло не принадлежит к субстанции, которую можно сокрушить материальными или химическими средствами, и потому даже не взглянув на огнемет, неясно вырисовывавшийся слева от меня, я бросился к трубке Крукса и направил на богохульственное зрелище мощнейшую дозу радиации. Раздалось что-то вроде оглушительного всплеска, все заволоклось голубоватой дымкой, и желтое свечение несколько поблекло. Но почти сразу же я понял, что цели не достиг: сильнейшее радиоактивное излучение не произвело на чудовищную субстанцию никакого эффекта.

Демонический спектакль, напротив, лишь набирал силу. Новое душераздирающее зрелище исторгло из меня дикий вопль и заставило броситься к незапертой двери, ведущей на улицу. Тогда я не думал о том, что за мной в безмятежную городскую тишь могут вырваться адские силы, и уж тем более меня не заботило, какое впечатление я произведу на случайного прохожего. В голубовато-желтом освещении тело дяди как-то омерзительно разжижалось, обретая ни на что не похожую консистенцию; одновременно лицо его претерпевало множество совершенно немыслимых изменений, которые могли зародиться разве что в воображении безумца. За мгновение он успевал побывать дьяволом и толпой, склепом и карнавальным шествием. В тусклом свете эта студенистая масса сменяла десятки, дюжины, сотни обличий и, ухмыляясь, опускалась все ниже к земле, оседая вместе с таявшим, как свеча, телом. Некоторые из множества мелькавших карикатурных видений ничего и никого не напоминали, другие были знакомы.

Я узнавал лица Хэррисов, мужчин и женщин, взрослых и детей, но одновременно видел и другие лица – старые и молодые, грубые и утонченные, знакомые и незнакомые. На секунду мелькнула плохая копия с миниатюры несчастной Роби Хэррис, которую я видел в Художественном музее, затем мне показалось, что я узнал лицо костлявой Мерси Декстер, запомнившееся мне во время посещения дома Кэррингтона Хэрриса, где висел ее портрет. Все это производило кошмарное впечатление, и я стоял, застыв на месте, провожая взглядом последнее, сложившееся из черт слуги и младенца, видение, мелькнувшее уже на уровне заплесневелого пола, где растеклась сальная зеленая лужица. Мне показалось, что в этот последний момент разрозненные черты ужасной маски яростно боролись друг с другом, пытаясь слиться в дорогой мне образ доброго дядюшки. Мне приятно вспомнить, что на мгновение его доброе лицо возобладало над хаосом и он даже попытался послать мне последний привет. Кажется, я тоже сумел выдавить из сведенного судорогой горла слова прощания, а потом бросился на улицу, куда за мной на мокрый от дождя тротуар

устремилась тонкая сальная струйка.

Остальная часть ужасной ночи прошла как в тумане. Улица под дождем была пустынна. Мне не пришло в голову обратиться к кому-нибудь за помощью, – что я мог рассказать? Я бесцельно брел куда-то к югу вдоль Колледж-Хилл и Городской библиотеки, а затем, миновав Хопкинс-стрит, перешел мост, оказавшись в деловой части города, где высокие здания – символ современного материального мира – казалось, оберегали меня от стародавнего фантастического бытия. Затем забрезживший на востоке сероватый рассвет осветил древний холм с его почтенными склонами, как бы призывая меня вернуться и завершить начатое. Я пошел – мокрый, без шляпы на голове, почти ничего не соображая, и ранним утром уже стоял у той зловещей двери на Бенифит-стрит, которую оставил распахнутой. Она и теперь – на глазах у ранних прохожих, с которыми я не осмеливался заговорить, – стояла таинственно приоткрытой, как бы приглашая войти.

Сальная лужа исчезла, впитавшись в ноздреватую поверхность пола. Перед печкой на плесенном наросте не было даже следов огромной скорченной фигуры. Я стоял и смотрел на раскладушку, стулья, инструменты, забытую мной шляпу, на соломенный головной убор дядюшки. Мысли мои все еще путались, и я не мог бы с точностью сказать, что мне приснилось, а что произошло на самом деле. Но вскоре память моя прояснилась, и тут я наконец осознал, свидетелем какого кошмара мне случилось быть. Присев, я стал соображать, насколько позволяло состояние, что же все-таки произошло и как совладать со всем этим ужасом, если он действительно имел место. Очевидно, что явившаяся мне субстанция была не материальна, не обладала она также и эфирными свойствами, впрочем, и какими-либо иными, известными человеку. Не представляла ли она в таком случае некую неведомую эманацию, выделяемую вампирами и таившуюся, согласно эксетерским легендам, на некоторых погостах? Решив, что отыскал ключ к тайне, я вновь стал разглядывать то место у печки, где обретались странной формы плесневые грибы. Через десять минут у меня созрело решение, и, надев шляпу, я поспешил домой. Там я принял ванну, позавтракал и попросил по телефону доставить завтра утром к заброшенному дому на Бенифит-стрит мотыгу, лопату, противогаз и шесть оплетенных бутылей с серной кислотой. Затем я постарался заснуть, но сон не шел, так что оставшееся время я провел в чтении и, чтобы как-то снять напряжение, сочинял бессмысленные стихи.

На следующий день в одиннадцать часов утра я уже копал землю. День выдался солнечный, и это взбодрило меня. Я по-прежнему был в одиночестве: при одной только мысли поделиться с кем-нибудь пережитым

меня охватывал страх еще больший, чем перед самой встречей с загадочным злом. Только необходимость заставила меня позже рассказать все Хэррису, да и то я пересилил себя лишь потому, что он слышал старые легенды и был хоть в какой-то степени расположен поверить мне. Переворачивая пласты вонючей черной почвы, я рассекал лопатой белые грибы и, видя, как из них сочится густая, желтая, похожая на гной жидкость, трепетал от мысли, *что* мне придется увидеть. Человеку не следует знать некоторые секреты земли, и тот, с которым я соприкоснулся, принадлежал, несомненно, к таковым.

Руки мои тряслись, но я неуклонно продвигался к цели и вскоре стоял уже в глубокой яме около шести футов шириной. Неприятный запах все возрастал, и я не сомневался, что вот-вот вступлю в контакт с дьявольской тварью, захватившей дом полтора века назад. Я не знал, в каком она предстанет обличье, какова ее форма, субстанция, какой объем она набрала за те годы, что похищала у людей жизненную силу. Прошло изрядно времени, прежде чем я выбрался из ямы, утрамбовал края и расставил по двум сторонам огромные бутыли с серной кислотой, чтобы в случае необходимости незамедлительно вылить их содержимое в зияющее отверстие. После этого я откидывал грунт только на две другие стороны, работая медленно и в противогазе: запах становился все непереносимее. Сознание близости к таящемуся подо мной неведомому монстру почти лишало меня рассудка.

Внезапно лопата вошла во что-то более мягкое, чем земля. Я задрожал от страха и хотел было выбраться из ямы, которая к тому времени стала мне по шею, но затем, собрав остатки мужества, начал осторожно, светя себе электрическим фонариком, соскребать лопатой верхний слой земли. То, что открылось моим глазам, напоминало протухший, полупрозрачный студень, тускло поблескивавший на свету. Продолжая счищать землю с желеобразной массы, я постепенно дошел до того места, где она закруглялась, и понял, что непонятная субстанция имеет форму. Очищенная мною часть дугообразно выступала массивной белесой трубой, расширенной на неровном изгибе до двух футов в диаметре. Я еще немного поскреб лопатой студенистую поверхность и… Не помню, как я очутился наверху, спасаясь от гнусной твари, помню только бешеную торопливость, с какой опрокидывал одну за другой тяжелые бутыли, выливая их едкое содержимое в зияющую кладбищенскую бездну с чудовищным монстром, чье гигантское *плечо* я только что видел.

Вряд ли мне суждено когда-либо забыть ослепительный зеленовато-желтый вихрь, взметнувшийся из потаенных глубин, залитых разъедающим

потоком кислоты. Живущие на ближайших склонах люди долго вспоминали потом этот, как они говорили, желтый день, когда от якобы фабричных отходов, сброшенных в реку Провиденс, поднимались ядовитые испарения. Если бы они знали всю подноготную! По их словам, страшный рев, сотрясший округу, раздался из-за разрыва водопроводный трубы или неполадок в газовой магистрали. Насчет этого я тоже мог бы внести ясность. Рев и вправду был оглушительный, едва выносимый. Опорожнив четвертую бутыль, я потерял сознание – ядовитые пары проникли-таки под противогаз, а когда пришел в себя, все уже было позади.

Последние две бутыли, вылитые мною после обморока, никакого нового эффекта не дали, и, почувствовав, что с опасностью покончено, я стал зарывать яму. Только после полуночи земля в подвале сровнялась, теперь уже работать было не страшно – здесь все изменилось. Воздух больше не отдавал гнилью, странные грибы сморщились и распались, превратившись в безобидную серую труху, присыпавшую, как пеплом, подвальный пол. Навсегда канул в небытие один из самых чудовищных монстров, когда-либо терроризировавших землю, и если есть ад, эта тварь несомненно там. А я, бросив поверх засыпанной ямы последнюю лопату земли, смог наконец заплакать. Это были первые слезы, пролитые мною по незабвенному дядюшке. Первые – из многих.

На следующий год во взбегающем на холм саду вокруг заброшенного особняка не росли уже ни блеклая трава, ни странного вида сорняки, и вот тогда-то Кэррингтон Хэррис с легким сердцем сдал дом жильцам. У дома по-прежнему таинственный вид, но теперь это только придает ему особую прелесть. И мне, право, будет жаль, если его снесут и построят на этом месте галантерейную лавку или гостиницу. Прежде голые деревья, окружавшие дом, вдруг зазеленели и неожиданно принесли плоды – небольшие и очень вкусные яблоки. А в прошлом году на их шишковатых сучьях птицы свили свои первые гнезда.

1928

Странный дом в тумане на вершине горы
Перевод Юрия Соколова

К северу от архаического Кингспорта карабкаются к небу высокие и необычные с виду утесы, громоздя друг на друга террасу за террасой, пока самый северный из них не повисает в небе замерзшим серым облаком. Одинокая безрадостная вершина вонзается в бесконечное пространство, ибо там берег резко поворачивает в месте, где великая река Мискатоник вытекает из распростершихся за Аркхемом равнин, принося с собой лесные легенды и коротенькие, но необычайные воспоминания холмов Новой Англии. Мореходы Кингспорта взирают снизу вверх на этот утес, как мореходы прочих краев на полярную звезду, и отмеряют ночные вахты по тому, как он закрывает и потом открывает созвездия Большой Медведицы, Кассиопеи и Дракона. Среди звезд он на равных присутствует на тверди небесной, хотя и скрывается, когда туман укутывает звезды или солнце.

Некоторые из утесов мореходы любят, как тот причудливый камень, который именуют Нептуном-батюшкой, или тот, чьи столповидные ступени называют Мощеной Дорогой; но вот этого они опасаются – потому что он так близок к небу. Приближающиеся к берегу португальские моряки, завидев его, осеняют себя крестным знамением, а старики-янки твердо уверены в том, что подняться на него можно только ценой жизни, если таковое вообще возможно. Тем не менее на вершине утеса находится старинный дом, и вечерами люди видят огни за мелкими переплетами окон.

Дом сей находился здесь всегда, и, как говорили люди, в нем обитал Тот, кто беседует с утренними туманами, поднимающимися из глубин, и, быть может, видит необычайные вещи в океане в те мгновения, когда кромка утеса становится краем всей земли и торжественные колокола бакенов вызванивают в белом неземном эфире. Так говорят они понаслышке, ибо на сем запретном утесе никого не бывает, а местные жители не любят наводить на него свои подзорные трубы. Летние гости-дачники, впрочем, исследовали его через собственные не знающие опаски бинокли, но никогда не видели ничего другого, чем старинная, крытая седой дранкой островерхая кровля, карнизы которой спускаются почти до серого фундамента, и тусклых желтых огоньков в крохотных окошках, в сумерки выглядывающих из-под карнизов. Летние жильцы эти не верят в то, что Тот обитает в этом древнем доме уже сотни лет, однако не способны

убедить в своей ереси ни одного природного жителя Кингспорта. Даже Жуткий Старец, беседующий со свинцовыми маятниками в бутылках, оплачивающий свой провиант столетней давности испанскими золотыми и хранящий каменных идолов во дворе своего допотопного дома на Водной улице, может сказать на сей счет лишь то, что так было уже, когда его дед был мальчишкой, то есть в непостижимой древности, когда губернатором Его Величества провинции Массачусетс-бей был то ли Белчер, то ли Ширли, то ли Паунолл, то ли Бернард.

Но однажды летом в Кингспорт прибыл философ. Звали его Томасом Олни, и он преподавал нудные предметы в колледже возле Наррангасет-бей. Прибыл он с дородной женой и резвыми ребятишками, утомленный лицезрением одного и того же в течение многих лет и обдумыванием одних и тех же старательно вышколенных мыслей. Он взирал на туманы от венца Нептуна-батюшки и пытался войти в мир их белых тайн по титаническим ступеням Мощеной дороги. Утро за утром проводил он, возлежа на утесах и заглядывая за кромку мира, тающую в непостижимом эфире, внимая призрачным колоколам и диким крикам – вполне возможно, что просто чаек. Позже, когда туман рассеивался и перед глазами его оказывалось прозаическое море с дымками пароходов, он вздыхал и спускался в город, в котором любил бродить по старинным узеньким улочкам, спускающимся с холмов и поднимающимся на другие холмы, исследуя попутно великолепные, но ветхие щипцы и необычайные стойки дверей, за которыми укрывались от непогоды столько поколений крепкого морского народа. Он даже разговаривал с Жутким Старцем, не испытывавшим симпатии к чужакам, и даже заслужил приглашение в его жутко древний домишко, в котором низкие потолки и источенные древоточцем панели насквозь пропитались отголосками беспокойных монологов, произносимых в темные полуночные часы.

Вполне естественным и неизбежным образом Олни заметил находящийся в небе над головой серый дом, в котором не бывает гостей, вросший в землю на том самом утесе, что сливается воедино с туманами и с твердью небесной. Всегда этот дом возвышался над Кингспортом, и о тайне его всегда перешептывались на кривых улочках этого города.

Жуткий Старец прохрипел историю, которую слышал от собственного отца: как однажды ночью молния ударила из этого домика ввысь, в облака высокого неба; а Бабуся Орн, чей крохотный домишко под мансардной крышей на Корабельной улице доверху зарос мхом и плющом, проворчала, что, дескать, ее бабушка рассказывала ей с чужих слов о силуэтах, хлопая крыльями влетавших из восточных туманов прямо в узкую дверь сего

недостижимого места, ибо дверь та обращена к океану и настолько близка к краю утеса, что ее видно только с находящихся в море кораблей.

Наконец, устремившись к новому для себя и непознанному, не находя препон в виде страха кингспортцев и обычной для летних дачников лени, Олни пришел к жуткому решению. Вопреки консервативному образованию, а может быть, и благодаря ему, ибо скучная жизнь порождает томительное стремление к неизвестному, он принес великую клятву подняться на северный заповедный утес и побывать в необычайно древнем сером доме у подножия неба. Вполне понятным образом здравая часть его души твердила, что домик этот населен жильцами, которые попадают в него со стороны суши более легким путем: по гребню, вытянувшемуся вдоль эстуария Мискатоника. Возможно, они работают в Аркхеме, зная, насколько мало в Кингспорте любят их место жительства, или просто потому, что не могут одолеть склон со стороны этого города. Олни прошел вдоль малых скал до того места, где великий утес надменно вздымался ввысь, сочетаясь с предметами небесными, и вполне убедился в том, что ни одна человеческая нога не способна ни спуститься, ни подняться по нависающему южному его склону. На востоке и севере утес на тысячи футов перпендикулярно поднимался из воды, так что доступной могла оказаться только его западная сторона, обращенная к суше и Аркхему.

Итак, однажды августовским утром Олни отправился искать путь к недоступной вершине. Он шел на северо-запад по проселочным сельским дорогам, мимо Хуперова Пруда и старого кирпичного порохового заводика к пастбищам, поднимающимся к гребню над берегом Мискатоника, откуда открывается очаровательный вид на белые георгианские шпили Аркхема, поднимающиеся за лигами лугов и воды. Здесь он обнаружил уводящую в Аркхем тенистую дорогу, однако так и не обрел нужной ему тропы, ведущей в сторону моря. Леса и поля теснились к высокому берегу над речным устьем, не обнаруживая никаких признаков человеческого присутствия; вокруг не было даже каменной изгороди или отбившейся от стада коровы, – лишь высокая трава, великанские деревья и чащобы колючих кустарников, которые могли видеть еще первые из индейцев. Неторопливо поднимаясь к востоку, оказываясь все выше и выше над эстуарием и все ближе и ближе к морю, он обнаружил, что путь дается ему со все большим и большим и большим трудом, и подивился тому, как обитатели этого немилого места ухитрялись сообщаться с внешним миром, и решил, что даже на рынке в Аркхеме они бывают нечасто.

Потом деревья вокруг поредели, и далеко внизу под собой он заметил холмы, старинные крыши и шпили Кингспорта. С такой высоты казалась

гномом даже Центральная Горка, и он различил очертания древнего кладбища возле Конгрегационалистского Госпиталя, под которым, согласно молве, существовали некие ужасные пещеры или ходы. Впереди тянулись заросли травы и кустиков черники, а за ними на голой скале уже маячил тонкий гребень крыши страшного серого коттеджа. Здесь гребень скалы сужался, и у Олни начинала кружиться голова от собственного одиночества в небе над пропастью, обрывавшейся к югу над Кингспортом, и над вертикальным обрывом, почти на милю возвышавшимся на севере над устьем Мискатоника. Вдруг перед ним появилась глубокая, в десять футов расселина, так что ему пришлось с помощью рук спуститься вниз на наклонное дно, а затем не без труда и риска вскарабкаться на природный откос на противоположной ее стороне. Так вот как совершают свой путь между землей и небом жители этого зловещего дома!

Когда он выбрался из расселины, еще собирался утренний туман, однако впереди были отчетливо видны высокие стены обители порока, серые словно скала; и высокий конек отважно вонзался в молочную белизну морского тумана. Тут он заметил, что в обращенной к суше стороне дома нет никакой двери, только маячит пара мрачных решетчатых окошек, застекленных круглыми панелями на манер окон семнадцатого века. Вокруг него царил облачный хаос, и Олни ничего не видел за пределами белого безграничного пространства. Он остался один в небе перед сим странным и смущающим душу домом; и когда, бочком, украдкой подобравшись к передней части дома, заметил, что стена стоит вровень с краем утеса, так что к единственной узкой двери можно было добраться только из пустого эфира, ощутил укол такого ужаса, который нельзя было полностью объяснить одним положением двери. Крайне странным было уже и то, что столь источенная дранка еще лежит на крыше и изъеденный непогодой кирпич еще способен сохранять форму трубы.

Туман сгущался, и Олни попробовал подобраться к окнам на северной, западной и южной сторонах дома, однако все они оказались запертыми. И он был отчасти рад тому, что они заперты, ибо чем более осматривал этот дом, тем менее ему хотелось попасть внутрь. Тут его приковал к месту звук. Брякнул замок, скрипнул засов и послышался долгий скрежет, как если бы кто-то долго и с опаской открывал тяжелую дверь. Звук раздался на невидимой для Олни, обращенной к океану стороне дома, где узкий портал открывался в тысячах футов над волнами туманного моря.

Потом внутри дома раздалась тяжелая, целеустремленная поступь, и Олни услышал, как открываются окна, сперва напротив обращенной к нему северной стороны дома, а потом на западной, как раз за углом. Далее

последовали южные окна, под длинными и низкими карнизами, возле которых он стоял; и следует отметить, что ему стало более чем неуютно при мысли о том, что по одну сторону от него находится отвратительный дом, а по другую – зияет пустота. Когда застучали ближайшие к нему оконные створки, Олни снова перебрался на западную сторону, припав к стене возле уже открытых окон. Было очевидно, что хозяин дома вернулся домой, однако не по суше и не с помощью воздушного шара или любого мыслимого воздушного корабля. Шаги прозвучали снова, и Олни бочком скользнул на север; однако прежде чем он мог отыскать укромное местечко, прозвучал негромкий голос, и он понял, что встречи с хозяином дома уже не избежать.

Из западного окна выставилась широкая чернобородая физиономия, в глазах которой светился отпечаток зрелищ доселе незнаемых. Однако голос был мягок и отдавал непривычно старинным обращением, так что Олни не затрепетал, когда из окна высунулась загорелая рука, чтобы помочь ему перебраться через подоконник – в низкую комнату, обитую черными дубовыми панелями и обставленную резной тюдоровской мебелью. Человек этот был облачен в весьма древние одеяния, и его осенял не знающий места и времени ореол мореходных наук и высоких галеонов. Олни не запомнил многие из чудес, о которых поведал ему незнакомец; не запомнил он и того, кем был хозяин дома; однако говорил, что держался тот со странной любезностью, в которой ощущалась наполнявшая ее магия неизмеримых пучин пространства и времени. Небольшая комнатка была залита зеленым и неярким глубинным светом, и Олни заметил, что выходившие на восток окна не открыты, но отгорожены от туманного эфира тусклыми панелями, напоминавшими донца старых стеклянных бутылей.

Из того что бородатый хозяин казался молодым, однако в глазах его светилось знание древних мистерий, а также из поведанных им повестей о чудесных древних предметах и тварях можно было догадаться, что деревенские правильно утверждали, что он общался с морскими туманами и небесными облаками все то время, пока внизу стояло селение, из которого, с нижней равнины, можно было наблюдать за его безмолвной обителью. День близился к концу, а Олни все слушал и слушал сказания о давних временах и краях далеких: о том, как короли Атлантиды боролись со скользкими богопротивными мерзостными тварями, полезшими из щелей в океанском дне, и о том, что многоколонный и заросший водорослями храм Посейдона до сих пор можно увидеть в полночь с борта сбившегося с пути корабля, и что увидевшие этот храм на таком корабле

понимали, что обратно не выплыть. Хозяин вспомянул время Титанов, однако с большой сдержанностью повествовал о сумеречном первом веке хаоса, предшествовавшего богам и даже рождению Старших из них, и о том, когда другие боги явились, чтобы плясать на вершине Хатег-Кла, что высится в каменистой пустыне возле Ултара за рекой Скай.

В этот миг раздался стук в дверь – в древнюю, обитую гвоздям дубовую дверь, за которой лежала только бездна с белыми облаками в ней. Охваченный ужасом Олни вздрогнул, однако бородач жестом приказал ему оставаться на месте, а сам на цыпочках подошел к двери, чтобы заглянуть в крохотный глазок. Увиденное ему не понравилось, и потому он приложил палец к губам и на цыпочках пошел вокруг, закрывая и запирая все окна, прежде чем возвратиться на древнюю скамью возле Олни, который по очереди узрел в прозрачных квадратах каждого из крохотных подслеповатых окошек весьма причудливый черный силуэт нового гостя, из любопытства явно пустившегося вокруг дома, прежде чем отбыть восвояси, и возрадовался тому, что хозяин дома не впустил его, ответив на стук. Ибо странные твари существуют в великой бездне, и искателю видений следует постараться не растревожить нечистые и сомнительные.

А потом начали собираться тени; сперва чуточку смутные, под столом, а затем более смелые в темных уголках возле панелей. Тогда бородач произвел загадочные жесты молитвы и зажег высокие свечи в причудливой работы медных подсвечниках. При этом он часто поглядывал на дверь, словно бы ожидая кого-то, и наконец взгляду его ответил какой-то особый стук, видимо, следовавший какому-то весьма древнему и тайному коду. На сей раз он даже не заглядывал в глазок, но сразу отодвинул громадный дубовый засов и вынул болт, отперев тяжелую дверь и настежь распахнув ее перед звездами и туманом.

А затем под звуки забытых гармоний потекли в комнату из глубин все грезы и воспоминания Могущественных потонувшей земли. И золотые пламена играли на жидких локонах так, что ошеломленный Олни почтительно склонился перед ними. Тут был и Нептун со своим трезубцем, и спортивного вида тритоны с фантастическими нереидами, и на спинах дельфинов была пристроена огромная зубастая раковина, в которой ехал одновременно веселый и жуткий первобытный Ноденс, Владыка Серой Бездны. И таинственно вострубили тритоны, и загадочным образом вторили им нереиды, ударяя в причудливые звонкие раковины, неведомые людям хозяева которых обитают в черных подводных пещерах. А потом убеленный сединами Ноденс протянул свою морщинистую руку и принял Олни вместе со своей свитой в свою просторную раковину, под буйный и

вселяющий трепет ропот раковин и гонгов. И в беспредельный эфир отправился этот сказочный поезд, звонкие голоса которого растворялись в раскатах грома.

Всю ночь из Кингспорта наблюдали за своим высоким утесом, когда позволяли это гроза и туманы, и, когда чуть за полночь небольшие тусклые окошки погасли, за ними шептались об ужасе и несчастье. А дети Олни и его упитанная жена молились ласковому и благопристойному богу баптистов и надеялись на то, что их странник сумеет одолжить зонт и галоши, если только дождь не прекратится к утру. Наконец насквозь промокший рассвет выбрался на берег из покрытых туманом волн, а бакены торжественно вызванивали свое в водоворотах белого эфира. А в полдень чудесные трубы пропели над океаном, когда Олни, сухой и легконогий, спустился с утеса в древний Кингспорт, и отсветы дальних мест играли в его глазах. Он не мог припомнить того, что грезилось ему в пристроившейся на краю неба хижине по-прежнему безымянного отшельника, не мог рассказать и того, каким образом сумел спуститься с этого утеса, на который не ступала нога человека. Не мог он даже разговаривать на эти темы – иначе как с Жутким Старцем, который впоследствии бормотал ужасные вещи в свою длинную белую бороду, клятвенно утверждая, что с утеса спустился не совсем тот человек, который поднялся на него, и что где-то под серой остроконечной крышей или среди непостижимых просторов, укрытых зловещим белым туманом, до сих пор обретается потерянная душа того, кто был Томасом Олни.

Всю оставшуюся жизнь, все тусклые и тягучие годы, полные серой усталости, философ трудился, ел, спал и без жалоб исполнял все положенные гражданину обязанности. Более не томился он по чарам далеких холмов и не вздыхал о тайнах, подобием зеленых рифов выступающих из бездонного моря. Тождество дней жизни более не угнетало его, и воображение удовлетворялось вышколенными мыслями. Добрая жена его становилась все упитанней, а дети его взрослели, делались более прозаичными и полезными, и он никогда не забывал с гордостью улыбнуться, когда ситуация требовала этого. Во взгляде его более не было того беспокойного света, и он вслушивался в торжественный звон колоколов только по ночам, когда на свободе бродили прежние грезы. С тех пор он никогда не бывал в Кингспорте, ибо домашним его не понравились забавные старинные дома, да еще они жаловались на то, что канализация там невозможно плоха. Теперь у них есть домик на Бристольском нагорье, над которым не возвышаются никакие утесы, а все соседи – люди городские и современные.

Однако по Кингспорту ходят странные слухи, и даже Жуткий Старец признает вещи, неслыханные его дедом. Ибо теперь, когда горластый и буйный ветер задувает с севера мимо того старинного и древнего дома, что сливается с твердью, нарушается наконец то зловещее и задумчивое молчание, прежде бывшее проклятием морских крестьян Кингспорта. И старики рассказывают о доносящихся оттуда поющих чудесных голосах, и о смехе, полном радости, превосходящей все земные блаженства; и говорят, что по вечерам невысокие и крохотные окошки светятся ярче, чем в прежние времена. Они также рассказывают, что яркие северные сияния стали чаще посещать это место и играют на севере переливами замерзших миров, а утес и венчающий его дом кажутся черными фантастическими тенями на фоне фантастических сполохов. Гуще стали и рассветные туманы, и моряки не вполне уверены в том, что доносящийся с моря глухой перезвон создают одни только печальные бакены.

Хуже всего, однако, то, что прежние страхи съежились в сердцах молодых людей Кингспорта, обнаруживших склонность прислушиваться по ночам к слабым дуновениям северного ветра. Они клянутся в том, что никакого зла или боли не может обретаться в доме с остроконечной кровлей, ибо новые голоса пульсируют счастьем и слышны в них переливы смеха и музыки. Не ведомо им, какие повести могут принести морские туманы на эту населенную призраками северную вершину, однако томятся они, желая увидеть хотя бы намек на те чудеса, которые стучатся в закрытую над пропастью дверь, когда небо укутывают самые плотные облака. И патриархи боятся того, что однажды, один за одним, молодые люди отправятся на неприступный, исчезающий в небе утес и узнают те вековые секреты, что таятся под крутой, крытой дранкой крышей, давно ставшей частью скал и звезд и древних страхов Кингспорта. В том, что эти предприимчивые юнцы вернутся назад, старики не сомневаются, однако они полагают, что свет может оставить молодые глаза, а воля – сердца. И они не хотят, чтобы старомодный и изящный Кингспорт с его крутыми улочками и старинными крышами бесцельно влачил свои дни, пока голос за голосом смеющийся хор становится все громче и энергичней в этом ужасном и жутком орлином гнезде, где туманы и грезы туманов останавливаются передохнуть на своем пути от моря на небо.

Они не хотят, чтобы души молодых людей покидали милые очаги и таящиеся под мансардными кровлями таверны старого Кингспорта, как не хотят они и того, чтобы смех и песня на высокой скале делались громче. Ибо если пришедший голос приносит с собой свежий туман с моря и свежий сполох с севера, говорят они, то другие голоса принесут еще

больше туманов и еще больше сполохов, или, быть может, старые боги (на существование которых они намекают только шепотком, чтобы не услышал проповедник Конгрегационалистской церкви) появятся из глубин моря и из неведомого Кадата, что в холодной пустыне, и поселятся на сей страшно подходящей для этого скале, столь близко к тихим холмам и долинам простого и бесхитростного рыбацкого люда. Этого не хотят они, ибо простые люди не рады вещам неземным; и к тому же Жуткий Старец часто вспоминает, что именно рассказывал ему Олни о стуке, напугавшем одинокого отшельника, и о черном любопытствующем силуэте, который он заметил в тумане через странные прозрачные круглые стекла в окнах со свинцовыми переплетами.

Впрочем рассудить все это могут только сами Древние; а тем временем утренний туман, как и прежде, восходит вдоль головокружительного обрыва к островерхому старинному дому… дому седому, с низкими карнизами, возле которого не видно людей, а в окнах каждый вечер зажигаются неяркие огоньки, а северный ветер рассказывает странные повести. Белым перышком возносится он из глубин к братьям своим облакам, полный грез о влажных пастбищах и пещерах левиафана. И когда повести густо роятся в гротах тритонов и раковины в подводных городах трубят бурные мелодии, усвоенные от Древних, тогда великие и ревностные туманы устремляются к небу, нагруженные знанием; и Кингспорт, неловко гнездящийся на своих малых утесах под вселяющим трепет каменным часовым, видит над океаном только таинственную белизну, как если бы край утеса был краем всей земли, и торжественные колокола бакенов вызванивают свою песню в чудесном эфире.

1931

Взыскание Иранона
Перевод Юрия Соколова

Имя мне Иранон, и я пришел из Айры, далекого города, града воздушного, который я помню смутно, однако стремлюсь обрести снова. Я – певец и пою песни, которым научился в сем далеком граде, и призвание мое – делать красивыми вещи своими воспоминаниями, вынесенными из детства. Состояние мое заключается в горстке воспоминаний и снов, и в надежде на то, что я еще спою в садах под ласковой луной и западный ветерок будет шевелить цветы лотоса.

Когда о сем проведали люди Телота, он стали перешептываться между собой; ибо хотя в гранитном городе не звучит смех и не слышна песня, в весенние дни суровые мужи иногда обращают свой взор к Картианским холмам и погружаются в мысли о лютнях далекого Оная, о котором слышали от путешественников. И, занятые сими мыслями, они предложили чужеземцу остаться и спеть на площади перед Башней Млина, пусть им и не нравился цвет его рваных одежд, и мирра на волосах его, и венок из листьев винограда, и юность золотого голоса. Вечером Иранон пел, и, пока он пел, старец молился, а слепец молвил, что видел нимб над головой певца. Однако люди Телота в большинстве своем зевали, некоторые смеялись, а другие уснули; ибо Иранон не молвил ничего полезного, и в песне его звучали только воспоминания, мечты и надежды.

– Помню сумерки, луну, негромкую песню и окошко, возле которого качали меня. А за окном была улица, и из него лился золотой свет, и тени плясали на мраморных стенах домов. Помню площадь, залитую лунным светом, не похожим ни на какой другой свет, и видения, танцевавшие в лучах луны, когда мать моя пела мне. А еще помню солнечное утро над пестрыми летними холмами, и сладкие цветочные ароматы, несомые южным ветром, от прикосновения которого пели деревья.

– О, Айра, город из мрамора и берилла, сколь множественны твои красоты! Как любил я теплые и благоуханные рощи на том берегу кристально чистой Нитры, и водопады на крошечной Кра, протекавшей по цветущей долине! В этих рощах и долине дети плели друг другу венки, а в сумерках меня посещали странные сновидения под покровом горных деревьев-ят, когда я видел под собой городские огни, а извилистая Нитра превращалась в полную звезд ленту.

– А в городе были дворцы из цветного с прожилками мрамора с золочеными куполами и расписными стенами, и зеленые сады с лазурными прудами и кристальными фонтанами. Часто играл я в садах и спускался в пруды, а потом лежал и грезил среди нежных цветов под деревьями. А иногда на закате восходил я по длинной и крутой улочке к цитадели и открытому пространству перед ней, и смотрел вниз на Айру, волшебный, воздушный город из мрамора и берилла, великолепный в одеждах пламенной золотой вечерней зари.

– Давно скучал я по тебе, Айра, ибо был еще молод, когда ушли мы в изгнание; но отец мой был твоим королем, и я снова вернусь к тебе, ибо так назначено Судьбой. По всем семи землям я искал тебя, и однажды буду править твоими рощами и садами, твоими улицами и дворцами, и буду петь людям, знающим, о чем я пою, и не отворачивающимся прочь, и не осмеивающим меня. Ибо аз есмь Иранон, который был принцем в Айре.

В ту ночь люди Телота положили незнакомца почивать на конюшне, а утром к нему явился архонт и потребовал, чтобы пришелец отправился в лавку Атока-сапожника и поступил к нему в ученики.

– Но я Иранон-певец, и мое дело – песня, – молвил тот, – и нет во мне желания заниматься делом сапожника.

– Все в Телоте должны трудиться, – ответил архонт, – ибо таков закон.

Так тогда рек Иранон:

– Для чего трудитесь вы, как не для того, чтобы жить и быть счастливыми? А если вы трудитесь только для того, чтобы трудиться больше, может ли осенить вас счастье? Вы трудитесь для того, чтобы жить, но не соткана ли жизнь из красоты и песен? И если вы не способны потерпеть певца между собой, где обрящете тогда плод ваших трудов? Труд без песни подобен не имеющему конца утомительному путешествию. Разве смерть не более приятна тогда?

Однако архонт остался угрюм, не поняв незнакомца, и принялся укорять его:

– Ты странный юноша, и твое лицо, как и голос, не нравятся мне. И богохульны речи твои, ибо боги Телота нарекли труд благом. Боги наши обещали нам полную света гавань по смерти, где будет отдых без конца и края, и кристальная прохлада, посреди которой никто не станет утомлять свой разум мыслями, а глаза красотой. Ступай же к Атоку-сапожнику, или до заката уходи из нашего города. Служить обязаны все, а песня – глупая прихоть.

Так Иранон вышел из конюшни и пошел по узким каменным улицам между мрачными квадратными, сложенными из гранита домами,

разыскивая хотя бы зеленый клочок, ибо все было сложено из камня. Лица мужчин были хмуры, однако на каменной насыпи возле ленивой реки Зуро сидел мальчик, обратив печальные очи к воде, дабы узреть в ней зеленые ветки с бутонами, принесенные свежим потоком с холмов. И так сказал ему мальчик:

– Не ты ли истинно тот, о ком рассказывают архонты… тот, кто ищет далекий город в прекрасной земле? Я – Ромнод, рожденный от крови Телота, но не успел еще состариться в путях гранитного города и потому стремлюсь каждый день к теплым рощам и далеким землям, полным красы и песни. Там, за Картианскими холмами, лежит Оонай, город лютней и пляски, о котором шепчутся люди, говоря, что красив он и жуток одновременно. Туда лег бы мой путь, будь я достаточно взрослым, чтобы найти дорогу, туда надлежит тебе идти и там петь, дабы слушали тебя люди. Так давай же оставим город Телот и отправимся вместе по весенним холмам. Ты обучишь меня путям и дорогам, и я буду слушать твои песни по вечерам, когда звезды на небе одна за другой рождают грезы в головах мечтателей. И может случиться так, что город Оонай, где звучат лютни и пляшут, окажется той прекрасной Айрой, которую ты взыскуешь, ибо сказано, что не был ты в Айре с прежних дней, а и времена нередко меняются. Так пойдем же в Оонай, о Иранон златовласый, где люди будут знать наши стремления и поприветствуют нас как братьев и не будут хмуриться нашим речам и смеяться над ними.

Так отвечал Иранон:

– Да будет так, малыш; тот, кто в этом каменном граде стремится к красоте, должен искать ее в горах и за ними, и я не оставлю тебя вздыхать возле ленивой Зуро. Только не надо думать, что восторг и понимание обитают за Картианскими холмами, или в любом краю, отстоящем отсюда на день, год или целых пять лет пути. Знай, что когда мне было примерно столько лет, сколько тебе сейчас, я обитал в долине Нартоса возле холодной Ксари, где никто не хотел внимать моим грезам; и сказал себе тогда, что, когда буду постарше, переберусь в Синару на южном склоне, чтобы петь улыбающимся погонщикам верблюдов на базаре. Но, оказавшись в Синаре, я понял, что все погонщики дромадеров просто пьяные сквернословы и песни их не похожи на мои, и потому спустился в город ониксовых стен Джарен. Но солдаты в Джарене осмеяли меня и выгнали вон, после чего я скитался по городам. Я видел Стефелос, что лежит у подножия великого водопада, я взирал на болото, раскинувшееся на месте Сарната. Я побывал в Траа, Иларнеке и Кадафероне на извилистой реке Ай и подолгу жил в Олатое, что находится в земле Ломарской. Однако хотя у меня иногда

находились слушатели, их всегда было немного, и я знаю, что добрый прием ждет меня только в Айре, городе из мрамора и берилла, где прежде правил как король мой отец. Посему Айру будем искать мы, хотя и неплохо посетить далекий и благословенный звоном лютни Оонай, что лежит за Картианскими горами и на самом деле действительно может оказаться Айрой, хотя я сомневаюсь в этом. Красота Айры выше любого воображения, и никто не может рассказывать об этом городе без восторга, в то время как об Оонае погонщики бактрианов рассказывают с насмешкой.

Так на закате Иранон и маленький Ромнод вышли вон из Телота и долго скитались по зеленым холмам и прохладным лесам. Тяжелым и непрямым был путь, и так и не приблизились они к Оонаю, городу лютней и танцев; однако в сумерках, когда высыпали звезды, пел Иранон об Айре и красотах его и внимал ему Ромнод, так что были в известной мере счастливы оба. Ели они в обилии плоды и красную клюкву и не замечали течения лет, шедших мимо один за одним. Маленький Ромнод стал уже вовсе не мал, и голос его сделался басовитым, а не пронзительным, только Иранон оставался прежним и украшал свои золотые власы лианами и благоуханными смолами, найденными в лесах. Так случилось, что Ромнод начал казаться старше, чем Иранон, пусть и был он весьма невелик, когда Иранон нашел его наблюдающим за расцветающими зелеными ветвями в Телоте возле ленивой, закованной в камень Зуро.

И вот однажды, в полнолуние, ночью путники вышли на горный гребень и узрели внизу под собой мириады огней Ооная. Селяне подтвердили, что город сей недалек, и Иранон понял, что это не родной его Айра. Ибо огни Ооная были не такими, как в Айре – резкими и слепящими казались они, в то время как огни Айры светили столь же мягким и волшебным огнем, как тот лунный свет, что ложился на пол от окошка, возле которого матерь Иранона убаюкивала его песней. И все же Оонай был городом лютней и плясок, и посему Иранон и Ромнод отправились вниз по крутому склону, чтобы найти людей, которым приносят удовольствие песни и грезы. А войдя в город, они увидели увенчанных венками гуляк, бродивших из дома в дом, высовывавшихся из окон и глядевших с балконов, и внимавших песням Иранона, и бросавших ему цветы, и аплодировавших после каждой песни. Тут на мгновение поверил Иранон, что нашел тех людей, которые думают и чувствуют так, как и он сам, хотя город их и на сотую долю не был так же прекрасен, как Айра.

А когда пришла заря, Иранон с разочарованием огляделся по сторонам, ибо купола Ооная не золотились под солнцем, но казались серыми и зловещими. И люди Ооная были бледны от пьянства и тупы от выпитого

вина, и ничуть не похожи на светлых людей Айры. Однако люди эти бросали ему цветы и восхищались его песнями, и потому Иранон остался в городе, а с ним и Ромнод, которому так понравился местный разгул, что он украсил свои темные волосы розами и миртом.

Часто по ночам пел Иранон гулякам, однако всегда, как и прежде, оставался он увенчанным только горной лозой, памятуя о мраморных улицах Айры и прозрачной как слеза Нитре. В расписанных фресками залах монарха пел он на приподнятом над зеркальным полом хрустальном подножии, и песни его рождали картины в сердцах слушателей, так что начинало казаться, будто пол отражает старинные, прекрасные и полузабытые вещи, а не побагровевших от выпитого вина гуляк, осыпавших его розами. И король уговорил его снять оборванный пурпур и облачил его в атлас и золотую парчу, пожаловав кольца из зеленого нефрита и браслеты из раскрашенной слоновой кости, и поселил его в раззолоченной и украшенной гобеленами палате с ложем из теплого резного дерева, пологами и покрывалами из расшитого цветами шелка. Так жил Иранон в Оонае, городе лютней и плясок.

Неведомо, сколько времени провел Иранон в Оонае, однако пришел день, когда король привел во дворец диких и буйных кружащихся танцоров из Лирианской пустыни и смуглокожих флейтистов из восточного Дринена, и после этого гуляки стали бросать свои розы не столько Иранону, как плясунам и флейтистам. И изо дня в день Ромнод, бывший совсем мальчишкой в гранитном Телоте, становился все грубее и багровее от вина, и теперь он грезил все меньше и меньше и с меньшим восторгом внимал песням Иранона. Но хотя печалился Иранон, петь он не перестал, и все рассказывал по вечерам о своих видениях Айры, города из мрамора и берилла. И вот однажды ночью багровый от вина и раздобревший Ромнод тяжко захрипел посреди украшенных маками шелков банкетной кушетки и умер в корчах, пока бледный и худой Иранон напевал самому себе в дальнем углу. А когда оплакал Иранон Ромнода на могиле его, и усыпал ее зелеными ветвями, которые любил Ромнод, и снял с себя все шелка и вуали и забытым ушел из Ооная, города лютней и плясок, облаченный лишь в тот рваный пурпур, в котором пришел, увенчав себя свежими горными лозами.

Прямо на закат ушел Иранон, как и прежде разыскивая свою родину и людей, которые понимают его песни и грезы. Во всех городах Кидатрии и землях за пустыней Бнази веселые дети смеялись над его старинными песнями и поношенным пурпурным одеянием; но сам Иранон оставался всегда молодым и, покрывая свою золотую голову венком, пел об Айре, прошлом восторге и надежде на будущее.

Так пришел он однажды ночью к хижине древнего пастуха, грязного и согбенного, пасшего свое стадо на каменистом склоне над болотами и плывунами.

Как и ко многим прочим, обратился к нему Иранон такими словами:

– Не скажешь ли ты мне, где я могу отыскать Айру, город из мрамора и берилла, где течет кристально чистая Нитра и где водопады на крошечной Кра поют зеленым долинам и холмам, поросшим деревом ят?

Услышав сии слова, пастух посмотрел на Иранона долгим и странным взором, словно бы вспоминая нечто очень далеко отстоящее во времени, разглядев каждую морщинку на лице его, и золотые волосы, и корону из виноградных листьев.

Но стар он был и, тряся ветхой головой, ответил:

– О незнакомец, воистину слышал я прозвание Айра и прочие вместе с ним, названные тобой, однако пришли они ко мне издалека, из-за преграды долгих лет. В юности я слышал их из уст товарища по детским играм, сына нищего, знавшего странные грезы, и слагавшего долгие повести о луне, и цветах, и западном ветре. Обычно мы смеялись над ним, ибо знали его от рождения, хоть и называл он себя королевским сыном. Был он пригож, как и ты, но полон всяких странных чудачеств; еще совсем ребенком он убежал из дома, чтобы найти тех, кто будет радостно внимать его песням и грезам. Как часто пел он мне о землях несуществовавших и о вещах, никогда не бывших! Много он говорил об Айре; о городе Айре и реке Нитре и водопадах на крошечной Кра. Там, говорил он, некогда жил он принцем, хотя мы знали его от рождения. Не было никогда мраморного города Айры, как и тех, кто мог восхититься его странными песнями, кроме как в грезах дружка моего Иранона ушедшего.

И в сумерках, пока на небо одна за одной высыпали звезды и луна бросала на болото свой свет, подобный тому, который видит ребенок трепещущим на полу, когда укачивают его на ночь, вступил на тот плывун другой старец в заношенном пурпуре, увенчанный пожухшими виноградными листьями и смотревший перед собой – словно бы на золотые купола прекрасного города, в котором понимают грезы. И некая доля юности и красоты скончалась в ту ночь в постаревшем мире.

1935

Хребты безумия
Перевод Валерии Бернацкой

I

Против своей воли начинаю я этот рассказ, меня вынуждает явное нежелание ученого мира прислушаться к моим советам, они жаждут доказательств. Не хотелось бы раскрывать причины, заставляющие меня сопротивляться грядущему покорению Антарктики – попыткам растопить вечные льды и повсеместному бурению в поисках полезных ископаемых. Впрочем, советы мои и на этот раз могут оказаться ненужными.

Понимаю, что рассказ мой поселит в души многих сомнения в его правдивости, но скрой я самые экстравагантные и невероятные события, что останется от него? В мою пользу, однако, свидетельствуют неизвестные дотоле фотографии, в том числе и сделанные с воздуха, – очень четкие и красноречивые. Хотя, конечно, и здесь найдутся сомневающиеся – ведь некоторые ловкачи научились великолепно подделывать фото. Что касается зарисовок, то их-то уж наверняка сочтут мистификацией, хотя, думаю, искусствоведы основательно поломают голову над техникой загадочных рисунков.

Мне приходится надеяться лишь на понимание и поддержку тех немногих гениев науки, которые, с одной стороны, обладают большой независимостью мысли и способны оценить ужасающую убедительность предъявленных доказательств, сопоставив их с некоторыми таинственными первобытными мифами; а с другой – имеют достаточный вес в научном мире, чтобы приостановить разработку всевозможных грандиозных программ освоения «хребтов безумия». Жаль, что ни я, ни мои коллеги, скромные труженики науки из провинциальных университетов, не можем считаться достаточными авторитетами в столь сложных и абсолютно фантастических областях бытия.

В строгом смысле слова мы и специалистами-то в них не являемся. Меня, например, Мискатоникский университет направил в Антарктику как геолога: с помощью замечательной буровой установки, сконструированной профессором нашего же университета Фрэнком Х. Пибоди, мы должны были добыть с большой глубины образцы почвы и пород. Не стремясь прослыть пионером в других областях науки, я тем не менее надеялся, что это новое механическое устройство поможет мне многое разведать и увидеть в ином свете.

Как читатель, несомненно, знает из наших сообщений, установка Пибоди принципиально нова и пока не имеет себе равных. Ее

незначительный вес, портативность и сочетание принципа артезианского действия бура с принципом вращающегося перфоратора дают возможность работать с породами разной твердости. Стальная бурильная коронка, складной хвостовик бура, бензиновый двигатель, разборная деревянная буровая вышка, принадлежности для взрывных работ, тросы, специальное устройство для удаления разрушенной породы, несколько секций бурильных труб – шириной по пять дюймов, а длиной, в собранном виде, до тысячи футов, – все это необходимое для работы снаряжение могло разместиться всего на трех санях, в каждые из которых впрягалось по семь собак. Ведь большинство металлических частей изготовлялись из легких алюминиевых сплавов. Четыре огромных самолета, сконструированных фирмой Дорнье для полетов на большой высоте в арктических условиях и снабженных специальными устройствами для подогрева горючего, а также для скорейшего запуска двигателя (последнее – также изобретение Пибоди), могли доставить нашу экспедицию в полном составе из базы на краю ледникового барьера в любую нужную нам точку. А там можно передвигаться уже и на собаках.

Мы планировали исследовать за один антарктический сезон – немного задержавшись, если потребуется, – как можно больший район, сосредоточившись в основном у горных хребтов и на плато к югу от моря Росса. До нас в этих местах побывали Шеклтон, Амундсен, Скотт и Бэрд. Имея возможность часто менять стоянку и перелетать на большие расстояния, мы надеялись получить самый разнородный геологический материал. Особенно интересовал нас докембрийский период – образцы антарктических пород этого времени малоизвестны научному миру. Хотелось также привезти с собой и куски отложений из верхних пластов, содержащих органические остатки, – ведь знание ранней истории этого сурового, пустынного царства холода и смерти необычайно важно для науки о прошлом Земли. Известно, что в давние времена климат на антарктическом материке был теплым и даже тропическим, а растительный и животный мир – богатым и разнообразным; теперь же из всего этого изобилия сохранились лишь лишайники, морская фауна, паукообразные и пингвины. Мы очень надеялись пополнить и уточнить информацию о былых формах жизни. В тех случаях, когда бурение покажет, что здесь находятся остатки фауны и флоры, мы взрывом увеличим отверстие и добудем образцы нужного размера и кондиции.

Из-за того, что внизу, на равнине, толща ледяного покрова равнялась миле, а то и двум, нам приходилось бурить скважины разной глубины на горных склонах. Мы не могли позволить себе терять время и бурить лед

даже значительно меньшей толщины, хотя Пибоди и придумал, как растапливать его с помощью вмонтированных в перфоратор медных электродов, работающих от динамо-машины. После нескольких экспериментов мы отказались от такой затеи, а теперь именно этот отвергнутый нами метод собирается использовать, несмотря на все наши предостережения, будущая экспедиция Старкуэтера – Мура.

Об экспедиции Мискатоникского университета широкая общественность знала из наших телеграфных отчетов, публиковавшихся в «Аркхемской газете» и материалах «Ассошиэйтед Пресс», а позднее – из статей Пибоди и моих. Среди ее членов были четыре представителя университета: Пибоди, биолог Лейк, физик Этвуд, он же метеоролог, и я, геолог и номинальный глава группы, а также шестнадцать помощников: семеро студентов последнего курса и девять опытных механиков. Двенадцать из шестнадцати могли управлять самолетом, и все, кроме двоих, были умелыми радистами. Восемь разбирались в навигации, умели пользоваться компасом и секстантом, в том числе Пибоди, Этвуд и я. Кроме того, на двух наших кораблях – допотопных деревянных китобойцах, предназначенных для работы в арктических широтах и имеющих дополнительные паровые двигатели, – были полностью укомплектованные команды.

Финансировали нашу экспедицию Фонд Натаниэля Дерби Пикмена, а также еще несколько спонсоров; сборы проходили очень тщательно, хотя особой рекламы не было. Собаки, сани, палатка с необходимым снаряжением, сборные части самолетов – все перевозилось в Бостон и там грузилось на пароходы. Великолепной оснащенностью экспедиции мы во многом обязаны бесценному опыту наших недавних блестящих предшественников: мы придерживались их рекомендаций во всем, что касалось продовольствия, транспорта, разбивки лагеря и режима работы. Многочисленность таких предшественников и их заслуженная слава стали причиной того, что наша экспедиция, несмотря на ее значительные успехи, не привлекла особого внимания общественности.

Как упоминалось в газетах, мы отплыли из Бостона 2 сентября 1930 года и шли вначале вдоль североамериканского побережья. Пройдя Панамский канал, взяли курс на острова Самоа, сделав остановку там, а затем в Хобарте, административном центре Тасмании, где в последний раз пополнили запасы продовольствия. Никто из нас прежде не был в полярных широтах, и потому мы целиком полагались на опыт наших капитанов, старых морских волков, не один год ловивших китов в южных морях, – Дж. Б. Дугласа, командовавшего бригом «Аркхем»

и осуществлявшего также общее руководство кораблями, и Георга Торфинсена, возглавлявшего экипаж барка «Мискатоник».

По мере удаления от цивилизованного мира солнце все позже заходило за горизонт – день увеличивался. Около 62° южной широты мы заметили первые айсберги – плоские, похожие на огромные столы глыбы с вертикальными стенками, и еще до пересечения Южного полярного круга, кое событие было отпраздновано нами 20 октября с традиционной эксцентричностью, стали постоянно натыкаться на ледяные заторы. После долгого пребывания в тропиках резкий спад температуры особенно мучил меня, но я постарался взять себя в руки в ожидании более суровых испытаний. Меня часто приводили в восторг удивительные атмосферные явления, в том числе впервые увиденный мною поразительно четкий мираж: отдаленные айсберги вдруг ясно представились зубчатыми стенами грандиозных и фантастичных замков.

Пробившись сквозь льды, которые, к счастью, имели в себе открытые разломы, мы вновь вышли в свободные воды в районе 67° южной широты и 175° восточной долготы. Утром двадцать шестого октября на юге появилась ослепительно блиставшая белая полоска, а к полудню всех нас охватил восторг: перед нашими взорами простиралась огромная заснеженная горная цепь, казалось, не имевшая конца. Словно часовой на посту, высилась она на краю великого и неведомого материка, охраняя таинственный мир застывшей Смерти. Несомненно, то были открытые Россом Горы Адмиралтейства, и, следовательно, нам предстояло, обогнув мыс Адэр, плыть вдоль восточного берега земли Виктории до места будущей базы на побережье залива Мак-Мердо, у подножья вулкана Эребус на 77° 9’ южной широты. Заключительный этап нашего пути был особенно впечатляющим и будоражил воображение. Величественные, полные тайны хребты скрывали от нас материк, а слабые лучи солнца, невысоко поднимавшегося над горизонтом даже в полдень, не говоря уж о полуночи, бросали розовый отблеск на белый снег, голубоватый лед, разводья между льдинами и на темные, торчащие из-под снега гранитные выступы скал. Вдали, среди одиноких вершин, буйствовал свирепый антарктический ветер; лишь ненадолго усмирял он свои бешеные порывы; завывания его вызывали смутное представление о диковатых звуках свирели; они разносились далеко и в силу неких подсознательных мнемонических причин беспокоили и даже вселяли ужас. Все вокруг напоминало странные и тревожные азиатские пейзажи Николая Рериха, а также еще более невероятные и нарушающие душевный покой описания зловещего плоскогорья Ленг, которые дает безумный араб Абдула Альхазред в

мрачном «Некрономиконе». Впоследствии я не раз пожалел, что, будучи студентом колледжа, заглядывал в эту чудовищную книгу.

7 ноября горная цепь на западе временно исчезла из поля нашего зрения; мы миновали остров Франклина, а на следующий день вдали, на фоне длинной цепи гор Перри, замаячили конусы вулканов Эребус и Террор на острове Росса[13]. На востоке же белесой полосой протянулся огромный ледяной барьер толщиной не менее двухсот футов. Резко обрываясь, подобно отвесным скалам у берегов Квебека, он ясно говорил, что кораблям идти дальше нельзя. В полдень мы вошли в залив Мак-Мердо и встали на якорь у курящегося вулкана Эребус. Четкие очертания этого гиганта высотой 12 700 футов напомнили мне японскую гравюру священной Фудзиямы; сразу же за ним призрачно белел потухший вулкан Террор, высота которого равнялась 10 900 футам.

Эребус равномерно выпускал из своего чрева дым, и один из наших ассистентов, одаренный студент по фамилии Денфорт, обратил наше внимание, что на заснеженном склоне темнеет нечто, напоминающее лаву. Он также прибавил, что, по-видимому, именно эта гора, открытая в 1840 году, послужила источником вдохновения для По, который спустя семь лет написал:

Было сердце мое горячее,
Чем серы поток огневой,
Чем лавы поток огневой,

Бегущий с горы Эореи
Под ветра полярного вой,
Свергающийся с Эореи,
Под бури арктической вой[14].

Денфорт, большой любитель такого рода странной, эксцентрической литературы, мог говорить о По часами. Меня самого интересовал этот писатель, сделавший Антарктиду местом действия своего самого длинного произведения – волнующей и загадочной «Повести о приключениях Артура Гордона Пима».

А на голом побережье и на ледяном барьере вдали с шумным гоготанием бродили, переваливаясь и хлопая ластами, толпы нелепейших созданий – пингвинов. В воде плавало множество жирных чаек, поверхность медленно дрейфующих льдин была также усеяна ими.

Девятого числа, сразу после полуночи, мы с превеликим трудом добрались на крошечных лодчонках до острова Росса, таща за собой канаты, соединяющие нас с обоими кораблями; снаряжение и продовольствие доставили позже на плотах. Ступив на антарктическую землю, мы пережили чувства острые и сложные, несмотря на то что до нас здесь уже побывали Скотт и Шеклтон. Палаточный лагерь, разбитый нами прямо у подножия вулкана, был всего лишь временным пристанищем, центр же управления экспедицией оставался на «Аркхеме». Мы перевезли на берег все бурильные установки, а также собак, сани, палатки, продовольствие, канистры с бензином, экспериментальную установку по растапливанию льда, фотоаппараты, аэрокамеры, разобранные самолеты и прочее снаряжение, в том числе три миниатюрных радиоприемника – помимо тех, что помещались в самолетах. В какой бы части ледяного континента мы ни оказались, они помогли бы нам не терять связь с «Аркхемом». А с помощью мощного радиопередатчика на «Аркхеме» осуществлялась связь с внешним миром; сообщения о ходе работ регулярно посылались в «Аркхемскую газету», имевшую свою радиостанцию в Кингспорт-Хеде (штат Массачусетс). Мы надеялись завершить дела к исходу антарктического лета, а в случае неудачи перезимовать на «Аркхеме», послав «Мискатоник» домой заблаговременно – до того, как станет лед, – за свежим запасом продовольствия.

Не хочется повторять то, о чем писали все газеты, и рассказывать еще раз о штурме Эребуса; об удачных пробах, взятых в разных частях острова; о неизменной, благодаря изобретению Пибоди, скорости бурения, которая не снижалась даже при работе с очень твердыми породами; об удачных испытаниях устройства по растапливанию льда; об опаснейшем подъеме на ледяной барьер с санями и снаряжением и о сборке пяти самолетов в лагере на ледяной круче. Все члены нашей экспедиции – двадцать мужчин и пятьдесят пять ездовых собак – чувствовали себя превосходно, правда, до сих пор мы еще не испытывали лютого холода или ураганного ветра. Ртуть в термометре держалась на отметках 4–7° ниже нуля – морозы, к которым мы привыкли у себя в Новой Англии, где зимы бывают довольно суровыми. Лагерь на ледяном барьере был также промежуточным, там предполагалось хранить бензин, провизию, динамит и еще некоторые необходимые вещи.

Экспедиция могла рассчитывать только на четыре самолета, пятый оставался на базе под присмотром летчика и еще двух подручных и в случае пропажи остальных самолетов должен был доставить нас на «Аркхем». Позже, когда какой-нибудь самолет или даже два были свободны

от перевозки аппаратуры, мы использовали их для связи: помимо этой основной базы у нас имелось еще одно временное пристанище на расстоянии шестисот-семисот миль – в южной части огромного плоскогорья, рядом с ледником Бирдмора. Несмотря на метели и жесточайшие ветры, постоянно дующие с плоскогорья, мы в целях экономии и эффективности работ отказались от промежуточных баз.

В радиосводках от 21 ноября сообщалось о нашем захватывающем беспосадочном полете в течение четырех часов над бескрайней ледяной равниной, окаймленной на западе горной грядой. Рев мотора разрывал вековое безмолвие; ветер не мешал полету, а попав в туман, мы продолжили путь по радиокомпасу.

Когда между 83° и 84° южной широты впереди замаячил некий массив, мы поняли, что достигли ледника Бирдмора, самого большого шельфового ледника в мире; ледяной покров моря сменяла здесь суша, горбатившаяся хребтами. Теперь мы окончательно вступали в сверкающее белизной мертвое безмолвие крайнего юга. Не успели мы это осознать, как вдали, на востоке, показалась гора Нансена, высота которой равняется почти 15 000 футов. Удачная разбивка лагеря за ледником на 86° 7’ южной широты и 174° 23’ восточной долготы и невероятно быстрые успехи в бурильных и взрывных работах, проводившихся в нескольких местах, куда мы добирались на собаках или на самолетах, – все это успело стать достоянием истории, так же как и триумфальное восхождение Пибоди с двумя студентами, Гедни и Кэрролом, на гору Нансена, которое они совершили 13–15 декабря. Находясь на высоте 8500 футов над уровнем моря, мы путем пробного бурения обнаружили твердую почву уже на глубине двадцати футов и, прибегнув к установке Пибоди, растапливающей снег и лед, смогли добыть образцы пород там, где до нас не помыслил бы это сделать ни один исследователь. Полученные таким образом докембрийские граниты и песчаники подтвердили наше предположение, что у плато и большей, простирающейся к западу части континента одно происхождение, чего нельзя было сказать о районах, лежащих к юго-востоку от Южной Америки; они, по нашему разумению, составляли другой, меньший континент, отделенный от основного воображаемой линией, соединяющей моря Росса и Уэдделла. Впрочем, Бэрд никогда не соглашался с нашей теорией.

В некоторых образцах песчаников, которые после бурения и взрывных работ обрабатывались уже долотом, мы обнаружили крайне любопытные вкрапления органических остатков – окаменевшие папоротники, морские водоросли, трилобиты, кринойды и некоторых моллюсков – лингвелл и

гастроподов, что представляло исключительный интерес для изучения первобытной истории континента. Встречались там и странного вида треугольные полосатые отпечатки, около фута в основании, которые Лейк собирал по частям из сланца, добытого на большой глубине в самой западной точке бурения, недалеко от гор Королевы Александры. Биолог Лейк посчитал полосатые вкрапления фактом необычным и наводящим на размышления; я же как геолог не нашел здесь ничего удивительного – такой эффект часто встречается в осадочных породах. Сланцы сами по себе – метаморфизированные образования, в них всегда есть спрессованные осадочные породы; под давлением они могут принимать самые невероятные формы – так что особых причин для недоумения я тут не видел.

6 января 1931 года Лейк, Пибоди, Дэниэлс, все шестеро студентов, четыре механика и я вылетели на двух самолетах в направлении Южного полюса, однако разыгравшийся не на шутку ветер, который, к счастью, не перерос в частый здесь свирепый ураган, заставил нас пойти на вынужденную посадку. Как писали газеты, это был один из наших разведывательных полетов, когда мы наносили на карту топографические особенности местности, где еще не побывал ни один исследователь Антарктиды. Предыдущие полеты оказались в этом отношении неудачными, хотя мы вдоволь налюбовались тогда призрачно-обманчивыми полярными миражами, о которых во время морского путешествия получили лишь слабое представление. Далекие горные хребты парили в воздухе как сказочные города, а белая пустыня под волшебными лучами низкого полночного солнца часто обретала золотые, серебряные и алые краски страны грез, суля смельчаку невероятные приключения. В пасмурные дни полеты становились почти невозможны: земля и небо сливались в одно таинственное целое и разглядеть линию горизонта в этой снежной хмари было очень трудно.

Наконец мы приступили к выполнению нашего первоначального плана, готовясь перелететь на пятьсот миль к западу и разбить там еще один лагерь, который, как мы ошибочно полагали, будет находиться на другом малом континенте. Было интересно сравнить геологические образцы обоих районов. Наше физическое состояние оставалось превосходным – сок лайма разнообразил наше питание, состоявшее из консервов и солонины, а умеренный холод позволял пока не кутаться. Лето было в самом разгаре, и, поспешив, мы могли закончить работу к марту и тем избежать долгой тяжкой зимовки в период антарктической ночи. На нас уже обрушилось несколько жестоких ураганов с запада, но урона мы не

понесли благодаря изобретательности Этвуда, поставившего элементарные защитные устройства вокруг наших самолетов и укрепившего палатки. Нам фантастически везло.

В мире знали о нашей программе, а также об упрямой настойчивости, с которой Лейк требовал до переселения на новую базу совершить вылазку в западном, а точнее, в северо-западном направлении. Он много думал об этих странных треугольных вкраплениях, мысль о них не давала ему покоя; в результате ученый пришел к выводу, что их присутствие в сланцах противоречит природе вещей и не отвечает соответствующему геологическому периоду. Любопытство его было до крайности возбуждено, ему отчаянно хотелось возобновить буровые и взрывные работы в западном районе, где отыскались эти треугольники. Он почему-то уверовал в то, что мы встретились со следами крупного, неизвестного науке организма, основательно продвинувшегося на пути эволюции, однако почему-то выпадающего из классификации. Странно, но горная порода, сохранившая их, относилась к глубокой древности – кембрийскому, а может, и докембрийскому периоду, что исключало возможность существования не только высокоразвитой, но и прочей жизни, кроме разве одноклеточных и трилобитов. Сланцам, в которых отыскались странные следы, было от пятисот до тысячи миллионов лет.

II

Полагаю, читатели с неослабевающим вниманием следили за нашими сообщениями о продвижении группы Лейка на северо-запад, в края, куда не только не ступала нога человека, но о которых и помыслить-то раньше было невозможно. А какой бы поднялся переполох, упомяни мы о его надеждах на пересмотр целых разделов биологии и геологии! Его предварительная вылазка совместно с Пибоди и еще пятью членами экспедиции, длившаяся с 11 по 18 января, омрачилась гибелью двух собак при столкновении саней с оледеневшими каменными выступами. Однако бурение принесло Лейку дополнительные образцы архейских сланцев, и тут даже я заинтересовался явными и многочисленными свидетельствами присутствия органических остатков в этих древнейших пластах. Впрочем, то были следы крайне примитивных организмов – революции в науке подобное открытие не сделало бы, оно говорило лишь в пользу того, что низшие формы жизни существовали на Земле еще в докембрии. Поэтому я по-прежнему не видел смысла в требовании Лейка изменить наш первоначальный план, внеся в него экспедицию на северо-запад, что потребовало бы участия всех четырех самолетов, большого количества людей и всех машин. И все же я не запретил эту экспедицию, хотя сам решил не участвовать в ней, несмотря на все уговоры Лейка. После отлета группы на базе остались только мы с Пибоди и еще пять человек; я тут же засел за подробную разработку маршрута восточной экспедиции. Еще раньше пришлось приостановить полеты самолета, начавшего перевозить бензин из лагеря у пролива Мак-Мердо. На базе остались только одни сани и девять собак: совсем без транспорта находиться в этом безлюдном крае вечной Смерти было неразумно.

Как известно, Лейк на своем пути в неведомое посылал с самолета коротковолновые сообщения, они принимались как нами, в южном лагере, так и на «Аркхеме», стоявшем на якоре в заливе Мак-Мердо, откуда передавались дальше всему миру – на волне около пятидесяти метров. Экспедиция стартовала в четыре часа утра 22 января, а первое послание мы получили уже два часа спустя. В нем Лейк извещал нас, что они приземлились в трехстах милях от базы и тотчас приступают к бурению. Через шесть часов поступило второе, очень взволнованное сообщение: после напряженной работы им удалось пробурить узкую скважину и подорвать породу; наградой стали куски сланцев – на них обнаружились те

же отпечатки, из-за которых и заварился весь этот сыр-бор.

Через три часа мы получили очередную краткую сводку: экспедиция возобновила полет в условиях сильного ветра. На мой приказ не рисковать Лейк резко возразил, что новые находки оправдают любой риск. Я понимал, что он потерял голову и взбунтовался – дальнейшая судьба всей экспедиции находилась теперь под угрозой. Оставалось только ждать, и я со страхом представлял себе, как мои товарищи стремительно движутся в глубь коварного и зловещего белого безмолвия, готового обрушить на них свирепые ураганы, озадачить непостижимыми тайнами и простирающегося на полторы тысячи миль – вплоть до малоизученного побережья Земли Королевы Мери и Берега Нокса.

Затем часа через полтора поступило еще одно, крайне эмоциональное послание прямо с самолета, оно почти изменило мое отношение к экспедиции Лейка и заставило пожалеть о своем неучастии:

> «22.05. С борта самолета. После снежной бури впереди показались горы необычайной величины. Возможно, не уступают Гималаям, особенно если принять во внимание высоту самого плато. Наши координаты: примерно 76° 15’ южной широты и 113° 10’ восточной долготы. Горы застилают весь горизонт. Кажется, вижу два курящихся конуса. Вершины все черные – снега на них нет. Резкий ветер осложняет полет».

После этого сообщения все мы, затаив дыхание, застыли у радиоприемника. При мысли о гигантских горных хребтах, возвышающихся неприступной крепостью в семистах милях от нашего лагеря, у нас перехватило дыхание. В нас проснулся дух первопроходцев, и мы от души радовались, что наши товарищи, пусть без нас, совершили такое важное открытие. Через полчаса Лейк снова вышел на связь:

> «Самолет Мултона совершил вынужденную посадку у подножия гор. Никто не пострадал, думаем сами устранить повреждения. Все необходимое перенесем на остальные три самолета – независимо от того, полетим дальше или вернемся на базу. Теперь нет нужды путешествовать с грузом. Невозможно представить себе величие этих гор. Сейчас налегке полечу на разведку в самолете Кэррола.
>
> Вам трудно вообразить себе здешний пейзаж. Самые высокие вершины вздымаются ввысь более чем на тридцать пять

тысяч футов. У Эвереста нет никаких шансов. Этвуд остается на земле – будет определять с помощью теодолита высоту местности, а мы с Кэрролом немного полетаем. Возможно, я ошибся относительно конусов, потому что формация выглядит слоистой. Должно быть, докембрийские сланцы с вкраплением других пластов. На фоне неба прочерчены странные конфигурации – на самых высоких вершинах как бы лепятся правильные секции каких-то кубов. В золотисто-алых лучах заходящего солнца все это выглядит очень впечатляюще – будто приоткрылась дверь в сказочный, чудесный мир. Или – ты дремлешь, и тебе снится таинственная, диковинная страна. Жаль, что вас здесь нет – хотелось бы услышать ваше мнение».

Хотя была глубокая ночь, ни один из нас не подумал идти спать. Должно быть, то же самое происходило на базе в заливе и на «Аркхеме», где также приняли это сообщение. Капитан Дуглас сам вышел в эфир, поздравив всех с важным открытием, к нему присоединился Шерман, радист с базы. Мы, конечно, сожалели о поломке самолета, но надеялись, что ее легко устранить. И вот в двадцать три часа мы опять услышали Лейка:

«Летим с Кэрролом над горами. Погода не позволяет штурмовать самые высокие вершины, но это можно будет сделать позже. Трудно и страшно подниматься на такую высоту, но игра стоит свеч. Горная цепь тянется сплошным массивом – никакого проблеска с другой стороны. Некоторые вершины превосходят самые высокие пики Гималаев и выглядят очень необычно. Хребты состоят из докембрийских сланцевых пород, но в них явно угадываются пласты другого происхождения. Насчет вулканов я ошибся. Конца этим горам не видно. Выше двадцати одной тысячи футов снега нет.

На склоне высоких гор странные образования. Массивные, низкие глыбы с отвесными боковыми стенками; четкие прямые углы делают их похожими на стены крепостного вала. Невольно вспоминаешь картины Рериха, где древние азиатские дворцы лепятся по склонам гор. Издали это смотрится потрясающе. Когда мы подлетели ближе, Кэрролу показалось, что глыбы состоят из более мелких частей, но, видимо, это оптическая иллюзия – просто края искрошились и обточились, и немудрено –

сколько бурь и прочих превратностей климата пришлось им вынести за миллионы лет.

Некоторые слои, особенно верхние, выглядят более светлыми, чем другие, и, следовательно, природа их кристаллическая. С близкого расстояния видно множество пещер или впадин, некоторые необычайно правильной формы – квадратные или полукруглые. Надо обязательно осмотреть их. На одном пике видел что-то наподобие арки. Высота его приблизительно от тридцати до тридцати пяти тысяч футов. Да я и сам нахожусь сейчас на высоте двадцати одной тысячи пятисот футов – здесь жуткий холод, продрог до костей. Ветер завывает и свищет вовсю, гуляет по пещерам, но для самолета реальной опасности не представляет».

Еще с полчаса Лейк разжигал наше любопытство своими рассказами, а потом поделился намерением покорить эти вершины. Я заверил его, что составлю ему компанию, пусть пришлет за мной самолет. Только прежде нам с Пибоди нужно решить, как лучше распорядиться бензином и где сосредоточить его основной запас в связи с изменением маршрута. Теперь, учитывая буровые работы Лейка и частую аэроразведку, большая масса горючего должна храниться на новой базе, он предполагал разбить ее у подножия гор. Полет же в восточном направлении откладывался – во всяком случае, до будущего года. Я вызвал по рации капитана Дугласа и попросил его переслать нам как можно больше бензина с той единственной упряжкой, которая оставалась в заливе. Нам предстояло пуститься в путь через неисследованные земли между базой в заливе Мак-Мердо и стоянкой Лейка.

Позднее на связь вышел Лейк и сообщил, что решил разбить лагерь на месте поломки самолета Мултона, где уже вовсю шел ремонт. Ледяной покров там очень тонкий, в некоторых местах даже чернеет грунт, так что Лейк сможет проводить буровые и взрывные работы, не совершая вылазки на санях и не карабкаясь в горы. Его окружает зрелище неописуемой красоты, продолжал он, но ему как-то не по себе у подножия этих гигантов, высящихся плотной стеной и вспарывающих пиками небо. По расчетам Этвуда, высота пяти главных вершин колеблется от тридцати до тридцати четырех тысяч футов. Лейка явно беспокоило, что местность не защищена от ветра: можно ожидать любой метели, от которых нас пока Бог миловал. Лагерь находился на расстоянии немногим более пяти миль от подножия высочайших гор. В пробившемся сквозь ледяную пустыню голосе Лейка я

уловил подсознательное беспокойство, очень уж он призывал нас поторопиться и как можно скорее составить представление об этом таинственном уголке Антарктики. Сам он наконец собрался отдохнуть после этого безумного дня, беспримерного по нагрузкам и полученным результатам.

Утром Лейк, Дуглас и я провели одновременно переговоры с наших так далеко отстоящих друг от друга баз и договорились, что один из самолетов Лейка доставит к нему в лагерь Пибоди, меня и еще пятерых членов экспедиции, а также столько горючего, сколько сможет поднять. Вопрос об остальном топливе оставался открытым и зависел от того, какое мы примем решение относительно восточной экспедиции. Сошлись на том, чтобы подождать с этим несколько дней – у Лейка пока хватало горючего и на нужды лагеря, и на бурение. Хорошо было бы пополнить запасы и южной базы, хотя в том случае, если экспедиция на восток откладывалась, база будет пустовать до следующего лета. Лейку вменили в обязанность послать самолет с заданием проложить трассу от открытых им гор до залива Мак-Мердо.

Пибоди и я готовились к закрытию базы на более или менее длительный срок. Даже если будет принято решение зимовать в Антарктике, мы, возвращаясь на «Аркхем», сюда не завернем. Несколько палаток были уже укреплены кубами плотного снега, и теперь мы решили довершить начатое. У Лейка на новой базе палаток хватало – в чем-чем, а в этом недостатка не было, так что везти их с собой не представлялось разумным. Я послал радиограмму, что уже через сутки мы с Пибоди готовы вылететь на новое место.

Однако после четырех часов, когда мы получили взволнованное и неожиданное послание от Лейка, деятельность наша несколько затормозилась. Рабочий день его начался неудачно: обзорный полет показал, что в ближайших свободных от снега скалах полностью отсутствуют столь нужные ему древние архейские пласты, коих было великое множество на вершинах хребтов, манящих и дразнящих его воображение. Большинство скал состояло из юрских и команчских песчаников, а также из пермских и триасовых кристаллических сланцев, в которых поблескивала темная обнаженная порода – по виду каменный уголь. Это не могло не разочаровать Лейка, который надеялся напасть здесь на древнейшие – старше пятисот миллионов лет – породы. Он понимал, что архейские пласты, где ему впервые повстречались странные отпечатки, залегают на крутых склонах гигантских гор, к которым следовало еще добираться на санях.

Тем не менее Лейк решил в интересах дела начать буровые работы и, установив буровую машину, поручил пятерым членам экспедиции управляться с нею; остальные тем временем обустраивали лагерь и занимались ремонтом самолета. Для работ выбрали место в четверти мили от базы, где горная порода казалась не очень твердой. Песчаник здесь бурился отлично – почти обошлись без сопутствующих взрывных работ. Через три часа после первого основательного взрыва раздались возбужденные крики бурильщиков, и руководитель работ, молодой человек по фамилии Гедни, прибежал в лагерь с потрясающим известием.

Они наткнулись на пещеру. После начала бурения песчаник быстро сменился известняком, полным мельчайших органических отложений – цефалоподов, кораллов, морских ежей и спириферид; изредка попадалось нечто, напоминающее губки и позвонки рыб, – скорее всего, из отрядов телеостов, акул и ганоидов. Это была уже сама по себе важная находка: первый раз в наши руки попадали органические остатки позвоночных, но когда вскоре после этого буровая коронка, пройдя очередной пласт, вышла в пустоту, бурильщиков охватил двойной восторг. Заложили динамит, и последовавший взрыв приоткрыл завесу над подземной тайной: сквозь зияющее неровное отверстие – пять на пять футов – жадным взорам людей предстала впадина в известняке, размытом более пятидесяти миллионов лет назад медленно сочившимися грунтовыми водами этого некогда тропического мира.

Пещерка была не глубже семи-восьми футов, зато разветвлялась во всех направлениях и, судя по гулявшему в ней ветру, составляла лишь одно звено в целой подземной системе, верх и низ которой были густо усеяны крупными сталактитами и сталагмитами, некоторые – столбчатой структуры. Но что важнее всего, тут были россыпи раковин и костей, кое-где они просто забивали проходы. Это костное месиво, вынесенное потоком из неведомых зарослей мезозойских древесных папоротников и грибов, лесов третичной системы с веерными пальмами и примитивными цветковыми растениями, содержало в себе останки такого множества представителей животного мира – мелового, эоценового и прочих периодов, что даже величайшему палеонтологу потребовалось бы больше года на опись и классификацию этого богатства. Моллюски, ракообразные, рыбы, амфибии, рептилии, птицы и низшие млекопитающие – крупные и мелкие, известные и не известные науке. Немудрено, что Гедни бросился сломя голову к лагерю, после чего все, побросав работу, помчались, несмотря на лютый мороз, туда, где буровая вышка указывала на местонахождение только что найденной дверцы в тайны земного прошлого

и канувших в вечность тысячелетий.

Слегка утолив свое любопытство ученого, Лейк нацарапал в блокноте короткую информацию о событиях и отправил молодого Мултона в лагерь с просьбой послать сообщение в эфир. Так я впервые услышал об этом удивительном открытии – о найденных раковинах, костях ганоидов и плакодерм, останках лабиринтодонтов и текодонтов, черепных костях и позвонках динозавра, кусках панциря броненосца, зубах и крыльях птеродактиля, останках археоптерикса, зубах миоценских акул, костях первобытных птиц, а также обнаруженных останках древнейших млекопитающих – палеотерий, ксифодонтов, эогиппусов, ореодонтов и титанофонеусов. Останки позднейших видов, вроде мастодонтов, слонов, верблюдов или быков, отсутствовали, и потому Лейк определил возраст пласта и содержащихся в нем окаменелостей довольно точно – не менее тридцати миллионов лет, причем самые последние отложения приходились на олигоцен.

С другой стороны, преобладание следов древнейших организмов просто поражало. Хотя известняковая формация по всем признакам, в том числе и вкрапленным органическим останкам, относилась к команчскому периоду и никак не к более раннему, в разбросанных по пещере костях узнавались останки организмов, обычно относимых к значительно более древнему времени, – рудиментарных рыб, моллюсков и кораллов, распространенных в силурийском и ордовикском периодах. Вывод напрашивался сам собой: в этой части Земли существовали организмы, жившие как триста, так и тридцать миллионов лет тому назад. Продолжалось ли это мирное сосуществование на антарктических землях и дальше – после того как во времена олигоцена пещеру наглухо завалило? Это оставалось загадкой. Во всяком случае, начало материковых оледенений в период плейстоцена пятьсот тысяч лет назад – ничтожная цифра по сравнению с возрастом этой пещеры – наверняка убило все ранние формы жизни, которые каким-то чудом здесь удержались.

Лейк не успокоился, послав нам первую сводку, а тут же накатал еще одно донесение и отправил его в лагерь, не дождавшись возвращения Мултона. Тот так и остался сидеть в одном из самолетов у передатчика, диктуя мне – и разумеется, радисту «Аркхема», который держал связь с внешним миром, – серию посланий Лейка. Те из читателей, кто следил за газетными публикациями, несомненно, помнят, какой ажиотаж вызвали они в научном мире. Именно они побудили снарядить экспедицию Старкуэтера – Мура, которая вот-вот отправится в путь, если мне не удастся отговорить ее энтузиастов от безумного плана. Приведу эти послания дословно, как

записал их наш радист Мактай, – так будет вернее.

«Во время бурения Фаулер обнаружил необычайно ценные свидетельства в песчаных и известняковых пластах – отчетливые треугольные отпечатки, подобные тем, что мы видели в архейском сланце. Значит, этот вид просуществовал шестьсот миллионов лет – вплоть до команчского периода, не претерпев значительных морфологических изменений и лишь слегка уменьшившись в объеме. Команчские отпечатки сохранились хуже древних. Прессе следует подчеркнуть исключительную важность открытия. Для биологии оно не менее ценно, чем для физики и математики – теории Эйнштейна. И полностью подкрепляет выводы, к которым я пришел за годы работы».

«Открытие доказывает, как я и подозревал, что на Земле сменилось несколько циклов органической жизни, помимо того, известного всем, что начался с археозойской клетки. Еще тысячу миллионов лет назад юная планета, считавшаяся непригодной для любых форм жизни и даже для обычной протоплазмы, была уже обитаема. Встает вопрос: когда и каким образом началась эволюция?»

«Некоторое время спустя. Разглядывая скелетные кости крупных наземных и морских ящеров и древних млекопитающих, нашел отдельные следы увечий, которые не могло нанести ни одно из известных науке хищных или плотоядных животных. Увечья эти двух типов: от колотых и резаных ран. В одном или даже двух случаях кости кажутся аккуратно отрубленными. Но в общем повреждено не так уж много экземпляров. Послал в лагерь за электрическими фонариками. Хочу расширить границы пещеры, обрубив часть сталактитов».

«Еще немного спустя. Нашел любопытный мыльный камень длиной около шести дюймов и шириной полтора. Очень отличается от местных пород – зеленоватый; непонятно, к какому периоду его отнести. Удивительно гладкий, правильной формы. Напоминает пятиконечную звезду с отломанными краями и с насечками во внутренних углах и в центре. Небольшое плавное углубление посередине. Интересно, каково его происхождение и как он приобрел столь удивительную форму? Возможно, действие воды. Кэррол надеется с помощью линзы уточнить его геологические особенности. На нем правильные узоры из

крошечных точек. Все время, пока мы изучали камень, собаки непрерывно лаяли. Кажется, он им ненавистен. Нужно проверить, нет ли у него особого запаха. Следующее сообщение отправлю после прихода Миллза с фонарями, когда мы продвинемся по пещере дальше».

«22.15. Важное открытие. Оррендорф и Уоткинс, работая при свете фонарей под землей, наткнулись на устрашающего вида экземпляр – нечто бочкообразное, непонятного происхождения. Может, растительного? Разросшиеся морские водоросли? Ткань сохранилась, очевидно, под действием пропитавших ее минеральных солей. Прочная, как кожа, местами удивительно гибкая. По бокам и концам – следы разрывов. Длина находки – шесть футов, ширина – три с половиной; можно накинуть на каждый размер, учитывая потери, еще по футу. Похоже на бочонок, а в тех местах, где обычно клепки, – набухшие вертикальные складки. Боковые обрывы – видимо, более тонких стеблей – проходят как раз посередине. В бороздах между складками – любопытные отростки, что-то вроде гребешков или крыльев; они складываются и раскрываются, как веер. Все отростки в плохом состоянии, сильно попорчены, кроме одного, он равняется почти семи футам. Видом странная особь напоминает чудовищ из первобытной мифологии, в особенности легендарных Старцев из «Некрономикона».

«Крылья этой твари перепончатые, остов их трубчатый. На концах каждой секции видны крошечные отверстия. Поверхность ссохлась, и потому непонятно, что находится внутри и что оторвалось. Нужно будет, вернувшись на базу, тут же вскрыть этот таинственный организм. Пока не могу решить – растение это или животное? Многое говорит в пользу того, что неизвестный организм относится к древнейшему времени. В это трудно поверить. Заставил всех обрубать сталактиты и искать другие экземпляры, подобные этому. Нашли еще несколько костей с глубокими зарубками, но с этим можно подождать. Не знаю, что делать с собаками. Они будто взбесились, остервенело лают на находку и наверняка разорвали бы ее на куски, не удерживай мы их на расстоянии силой».

«23.30. Всем, всем – Дайеру, Пибоди, Дугласу. Дело, можно сказать, чрезвычайной важности. Пусть «Аркхем» тут же свяжется с радиостанцией Кингспорта. Отпечатки в архейском

сланце принадлежат именно этому бочкообразному «растению». Миллз, Будро и Фаулер нашли и других подобных особей – целых тринадцать штук – в сорока футах от скважины. Они лежали вперемешку с обломками тех гладких, причудливой формы мыльных камней: все камни – меньше предыдущих, тоже звездчатые, но без отбитых концов, разве только покрошились немного».

«Из этих органических особей восемь сохранились превосходно, целы все отростки. Все экземпляры извлекли из пещеры, предварительно отведя подальше собак. Те их просто не выносят, так и заливаются истошным лаем. Прослушайте внимательно точное описание нашей находки и для верности повторите. В газетах оно должно появиться предельно точным.

Длина каждого экземпляра – восемь футов. Само бочкообразное, пятискладочное тело равняется шести футам в длину и трем с половиной – в ширину. Ширина указывается в центральной части, диаметр же оснований – один фут. Все особи темно-серого цвета, хорошо гнутся и необычайно прочные. Семифутовые перепончатые «крылья» того же цвета, найденные сложенными, идут из борозд между складками. Они более светлого цвета, остов трубчатый, на концах имеются небольшие отверстия. В раскрытом состоянии – по краям зубчатые. В центре тела, на каждой из пяти вертикальных, похожих на клепки складок – светло-серые гибкие лапы-щупальца. Обвернутые в настоящий момент вокруг тела, они способны в деятельном состоянии дотягиваться до предметов на расстоянии трех футов – как примитивная морская лилия с ветвящимися лучами. Отдельные щупальца у основания – трех дюймов в диаметре, через шесть дюймов они членятся на пять щупалец, каждое из которых еще через восемь дюймов разветвляется на столько же тонких, сужающихся к концу щупалец-усиков – так что на каждой «грозди» их оказывается по двадцать пять.

Венчает торс светло-серая, раздутая, как от жабр, «шея», на которой сидит желтая пятиконечная, похожая на морскую звезду «головка», поросшая жесткими разноцветными волосиками длиной в три дюйма.

Гибкие желтоватые трубочки длиной три дюйма свисают с каждого из пяти концов массивной (около двух футов в окружности) головки. В самом центре ее – узкая щель, возможно,

начальная часть дыхательных путей. На конце каждой трубочки сферическое утолщение, затянутое желтой пленкой, под которой скрывается стекловидный шарик с радужной оболочкой красного цвета – очевидно, глаз.

Из внутренних углов головки тянутся еще пять красноватых трубочек, несколько длиннее первых, они заканчиваются своего рода мешочками, которые при нажиме раскрываются, и по краям круглых отверстий, диаметром два дюйма, хорошо видны острые выступы белого цвета, наподобие зубов. По-видимому, это рот. Все эти трубочки, волосики и пять концов головки аккуратно сложены и прижаты к раздутой шее и торсу. Гибкость тканей при такой прочности – удивительная.

В нижней части туловища находится грубая копия головки, но с другими функциями. На светло-серой раздутой лжешее отсутствует подобие жабр, она сразу переходит в зеленоватое пятиконечное утолщение, тоже напоминающее морскую звезду.

Внизу также находятся прочные мускулистые щупальца длиной около четырех футов. У самого туловища ширина их в диаметре составляет семь дюймов, но к концу они утончаются, достигая не более двух с половиной дюймов, и переходят в зеленоватую треугольную перепончатую «лапку» с пятью фалангами. Длина ее – восемь дюймов, ширина у «запястья» – шесть. Это лапа, плавник или нога – словом, то, что оставило свой след на камне от тысячи до пятидесяти-шестидесяти миллионов лет назад.

Из внутренних углов пятиконечного нижнего утолщения также тянутся двухфутовые красноватые трубочки, ширина которых колеблется от трех дюймов у основания до одного – на конце. Заканчиваются они отверстиями. Трубочки необычайно плотные и прочные и при этом удивительно гибкие.

Четырехфутовые щупальца с лапками, несомненно, служили для передвижения – по суше или в воде. Похоже, очень мускулистые. В настоящее время все эти отростки плотно обвиты вокруг лжешеи и низа туловища – точно так же, как и в верхней части.

Не совсем уверен, к растительному или животному миру отнести это существо, но скорее все же к животному. Может быть, это невероятно продвинутая на пути эволюции морская звезда, не утратившая, однако, и некоторых признаков

примитивного организма. Свойства семейства иглокожих налицо, хотя кое-что явно не согласуется.

Притом что морское происхождение в высшей степени вероятно, озадачивает наличие «крыла» (хотя оно могло помогать при передвижении в воде), а также симметричное расположение отдельных частей, более свойственное растениям с их вертикальной постановкой, в отличие от горизонтальной – у животных. Эта тварь находится у истоков эволюции, предшествуя даже простейшим архейским одноклеточным организмам; это сбивает с толку, когда задумываешься о происхождении таинственной находки.

Неповрежденные особи так напоминают некоторых существ из древней мифологии, что нельзя не предположить, что когда-то они обитали вне Антарктики. Дайер и Пибоди читали «Некрономикон», видели жуткие рисунки вдохновленного им Кларка Эштона Смита и потому понимают меня, когда я говорю о Старцах – тех, которые якобы породили жизнь на Земле не то шутки ради, не то по ошибке. Ученые всегда считали, что прообраз этих Старцев – древняя тропическая морская звезда, фантастически преображенная болезненным сознанием. Вроде чудовищ из доисторического фольклора, о которых писал Уилмарт. Вспоминается культ Ктулху…

Материал для изучения огромный. Судя по всему, геологические пласты относятся к позднему мелу или к раннему эоцену. Над ними нависают массивные сталактиты. Отколоть их стоит большого труда, но именно такая высокая прочность препятствовала разрушению. Удивительно, как хорошо все здесь сохранилось – очевидно, благодаря близости известняка. Других интересных находок пока нет – возобновим поиски позже. Главное теперь – переправить четырнадцать крупных экземпляров на базу и уберечь их от собак, которые уже хрипят от лая. Держать животных вблизи находок нельзя ни в коем случае.

Оставив трех человек стеречь собак, мы вдевятером без труда перевезем драгоценные экземпляры на трех санях, хотя ветер сильный. Нужно сразу же наладить воздушное сообщение с базой у залива и заняться транспортировкой находок на корабль. Перед сном препарирую одну из особей. Жаль, нет здесь настоящей лаборатории. Дайеру должно быть стыдно, что он возражал против экспедиции на запад. Сначала открыли

высочайшие в мире горы, а теперь вот и это. Думаю, наши находки сделали бы честь любой экспедиции. Если это не так, значит, я ничего не смыслю. Сделан большой вклад в науку. Спасибо Пибоди за его устройство, оно нам очень помогло при бурении, иначе мы не проникли бы в пещеру. А теперь вы, на «Аркхеме», повторите дословно описание найденных особей».

Трудно передать наши с Пибоди чувства после получения этой радиограммы. Ликовали и все наши спутники. Мактай торопливо переводил на английский звуки, монотонно доносившиеся из принимающего устройства. Как только радист Лейка закончил диктовку, Мактай аккуратно переписал все донесение. Все мы понимали, что это открытие знаменует переворот в науке, и я сразу же после того, как радист с «Аркхема» повторил описание находок, поздравил Лейка. К этим поздравлениям присоединились Шерман, глава базы в заливе Мак-Мердо, и капитан Дуглас от имени команды «Аркхема». Позже я как научный руководитель экспедиции сказал несколько слов, комментируя это открытие. Радист «Аркхема» должен был донести мои слова до мировой общественности. О сне, естественно, никто и подумать не мог. Все находились в состоянии крайнего возбуждения, а моим единственным желанием было как можно скорее оказаться в лагере Лейка. Меня очень расстроило его известие, что ветер в горах усиливается, делая воздушное сообщение на какое-то время невозможным.

Но через полтора часа мое разочарование вновь сменилось жгучим интересом. Лейк в новых донесениях рассказывал, как все четырнадцать экземпляров благополучно доставили в лагерь. Путешествие выдалось нелегким – находки оказались на удивление тяжелы: девять человек едва справились с этим грузом. Для собак пришлось городить на безопасном от базы расстоянии укрытие из снега. Предполагалось, что там их будут держать и кормить. Все найденные экземпляры разложили на плотном снегу рядом с палатками, кроме того, который Лейк отобрал для предварительного вскрытия.

Препарирование оказалось делом не столь легким, как могло на первый взгляд показаться. Несмотря на жар, шедший от газолиновой горелки в наскоро оборудованной под лабораторию палатке, обманчиво гибкая ткань выбранной, хорошо сохранившейся и мускулистой особи нисколько не утратила своей удивительной плотности. Лейк ломал голову, как сделать необходимые надрезы и одновременно не нарушить внутренней целостности организма. Конечно, он располагал еще семью абсолютно

неповрежденными особями, но ему не хотелось кромсать их без крайней надобности, не зная, обнаружатся ли в пещере другие. В конце концов Лейк решил не вскрывать этот экземпляр, а, убрав его, занялся тем, у которого хоть и сохранились звездчатые утолщения на концах, но были повреждения и разрывы вдоль одной из складок туловища.

Результаты, о которых тут же сообщили по радио, поражали и настораживали. Говорить об особой тщательности и аккуратности вскрытия не приходилось – инструменты с трудом резали необычную ткань, но даже то немногое, чего удалось достичь, приводило в недоумение и внушало благоговейный страх. Вся биология подлежала теперь пересмотру: эта ткань не имела клеточного строения. Однако организм принадлежал явно к органическому миру, и, несмотря на солидный возраст – около сорока миллионов лет, – его внутренние органы сохранились в идеальном виде. Одним из свойств этой неизвестной формы жизни была неразрушаемая временем, необычайно плотная кожа, созданная природой в процессе эволюции беспозвоночных на некоем неведомом нам этапе. Когда Лейк приступил к вскрытию, влага в организме отсутствовала, но постепенно, под влиянием тепла, у неповрежденной стороны тела собралось немного жидкости с резким, отталкивающим запахом. Густую темно-зеленую жижу трудно было назвать кровью, хотя она, очевидно, выполняла ее функции. К тому времени все тридцать семь собак уже находились в загоне – не обустроенном, однако, до конца, – но даже оттуда доносился их свирепый лай. С распространением едкого запаха он еще более усилился.

Словом, предварительное вскрытие не только не внесло ясности, но, напротив, напустило еще больше туману. Предположения о назначении внешних органов неизвестной особи оказались правильными, и, видимо, были все основания считать ее принадлежащей к животному миру, однако обследование внутренних органов дало много свидетельств близости к растениям, и Лейк окончательно растерялся. Таинственный организм имел системы пищеварения и кровообращения, а также выбрасывал продукты отходов через красноватые трубки у звездчатого основания. На первый взгляд органы дыхания потребляли кислород, а не углекислый газ; внутри обнаружились также специальные камеры, где задерживался воздух; вскоре стало понятно, что кислородный обмен осуществляли еще и жабры, а также поры кожи. Следовательно, Лейк имел дело с амфибией, которая могла прожить долгое время без поступления кислорода. Голосовые связки находились, видимо, в непосредственной связи с системой дыхания, но имели такие отклонения от нормы, что делать окончательные выводы не

стоило. Отчетливая, артикулированная речь вряд ли была возможна, но издавать трубные звуки разной высоты эта тварь вполне могла. Мускулатура была развита даже чрезмерно.

Но особенно обескуражила Лейка невероятно сложная и высокоразвитая нервная система. Будучи в некоторых отношениях чрезвычайно примитивной и архаичной, эта тварь имела систему ганглиев и нервных волокон, свойственных высокоразвитому организму. Состоящий из пяти главных отделов мозг был удивительно развит, наличествовали и признаки органов чувств. К ним относились и жесткие волоски на головке, хотя полностью уяснить их функцию не удавалось – ничего похожего у других земных существ не имелось. Возможно, у твари было больше, чем пять чувств: Лейк с трудом представлял себе ее поведение и образ жизни, исходя из известных стереотипов. Он полагал, что встретился с высокочувствительным организмом, выполнявшим в первобытном мире специализированные функции, вроде наших муравьев и пчел.

Размножалась тварь, как бессемянные растения – ближе всего к папоротникообразным: на кончиках крыльев у нее образовывались споры – происхождение ее явно прослеживалось от талломных растений и проталлиев.

Причислить ее куда-либо было невозможно. Хотя внешне тварь выглядела как морская звезда, но являлась несравненно более высоким организмом. Обладая признаками растения, она на три четверти принадлежала к животному миру. О ее морском происхождении говорили симметричные очертания и прочие признаки, однако далее она развивалась в других направлениях. В конце концов, у нее выросли крылья, значит, не исключено, что эволюция оторвала ее от земли. Когда успела она проделать весь этот сложный путь развития и оставить свои следы на архейских камнях, если Земля в те далекие годы была совсем молодой планетой? Это невозможно уразуметь. Замечтавшийся Лейк припомнил древние мифы о Старцах, прилетевших с далекой звезды и шутки ради, а то и по ошибке сотворивших здесь жизнь, припомнил он и фантастические рассказы друга-фольклориста из Мискатоникского университета о живущих в горах тварях родом из космоса.

Лейк, конечно, подумывал и о том, не могло ли на докембрийском камне оставить следы существо более примитивное, чем лежащая перед ним особь, но быстро отказался от такого легкого объяснения. Те следы говорили скорее о более высокой организации. Размеры лженоги у позднейшей особи уменьшились, да и вообще форма и строение как-то огрубели и упростились. Более того, нервные волокна и органы

вскрываемого существа указывали на то, что имела место регрессия. Преобладали, к удивлению Лейка, атрофированные и рудиментарные органы. Во всяком случае, для окончательных выводов недоставало информации, и тогда Лейк вновь обратился к мифологии, назвав в шутку найденных тварей Старцами.

В половине третьего ночи, решив на время прекратить работу и немного отдохнуть, Лейк, накрыв рассеченную особь брезентом, вышел из палатки и с новым интересом стал изучать неповрежденные экземпляры. Под лучами незаходящего антарктического солнца они несколько обмякли, углы головок и две или три трубочки немного распрямились, но Лейк не увидел в этом никакой опасности, полагая, что процесс распада не может идти быстро при минусовой температуре. Однако он сдвинул цельные экземпляры ближе друг к другу и набросил на них свободную палатку, чтобы предохранить трофеи от прямых солнечных лучей. Это к тому же умеряло неприятный едкий запах, который необычайно возбуждал собак. Они чуяли его даже на значительном расстоянии: за ледяными стенами, которые росли все выше и выше, – над воздвижением этого снежного убежища теперь трудилось вдвое больше человек. Со стороны могучих гор подул сильный ветер, там, видимо, зарождалась буря, и Лейк для верности придавил углы палатки тяжелыми льдинами. Зная, насколько свирепыми бывают внезапные антарктические ураганы, все под руководством Этвуда продолжили начатую ранее работу по укреплению снегом палаток, загона для собак и сооруженных на скорую руку укрытий для самолетов. Лейка особенно тревожили недостаточно высокие снежные стены этих укрытий, возводившихся в свободную минуту, от случая к случаю, и он наконец бросил всю рабочую силу на решение этой важнейшей задачи.

После четырех часов Лейк дал радиоотбой, посоветовав нам отправляться спать; его группа, хорошо поработав, тоже немного отдохнет. Он перемолвился несколькими теплыми словами с Пибоди, еще раз поблагодарив того за удивительное изобретение, без которого им вряд ли удалось бы совершить открытие. Этвуд тоже дружески попрощался с нами. Я еще раз поздравил Лейка, признав, что он был прав, стремясь на запад. Мы договорились о новой встрече в эфире в десять утра. Если ветер утихнет, Лейк пошлет за нами самолет. Перед сном я отправил последнюю сводку на «Аркхем», попросив с большой осторожностью передавать в эфир информацию о сенсациях дня. Слишком все невероятно! Нам могли не поверить, нужны доказательства.

III

В ту ночь никто из нас не мог заснуть крепким сном, все мы поминутно просыпались. Возбуждение было слишком велико, а тут еще ветер бушевал с неимоверной силой. Его свирепые порывы заставляли нас задумываться, каково же там, на базе Лейка, у подножья бесконечных неведомых хребтов, в самой колыбели жестокого урагана. В десять часов Мактай был уже на ногах и попытался связаться по рации с Лейком, но помешали атмосферные условия. Однако нам удалось поговорить с «Аркхемом», и Дуглас сказал мне, что также не смог вызвать Лейка на связь. Об урагане он узнал от меня – в районе залива Мак-Мердо было тихо, хотя в это верилось с трудом.

Весь день мы провели у приемника, прислушиваясь к малейшему шуму и потрескиванию в эфире, и время от времени тщетно пытались связаться с базой. Около полудня с запада налетел шквал, порывы безумной силы испугали нас – не снесло бы лагерь. Постепенно ветер утих, лишь около двух часов возобновился на непродолжительное время. После трех он окончательно угомонился, и мы с удвоенной энергией стали искать Лейка в эфире. Зная, что у него в распоряжении четыре радиофицированных самолета, мы не допускали мысли, что все великолепные передатчики могут разом выйти из строя. Однако нам никто не отвечал, и, понимая, какой бешеной силы мог там достигать шквалистый ветер, мы строили самые ужасные догадки.

К шести часам вечера страх наш достиг апогея, и, посовещавшись по радио с Дугласом и Торфинсеном, я решил действовать. Пятый самолет, оставленный нами в заливе Мак-Мердо на попечение Шермана и двух матросов, находился в полной готовности, оснащенный для таких вот крайних ситуаций. По всему было видно, что момент наступил. Вызвав по радио Шермана, я приказал ему срочно вылететь ко мне, взяв обоих матросов: условия для полета стали к этому времени вполне благоприятными. Мы обговорили состав поисковой группы и решили в конце концов отправиться все вместе, захватив также сани и собак. Огромный самолет, сконструированный по нашему специальному заказу для перевозки тяжелого машинного оборудования, позволял это сделать. Готовясь к полету, я не прекращал попыток связаться с Лейком, но безуспешно.

Шерман вместе с матросами Гунарссоном и Ларсеном взлетели в

половине восьмого и несколько раз за время полета информировали нас, как обстоят дела. Все шло хорошо. Они достигли нашей базы в полночь, и мы тут же приступили к совещанию, решая, как действовать дальше. Было довольно рискованно лететь всем в одном самолете над ледяным материком, не имея промежуточных баз, но никто не спасовал. Это был единственный выход. Загрузив часть необходимого в самолет, мы около двух часов ночи легли отдохнуть, но уже спустя четыре часа снова были на ногах, заканчивая паковать и укладывать вещи.

И вот 5 января в 7 часов 15 минут утра начался наш полет на север в самолете, который вел пилот Мактай. Кроме него в самолете находились еще десять человек, семь собак, сани, горючее, запас продовольствия, а также прочие необходимые вещи, в том числе и рация. Погода стояла безветренная, небо было чистым, температура для этих мест – не слишком низкой, так что особых трудностей не предвиделось. Мы были уверены, что с помощью указанных Лейком координат легко отыщем лагерь. Но дурные предчувствия нас не покидали: что обнаружим мы у цели? Ведь радио по-прежнему молчало, никто не отвечал на наши постоянные вызовы.

Каждый момент этого четырехчасового полета навсегда врезался в мою память: он изменил всю мою жизнь. Именно тогда, в 54-летнем возрасте, я навсегда утратил мир и покой, присущий человеку с нормальным рассудком и живущему в согласии с природой и ее законами. С этого времени мы – все десятеро, но особенно мы с Денфортом – неотрывно следили за фантомами, таящимися в глубинах этого чудовищного искаженного мира, и ничто не заставит нас позабыть его. Мы не стали бы рассказывать, будь это возможно, о наших переживаниях всему человечеству. Газеты напечатали бюллетени, посланные нами с борта самолета, в которых сообщалось о нашем беспосадочном перелете; о встрече в верхних слоях атмосферы с предательскими порывами ветра; об увиденной с высоты шахте, которую Лейк пробурил три дня назад на полпути к горам, а также о загадочных снежных цилиндрах, замеченных ранее Амундсеном и Бэрдом, – ветер гнал их по бескрайней ледяной равнине. Затем наступил момент, когда мы не могли адекватно передавать охватившие нас чувства, а потом пришел и такой, когда мы стали строго контролировать свои слова, введя своего рода цензуру.

Первым завидел впереди зубчатую линию таинственных кратеров и вершин матрос Ларсен. Он так завопил, что все бросились к иллюминаторам. Несмотря на значительную скорость самолета, горы, казалось, совсем не приближались; это говорило о том, что они бесконечно

далеки и видны только из-за своей невероятной, непостижимой высоты. И все же постепенно они мрачно вырастали перед нами, застилая западную часть неба, и мы уже могли рассмотреть голые, лишенные растительности и незащищенные от ветра темные вершины. Нас пронизывало непередаваемое ощущение чуда, переживаемое при виде этих залитых розоватым антарктическим светом громад на фоне облаков ледяной пыли, переливающейся всеми цветами радуги.

Эта картина рождала чувство близости к некоей глубочайшей тайне, которая могла вдруг раскрыться перед нами. За безжизненными жуткими хребтами, казалось, таились пугающие пучины подсознательного, некие бездны, где смешались время, пространство и другие, неведомые человечеству измерения. Эти горы представлялись мне вместилищем зла – хребтами безумия, дальние склоны которых обрывались, уходя в пропасть, за которой ничего не было. Полупрозрачная дымка облаков, окутывающая вершины, как бы намекала на начинающиеся за ними бескрайние просторы, на затаенный и непостижимый мир вечной Смерти – далекий, пустынный и скорбный.

Юный Денфорт обратил наше внимание на любопытную закономерность в очертаниях горных вершин – казалось, к ним прилепились какие-то кубики; об этом упоминал и Лейк в своих донесениях, удачно сравнивая их с призрачными руинами первобытных храмов в горах Азии, которые так таинственно и странно смотрятся на полотнах Рериха. Действительно, в нездешнем виде этого континента с его загадочными горами было нечто рериховское. Впервые я почувствовал это в октябре, завидев издали Землю Виктории, теперь прежнее чувство ожило с новой силой. В сознании всплывали древние мифические образы, беспокоящие и будоражащие. Как напоминало это мертвое пространство зловещее плато Ленг, упоминаемое в старинных рукописях! Ученые посчитали, что оно находилось в Центральной Азии, но родовая память человечества или его предшественников уходит в глубины веков, и многие легенды, несомненно, зарождались в землях, горах и мрачных храмах, существовавших в те времена, когда не было еще самой Азии да и самого человека, каким мы его себе сейчас представляем. Некоторые особенно дерзкие мистики намекали, что дошедшие до нас отрывки Пнакотических рукописей созданы до плейстоцена, и предполагали, что последователи Цатогуа не являлись людьми, так же как и сам Цатогуа. Но где бы и в какое время ни существовал Ленг, это было не то место, куда бы я хотел попасть, не радовала меня и мысль о близости к земле, породившей странных, принадлежавших непонятно к какому миру чудовищ – тех, о которых

упоминал Лейк. Как сожалел я в эти минуты, что некогда взял в руки отвратительный «Некрономикон» и подолгу беседовал в университете с фольклористом Уилмартом, большим эрудитом, но крайне неприятным человеком.

Это настроение не могло не усилить мое и без того неприязненное отношение к причудливым миражам, рожденным на наших глазах изменчивой игрой света, в то время как мы приближались к хребтам и уже различали холмистую местность предгорий. За прошедшие недели я видел не одну дюжину полярных миражей, и некоторые не уступали нынешнему в жутком ирреальном правдоподобии. Но в этом, последнем, было что-то новое, какая-то потаенная угроза, и я содрогался при виде поднимающегося навстречу бесконечного лабиринта из фантастических стен, башен и минаретов, сотканных из снежной пыли.

Казалось, перед нами раскинулся гигантский город, построенный по законам неведомой человечеству архитектуры, где пропорции темных как ночь конструкций говорили о чудовищном надругательстве над основами геометрии. Усеченные конусы с зазубренными краями увенчивались цилиндрическими колоннами, кое-где вздутыми и прикрытыми тончайшими зубчатыми дисками; с ними соседствовали странные плоские фигуры, как бы составленные из множества прямоугольных плит, или из круглых пластин, или пятиконечных звезд, перекрывавших друг друга. Там были также составные конусы и пирамиды, некоторые переходили в цилиндры, кубы или усеченные конусы и пирамиды, а иногда даже в остроконечные шпили, сбитые в отдельные группки – по пять в каждой. Все эти отдельные композиции, как бы порожденные бредом, соединялись воедино на головокружительной высоте трубчатыми мостиками. Зрелище подавляло и ужасало своими гигантскими размерами. Миражи такого типа не являлись чем-то совершенно новым: нечто подобное в 1820 году наблюдал и даже делал зарисовки полярный китобой Скорсби, но время и место усугубляли впечатление: глядя на неведомые горы, возвышавшиеся темной стеной впереди, мы не забывали, какие странные открытия совершили здесь наши друзья, а также не исключали, что с ними, то есть с большей частью нашей экспедиции, могло приключиться несчастье. Естественно, что в мираже нам чудились потаенная угроза и беспредельное зло.

Когда мираж начал расплываться, я не мог не почувствовать облегчения, хотя в процессе исчезновения все эти зловещие башенки и конусы принимали на какое-то время еще более отвратительные, неприемлемые для человека формы. Когда мираж растаял, превратившись в

легкую дымку, мы снова обратили свой взор к земле и поняли, что наш полет близится к концу. Горы взмывали ввысь на головокружительную высоту, словно крепость неких гигантов, а их удивительная геометрическая правильность улавливалась теперь с поразительной четкостью простым, не вооруженным биноклем глазом. Мы летели над самым предгорьем и различали среди льда, снежных наносов и открытой земли два темных пятна – по-видимому, лагерь Лейка и место бурения. Еще один подъем начинался примерно через пять-шесть миль, образуя нижнюю гряду холмов, оттеняющих грозный вид пиков, превосходящих самые высокие вершины Гималаев. Наконец Роупс, студент, сменивший Мактая у штурвала самолета, начал снижение, направляя машину к левому большому «пятну», где, как мы считали, располагалась база. Мактай же тем временем послал в эфир последнее, еще не подвергшееся нашей цензуре послание миру.

Не сомневаюсь, что все читали краткие, скупые бюллетени о ходе наших поисковых работ. Через несколько часов после посадки мы в осторожных выражениях сообщили о гибели всей группы Лейка от пронесшегося здесь прошлым днем или ночью урагана. Были найдены трупы десяти человек, не могли отыскать лишь тело молодого Гедни. Нам простили отсутствие подробностей, объяснив его шоком от трагедии, и поверили, что все одиннадцать трупов невозможно перевезти на корабль из-за множества увечий, причиненных ураганным ветром. Я горжусь тем, что даже в самые страшные минуты, обескураженные и потрясенные, с перехваченным от жуткого зрелища дыханием, мы все же нашли в себе силы не сказать всей правды. Мы недоговаривали самого главного, я и теперь не стал бы ворошить прошлое, если бы не возникла необходимость предупредить смельчаков о предстоящих им кошмарных встречах.

Ураган действительно произвел бесчисленные разрушения. Трудно сказать, удалось бы людям выжить, не будь еще одного вмешательства в их судьбы. Вряд ли. На нашу экспедицию еще не обрушивался такой жестокий ураган, который бы в ярости швырял и крошил ледяные глыбы. Один ангар – все здесь не очень-то подготовили к подобным стихийным бедствиям – был просто стерт в порошок, а буровая вышка разнесена вдребезги. Открытые металлические части самолетов и буровой техники ледяной вихрь отполировал до ослепительного блеска, а две небольшие палатки, несмотря на высокие снежные укрепления, валялись, распластанные на снегу. С деревянного покрытия буровой установки полностью сошла вся краска, от ледяной крошки оно было сплошь выщерблено. К тому же ветер замел все следы. Мы также не нашли ни одного цельного экземпляра

древнего организма – с собой увезти нам было нечего. В беспорядочной куче разных обломков нашлось несколько любопытных камней, среди них диковинные пятиконечные кусочки зеленого мыльного камня с еле заметными точечными узорами, ставшими предметом споров и разных толкований, а также некоторое количество органических остатков, в том числе и кости со странными повреждениями.

Ни одна собака не выжила; почти полностью разрушилось и спешно возведенное для них снежное убежище. Это можно было приписать действию урагана, хотя с подветренной стороны укрытия остались следы разлома, – возможно, обезумевшие от страха животные вырвались наружу сами. Все трое саней исчезли; мы объяснили пропажу тем, что бешеный вихрь унес их в неизвестном направлении. Буровая машина и устройство по растапливанию льда совсем вышли из строя, о починке не могло быть и речи, мы просто спихнули их в яму – «ворота в прошлое», как называл ее Лейк. Оставили мы в лагере и два самолета, больше других пострадавших при урагане, тем более что теперь у нас было только четыре пилота – Шерман, Денфорт, Мактай и Роупс, причем перед отлетом Денфорт пребывал в состоянии такого тяжелого нервного расстройства, что допускать его к пилотированию ни в коем случае не следовало. Все, что мы смогли отыскать – книги, приборы и прочее снаряжение, – тоже загрузили в самолет. Запасные палатки и меховые вещи либо пропали, либо находились в негодном состоянии.

Около четырех часов дня, совершив облет местности на небольшой высоте в надежде отыскать Гедни и убедившись, что он бесследно исчез, мы послали на «Аркхем» осторожное, обдуманное сообщение. Полагаю, благодаря нашим стараниям оно получилось спокойным и достаточно обтекаемым, поскольку все сошло как нельзя лучше. Подробнее всего мы рассказали о волнениях наших собак при приближении к загадочным находкам, чего и следовало ожидать после донесений бедняги Лейка. Однако, помнится, не упомянули, что они приходили в такое же возбуждение, обнюхивая странные зеленоватые камни и некоторые другие предметы среди всеобщего развала в лагере и на месте бурения: приборы, самолеты, машины были разворочены, отдельные детали сорваны яростным ветром – казалось, и ему не чуждо было любопытство.

О четырнадцати неведомых тварях мы высказались очень туманно. И это простительно. Сообщили, что на месте оказались только поврежденные экземпляры, но и их хватило, чтобы признать описание бедняги Лейка абсолютно точным. Было нелегко скрывать наши истинные эмоции по этому поводу, а также не называть точных цифр и не упоминать, где мы

обнаружили вышеназванные экземпляры. Между собой мы уже договорились ни словом не намекать на охватившее, по-видимому, группу Лейка безумие. А чем еще, как не безумием, можно было объяснить захоронение шести поврежденных тварей – в стоячем положении, в снегу, под пятиугольными ледяными плитами с нанесенными на них точечными узорами, точь-в-точь повторяющими узоры на удивительных зеленоватых мыльных камнях, извлеченных из мезозойских или третичных пластов. А восемь цельных экземпляров, о которых упоминал Лейк, сгинули бесследно.

Мы с Денфортом постарались также не будоражить общественное мнение, сказав лишь несколько общих слов о жутком полете над горами, который предприняли на следующее утро. С самого начала было ясно, что одолеть эти высоченные горы сможет только почти пустой самолет, поэтому на разведку полетели лишь мы двое, что спасло других от немыслимых испытаний. Когда мы в час ночи вернулись на базу, Денфорт был на грани истерики, но кое-как держал себя в руках. Я легко убедил его никому не показывать наши записи и рисунки, а также прочие вещи, которые мы попрятали в карманы, и повторять всем только то, что мы решили сделать достоянием общественности. И еще – подальше упрятать пленки и проявить их позже, в полном уединении. Так что мой рассказ явится неожиданностью не только для мировой общественности, но и для бывших тогда вместе с нами участников экспедиции – Пибоди, Мактая, Роупса, Шермана и других. Денфорт оказался еще большим молчуном, чем я: он видел или думает, что видел, нечто такое, о чем не говорит даже мне.

Как известно, в своем отчете мы упоминали о трудном взлете; затем подтвердили предположение Лейка, что высочайшие вершины состоят из сланцевых и прочих древних пород и окончательно сформировались к середине команчского периода; еще раз упомянули о прилепившихся к склонам кубических фигурах необычно правильной формы, напоминающих крепостные стены; сообщили, что, судя по виду расщелин, здесь имеются и вкрапления известняка; предположили, что некоторые склоны и перешейки вполне преодолимы для альпинистов, если штурмовать их в подходящий сезон, и, наконец, объявили, что по другую сторону загадочных гор раскинулось поистине безграничное плато столь же древнего происхождения, как и сами горы, – высотой около двадцати тысяч футов над уровнем моря, с поверхностью, изрезанной скальными образованиями, проступающими под ледяной коркой, – оно плавно повышается, подходя к вертикально взмывающей, высочайшей в мире горной цепи.

Эта информация в точности соответствовала действительности и вполне удовлетворила всех на базе. Наше шестнадцатичасовое отсутствие – гораздо большее, чем того требовали полет, посадка, беглая разведка и сбор геологических образцов, – мы объяснили изрядно потрепавшим нас встречным ветром, честно признавшись, что совершили вынужденную посадку на дальнем плато. К счастью, рассказ наш выглядел вполне правдиво и достаточно прозаично: никому не пришло в голову последовать нашему примеру и совершить еще один разведывательный полет. Впрочем, всякий, кто надумал бы полететь, встретился бы с решительным сопротивлением с моей стороны, не говоря уж о Денфорте. Пока мы отсутствовали, Пибоди, Шерман, Роупс, Мактай и Уильямсон работали как каторжные, восстанавливая два лучших самолета Лейка, система управления которых была повреждена каким-то непостижимым образом.

Мы решили загрузить самолеты уже на следующее утро и немедленно вылететь на нашу прежнюю базу. Конечно, это был основательный крюк на пути к заливу Мак-Мердо, но прямой перелет через неведомые просторы мертвого континента мог быть чреват новыми неожиданностями. Продолжение исследований не представлялось возможным из-за трагической гибели наших товарищей и поломки буровой установки. Испытанный ужас и неразрешимые сомнения, которыми мы не делились с внешним миром, заставили нас покинуть этот унылый край, где, казалось, навеки воцарилось безумие.

Как известно, наше возвращение на родину прошло благополучно. Уже к вечеру следующего дня, а именно 27 января, мы, совершив быстрый беспосадочный перелет, оказались на базе, а 28-го переправились в лагерь у залива Мак-Мердо, сделав только одну кратковременную остановку из-за бешеного ветра, несколько сбившего нас с курса. А еще через пять дней «Аркхем» и «Мискатоник» с людьми и оборудованием на борту, разламывая ледяную корку, вышли в море Росса, оставив с западной стороны Землю Виктории и насмешливо ощерившиеся нам вослед громады гор на фоне темного грозового неба. Порывы и стоны ветра преображались в горах в странные трубные звуки, от которых у меня замирало сердце. Не прошло и двух недель, как мы окончательно вышли из полярных вод, вырвавшись наконец из плена этого проклятого, наводненного призраками царства, где жизнь и смерть, пространство и время вступили в дьявольский противоестественный союз задолго до того, как жизнь запульсировала на еще не остывшей земной коре.

Вернувшись, мы сделали все, дабы предотвратить дальнейшее изучение антарктического континента, дружно держа язык за зубами

относительно побуждающих нас к тому причин и никого не посвящая в наши мучительные сомнения и догадки. Даже молодой Денфорт, перенесший тяжелый нервный срыв, молчал, ни слова не сказав своему лечащему врачу, а ведь, как я уже говорил, было нечто такое, что, по его разумению, только он один и видел. Со мной Денфорт тоже как воды в рот набрал, хотя тут уж, полагаю, откровенность пошла бы ему на пользу. Его признание могло бы многое объяснить, если, конечно, все это не было лишь галлюцинацией, последствием перенесенного шока. К такому выводу я пришел, слыша от него в редкие моменты, когда он терял над собой контроль, отдельные бессвязные вещи, которые он, обретая вновь равновесие, горячо отрицал.

Нам стоило большого труда сдерживать энтузиазм смельчаков, стремившихся увидеть воочию громадный белый континент, тем более что некоторые наши усилия, напротив, сыграли роль рекламы и принесли обратный результат. Мы забыли, что человеческое любопытство неистребимо: опубликованные отчеты о нашей экспедиции побуждали и других к поискам неведомого. Натуралисты и палеонтологи живо заинтересовались сообщениями Лейка об обнаруженных им древних существах, хотя мы проявили мудрость и нигде не демонстрировали ни привезенные с собой части захороненных особей, ни их фотографии. Утаили также и кости с наиболее впечатляющими глубокими рубцами, и зеленоватые мыльные камни, а мы с Денфортом скрывали от посторонних глаз фотографии и зарисовки, сделанные нами по другую сторону хребтов; оставаясь одни, мы разглаживали смятые бумаги, в страхе их рассматривали и вновь прятали подальше.

И вот теперь полным ходом идет подготовка к экспедиции Старкуэтера – Мура, и она, несомненно, будет гораздо оснащенней нашей. Если сейчас не отговорить энтузиастов, они проникнут в самое сердце Антарктики, будут растапливать лед и бурить почву до тех пор, пока не извлекут из глубин нечто такое, что, как мы поняли, может погубить человечество. Поэтому я снимаю с себя обет молчания и расскажу все, что знаю, – в том числе и об этой жуткой неведомой твари по другую сторону Хребтов безумия.

IV

Мне трудно вернуться даже мысленно в лагерь Лейка, я делаю это с большой неохотой, но надо наконец откровенно рассказать, что же мы в действительности увидели там, а потом и далее – за Хребтами безумия. Ловлю себя на постоянном искушении – хочется опускать детали, не делать четких выводов, говорить не прямо, а намеками. Думаю, я и так уже многое сказал, теперь нужно только заполнить лакуны. Главное – ужас, который охватил нас в лагере. Я уже рассказывал о сокрушенных ветром скалах, развороченных укрытиях, приведенных в негодность машинах, странном беспокойстве собак, пропавших санях, смерти наших людей и собак, исчезновении Гедни, шести ненормально захороненных тварях, обладавших необычно плотным строением ткани, особенно если учесть, что они пролежали сорок миллионов лет в земле. Не помню, упоминал ли я о том, что мы недосчитались одного собачьего трупа. Скоро все позабыли об этом, кроме меня и Денфорта.

Основное, что я стремился утаить, касалось вида трупов и еще нескольких деликатных вещей, которые, возможно, могли приоткрыть ужасную завесу тайны и дать объяснение, казалось бы, бессвязным и непостижимым событиям. Сразу после трагедии я как мог старался отвлечь внимание своих товарищей от всех этих несоответствий – было проще, да и естественней приписать все стихийной вспышке безумия в лагере Лейка. Эти чертовы горы могли хоть кого свести с ума, особенно здесь – в самом таинственном и пустынном месте на Земле.

Вид трупов, и человечьих и собачьих, приводил в недоумение. Казалось, они погибли в борьбе, защищаясь от дьявольски жестокого нападения неведомых врагов, искалечивших и искромсавших их тела. Насколько мы могли судить, все они были либо задушены, либо разорваны на куски. Началось все, очевидно, с собак, вырвавшихся из ненадежного загончика, который пришлось городить на некотором расстоянии от лагеря из-за патологической неприязни животных к загадочным древним организмам. Однако все предосторожности оказались тщетными. Оставшись одни, они при первых яростных порывах ураганного ветра разнесли это хилое убежище – то ли их испугал ветер, то ли растревожил источаемый кошмарными тварями едкий запах.

Но так или иначе, а зрелище было премерзким. Придется мне превозмочь отвращение и брезгливость и открыть наконец самое худшее,

при этом заявив категорически, что сгинувший Гедни ни в коем случае не повинен в чудовищном злодеянии. Это наше с Денфортом глубокое убеждение, обоснованное на фактах и законах дедукции. Я уже говорил о том, что трупы были страшно изуродованы. Добавлю, что у некоторых вспороли животы и вытащили внутренности. В изощренной жестокости поступка было нечто нечеловеческое. Так обошлись не только с людьми, но и с собаками. С расчетливостью мясника у самых крупных и здоровых двуногих и четвероногих существ вырезали основательные куски плоти. Рассыпанная вокруг соль, похищенная из продуктовых запасов, хранившихся на самолетах, наводила на страшные подозрения. Весь этот кошмар мы обнаружили в одном из временных ангаров – самолет из него был, по-видимому, перед тем вытащен. Ни одно разумное объяснение этой трагедии не приходило на ум, тем более что пронесшийся ветер, возможно, уничтожил следы, которые могли бы пролить свет на загадку. Не вносили ясность и найденные клочки одежды, грубо сорванной с человеческих тел. Правда, в одном углу, менее других пострадавшем от урагана, мы увидели на снегу слабые отпечатки, но то были совсем не человеческие следы – скорее уж они напоминали те доисторические отпечатки, о которых так много говорил в последнее время бедняга Лейк. Впрочем, вблизи этих мрачных Хребтов безумия всякое могло померещиться.

Как я уже говорил, вскоре выяснилось, что Гедни и одна из собак бесследно пропали. В убежище, где разыгралась жуткая трагедия, мы недосчитались двух человек и двух собак, но когда, осмотрев чудовищные могилы, перешли в чудом сохранившуюся палатку, где Лейк проводил вскрытие, кое-что прояснилось. Здесь мы обнаружили перемены: внутренности доисторической твари исчезли с импровизированного стола. Все сопоставив, мы пришли к выводу, что одной из столь ненормально погребенных шести тварей, той, от которой шел особенно невыносимый запах, была как раз препарированная Лейком особь. На лабораторном столе и вокруг него теперь лежало нечто иное, и нам не понадобилось много времени, чтобы понять: то были неумело рассеченные трупы – мужчины и собаки. Щадя чувства родственников, я не назову имя несчастного. Инструменты Лейка пропали, но остались следы того, что их пытались стерилизовать. Газолиновая горелка также исчезла, а рядом с местом, где она стояла, валялась куча обгоревших спичек. Мы захоронили нашего расчлененного товарища вместе с десятью другими трупами, а останки несчастной собаки – с тридцатью пятью погибшими животными. Что касается непонятных пятен на лабораторном столе и на валявшихся рядом иллюстрированных книгах, то здесь мы терялись в догадках, не зная, что и

подумать.

Собственно, самое страшное я уже поведал, но настораживали и другие вещи. Мы не могли объяснить исчезновения Гедни, собаки, восьми цельных найденных Лейком организмов, трех саней, инструментов, многих иллюстрированных научных книг и книг по технике, записей и отчетов, электрических фонариков и батареек, пищи и горючего, нагревательных приборов, запасных палаток, меховых курток и прочих вещей. Приводили в недоумение и расплывшиеся пятна на книжных листах, и характер поломок в авиационной и бурильной технике – словно из-за неумелого обращения. Собаки, казалось, питали нескрываемое отвращение к этим испорченным машинам. В месте, где хранилась провизия, также царил полный беспорядок, некоторые продукты питания отсутствовали вовсе; неприятно поражало и множество сваленных в кучу консервных банок, вскрытых кое-как и совсем не в тех местах, которые для этого предназначались. Осталось загадкой и то, зачем понадобилось разбрасывать повсюду спички – использованные, поломанные, а то и совсем целые; приводили также в недоумение странные разрывы на двух или трех палатках и меховых куртках – будто их неумело приспосабливали для каких-то непонятных целей. Полное пренебрежение к трупам людей и собак, в то время как останки древних тварей были похоронены, хоть и весьма странным образом, тоже вписывалось в картину повального безумия. На всякий случай мы тщательно сфотографировали эти наглядные признаки охватившего лагерь помешательства и теперь обязательно предъявим их, чтобы предотвратить отправку экспедиции Старкуэтера – Мура.

Обнаружив в укрытии растерзанные тела людей, мы затем сфотографировали и разрыли ряд диковинных могил – пятиконечных снежных холмиков. Нам сразу же бросилось в глаза сходство странных композиций из точек, нанесенных на ледяные плиты поверх этих жутких могил, с узорами на чудных зеленых камнях, о которых говорил бедняга Лейк. Когда же мы выискали эти камни среди прочих минералов, то еще раз убедились, что он был прав. Тут нужно внести ясность: камни неприятнейшим образом напоминали звездчатые головы древних тварей, и мы все согласились, что это сходство могло сыграть роковую роль, подействовав на возбужденное воображение смертельно уставших людей Лейка.

Сумасшествие – вот единственное объяснение, которое приходило на ум, во всяком случае, единственное, которое произносилось вслух. Гедни находился под особым подозрением – ведь только он мог остаться в живых. Впрочем, я не настолько наивен, чтобы не предположить, что у каждого из

нас были другие объяснения случившегося, но они казались нам слишком уж фантастическими, и здравый смысл удерживал нас от попыток четко их сформулировать. Днем Шерман, Пибоди и Мактай совершили продолжительный полет над окрестностями, тщетно пытаясь отыскать следы Гедни или что-нибудь из пропавших вещей. Вернувшись, они сообщили, что гигантские горы, похоже, тянутся бесконечно далеко и вправо, и влево, не снижаясь и сохраняя единую структуру. На некоторых пиках правильные кубы и нечто, напоминавшее крепостные валы, вырисовывались четче, чем на прочих, усиливая сходство с изображенными на картинах Рериха руинами в горах Азии. Что касается загадочных отверстий – возможных входов в пещеры, то они распределялись довольно равномерно на свободных от снега темных вершинах.

Несмотря на ниспосланные тяжелые испытания, в нас не угасала научная любознательность и томил один и тот же вопрос: что же таится там, за таинственными горными хребтами? В полночь, после кошмарного дня, полного неразрешимых загадок, мы сообщили по радио, избегая подробностей, что хотим наконец отдохнуть. На следующее утро было намечено совершить один или несколько разведывательных полетов через хребты – налегке, прихватив с собой только геологические инструменты и аэрокамеру. Первыми готовились лететь мы с Денфортом, поэтому в семь утра были уже на ногах, но из-за сильного ветра полет пришлось перенести на девять, о чем мы опять-таки поведали в краткой сводке по радио.

Я уже не раз повторял ту неопределенно-уклончивую информацию, которой, вернувшись спустя шестнадцать часов, мы поделились со своими оставшимися в лагере товарищами, а также с остальными, ждущими наших сообщений вдалеке. Теперь же должен выполнить свой тягостный долг и заполнить наконец оставленные мной из чувства человеколюбия лакуны, рассказав хотя бы часть того, что увидели мы в действительности по другую сторону адских хребтов и что привело Денфорта к последующему нервному срыву. Хотелось, чтобы и Денфорт чистосердечно поведал о том, что, по его убеждению, он видел (хотя не исключена возможность галлюцинации) и что, допускаю, и привело его к настоящему жалкому состоянию. Но он отказался наотрез. Могу лишь воспроизвести на бумаге его бессвязный лепет по поводу зрелища, из-за которого он непрерывно вопил в течение всего обратного полета, когда нас болтал разыгравшийся не на шутку ветер. Впрочем, и остального, увиденного нами вместе, хватило бы, чтобы свести кого угодно с ума. Об этом я сейчас и поведаю. Если рассказ о доживших до нашего времени жутких монстрах, на который я решился, чтобы удержать безумцев от путешествия в центральную часть

Антарктики или хотя бы от желания проникнуть в недра этого бескрайнего материка, полного неразгаданных тайн и несущего печать векового проклятия пустынных просторов, в которых нет ничего человеческого, если этот рассказ не остановит их – ну что ж, тогда, по крайней мере, я не буду в ответе за чудовищные и непредсказуемые последствия.

Изучив записи, сделанные Пибоди во время его дневного полета, и сверив их с показаниями секстанта, мы с Денфортом вычислили, что самое подходящее место для перелета через горы находится правее лагеря, высота хребта там минимальная – двадцать три или двадцать четыре тысячи футов над уровнем моря. Все же мы полностью разгрузили самолет. Лагерь наш находился в предгорьях, достигавших и так приблизительно двенадцати тысяч футов, поэтому фактически нам нужно было подняться не на такую уж большую высоту. Тем не менее, взлетев, мы остро почувствовали нехватку воздуха и мучительный холод: из-за плохой видимости пришлось оставить иллюминаторы открытыми. Вряд ли стоит говорить о том, что мы натянули на себя из одежды все, что смогли.

Приближаясь к мрачным вершинам, грозно темневшим над снежной линией, отделявшей обнаженную породу от вечных льдов, мы замечали все большее количество прилепившихся к горным склонам геометрически правильных конструкций и в очередной раз вспоминали загадочные картины Николая Рериха из его азиатской серии. Вид выветрившихся древних пород полностью соответствовал описаниям Лейка: скорей всего, эти гиганты точно так же высились здесь и в исключительно давние времена – более пятидесяти миллионов лет назад. Гадать, насколько выше они были тогда, представлялось бессмысленным, хотя по всем приметам некие особые атмосферные условия в этом таинственном районе препятствовали переменам, сдерживая обычный процесс разрушения горных пород.

Волновали и дразнили наше воображение скорее уж все эти правильной формы кубы, пещеры и крепостные валы. Денфорт вел самолет, а я рассматривал их в бинокль, то и дело щелкая аэрокамерой и иногда замещая у руля своего товарища, чтобы дать и ему возможность полюбоваться в бинокль на все эти диковины. Впрочем, ненадолго, ибо мое искусство пилотирования оставляло желать лучшего. Мы уже поняли, что странные композиции состояли по большей части из легкого архейского кварцита, которого больше нигде вокруг не было, а удивительная равномерность их чередования пугала и настораживала нас, как и беднягу Лейка.

Все прочее, сказанное им, тоже оказалось правдой: края этих

каменных фигур за долгие годы искрошились и закруглились, но исключительная прочность камня помогла ему выстоять. Нижние, примыкающие к склону части кубов казались схожими с породами хребтов. Все вместе это напоминало развалины Мачу-Пикчу[15] в Андах или крепостные стены Киша[16], обнаруженные археологической экспедицией Оксфордского музея под открытым небом. Нам с Денфортом несколько раз почудилось, что все эти конструкции состоят из отдельных гигантских глыб, то же самое померещилось и Кэрролу, сопровождавшему Лейка в полете. Какое объяснение можно дать этому, я не понимал и чувствовал себя как геолог посрамленным.

Вулканические породы часто принимают необычные формы, стоит вспомнить хотя бы знаменитую Дорогу Великанов в Ирландии, но здесь-то, несмотря на первоначальное предположение Лейка о наличии в горной цепи вулканов, было нечто другое.

Необычные пещеры, рядом с которыми группировались эти диковинные каменные образования, казались не меньшей загадкой – слишком уж правильной формы были отверстия. Чаще всего они представляли собой квадрат или полукруг (что соответствовало сообщению Лейка), как если бы чья-то волшебная рука придала этим естественным входам более законченную симметричную форму. Их насчитывалось на удивление много; видимо, весь известняковый слой был здесь пронизан подземными туннелями. Хотя недра пещер оставались недоступными для наших биноклей, но у самого их входа мы кое-что могли рассмотреть, но не заметили там ни сталактитов, ни сталагмитов. Горная поверхность вблизи пещер была необычно ровной и гладкой, а Денфорту чудилось, что небольшие трещины и углубления складывались в непонятный узор. Немудрено, что после пережитых в лагере потрясений узор этот смутно напомнил ему странный точечный рисунок на зеленоватых камнях, воспроизведенный безумцами на кошмарных ледяных надгробиях шести чудовищных тварей.

Мы медленно набирали высоту, готовясь перелететь через горы в том месте, которое казалось относительно ниже остального хребта. Время от времени поглядывая вниз, мы прикидывали, смогли бы покорить это ледовое пространство, если бы у нас было не новейшее снаряжение, а то, что применялось раньше. К нашему удивлению, подъем не отличался особой крутизной; встречались, конечно, расселины и прочие трудные места, но все же сани Скотта, Шеклтона или Амундсена, без сомнения, прошли бы здесь. Ледники подступали к открытым всем ветрам перевалам

– оказавшись над нашим, мы убедились, что и он не был исключением.

Трудно описать волнение, с которым мы ожидали встречи с неведомым миром по другую сторону хребтов, хотя не было никаких оснований полагать, что он существенно отличается от остального континента. Но какая-то мрачная, гнетущая тайна чудилась в этих горах, в манящей переливчатой глубине неба между вершинами – это ощущение невозможно передать на бумаге, оно слишком неопределенно и зыбко. Дело здесь, видимо, заключалось в эстетических ассоциациях, в налете психологического символизма, вспоминались экзотическая поэзия и живопись, в подсознании всплывали древние миры из потаенных книг. Даже в завываниях ветра слышалась некая злобная воля; порой нам казалось, что этот вой сопровождается какой-то дикой музыкой – то ли свистом, то ли трубными звуками, – так случалось, когда ветер забирался в многочисленные гулкие пещеры. Звуки эти вызывали у нас какое-то неосознанное отвращение – сложное, необъяснимое чувство, которое возникает, когда сталкиваешься с чем-то порочным.

Мы немного снизили высоту и теперь летели, согласно показаниям анероида, на высоте 23 570 футов – район вечных снегов остался внизу. Выше нас чернели только голые скалистые вершины, облепленные загадочными кубами и крепостными валами и продырявленные поющими пещерами, – все это создавало ощущение чего-то ненатурального, фантастического, иллюзорного; отсюда начинали свой путь и остроконечные ледники. Вглядываясь в высоченные пики, я, кажется, видел тот, упомянутый несчастным Лейком, на вершине которого ему померещился крепостной вал. Пик этот был почти полностью затянут особым антарктическим туманом – Лейк принял его за признаки вулканической активности. А перед нами лежал перевал, и ветер, завывая, проносился меж его неровных и мрачно насупленных каменных стен. Дальше простиралось небо, по нему, освещенному низким полярным солнцем, ползли кудрявые облачка. Внизу же находился тот неведомый мир, который еще не удавалось лицезреть смертному. Еще немного – и он откроется перед нами. Заглушая все вокруг, с яростным воем несся через перевал ветер, в его реве, усиливавшемся шумом мотора, можно было расслышать разве что крик, и потому мы с Денфортом обменялись лишь красноречивыми взглядами. Но вот последние футы позади – и перед нами неожиданно как бы распахнулись двери в древний и абсолютно чужой мир, таящий множество нераскрытых секретов.

V

Думаю, в этот момент мы оба одновременно издали крик, в котором смешалось все – восторг, удивление, ужас и недоверие. Конечно, у нас имелись кое-какие познания, умерявшие наши чувства. Можно было, например, вспомнить причудливую природную форму камней Сада Богов в Колорадо или удивительную симметричность отполированных ветром скал Аризонской пустыни. Или принять открывшееся зрелище за мираж, вроде того, что созерцали прошлым утром, подлетая к Хребтам безумия. Надо было непременно опереться на что-то известное, привычное, чтобы не лишиться рассудка при виде бескрайней ледяной пустыни, на которой сохранились следы разрушительных ураганов, и кажущегося так же бесконечным грандиозного, геометрически правильного каменного лабиринта со своей внутренней ритмикой, вздымающего свои вершины, испещренные трещинами и впадинами, над вечными снегами. Снежный покров здесь, кстати, был не более сорока-пятидесяти футов, а кое-где и того меньше.

Невозможно передать словами впечатление от кошмарного зрелища – ведь здесь, не иначе как по наущению дьявола, оказались порушенными все законы природы. На этом древнем плоскогорье, вознесенном на высоту двадцати тысяч футов над уровнем моря, с климатом, непригодным для всего живого еще за пятьсот тысяч лет до появления человека, на всем протяжении этой ледяной равнины высились – как бы ни хотелось, в целях сохранения рассудка, списать все на обман зрения – каменные джунгли явно искусственного происхождения. А ведь раньше мы даже и мысли не допускали, что все эти кубы и крепостные валы могут быть сотворены отнюдь не природой. Да и как допустить, если человек в те времена, когда материк сковал вечный холод, еще мало чем отличался от обезьяны?

Но теперь власть разума основательно поколебалась: гигантский лабиринт из квадратных, округлых и прямоугольных каменных глыб давал недвусмысленное представление о своей подлинной природе. Это был, несомненно, тот самый дьявольский город-мираж, только теперь он раскинулся перед нами как объективная, неотвратимая реальность. Выходит, проклятое наваждение имело под собой материальное основание: отражаясь в облаках ледяной пыли, этот доисторический каменный монстр посылал свой образ через горный хребет. Призрачный фантом, конечно, нес в себе некоторые преувеличения и искажения, отличаясь от

первоисточника, и все же реальность показалась нам куда страшнее и опасней грезы.

Только колоссальная, нечеловеческая плотность массивных каменных башен и крепостных стен уберегла от гибели это жуткое творение, которое сотни тысяч – а может, и миллионов – лет дремало здесь, посередине ледяного безмолвия. «Corona Mundi – Крыша Мира…» С наших губ срывались фразы одна бессвязнее другой; наши головы кружило от невероятного зрелища, раскинувшегося внизу. Мне вновь пришли на ум таинственные древние мифы, которые так часто вспоминались в этом мертвом антарктическом крае: демоническое плато Ленг; Ми-Го, омерзительный снежный человек Гималаев; Пнакотические рукописи с содержащимися там намеками на их «нечеловеческое» происхождение; культ Ктулху, «Некрономикон»; гиперборейские легенды о бесформенном Цатогуа и звездных пришельцах, еще более аморфных.

Город тянулся бесконечно далеко в обе стороны, лишь изредка плотность застройки редела. Как бы пристально ни вглядывались мы в его правую от нас или левую части, протянувшиеся вдоль низких предгорий, мы не видели большого просвета – только с левой стороны от перевала, над которым мы пролетели, была небольшая прогалина. По чистой случайности мы наткнулись как бы на пригород – небольшую часть огромного мегаполиса. Предгорья заполняли фантастического вида каменные постройки, соединявшие зловещий город с уже знакомыми нам кубами и крепостными валами; последние, по всей видимости, являлись не чем иным, как оборонительными сооружениями. Здесь, на внутренней стороне хребтов, они были на первый взгляд столь же основательными, как и на внешнем склоне.

Неведомый каменный лабиринт состоял по большей части из стен, высота которых колебалась от десяти до ста пятидесяти футов (не считая скрытого подо льдом), а толщина – от пяти до десяти футов. Сложены они были из огромных глыб – темных протерозойских сланцев. Строения очень отличались друг от друга размерами. Некоторые соединялись на манер сот, и сплетения эти тянулись на огромные расстояния. Постройки поменьше стояли отдельно. Преобладали конические, пирамидальные и террасированные формы, хотя встречались сооружения в виде нормальных цилиндров, совершенных кубов или их скоплений, а также другие прямоугольные формы; кроме того, повсюду были разбросаны причудливые пятиугольные строения, немного напоминавшие современные фортификационные объекты. Строители постоянно и со знанием дела использовали принцип арки; возможно также, что в период расцвета город

украшали купола.

Все эти каменные дебри изрядно повыветрились, а само ледяное поле, на котором возвышалась верхняя часть города, было засыпано обломками обрушившихся глыб, покоившихся здесь с незапамятных времен. Там, где лед был попрозрачнее, просматривались фундаменты и нижние этажи гигантских зданий, а также каменные мосты, соединявшие башни на разных уровнях. На открытом воздухе мосты не уцелели, но на стенах от них остались следы. Вглядевшись пристальнее, мы заметили изрядное количество довольно больших окон, кое-где закрытых ставнями – изготовленными изначально, видимо, из дерева, а со временем ставшими окаменелостью, – но в массе своей окна угрожающе зияли пустыми глазницами. Крыши в основном отсутствовали, а края стен были стерты и закруглены, но некоторые строения, преимущественно конической или пирамидальной формы, окруженные высокими ограждениями, стояли незыблемо наперекор времени и стихиям. В бинокль нам удалось даже разглядеть орнамент на карнизах – в нем присутствовали все те же странные группы точек, что и на древних камнях, но теперь это представлялось в совершенно новом свете. Многие сооружения разрушились, а лед раскололся по причинам чисто геологического свойства. Кое-где камень истерся вплоть до самого льда. Через весь город тянулся широкий, свободный от построек «проспект» – он шел к расщелине в горной низине, приблизительно в миле от перешейка. По нашим предположениям, это могло быть русло большой реки, которая протекала здесь миллионы лет назад, в третичный период, теряясь под землей и впадая в бездонную пропасть где-нибудь под огромными горами. Ведь район этот – со множеством пещер и коварных бездн – явно таил в себе недоступные людям подземные тайны.

Удивительно, как нам удалось сохранить равновесие духа при том изумлении, которое охватило нас от поразительного, невозможного зрелища – города, восставшего из предвечных глубин, задолго до появления на Земле человека. Что же все-таки происходило? Путаница с хронологией? Устарели научные теории? Нас подвело собственное сознание? Ответа мы не знали, но все же держали себя в руках, продолжая заниматься своим делом – вели самолет согласно курсу, наблюдали одновременно множество вещей и непрерывно фотографировали, надеясь, что это сослужит и нам, и всему человечеству хорошую службу. В моем случае работал укоренившийся навык ученого: любознательность одержала верх над понятной растерянностью и даже страхом – хотелось проникнуть в вековые тайны и узнать, что за существа жили здесь, возводя свои

жилища на столь огромной территории, и как они соотносились с миром.

То, что мы увидели, нельзя было назвать обычным городом, нашим глазам открылась поразительная страница из древнейшей и невероятнейшей главы земной истории. Следы ее сохранились разве что в самых темных, искаженных легендах, ведь глубокие катаклизмы уничтожили все, что могло просочиться за эти гигантские стены. Страница, однако, подошла к концу задолго до того, как человечество потихоньку выбилось из обезьяньего царства. Перед нами простирался палеогенный мегаполис, в сравнении с которым легендарные Атлантида и Лемурия Коммория, Узулдарум и Олатоэ в земле Ломар относились даже не ко вчерашнему дню истории, а к сегодняшнему; этот мегаполис вставал в один ряд с такими дьявольскими порождениями, как Валусия, Р’лайх, Иб в земле Мнар и Безымянный город в Аравийской пустыне. Когда мы летели над бесконечными рядами безжизненных гигантских башен, воображение то и дело уносило меня в мир фантастических ассоциаций, и тогда протягивались незримые нити между этим затерянным краем и ужасом, пережитым мной в лагере и теперь бередившим мой разум неясными догадками.

Нам следовало соблюдать осторожность и не слишком затягивать полет: стремясь как можно больше уменьшить вес, мы залили неполные баки. И все же мы основательно продвинулись вперед, снизив высоту и тем самым ускользнув от ветра. Ни горным хребтам, ни подходившему к самым предгорьям ужасному городу не было, казалось, ни конца ни края. Пятьдесят миль полета вдоль хребтов не выявили ничего нового в этом неизменном каменном лабиринте. Вырываясь, подобно заживо погребенному, из ледяного плена, он однообразно простирался в бесконечность. Впрочем, некоторые неожиданные вещи все же встречались, вроде узоров, выбитых на скалах ущелья, где широкая река когда-то прокладывала себе дорогу через предгорья, прежде чем излиться в подземелье. Утесы по краям ущелья были дерзко превращены безвестными ваятелями в гигантские столбы, и что-то в их бочкообразной форме будило в Денфорте и во мне смутные, тревожные и неприятные воспоминания.

Нам также повстречались открытые пространства в виде пятиконечных звезд (по-видимому, площади), обратили мы внимание и на значительные неровности в поверхности. Там, где дыбились скалы, их обычно превращали в каменные здания, но мы заметили по меньшей мере два исключения. В одном случае камень слишком истерся, чтобы можно было понять его предназначение; в другом же из скалы был высечен грандиозный цилиндрической формы памятник, несколько напоминающий

знаменитое Змеиное надгробие в древней долине Петры.

По мере облета местности нам становилось ясно, что в ширину город имел свои пределы – в то время как его протяженность вдоль хребтов казалась бесконечной. Через тридцать миль диковинные каменные здания стали попадаться реже, а еще через десять под нами оказалась голая ледяная пустыня – без всяких следов хитроумных сооружений. Широкое русло реки плавно простиралось вдаль, а поверхность земли, казалось, становилась все более неровной, отлого поднимаясь к западу и теряясь там в белесой дымке тумана.

До сих пор мы не делали попыток приземлиться, но разве можно было вернуться, не попробовав проникнуть в эти жуткие и величественные сооружения! Поэтому мы решили выбрать для посадки место поровнее – в предгорье, ближе к перешейку, и, оставив там свой самолет, совершить пешую вылазку. Снизившись, мы разглядели среди руин несколько довольно удобных для нашей цели мест. Выбрав то, что лежало ближе к перевалу – ведь нам предстояло возвращаться в лагерь тем же путем, – мы точно в 12:30 дня приземлились на ровный и плотный снежный наст, откуда ничто не могло помешать нам спустя некоторое время легко и быстро взлететь.

Мы не собирались надолго отлучаться, да и ветра особого не было, поэтому решили не насыпать вокруг самолета заслон из снега, а просто укрепить его лыжные шасси и по возможности утеплить двигатель. Мы сняли лишнюю меховую одежду, а из снаряжения захватили с собой в поход немногое: компас, фотоаппарат, немного еды, бумагу, толстые тетради, геологический молоток и долото, мешочки для образцов, моток веревки, мощные электрические фонарики и запасные батарейки. Всем этим мы запаслись еще перед отлетом, надеясь, что нам удастся-таки совершить посадку, сделать несколько снимков, зарисовок и топографических чертежей, а также взять несколько образцов обнаженных пород – со скал или в пещерах. К счастью, у нас был с собой основательный запас бумаги, которую мы порвали на клочки, сложили в свободный рюкзак, чтобы в случае необходимости, если попадем в подземные лабиринты, применить принцип игры в «зайцев – собак». Найди мы пещеры, где не гулял бы ветер, этот удобный метод позволил бы продвигаться вперед с большей скоростью, чем обычные при таких подземных экскурсиях опознавательные насечки на камнях.

Осторожно спускаясь вниз по плотному снежному насту в направлении необъятного каменного лабиринта, затянутого на западе призрачной дымкой, мы остро ощущали близость чуда; подобное состояние

мы пережили четыре часа назад, когда подлетали к перевалу в этих таящих вековые тайны хребтах. Конечно, теперь мы уже кое-что знали о том, что прячут за своей мощной спиной горы, но одно дело, глазеть на город с самолета, и совсем другое – ступить самому внутрь этих древних стен, понимая, что возраст их исчисляется миллионами лет и что они стояли здесь задолго до появления на Земле человека. Иначе чем благоговейным ужасом это состояние не назовешь, ведь к нему примешивалось ощущение некоей космической аномалии. Хотя на такой значительной высоте воздух был окончательно разрежен, что затрудняло движение, мы с Денфортом чувствовали себя неплохо, полагая в своем энтузиазме, что нам по плечу любая задача. Неподалеку от места посадки торчали вросшие в снег бесформенные руины, а немного дальше поднималась над ледяной корой – примерно футов на десять-одиннадцать – огромная крепость в виде пятиугольной звезды со снесенной крышей. К ней мы и направились, и когда наконец прикоснулись к этим источенным временем гигантским каменным глыбам, нас охватило чувство, что мы установили беспрецедентную и почти богохульственную связь с канувшими в пучину времени веками, до сих пор наглухо закрытыми от наших сородичей.

Эта крепость, расстояние между углами которой равнялось тремстам футам, была сложена из известняковых глыб юрского периода, каждая в среднем шириной в шесть, длиной в восемь футов. Вдоль всех пяти лучей, на четырехфутовой высоте над сверкающей ледяной поверхностью тянулся ряд симметрично выдолбленных сводчатых окошек. Заглянув внутрь, мы обнаружили, что стены были не менее пяти футов толщиной, все перегородки внутри отсутствовали, зато сохранились следы резного орнамента и барельефных изображений – о чем мы догадывались и раньше, пролетая низко над подобными сооружениями. О том, как выглядит нижняя часть помещения, можно было только догадываться, ибо вся она была сокрыта под темной толщей снега и льда.

Мы осторожно передвигались от окна к окну, тщетно пытаясь разглядеть узоры на стенах, но не делая никаких попыток влезть внутрь и сойти на ледяной пол. Во время полета мы убедились, что некоторые здания менее других скованы льдом, и нас не оставляла надежда, что там, где сохранились крыши, можно ступить на свободную от снега землю. Прежде чем покинуть крепость, мы сфотографировали ее в нескольких ракурсах, а также внимательно осмотрели могучие стены, стараясь понять принцип их кладки. Как сожалели мы, что рядом нет Пибоди: его инженерные познания помогли бы нам понять, как в те безумно отдаленные от наших дней времена, когда создавался город, его строители управлялись

с этими неподъемными глыбами.

Навсегда, до мельчайшей подробности, запечатлен в моем сознании наш путь длиной в полмили до настоящего города; высоко над нами, в горах, все это время буйствовал, свирепо рыча, ветер. Наконец перед нами раскинулось призрачное зрелище – такая фантасмагория прочим смертным могла привидеться только в страшном кошмаре. Чудовищные переплетения темных каменных башен на фоне белесого, словно бы вспученного тумана меняли облик с каждым нашим шагом. Это был мираж из камня, и если бы не сохранившиеся фотографии, я бы до сих пор сомневался, въяве ли все это видел. Принцип кладки оставался тот же, что и в крепости, но невозможно описать те причудливые формы, которые принимал камень в городских строениях.

Снимки запечатлели лишь пару наглядных примеров этого необузданного разнообразия, грандиозности и невероятной экзотики. Вряд ли Эвклид подобрал бы названия некоторым из встречающихся здесь геометрических фигур – усеченным конусам неправильной формы; вызывающе непропорциональным портикам; шпилям со странными выпуклостями; необычно сгруппированным разрушенным колоннам; всевозможным пятиугольным и пятиконечным сооружениям, непревзойденным в своей гротескной фантастичности. Находясь уже в окрестностях города, мы видели там, где лед был прозрачным, темневшие в ледяной толще трубы каменных перемычек, соединявших эти невероятные здания на разной высоте. Улиц в нашем понимании здесь не было – только там, где прежде протекала древняя река, простиралась открытая полоса, разделявшая город пополам.

В бинокли нам удалось разглядеть вытянутые по длине зданий полустершиеся барельефы и орнаменты из точек; так понемногу в нашем воображении начал складываться былой облик города, хотя теперь в нем отсутствовало большинство крыш, шпилей и куполов. Когда-то он был весь пронизан тесными проулками, похожими на глубокие ущелья, некоторые чуть ли не превращались в темные туннели из-за нависших над ними каменных выступов или арок мостов. А сейчас он раскинулся перед нами как порождение чьей-то мрачной фантазии, за ним клубился туман, в северной части которого пробивались розоватые лучи низкого антарктического солнца. Когда же на мгновение солнце скрылось совсем и все погрузилось в полумрак, мы отчетливо уловили некую смутную угрозу, характер которой мне трудно описать. Даже в отдаленном завывании не достигающего нас ветра, бушующего на просторе среди гигантских горных вершин, почудилась зловещая интонация. У самого города нам пришлось

преодолеть исключительно крутой спуск, где обнаженная порода по краям равномерно чередующихся выступов заставила меня подумать, что, видимо, в далеком прошлом здесь существовала искусственная каменная лестница. Без сомнения, глубоко подо льдом обнаружились бы ступени или что-нибудь в этом роде.

Когда наконец мы вступили в город и стали продвигаться вперед, карабкаясь через рухнувшие обломки каменных глыб и чувствуя себя карликами рядом с выщербленными и потрескавшимися стенами-гигантами, нервы наши вновь напряглись до такой степени, что мы лишь чудом сохраняли самообладание. Денфорт поминутно вздрагивал и изводил меня совершенно неуместными и крайне неприятными предположениями относительно того, что на самом деле произошло в лагере. Мне они были просто отвратительны: ведь вид этого ужасного города-колосса, поднявшегося из темной пучины глубокой древности, и меня наталкивал на определенные выводы. У Денфорта не на шутку разыгралось воображение: он настаивал, что там, где засыпанный обломками проулок делает крутой поворот, видел удручившие его непонятные следы; он постоянно оглядывался, уверяя, что слышит еле различимую, неведомо откуда доносящуюся музыку – приглушенные трубные звуки, напоминающие завывание ветра. Наводили на тревожные мысли и навязчивое пятиконечие в архитектуре, и рисунок нескольких сохранившихся орнаментов; в нашем подсознании уже поселилась ужасная догадка, кем были первобытные создания, которые воздвигли этот богохульственный город и жили в нем.

В нас, однако, не совсем угас интерес первооткрывателей и ученых, и мы продолжали механически отбивать кусочки камней от разных глыб – пород, применявшихся в строительстве. Хотелось набрать их побольше, чтобы точнее определить возраст города. Громадные внешние стены были сложены из юрских и команчских камней, да и во всем городе не нашлось бы камешка моложе плиоцена. Несомненно, мы блуждали по городу, который был мертв по крайней мере пятьсот тысяч лет, а может, и больше.

Кружа по этому сумрачному каменному лабиринту, мы останавливались у каждого доступного нам отверстия, чтобы заглянуть внутрь и прикинуть, нельзя ли туда забраться. До некоторых окошек было невозможно дотянуться, в то время как другие открывали нашему взору вросшие в лед руины под открытым небом, вроде повстречавшейся нам первой крепости. Одно, достаточно просторное, так и манило воспользоваться им, но под ним разверзалась настоящая бездна, а никакого спуска мы не разглядели. Несколько раз нам попадались уцелевшие ставни; дерево, из которого их изготовили, давно окаменело, но строение его,

отдельные прожилки еще различались, и эта ожившая перед нами древность кружила голову. Ставни вырезали из мезозойских голосеменных хвойных деревьев, а также из веерных пальм и покрытосеменных деревьев третичного периода. И здесь – ничего моложе плиоцена. Судя по расположению ставен, по краям которых сохранились метки от давно распавшихся петель странной формы, они крепились не только снаружи, но и внутри. Их, казалось, заклинило, и это помогло им сохраниться, пережив изъеденные ржавчиной металлические крепления и запоры.

Наконец мы напали на целый ряд окон – в венчавшем здание громадном пятиугольнике; сквозь них просматривалась просторная, хорошо сохранившаяся комната с каменным полом, однако спуститься туда без веревки не представлялось возможным. Веревка лежала у нас в рюкзаке, но не хотелось возиться без крайней необходимости с двадцатифутовой связкой, особенно в такой разряженной атмосфере, где сердечно-сосудистая система испытывала большие перегрузки. Огромная комната была, скорее всего, главным вестибюлем или залом, и наши электрические фонарики высветили четкие барельефы с поражавшими воображение резными портретами, идущими широкой полосой по стенам зала и отделенными друг от друга традиционным точечным орнаментом. Постаравшись получше запомнить это место, мы решили вернуться сюда в том случае, если не найдем ничего более доступного.

В результате мы отыскали проем в стене с арочным перекрытием, шириной шесть и длиной десять футов – прежде сюда подходил воздушный мостик, соединявший между собой здания. Не знаю, как раньше, но теперь бы он располагался всего в пяти футах над ледяным покровом. Эти сводчатые проходы соответствовали верхним этажам; сохранился здесь, к счастью, и пол. Фасадом это доступное для нас строение было обращено на запад, спускаясь ко льду террасами. Напротив него, там, где зиял другой арочный проем, возвышалась обшарпанная глухая постройка цилиндрической формы с венчающим ее округлым утолщением – футах в десяти над единственным отверстием.

Гора обломков облегчила нам вход в первый дом, но хотя мы ждали такого удобного случая и мечтали о нем, на какое-то время нас охватило сомнение. Мы не побоялись влиться в эту стародавнюю мистерию, это правда, но тут нам предстояло вновь собраться с духом и войти в уцелевшее здание баснословно древней эпохи, природа которой постепенно открывалась нам во всей своей чудовищной неповторимости. В конце концов мы почти заставили себя вскарабкаться по обледенелым камням к провалу в стене и спрыгнуть на выложенный сланцами пол –

туда, где, как мы еще раньше разглядели, находился вестибюль с барельефными портретами по стенам.

Отсюда во все стороны расходились арочные коридоры, и, понимая, как легко заблудиться в этом сплетении коридоров и комнат, мы решили, что пора рвать бумагу. До сих пор мы ориентировались по компасу, а то и просто на глазок – по видимым отовсюду хребтам, лишь ненадолго заслоняемым шпилями башен, но теперь это было невозможно. Мы порвали всю лишнюю бумагу и запихнули клочки в рюкзак Денфорта, порешив тратить ее по возможности экономнее. Этот способ казался подходящим: в старинном сооружении не было сквозняков. А в случае, если ветер вдруг все же разгуляется или кончится бумага, мы сможем прибегнуть к более надежному, хотя и требующему больших усилий способу – начнем делать зарубки.

Трудно было понять, как далеко простирается этот лабиринт. Строения в городе так тесно соприкасались друг с другом, что можно было незаметно переходить из одного в другое по мостикам прямо подо льдом, если, конечно, не натолкнешься на последствия геологических катаклизмов. Обледеневших участков внутри встречалось не так уж много. Там же, где мы все-таки натыкались на ледяную толщу, повсюду сквозь прозрачную поверхность видели плотно закрытые ставни, как будто город специально подготовили к нашествию холода – как бы законсервировали на неопределенное время. Трудно было отделаться от впечатления, что город не бросили в спешке, застигнутые внезапной бедой, а покинули сознательно. И речи не могло идти о постепенном вымирании. Может, жители знали заранее о вторжении холода, может, ушли из города en masse[17], отправившись на поиски более надежного пристанища? Нельзя ответить с точностью, какие геофизические условия способствовали образованию ледяного покрова в районе города. Это не мог быть долгий, изнурительный процесс. Возможно, причина крылась в излишнем скоплении снега или в разливе реки, а может, прорвала заслоны снежная лавина, обрушившаяся на город с гигантских горных хребтов. В этом невероятном месте могли прийти на ум самые фантастические объяснения.

VI

Вряд ли стоит описывать шаг за шагом наши скитания в этом древнем как мир лабиринте – переплетении отдельных помещений-ячеек, в этом чудовищном хранилище вековечных тайн, куда впервые за минувшие тысячелетия ступила нога человека. Какая драма выстроилась из настенной резьбы перед нашим внутренним взором, какие ужасные открытия захватили наш разум! Фотографии, сделанные нами, могут подтвердить достоверность моего рассказа, жаль только, что не хватило на все пленки. Впрочем, мы восполнили ее недостаток зарисовками.

Здание, куда мы проникли, было огромным и величественным – внушительный образец архитектуры неведомой геологической эпохи. Внутренние стены не отличались такой же массивностью, как внешние, но отлично сохранились на нижних этажах. Изощренная запутанность лабиринта усложнялась здесь постоянной сменой уровней, переходом с одного этажа на другой, и не прибегни мы к испытанному способу с клочками бумаги, которые разбрасывали по всему пути, то, несомненно, заблудились бы сразу. Сначала мы решили обследовать более ветхие помещения и потому взобрались футов на сто вверх, туда, где под полярным небом, открытые снегу и ветру, понемногу разрушались комнаты, находившиеся когда-то под самой крышей. Вместо лестниц тут применялись лежащие под небольшим углом каменные плиты с ребристой поверхностью. Помещения были самых разнообразных размеров и форм – от излюбленных звездчатых до треугольных и квадратных. Можно с уверенностью сказать, что площадь каждого из них в среднем равнялась 30 на 30 футов, а высота – футов двадцать, хотя попадались комнаты и побольше. Облазив весь верхний этаж и осмотрев ледяной покров, мы спустились в нижние помещения, где, собственно, и начинался настоящий лабиринт – комнаты и коридоры переходили одни в другие, сливаясь и расходясь снова, – все эти запутанные ходы тянулись бесконечно далеко, выходя за пределы дома. Каждый новый зал превосходил предыдущий размерами; скоро эта необъятность окружающего стала исподволь подавлять нас, тем более что в очертаниях, пропорциях, убранстве и неуловимых особенностях древней каменной кладки таилось нечто глубоко чуждое человеческой натуре. Довольно скоро мы поняли из резных настенных изображений, что этот противоестественный город выстроен много миллионов лет тому назад.

Нам оставался неясен инженерный принцип, в соответствии с которым все эти огромные глыбы удерживались в равновесии, плотно прилегая друг к другу; одно было понятно – в нем явно много значила арка. В комнатах отсутствовала какая-либо мебель, они были абсолютно пусты, что говорило в пользу того, что город покинули по заранее составленному плану. Единственным украшением являлась настенная скульптура, высеченная в камне горизонтальными полосами шириной три фута; барельефы чередовались с полосами орнамента той же ширины из геометрических фигур. Было несколько исключений, но, как говорится, они лишь подтверждали правило. Часто, впрочем, среди орнамента мелькали картуши из причудливо расположенных точек.

Приглядевшись, мы отметили высокий уровень техники резьбы, но исключительное мастерство не вызывало в нас теплого отклика – слишком уж чуждо оно было всем художественным традициям человечества. Однако в искусстве исполнения ничего более совершенного я не видел. Несмотря на масштабность и мощь резьбы, даже мельчайшие особенности жизни растительного и животного мира были переданы здесь с потрясающей убедительностью. Арабески говорили об основательном знании законов математики, представляя собой расположенные с неявной симметричностью кривые линии и углы; любимым числом древних строителей являлась, несомненно, пятерка. Барельефы были выполнены в сугубо формалистической традиции и в необычной перспективе; однако, несмотря на пропасть, отделяющую наше время от того, давно минувшего, мы не могли не почувствовать художественную мощь рисунка. В основе изобразительного метода лежал принцип сопоставления поперечного сечения объекта с его двумерным силуэтом – ни одну древнюю расу не занимала до такой степени аналитическая психология. Бесполезно даже сравнивать подобное искусство с тем, что можно увидеть в современных музеях. Специалист, разглядывая наши фотографии, возможно, сочтет, что по экстравагантности замысла эти изображения несколько напоминают работы наших самых дерзких футуристов.

Орнаментальный рисунок на хорошо сохранившихся стенах был выполнен в технике углубленного рельефа, уходя в толщу камня на один-два дюйма; когда же появлялись картуши со скоплениями точек – несомненно, древние письмена на неведомом первобытном языке с точечным алфавитом, – то «буквы» эти уходили еще на полдюйма глубже. Барельеф с предметным изображением выступал над плоскостью фона дюйма на два. Кое-где приметили мы следы еле различимого цвета, но в основном быстротечное время уничтожило все нанесенные краски. Чем

больше мы всматривались в барельефы, тем больше изумлялись блестящей технике исполнения. Строгие эстетические каноны не скрывали зоркую наблюдательность и графическое мастерство художников, напротив, жесткое следование определенной традиции сильнее подчеркивало сущность изображаемого, его неповторимую уникальность. Кроме того, нас не покидало ощущение, что помимо бросающихся в глаза достоинств есть еще и другие, недоступные нашему восприятию. По некоторым приметам мы догадывались, что наш интеллектуальный и эмоциональный опыт, а также изначально другой сенсорный аппарат мешает нам понять смысл скрытых символов и аллюзий.

Древние скульпторы, несомненно, черпали свои темы из окружающей жизни, а главным предметом изображения была история. Эта озабоченность историей оказалась нам как нельзя более на руку: рельефы несли баснословное количество информации, поэтому львиную долю времени мы отдали фотографированию и зарисовкам. На стенах некоторых комнат были высечены громадные карты, астрономические таблицы и прочая научная информация: все это красноречиво и наглядно подтверждало то, что изображалось на рельефах. Приступая к рассказу, далеко не полному, с основательными купюрами, я горячо надеюсь, что здравый смысл поверивших мне читателей восторжествует над безрассудным любопытством, и они внемлют моим предостережениям. Будет ужасно, если мое повествование породит в них желание отправиться в это мертвое царство кошмарных теней, то есть приведет к прямо противоположному результату.

Настенную резьбу разрывали высокие оконные и двенадцатифутовые дверные проемы; кое-где сохранились отдельные, аккуратно выпиленные и отполированные окаменевшие доски, бывшие когда-то частями ставен и дверей. Металлические крепления давно разрушились, но некоторые двери по-прежнему оставались на месте, и, проходя из комнаты в комнату, мы затрачивали немало усилий, чтобы открыть их. Кое-где уцелели оконные рамы с необычными прозрачными стеклами. Довольно часто на нашем пути попадались вырубленные в камне громадные ниши, по большей части пустые, хотя изредка там оказывались некие ни на что не похожие предметы, выточенные из зеленого мыльного камня; их, видимо, бросили за ненадобностью из-за трещин и прочих повреждений. Остальные углубления в стенах, несомненно, предназначались для существовавших в те стародавние времена удобств – отопления, освещения – и прочих непонятных для нас устройств, которые мы видели на барельефах. Потолки ничем особенным не выделялись, хотя иногда их покрывала облупившаяся

мозаика из зеленого камня. На полах мозаика также изредка встречалась, но в основном в кладке преобладали простые грубые плиты.

Как я уже говорил, в помещениях не было никакой мебели, хотя из настенных рисунков становилось ясно, что в этих гулких, похожих на склепы комнатах ранее находились вполне определенные вещи, правда, непонятного для нас назначения. Многочисленные обломки, осколки и прочий хлам заполняли этажи выше ледового уровня, но ниже становилось все чище. Немного пыли с песком – вот все, что там можно было увидеть, да еще осевший на камнях многовековой налет. А некоторые комнаты вообще имели такой вид, будто там только что подмели. Встречались, конечно, трещины и проломы, а самые нижние этажи были замусорены не меньше верхних. Из центрального зала идущий сверху свет разливался по боковым помещениям, спасая их от полной темноты, так было и в других постройках, виденных нами с самолета. На верхних этажах мы редко пользовались электрическими фонариками, разве что разглядывая фрагменты барельефов. Ниже ледового уровня тьма сгущалась, а во многих комнатах-ячейках у самой земли почти ничего не было видно – хоть глаз выколи.

Чтобы иметь хоть какое-то представление о том, что пережили мы, оказавшись в этом давно опустевшем и хранящем гробовое молчание лабиринте, сложенном нечеловеческой рукой, нужно постараться воссоздать всю хаотичную, смертельно изматывающую череду разных настроений, впечатлений, воспоминаний. Одно кружащее голову сознание того, сколь древним был этот город и как далеко зашла в нем мерзость запустения, могло вывести из равновесия любого мало-мальски чувствительного человека, а ведь мы к тому же пережили недавно в лагере сильное потрясение, а потом – еще и эти откровения, сошедшие к нам прямо с покрытых резьбой стен. Стоило только бросить взгляд на хорошо сохранившиеся барельефы, и все сразу становилось ясно – недвусмысленные изображения выдавали страшную тайну. Наивно предполагать, что мы с Денфортом не догадывались о ней раньше, хотя тщательно скрывали друг от друга свои догадки. Не оставалось никаких сомнений в том, кем являлись существа, построившие этот город и жившие в нем миллионы лет назад, в те времена, когда по земле, в тропических степях Европы и Азии, бродили далекие предки людей – примитивные млекопитающие и громадные динозавры.

Раньше мы не теряли надежды и убеждали себя в том, что встречающийся повсеместно мотив пятиконечия – всего лишь знак культурного и религиозного почитания некоего древнего физического

объекта, имевшего подобные признаки: минойская цивилизация на Крите использовала в качестве декоративного элемента священного быка, египетская – скарабея, римская – волчицу и орла, а дикие, первобытные племена – разных тотемных животных. Но теперь все иллюзии отпали, нам предстояло смириться с реальностью, от которой волосы вставали на голове. Думаю, читатель уже догадался, в чем дело; мне трудно вывести эти слова на бумаге.

Существа, которые в эпоху динозавров владели этими мрачными замками, сами динозаврами не являлись. Дело обстояло иначе. Динозавры не так давно появились на Земле, они были молодыми животными с неразвитым мозгом, а строители города – старыми и мудрыми. Камень запечатлел и сохранил следы их пребывания на Земле, уже тогда насчитывающего почти тысячу миллионов лет: они построили город задолго до того, как земная жизнь пошла в своем развитии дальше простых соединений клеток. Более того, они-то и являлись создателями и властителями этой жизни, послужив прототипами для самых жутких древних мифов – именно на них робко намекают Пнакотические рукописи и «Некрономикон». Они назывались Старцами и прилетели на Землю в ту пору, когда планета была еще молода. Плоть их сформировалась за годы эволюции на далекой планете: они обладали невероятной, безграничной мощью. Подумать только, ведь мы с Денфортом всего лишь сутки назад видели их члены, отделенные от тел, тысячелетия пролежавших во льду, а бедняга Лейк с товарищами, сами того не ведая, созерцали их подлинный облик…

Невозможно припомнить, в каком порядке собирали мы факты, относящиеся к этой невероятной главе из истории планеты до появления человека. Испытав глубокий шок, мы прервали осмотр, чтобы немного прийти в себя, а когда вновь приступили, занявшись теперь систематическим обследованием, было уже три часа. Судя по геологическим, биологическим и астрономическим признакам, скульптурные изображения в доме, где мы первоначально оказались, принадлежали к относительно позднему времени, им было не более двух миллионов лет и в сравнении с барельефами более древнего здания, куда мы перешли по мостику, выглядели просто декадентскими. Этому величественному, высеченному из цельного камня сооружению было никак не меньше сорока, а возможно, и пятидесяти миллионов лет, оно относилось к позднему эоцену или раннему мелу, и его барельефы превосходили в мастерстве исполнения все виденное нами, за одним исключением – с ним мы встретились позже – то была древнейшая в городе

постройка.

Не будь необходимости прокомментировать снимки, которые скоро появятся в прессе, я бы из опасения прослыть сумасшедшим придержал язык и не стал распространяться о том, что именно увидел я на стенах и к каким выводам пришел. Конечно, можно было отнести к области мифотворчества барельефы, где изображалась жизнь звездоголовых существ в бесконечно отдаленные эпохи, когда они обитали на другой планете, в иной галактике или даже вселенной, однако некоторые высеченные на камне чертежи и диаграммы заставляли нас вспомнить о последних открытиях в математике и астрофизике, и тут уж я совсем растерялся. Вы меня поймете, когда сами увидите эти фотографии.

На каждом барельефе рассказывалась, естественно, только небольшая часть единой истории, и «читать» мы ее начали не с начала и не по порядку. Иногда на стенах нескольких комнат или коридоров разворачивалась подряд непрерывная хроника событий, но неожиданно туда вклинивались тематически обособленные залы. Лучшие карты и графики висели на стенах бездонной пропасти: эта каверна площадью двести квадратных футов и глубиной шестьдесят футов образовалась, видимо, на месте бывшего учебного центра или чего-то в этом роде. Некоторые темы, отдельные исторические события пользовались особой популярностью и у художников, и у самих обитателей города, барельефы с подобными сюжетами повторялись с раздражающей навязчивостью. Впрочем, иногда разные версии одного события проясняли нам его значение, заполняли лакуны.

Мне до сих пор непонятно, каким образом уяснили мы суть дела за такой небольшой срок. Впоследствии, рассматривая снимки и зарисовки, мы многое уточнили и заново переосмыслили, хотя и теперь кое-что остается загадкой. Нервный срыв Денфорта, возможно, объясняется именно этими позднейшими расшифровками, его впечатлительная натура не смогла вынести жутких воспоминаний, смутных, мучительных видений и вновь пережить тот ужас, который он испытал, увидев нечто такое, о чем не решился поведать даже мне.

И все же нам пришлось заново просмотреть все документальные свидетельства: нужно представить миру как можно более полную информацию, чтобы наше предостережение, такое актуальное, стало еще и убедительным. В неразгаданном мире Антарктики, мире смещенного времени и противоестественных законов, человек испытывает губительные для него влияния – словом, продолжение там исследований попросту невозможно.

VII

Полный отчет о нашем походе появится сразу же после расшифровки всех записей в официальном бюллетене Мискатоникского университета. Здесь же я рассказываю обо всем лишь в общих чертах и потому прошу простить мне некоторую непоследовательность. Опираясь на мифотворчество или что-то другое, не знаю, безвестные ваятели разворачивали на камне историю появления на Земле, тогда еще молодой планете, звездоголовых пришельцев, а также прочих чужеземных существ – пионеров космоса. На своих огромных перепончатых крыльях они, по-видимому, могли преодолевать межзвездные пространства – так неожиданно подтвердились легенды жителей гор, пересказанные мне другом-фольклористом. В течение долгого времени они обитали под водой, строили там сказочные города и вели войны с неизвестными врагами, используя сложные механизмы, в основе которых лежал неведомый нам принцип получения энергии. Их научные и технические познания значительно превосходили наши, хотя они редко применяли их на практике – только в случае необходимости. Судя по барельефам, они исчерпали у себя на планете идею механистической цивилизации, сочтя ее последствия пагубными для эмоциональной сферы. Исключительная плотность тканей и неприхотливость позволяли им жить также в высокогорной местности, обходясь без всякого комфорта, даже без одежды, и заботясь только об укрытии на случай непогоды.

Именно под водой звездоголовые впервые создали земных существ – сначала для пищи, а потом и для других целей, – создали давно им известными способами из доступных и подходящих субстанций. Особенно плодотворный период экспериментов начался после поражения их многочисленных космических врагов. Прежде звездоголовые делали то же самое на других планетах, производя не только биологическую пищевую массу, но и многоклеточную протоплазму, способную под гипнозом образовывать нужные временные органы. Так они получали идеальных рабов для тяжелой работы. В своем наводящем ужас «Некрономиконе» Абдула Альхазред, говоря о шогготах, намекает именно на эту вязкую массу, хотя даже этот безумный араб считает, что они лишь грезились тем, кто жевал траву, содержащую алкалоид. После того как звездоголовые Старцы синтезировали достаточное количество простейших организмов для пищевых целей и развели сколько требовалось шогготов, они

предоставили возможность прочим клеточным соединениям развиваться далее самим, превращаясь в растительные или животные организмы. Впрочем, виды, им чем-то не приглянувшиеся, безжалостно уничтожались.

С помощью шогготов, которые, увеличиваясь под гипнозом в объеме, могли поднимать громадные тяжести, небольшие подводные поселения стали разрастаться, превращаясь в протяженные и внушительные каменные лабиринты, вроде тех, которые позднее выросли на земле. Легко приспосабливаясь к любым условиям, Старцы до прилета на Землю подолгу жили на суше в самых разных уголках Вселенной и, видимо, не утратили навыка в возведении наземных конструкций. Внимательно рассматривая архитектуру древних городов, запечатленную на барельефах, а также того, по чьим пустынным лабиринтам бродили сейчас, мы были поражены одним любопытным совпадением, которое не смогли объяснить даже себе. На барельефах были хорошо видны кровли домов – в наше время проваленные и рассыпавшиеся, взмывали к небу тонкие шпили, конусы с изящными флеронами, топорщились крыши в форме пирамид, а также плоских зубчатых дисков, обычно завершающих цилиндрические постройки. Все это мы уже видели раньше, подлетая к лагерю Лейка, в зловещем, внушающем ужас мираже, отбрасываемом мертвым городом, хотя такого облика, который мы созерцали тогда нашими несведущими глазами, у реального каменного лабиринта, укрывшегося за недосягаемыми Хребтами безумия, не было уже тысячи или даже десятки тысяч лет.

О жизни Старцев под водой и позже, когда часть из них перекочевала на сушу, можно говорить бесконечно много. Те, что обитали на мелководье, видели с помощью глаз, которыми заканчивались пять головных щупалец; они ваяли и могли писать – при естественном освещении – пером на водоотталкивающих вощеных таблицах. Те, что жили на дне океана, использовали для освещения любопытные фосфоресцирующие организмы, хотя при случае могли прибегать к специальному, дублирующему зрение органу чувств – призматическим ресничкам; благодаря им Старцы свободно ориентировались в темноте. Их скульптура и графика странно изменились под влиянием особой техники химического покрытия, рассчитанной на сохранение эффекта фосфоресценции. Но точно понять, в чем дело, мы не сумели. В воде эти существа перемещались двумя способами: плыли, перебирая боковыми конечностями, или, извиваясь, двигались толчками, помогая себе нижними щупальцами и лженожкой. Иногда же подключали две-три пары веерообразных складных крыльев и тогда стрелой устремлялись вперед. На суше они пользовались лженожкой, но часто, раскрыв крылья, воспаряли под небеса и летали на большие

расстояния. Многочисленные щупальца, которыми заканчивались «руки», были изящными, гибкими, сильными и необычайно точными в мускульно-нервной координации, позволяя добиваться замечательного мастерства в изобразительном искусстве и других занятиях, требующих ручных операций.

Прочность их тканей была поистине изумительна. Даже громадное давление на дне глубочайших морей не могло причинить им вреда. Умирали немногие – и то лишь в результате несчастных случаев, так что места захоронений исчислялись единицами. То, что они погребали своих мертвецов в вертикальном положении и устанавливали на могилах пятиконечные надгробия с эпитафиями, а именно это уяснили мы с Денфортом, разглядев внимательно несколько барельефов, настолько потрясло нас, что потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. Размножались эти существа спорами – как папоротникообразные, это предполагал и Лейк, – но так как из-за своей невероятной прочности они были практически вечными, размножение поощрялось лишь в периоды освоения новых территорий. Молодое поколение созревало быстро и получало великолепное образование, качество которого нам даже трудно вообразить. Высокоразвитая интеллектуальная и эстетическая сферы породили устойчивые традиции и учреждения, о которых я подробно расскажу в своей монографии. Была, конечно, некоторая разница в устоях у морских Старцев и их земных собратьев, но она не касалась основных принципов.

Эти твари могли, подобно растениям, получать питание из неорганических веществ, но предпочитали органическую пищу и особенно животную. Те, что жили под водой, употребляли все в сыром виде, но те, что населяли землю, умели готовить. Они охотились, а также разводили скот на мясо, закалывая животных каким-то острым оружием, оставлявшим на костях грубые отметины, – на них-то и обратили внимание наши коллеги. Старцы хорошо переносили любые изменения температуры и могли оставаться в воде вплоть до ее замерзания. Когда же в эпоху плейстоцена, около миллиона лет назад, началось резкое похолодание, обитавшим на Земле Старцам пришлось прибегнуть к решительным мерам, вроде создания установок искусственного обогрева, но потом жестокие холода все же вынудили их вновь вернуться в море. Старцы поглощали некие вещества, после чего могли долгое время обходиться без еды и кислорода, а также переносить любую жару и холод, но ко времени великого похолодания они уже утратили это свое умение. Попробуй они теперь впасть в подобное искусственное состояние, добром бы это не

кончилось.

У Старцев отсутствовали биологические предпосылки к семейной жизни, подобные тем, какие наблюдаемы у млекопитающих: они не разбивались на пары и вообще имели много общего с растениями. Однако семьи они все же создавали, и даже весьма многочисленные, но только ради удобства и интеллектуального общения. Обживая свои дома, они размещали мебель в центре комнат, оставляя стены открытыми для декоративной отделки. Жившие на суше Старцы освещали свои жилища с помощью особого устройства, в основе которого, если мы правильно поняли, лежат электрохимические процессы. И под водой, и на суше им служили одинаково непривычные для наших глаз столы и стулья, а также постели-цилиндры, где они отдыхали и спали стоя, обмотавшись щупальцами; непременной частью интерьера являлись стеллажи, где хранились книги – прочно скрепленные пластины, испещренные точками.

Общественное устройство было у них скорее социалистического толка, хотя твердой уверенности у меня нет. Торговля процветала, в том числе и между городами, а деньгами служили небольшие плоские пятиугольные жетончики, усеянные точками. Видимо, маленький камушек из зеленых мыльных камней, найденных Лейком, как раз и был такой валютой. Хотя цивилизация Старцев была урбанистической, но сельское хозяйство и особенно животноводство тоже играли в ней важную роль. Добывалась руда, существовало какое-никакое производство. Старцы много путешествовали, но массовые переселения случались редко – только во время колонизации, когда раса завоевывала новые пространства. Транспортные средства не были им известны. Старцы сами могли развивать и в воде, и на суше, и в воздухе необыкновенную скорость. Грузы перевозились вьючными животными: под водой – шогготами, а на земле – любопытной разновидностью примитивных позвоночных, но это уже на довольно позднем этапе освоения суши.

Эти позвоночные так же, как и бесконечное множество прочих живых организмов – животных и растений, тех, кто обитает в море, на земле и в воздухе, – возникли в процессе неконтролируемой эволюции клеток, созданных Старцами, но со временем вышедших из-под их контроля. Они развивались себе понемногу, поскольку не мешали хозяевам планеты. Те, что вели себя беспокойнее, механически уничтожались. Любопытно, что в поздних, декадентских произведениях скульпторы изобразили примитивное млекопитающее с неуклюжей походкой, которое земные Старцы вывели не только из-за вкусного мяса, но и забавы ради – как домашнего зверька; в нем неуловимо просматривались черты будущих

обезьяноподобных и человекообразных существ. В строительстве земных городов принимали участие огромные птеродактили, неизвестные доселе науке, – они поднимали на большую высоту камни для укладки башен.

В том, что Старцы сумели пережить самые разнообразные геологические катаклизмы и смещения земной коры, было мало удивительного. Хотя из первых городов, по-видимому, ни один не сохранился, эта цивилизация никогда не прерывала своего существования, о чем свидетельствовали и увиденные нами барельефы. Впервые Старцы приземлились на нашу планету в районе Антарктического океана, и, похоже, произошло это вскоре после того, как оторвалась часть материи, образовавшая Луну, а на то место сместился Тихий океан. На одном из барельефов мы увидели, что во времена прилета Старцев всю Землю покрывала вода. Шли века, и каменные города распространялись по планете, все дальше отходя от Антарктиды. Вырезанная на камне карта показывала, что вокруг Южного полюса образовалось широкое кольцо суши – Старцы построили на ней свои первые экспериментальные поселения, хотя подлинные центры оставались все же на морском дне. На позднейших картах было видно, как откалывались и перемещались огромные массы земли, оторвавшиеся части материка сносило к северу – что подтверждало теории Тейлора, Вегенера и Джоли.

Смещение пластов земли на юге Тихого океана привело к катастрофическим последствиям. Некоторые морские города были разрушены до основания, но худшее еще предстояло пережить. Из космоса прилетели новые пришельцы, напоминавшие формой осьминогов, – их-то, возможно, и нарекли в древних мифах потомством Ктулху; они развязали жестокую войну, загнав Старцев надолго под воду. Это нанесло последним страшный урон – к тому времени число поселений на суше постоянно росло. В конце концов обе расы заключили мирный договор, по которому новые земли переходили к потомкам Ктулху, за Старцами же оставались море и прежние владения. Стали возводиться новые города, и самые величественные из них – в Антарктике, ибо эта земля, место первых поселений, стала почитаться священной. И впредь Антарктика оставалась центром цивилизации Старцев, а города, которые успели там основать потомки Ктулху, стерлись с лица земли. Потом часть суши в районе Тихого океана вновь опустилась, и с ней ушел на дно зловещий Р’лайх, город из камня, и все космические осьминоги в придачу. Так Старцы вновь стали единственными хозяевами планеты; правда, существовало нечто, чего они боялись и о чем не любили говорить. Через некий весьма продолжительный отрезок времени Старцы заполонили всю планету: их

города достаточно равномерно распределились и на суше, и на дне морском. В своей монографии я дам совет пытливому археологу пробурить машиной Пибоди несколько глубоких скважин в самых разных районах Земли и проанализировать полученные данные.

В течение веков шло закономерное переселение Старцев из глубин моря на сушу – этот процесс подстегивался рождением новых материков, хотя и океан никогда не пустовал. Второй причиной миграции стали трудности по выращиванию и удерживанию в повиновении шогготов, без которых жизнь под водой не могла продолжаться. С течением времени, как скорбно поведали нам сюжеты на древних барельефах, был утрачен секрет создания жизни из неорганической материи, и Старцам пришлось довольствоваться модификацией уже существующих форм. На суше у Старцев не было никаких проблем с громадными, но исключительно послушными рептилиями, а вот размножавшиеся делением шогготы, которые в результате случайного стечения обстоятельств нарастили до опасного предела интеллект, беспокоили их чрезвычайно.

Старцы всегда управляли шогготами с помощью гипноза, легко трансформируя эту внушаемую плотную плазму согласно потребностям и создавая на время нужные им члены и органы, теперь же у шогготов иногда появлялась способность самим преобразовывать свою плоть по воспоминаниям о старых приказах властителей. Казалось, у них развился мозг с неустойчивой системой связей, в котором иногда зарождался сильный волевой импульс, противоречивший воле хозяина. Изображения шогготов вызывали у нас с Денфортом глубочайшее отвращение, граничащее с ужасом.

Эти бесформенные в обычном состоянии существа состояли из желеподобной пузырчатой массы; если они обретали форму шара, диаметр их в среднем равнялся пятнадцати футам. Впрочем, очертания, равно как и объем, менялись у них постоянно: они то создавали себе, то, напротив, уничтожали органы слуха, зрения, речи, во всем подражая хозяевам, – иногда непроизвольно, а иногда выполняя команду.

Сто пятьдесят миллионов лет тому назад, где-то в середине перми, шогготы стали совершенно неуправляемыми, и тогда жившие на морском дне Старцы развязали против них настоящую войну, чтобы силой вернуть свою прежнюю власть. Многовековая пропасть отделяла нас от того времени, но и теперь мороз пробирал по коже, когда мы разглядывали картины той войны и особенно ужасное зрелище жертв, обезглавленных шогготами и выпачканных затем выделяемой ими слизью. В конце концов Старцы, прибегнув к мощному оружию, вызывавшему у врагов нарушения

на молекулярном и атомарном уровнях, добились полной победы. Барельефы отразили тот период, когда сломленные шогготы стали совсем ручными и покорились воле Старцев, совсем как дикие мустанги Запада – американским ковбоям. Во время бунта шогготы доказали, что могут жить на суше, но новая способность никак не поощрялась – трудности их содержания на земле значительно превосходили возможную пользу.

В юрский период на Старцев обрушились новые напасти – из космоса прилетели полчища мерзких тварей; они соединяли в себе черты ракообразных, ибо были покрыты твердым панцирем, а также низших растений, а именно грибов. В мифологии горных народов северного полушария, особенно в Гималаях, они запечатлелись как Ми-Го, или Снежные люди. Чтобы одержать верх над пришельцами, Старцы впервые за всю свою земную историю решили вновь выйти в космос, однако, совершив все положенные приготовления, поняли, что не сумеют покинуть земную атмосферу. Секрет межзвездных полетов был полностью утрачен. В результате Ми-Го вытеснили Старцев с северных земель, и те понемногу вновь сбились в антарктическом регионе – своей земной колыбели. Все эти перемены не коснулись подводных владений Старцев, недоступных для завоевателей.

Даже на барельефах бросалось в глаза разительное отличие материальной субстанции Ми-Го или потомков Ктулху от плоти Старцев. Первые обладали способностью к структурным изменениям, умели перевоплощаться и вновь возвращать себе прежний облик. Все это было недоступно для Старцев, по-видимому, их враги прибыли из более отдаленной части Вселенной, чем они. Несмотря на удивительную плотность тканей и необычные жизненные свойства, Старцы являлись материальными существами и, следовательно, происходили из известного пространственно-временного континуума, в то время как о происхождении их врагов можно было, затаив дыхание, строить самые немыслимые догадки. Словом, нельзя отнести к чистому мифотворчеству разбросанные в легендах сведения об аномалии завоевателей и их внегалактическом происхождении. Хотя этот миф могли распространять и сами Старцы, чтобы списать на него свои военные неудачи: ведь исторический престиж был у них своего рода «пунктиком». Недаром в их каменных анналах не упоминались многие могущественные и высокоразвитые народы с неповторимыми культурами и величественными городами – народы, украсившие собой не одну легенду.

Чередование геологических эпох и связанные с ним перемены были с поразительной яркостью представлены на резных картах и барельефах. Кое

в чем наши научные представления оказались ошибочными, но встречались и подтверждения некоторых смелых гипотез. Как я уже говорил, именно здесь, в этом невероятном месте, мы убедились в правоте Тейлора, Вегенера и Джоли, предположивших, что все континенты суть части бывшего единого антарктического материка, оторвавшиеся от него под действием мощных центробежных сил и дрейфовавшие в разные стороны по вязкой поверхности земной мантии. Это подтверждалось и очертаниями Африки и Южной Америки, а также направлениями главнейших горных цепей.

На картах, отобразивших Землю времен карбона, то есть сто миллионов или более лет тому назад, мы видели бездонные ущелья и трещины, которые впоследствии, углубившись, разделили Африку и обширный материк, включавший в себя Европу (легендарную Валусию), обе Америки и Антарктику. На более поздних картах материки были уже обособлены друг от друга, в том числе и на той, которую вычертили пятьдесят миллионов лет назад в связи с основанием ныне мертвого города, где мы сейчас пребывали. И наконец, на самой поздней, относящейся, видимо, к плиоцену карте очертания и расположения материков соответствовали нынешним – только Аляска была еще соединена с Сибирью, Северная Америка через Гренландию – с Европой, а Южная Америка через Землю Грейама – с Антарктидой. Карты времен карбона пестрели значками, говорившими, что каменные города Старцев покрывали весь земной шар – от дна морского до изрытых ущельями горных районов, однако на последующих картах ясно обозначился откат градостроительства к южным антарктическим районам. Во времена же плиоцена, как показывала последняя карта, города остались только в Антарктике да на оконечности Южной Америки – севернее пятидесятой параллели южной широты отсутствовали даже морские поселения. Интерес Старцев к северным территориям, по-видимому, угас, сократилась информация о них, лишь изредка совершали теперь Старцы разведывательные полеты на своих веерообразных перепончатых крыльях, изучая очертания береговых линий.

Потом наступило время грандиозных катаклизмов – образовывались новые горные цепи, создавались континенты, землю и дно океанов сотрясали конвульсии, и на месте разрушенных городов все реже возводились новые. Окружавший нас громадный мертвый мегаполис был, видимо, последней столицей звездоголовых; город построили в начале мела недалеко от того места, где рухнул в разверзшуюся пропасть его предшественник, превосходивший размерами даже своего юного двойника. Район этих двух городов почитали священным – ведь именно здесь

впервые, тогда еще на морское дно, высадились их предки. Мы узнавали на барельефах некоторые характерные приметы города, в котором оказались. Как нам стало понятно, он тянулся вдоль хребтов на сотни миль в обе стороны, так что обозреть его даже с самолета не представлялось возможным. Считалось, что в нем сохранились священные камни из фундамента первого поселения на дне моря; по прошествии многих веков их выбросило при очередном катаклизме на сушу.

VIII

Мы с Денфортом с особым интересом и смешанным чувством благоговения и страха отыскивали на барельефах то, что относилось к месту нашего пребывания. Такого материала, естественно, было предостаточно; кроме того, скитаясь по наземным лабиринтам города, мы забрели, по счастливой случайности, в исключительно старое здание, на потрескавшихся стенах которого в декадентской манере последних скульпторов разворачивалась история города и его окрестностей после плиоцена – на нем обычно завершались все прочие скульптурные рассказы.

Этот дом мы облазили и изучили до последнего уголка, и то, что нам удалось здесь узнать, поставило перед нами новую цель.

Итак, нам суждено было попасть в самое таинственное, жуткое и зловещее место на Земле. И самое древнее. Мы почти поверили, что это мрачное нагорье и есть то самое легендарное плато Ленг, средоточие зла, о котором страшился упоминать даже безумный творец «Некрономикона». Грандиозная горная цепь была невероятно, умопомрачительно длинна, зарождаясь невысоким кряжем на земле у моря Уэдделла и пересекая весь континент. Наиболее высокий массив образовывал величественную арку между 82° южной широты, 60° восточной долготы и 70° южной широты, 115° восточной долготы, вогнутой стороной обращенную к нашему лагерю, а одним концом упиравшуюся в закованное льдом морское побережье. Уилкс и Маусон видели эти горы на широте Южного полярного круга.

Но нас ожидало еще более сокрушительное открытие. Как я уже говорил, хребты эти превышали Гималаи, но древние резчики по камню уверяли нас, что они уступали другим, еще более грандиозным. Тех великанов окутывала мрачная тайна, большинство скульпторов предпочитали не касаться этой темы, другие приступали к ней с очевидной неохотой и робостью. Похоже, та часть древней суши, что поднялась из моря первой после того, как оторвался кусок, образовавший Луну, и со своих далеких звезд прилетели Старцы, таила в себе, по мнению пришельцев, неведомое, но ощутимое зло. Возводимые там города преждевременно разрушались, их жители внезапно пропадали неведомо куда. Когда первые подземные толчки сотрясли эту зловещую местность, из качнувшейся, а затем разверзшейся земли неожиданно выросла пугающая громада хребтов с высоко взметнувшимися вершинами. Так, среди грохота и хаоса, Земля произвела свое самое жуткое творение.

Если система координат на барельефах соответствовала истине, то эти рождающие ужас и омерзение гиганты вздымались на высоту более сорока тысяч футов, значительно превосходя покоренные нами Хребты безумия. Они тянулись от 77° южной широты, 70° восточной долготы до 70° южной широты, 100° восточной долготы и, следовательно, находились всего в трехстах милях от мертвого города, так что, не будь тумана, мы могли бы различить на западе их сумрачные вершины. А их северную оконечность можно видеть с широты Южного полярного круга на Земле Королевы Мери.

Во времена упадка некоторые Старцы возносили этим горам тайные молитвы, однако никто не осмеливался приблизиться к ним или хотя бы предположить, что находится за ними. Из людей также ни один человек не бросил взгляда на этих великанов, но, видя, какой страх источают эти древние изображения, я от души порадовался тому, что это и не могло случиться. Ведь за этими колоссами проходит еще одна цепь гор – Королевы Мери и Кайзера Вильгельма, заслоняющая гигантов со стороны побережья, и на эти горы, к счастью, никто не пробовал взбираться. Во мне уже нет былого скептицизма, и я не стану насмехаться над убежденностью древнего скульптора, что молния иногда задерживалась на гребне этих погруженных в тяжелое раздумье гор, и тогда ночь напролет мерцал там дивный таинственный свет. Возможно, в древних Пнакотических рукописях, где упоминается Кадат из Страны Холода, за таинственными темными словесами скрывается подлинная и ужасающая реальность.

Впрочем, городу хватало и своих загадок, пусть и не столь демонических. С его основанием ближние горы понемногу обрастали храмами; они стояли, как мы уразумели из барельефов, в тех местах, где теперь лепились друг к другу диковинные кубы и крепостные валы – все, что осталось от башен неизъяснимой красоты и причудливых, устремленных ввысь шпилей. Затем, с течением времени, появились пещеры, которые соответствующим образом оформлялись, становясь своеобразными придатками к храмам. Шли годы, подземные воды источили слой известняка, и пространство под хребтами, нагорьем и равниной превратилось в запутанный лабиринт из подземных ходов и пещер. Многие барельефы отразили осмотры Старцами бесчисленных подземелий, а также неожиданное открытие ими там моря, которое подобно Стиксу таилось в земном лоне, не зная ласки солнечных лучей.

Эта сумрачная пучина была, конечно же, порождением реки, текущей со стороны зловещих, не имеющих названия западных гор; у Хребтов безумия она сворачивала в сторону и текла вдоль гор вплоть до своего

впадения в Индийский океан между Землями Бадда и Тоттена на Побережье Уилкса. Понемногу река размывала известняк на повороте, пока не достигала грунтовых вод, а слившись с ними, с еще большей силой продолжала точить породу. В конце концов, сломив сопротивление камня, воды ее излились в глубь земли, а прежнее русло, ведущее к океану, постепенно высохло. Позже его покрыли постройки постоянно разраставшегося города. Поняв, что произошло с рекой, Старцы, повинуясь присущему им мощному эстетическому чувству, высекли на своих самых изысканных пилонах картины низвержения водного потока в царство вечной тьмы.

С самолета мы видели бывшее русло этой когда-то прекрасной реки, одетой в былые годы в благородное кружево каменных мостов. Положение, которое занимала река на барельефах, изображающих город, помогло нам лучше понять, как менялся мегаполис в бездонном колодце времени; мы даже наскоро набросали карту с основными достопримечательностями – площадями, главными зданиями и прочими приметами, чтобы лучше ориентироваться в дальнейшем. Скоро мы могли уже воссоздать в своем воображении живой облик этого поразительного города, каким он был миллион, десять миллионов или пятьдесят миллионов лет назад, – так искусно изобразили древние скульпторы здания, горы и площади, окраины и живописные пейзажи с буйной растительностью третичного периода. Все было пронизано несказанной мистической красотой, и, впитывая ее в себя, я забывал о гнетущем чувстве, порожденном непостижимым для человека возрастом города, его мертвым величием, укрытостью от мира и сумеречным сверканием льда. Однако, судя по барельефам, у обитателей города тоже частенько на душе кошки скребли и сердце сжималось от страха: нередко встречались изображения Старцев, отшатывающихся в ужасе от чего-то, чему на барельефе никогда не находилось места. Косвенно можно было догадаться, что предмет этот выловили в реке, которая принесла его с загадочных западных гор, поросших вечно шелестящими деревьями, увитыми диким виноградом.

Только в одном доме поздней постройки мы отчетливо прочли на декадентском барельефе предчувствие грядущей катастрофы и опустения города. Несомненно, были и другие свидетельства, несмотря на снижение творческой активности и художественных устремлений, характерное для скульпторов смутного времени, – вскоре мы в этом, хоть и не воочию, смогли убедиться. Но тот барельеф был первым и единственным в таком роде из всех, какие мы внимательно рассмотрели. Мы хотели продолжить осмотр, но, как я уже говорил, обстоятельства изменились и перед нами

возникла новая цель. Впрочем, вскоре все настенные свидетельства и так исчерпали себя: надежда на долгое безоблачное будущее покинула Старцев, а с ней и желание украсить свой быт. Окончательный удар принесло повальное наступление холодов, они сковали почти всю планету, а с полюсов так никогда и не ушли. Именно эти жестокие холода уничтожили на противоположной стороне планеты легендарные земли Ломара и Гипербореи.

Трудно сказать, когда именно воцарились в Антарктике холода. Сейчас мы относим раннюю границу ледникового периода на пятьсот тысяч лет от нашего времени, но по полюсам этот бич Божий хлестнул еще раньше. Все цифры, конечно, условны, но весьма вероятно, что последние барельефы высечены менее миллиона лет назад, а город покинут полностью задолго до времени, которое принято считать началом плейстоцена, то есть раньше, чем пятьсот тысяч лет тому назад.

На поздних барельефах растительность выглядит более скудной, да и сама жизнь горожан далеко не бьет ключом. В домах появляются нагревательные приборы, путники зимой кутаются в теплую одежду. Картуши, которые все чаще разбивают каменную ленту поздних барельефов, вторгаясь со своей темой, отобразили отдельные элементы непрерывной миграции – часть жителей укрылась на дне моря, найдя прибежище в подводных поселениях у далеких берегов, другие опустились под землю и, проскитавшись по запутанным известняковым лабиринтам, вышли к пещерам на краю темных бездонных вод.

Так сложилось, что большинство обитателей города предпочли уйти под землю. До какой-то степени это объяснялось тем, что место здесь почиталось священным, но главным было, конечно же, то, что в этом случае оставалась возможность пользоваться храмами, возведенными на изрезанных подземными галереями хребтах, а также бывать в самом городе, оставленном в качестве летней резиденции и координационного пункта между отдельными поселениями. Провели кое-какие земляные работы, улучшили уже существующие подземные пути, а также проложили новые, напрямик соединившие древнюю столицу с темной пучиной. Тщательно все просчитав, мы нанесли входы в эти новые, прямые как стрела туннели на путеводитель, который понемногу рождался под нашими руками. По меньшей мере два туннеля начинались неподалеку от нас, ближе к хребтам – один всего в четверти мили, в направлении древнего русла реки, а другой – примерно вдвое дальше, в прямо противоположном направлении.

Новый город Старцы выстроили не на пологих берегах подземного

моря, а на его дне – температура там была равномерно теплой. Огромная глубина этого тайного моря давала гарантию, что внутренний жар земли позволит новым поселенцам жить там сколько потребуется. Те же без труда приспособились проводить под водой большую часть времени, а позднее и вовсе перестали выходить на берег – они ведь никогда не позволяли жабрам окончательно отмереть. На отдельных барельефах мы видели картины посещения Старцами живущих под водой родственников, а также их продолжительных купаний на дне глубокой реки. Не смущала их и вечная тьма земных недр – сказалась привычка к долгим арктическим ночам.

Когда древние скульпторы рассказывали на своих барельефах о том, как на дне подземного моря закладывали новый город, их декадентская, упадническая манера преображалась, и в ней появлялись характерные эпические черты. Подойдя к проблеме научно, Старцы наладили в горных недрах добычу особо прочных камней и пригласили из ближайшего подводного селения опытных строителей, чтобы использовать в работе новейшие технологии. Специалисты захватили с собой все необходимое для успешной деятельности, а именно: клеточную массу для производства шогготов-чернорабочих, способных поднимать и перетаскивать камни, и протоплазму, с легкостью превращавшуюся в фосфоресцирующие организмы, освещавшие темноту.

И вот на дне мрачного моря вырос громадный город, архитектурой напоминавший прежнюю столицу, а мастерством исполнения даже превзошедший, ибо везде строительству предшествовал точный математический расчет. Новые шогготы достигли здесь исполинских размеров и значительного интеллекта, понимая и исполняя приказы с удивительной быстротой. Со Старцами они изъяснялись, подражая их голосам, мелодичными, трубными звуками, слышными, если правильно предположил бедняга Лейк, на большом расстоянии; теперь шогготы подчинялись не гипнотическому внушению, а простым командам и были идеально послушны. Фосфоресцирующие организмы полностью обеспечивали Старцев светом, компенсируя этим утрату полярных сияний – непременных спутников антарктических ночей.

Изобразительные искусства продолжали существовать, хотя упадок был очевиден. Старцы, по-видимому, и сами это понимали, потому что во многих случаях предвосхитили политику Константина Великого и перенесли в подводный город несколько глыб с великолепными образцами древней резьбы, подобно тому как вышеозначенный император в такое же гиблое для искусств время ограбил Грецию и Азию, вывезя оттуда лучшие

произведения искусства, чтобы сделать свою новую столицу, Византию, еще более прекрасной. То, что Старцы не забрали из бывшей столицы все барельефы, объяснялось, несомненно, тем, что первое время город на суше не был еще полностью заброшен. Когда же он полностью обезлюдел – а это случилось еще до прихода на полюс самых жестоких холодов плейстоцена, – Старцев уже, видимо, вполне устраивало современное искусство, и они перестали замечать особое совершенство работы древних резчиков и ваятелей. Во всяком случае, вековечные руины вокруг нас во многом сохранили свои первоначальные красоты, хотя все, что было легко вывезти, особенно отдельно стоявшие прекрасные скульптуры, обрело новое пристанище на дне подземного моря.

Эта история, рассказанная на панелях и картушах, – последнее свидетельство об ушедшей эпохе, обнаруженное нами на ограниченной территории наших поисков. Выходило, что Старцы некоторое время жили как бы двойной жизнью, проводя зиму на дне подземного моря, а летом возвращаясь в свою бывшую столицу. Завязалась активная торговля с другими городами в относительном отдалении от антарктического побережья. К этому времени стала абсолютно ясна обреченность земного города, и резчики сумели показать на своих барельефах многочисленные признаки вторжения холода. Растительность гибла, и даже в разгар лета грозные приметы зимы полностью не исчезали. Пресмыкающиеся вымерли почти полностью, млекопитающие разделили их участь. Чтобы продолжать работу на суше, можно было приспособить к земным условиям жизни удивительно хорошо переносящих холод бесформенных шогготов, но этого-то Старцы совсем не хотели. Замерла жизнь на великой реке, опустело морское побережье, из его былых обитателей задержались только тюлени и киты. Птицы улетели, по берегу ковыляли одни крупные неуклюжие пингвины. Можно только предполагать, что произошло дальше. Как долго просуществовал подводный город? Может, этот каменный мертвец по-прежнему стоит там, в вечном мраке? Замерзли подземные воды или нет? И какова судьба других городов на дне океана? Выбрались ли из-под ледяного колпака Старцы? Может, мигрировали к северу? Но современная геология нигде не обнаружила следов их пребывания. Значит, злобные Ми-Го все еще создавали угрозу на севере? И кто знает, что таится сейчас в темной, неведомой морской пучине, затерявшейся в потаенных глубинах земли? Сами звездоголовые и их творения могли выдерживать колоссальное давление – а рыбаки иногда вылавливали в этих краях всякие диковины. И может, вовсе не кит-убийца повинен, как предполагали, в кровавой резне, оставившей на телах тюленей многочисленные ранения, на

что обратил внимание поколение назад Борхгревинк?[18]

Экземпляры, найденные беднягой Лейком, обсуждению не подлежали: их засыпало в пещере в те времена, когда город был совсем юным. По всем признакам им было не меньше тридцати миллионов лет, а тогда, как мы понимали, подземный город в заполненной водами каверне еще не существовал, как, собственно, и сама каверна. Если бы они ожили, то помнили бы только те давние времена, когда повсюду буйно росла зелень – ведь шел третичный период, – в городе процветали искусства, могучая река несла свои воды на север, вдоль величественных гор к далекому тропическому океану.

И все же у нас не шли из головы эти твари, особенно восемь полноценных, которые таинственным образом исчезли из развороченного лагеря Лейка. Слишком многое не укладывалось в голове, и потому приходилось относить разные дикие вещи на счет внезапного помешательства кого-нибудь из членов экспедиции – и эти невероятные могилы, и множество пропавших вещей, и исчезновение Гедни; потрясла нас неземная плотность тканей древних чудищ и всякие странности их биологии, о которых поведали нам древние скульпторы, – словом, мы с Денфортом многое повидали за несколько последних часов, но были готовы к встрече с новыми пугающими и невероятными тайнами первобытной природы, о которых собирались хранить молчание.

IX

Я уже упоминал, что во время осмотра упаднических барельефов у нас родилась новая цель. Она, конечно же, была связана с теми пробитыми в земле туннелями, которые вели в мрачный подземный мир и о существовании которых мы поначалу не имели понятия, зато теперь сгорали от любопытства и желания поскорее увидеть их и по возможности обследовать. Из высеченного на стене плана было ясно, что стоит нам пройти по одному из ближайших туннелей около мили, и мы окажемся на краю головокружительной бездны, там, куда никогда не заглядывает солнце; по краям этого неправдоподобного обрыва Старцы проложили тропинки, ведущие к скалистому берегу потаенного, погруженного в великую ночь океана. Возможность воочию созерцать легендарную пучину явилась соблазном, которому противиться было невозможно, но мы понимали, что нужно либо немедленно пускаться в путь, либо отложить визит под землю до другого раза.

Было уже восемь часов вечера, наши батарейки поиздержались, и мы не могли позволить себе совсем не выключать фонарики. Все пять часов, что мы находились в нижних этажах зданий, подо льдом, делая записки и зарисовки, фонарики не выключались, и потому в лучшем случае их могло хватить часа на четыре. Но, исхитрившись, можно было обойтись одним, зажигая второй только в особенно интересных или опасных местах. Так мы обезопасили бы себя, создав дополнительный резерв времени. Блуждать в гигантских катакомбах без света – верная погибель, следовательно, если мы хотим совершить путешествие на край бездны, нужно немедленно прекратить расшифровку настенной скульптуры. Про себя мы решили, что еще не раз вернемся сюда, возможно, даже посвятим целые недели изучению бесценных свидетельств прошлого и фотографированию – вот где можно сделать коллекцию «черных снимков», которые с руками оторвет любой журнал, специализирующийся на «ужасах», – но теперь поскорее в путь!

Мы уже израсходовали довольно много клочков бумаги, и хотя нам не хотелось рвать тетради или альбомы для рисования, все-таки пришлось пожертвовать еще одной толстой тетрадью. Если случится худшее, решили мы, начнем делать зарубки, тогда, даже если заблудимся, пойдем по одному из туннелей, пока не выйдем на свет – если, конечно, успеем к сроку. И вот мы, сгорая от нетерпения, направились в сторону ближайшего туннеля.

Согласно высеченной на камне карте, с которой мы перерисовали свою, нужный туннель начинался в четверти мили от места, где мы находились. Его окружали прочные, хорошо сохранившиеся дома, так что, похоже, это расстояние мы могли преодолеть под ледяным покрытием. Туннель шел из ближайшего к хребтам угла некой пятиконечной объемистой конструкции – явно места общественных сборищ, возможно, даже культового характера. Мы еще с самолета пытались разглядеть среди руин такие постройки. Однако сколько мы ни обращались к своей памяти, не могли припомнить, чтобы видели с высоты нечто подобное, и потому решили, что это объясняется скорее всего тем, что крыша здания сильно повреждена, а может, и совсем разрушена прошедшей по льду трещиной. Ее-то мы хорошо помнили. Но в таком случае вход в туннель мог быть завален, и тогда нам останется попытать счастья в другом туннеле, что начинался примерно в миле к северу. Русло реки отсекло от нас все южные туннели, и, окажись оба ближайших хода завалены, наше дальнейшее путешествие не состоится: не позволят батарейки – ведь до следующего, северного туннеля еще одна миля. Мы шли сумеречными лабиринтами, не выпуская из рук компас и карту, пересекали одну за другой комнаты и коридоры, находившиеся в разных стадиях обветшания, взбирались наверх, шагали по мостикам, опускались снова, упирались в заваленные проходы и груды мусора, зато на некоторых участках, поражавших по контрасту своей идеальной чистотой, почти бежали, наверстывая упущенное время. Иногда мы выбирали неверное направление, и тогда нам приходилось возвращаться, подбирая оставленные клочки бумаги, а несколько раз оказывались на дне открытой шахты, куда проникал, а точнее, как бы просачивался солнечный свет. И всюду нас мучительно притягивали к себе, дразня воображение, барельефы. Даже при беглом взгляде на них становилось ясно, что многие рассказывали о важнейших исторических событиях, и только уверенность в том, что мы еще не раз вернемся сюда, помогала нам преодолеть желание остановиться и получше их рассмотреть. Иногда мы все же замедляли шаги и зажигали второй фонарик. Будь у нас лишняя пленка, мы могли бы немного пощелкать фотоаппаратом, но о том, чтобы попытаться кое-что перерисовать, и речи не было.

Я приближаюсь к тому месту в своем рассказе, где мне хотелось бы – искушение очень велико – замолчать или хотя бы частично утаить правду. Но истина важнее всего: надо в корне пресечь всякие попытки вести в этих краях дальнейшие исследования. Итак, согласно расчетам, мы уже почти достигли входа в туннель, добравшись по мостику на втором этаже до угла этого пятиконечного здания, а затем спустившись в полуразрушенный

коридор, в котором было особенно много по-декадентски утонченных поздних скульптур, явно обрядового назначения, когда около половины девятого Денфорт своим обостренным юношеским чутьем уловил непонятный запах. Будь с нами собака, она, почуяв недоброе, отреагировала бы еще раньше. Поначалу мы не могли понять, что случилось со свежайшим прежде воздухом, но вскоре память подсказала нам ответ. Трудно без дрожи выговорить это. Этот запах смутно, но безошибочно напоминал тот, от которого нас чуть не стошнило у раскрытой могилы одного из чудищ, рассеченных несчастным Лейком.

Мы, естественно, не сразу нашли ответ. Нас мучили сомнения, запаху находилось сразу несколько объяснений. А главное, нам не хотелось отступать – слишком уж мы приблизились к цели, чтобы поворачивать назад, не испытав явной угрозы. Кроме того, подозрения наши казались невероятными. В нормальной жизни такое не случается. Следуя некоему иррациональному инстинкту, мы несколько притушили фонарик, замедлили ход и, не реагируя более на мрачные декадентские скульптуры, угрожающе косившиеся на нас с обеих сторон, осторожно, на цыпочках двинулись дальше, почти ползком преодолевая кучи обломков и мусора, которых с каждым шагом становилось все больше.

Глаза у Денфорта тоже оказались острее моих, ведь именно он первым обратил внимание на некоторые странности. Мы уже успели миновать довольно много полузасыпанных арок, ведущих в покои и коридоры нижнего этажа, когда он заметил, что сор на полу не производит впечатления пролежавшего нетронутым тысячелетия. Прибавив свет в фонарике, мы увидели нечто вроде слабой колеи, словно здесь что-то недавно тащили. Разносортность мусора препятствовала образованию четких следов, но там, где он был мельче и однороднее, следы различались явственнее – видимо, тащили какие-то тяжелые предметы. Раз нам даже померещились параллельные линии, вроде как следы полозьев. Это заставило нас вновь остановиться.

Тогда-то мы и почувствовали еще один запах. Парадоксально, но он испугал нас одновременно и больше и меньше предыдущего: сам по себе он был вполне зауряден, но с учетом места и обстоятельств – невозможен, а потому заставил нас похолодеть от страха. Ведь пахло не чем иным, как бензином. Единственное, что приходило на ум, – не связано ли это как-то с Гедни.

Наше дальнейшее поведение пусть объясняют психологи. Мы понимали, что на это темное как ночь кладбище канувших в вечность времен прокралось нечто, подобное монстрам с базы Лейка, и потому не

сомневались: впереди нас ждет встреча с неведомым. И все же продолжили путь – то ли из чистого любопытства, то ли из-за сумятицы в головах или под влиянием самогипноза, а может, нас влекло вперед беспокойство за судьбу Гедни. Денфорт напомнил мне шепотом о подозрительных следах на улице города и прибавил, что он также слышал слабые трубные звуки – очень важное свидетельство в свете оставленного Лейком отчета о вскрытии неизвестных тварей. Эти звуки, впрочем, могли сойти за эхо, гулко разносившееся по пещерам, изрешетившим горные вершины; похожие звуки доносились и откуда-то снизу, из таинственных недр. Я тоже прошептал ему на ухо свою версию, напомнив, в каком страшном виде предстал перед нашими взорами лагерь Лейка и сколько всего там исчезло: одинокий безумец мог совершить невозможное – перевалить через эти гигантские хребты и, подобно нам, войти в каменный первобытный лабиринт…

Но, поверяя друг другу свои догадки, мы не приходили к единому мнению. Стоя на месте, мы в целях экономии потушили фонарик и только тогда заметили, что в темноте чуть брезжится – это сверху просачивался свет. Непроизвольно двинулись дальше, включая теперь фонарик лишь изредка, чтобы убедиться, что идем в нужном направлении. Неприятный осадок от недавних следов не покидал нас, тем более что запах бензина становился все сильнее. Разруха усиливалась, мы спотыкались на каждом шагу и вскоре поняли, что впереди тупик. Наши пессимистические прогнозы оправдались, и виной была та глубокая расщелина, которую мы заметили еще с воздуха. Проход к туннелю был завален – даже к выходу не пробраться.

Зажженный фонарик высветил на стенах глухого коридора очередную серию барельефов и несколько дверных проемов, заваленных в разной степени каменными обломками. Из одного доносился острый запах бензина, почти заглушая другой запах. Приглядевшись, мы обратили внимание, что обломков и прочего мусора там поменьше, причем создавалось впечатление, что проход расчистили совсем недавно. Сомнений не было – путь к неведомому монстру лежал через эту дверь. Думаю, всякий поймет, что нам потребовалось изрядно потоптаться на пороге, прежде чем решиться войти.

Когда же мы все-таки ступили под эту черную арку, то первым чувством было недоумение. В этой уединенной замусоренной комнате – абсолютно квадратной, длина каждой из покрытых все теми же барельефами стен равнялась примерно двадцати футам, – не было ничего необычного, и мы инстинктивно закрутили головами, ища прохода дальше.

Но тут зоркие глаза Денфорта различили в углу какой-то беспорядок, и мы разом включили оба фонарика. Зрелище было самым заурядным, но говорило о многом, и тут меня опять тянет оборвать рассказ. На слегка притоптанном мусоре что-то валялось, там же, судя по всему, недавно пролили изрядное количество бензина, от него, несмотря на несколько разреженный воздух, шел резкий запах. Короче говоря, здесь недавно устроили привал некие существа, так же, как и мы, стремящиеся попасть в туннель и точно так же остановленные непредвиденным завалом.

Скажу прямо. Все разбросанные вещи были похищены из лагеря Лейка – консервные банки, открытые непередаваемо варварским способом, как и на месте трагедии; обгоревшие спички; три иллюстрированные книги в грязных пятнах непонятного происхождения; пустой пузырек из-под чернил с цветной этикеткой; сломанная авторучка; искромсанные палатка и меховая куртка; использованная электрическая батарейка с приложенной инструкцией; коробка от обогревателя и множество мятой бумаги. От одного этого голова могла пойти кругом, но когда мы подняли и расправили несколько бумажек, то поняли, что самое худшее ожидало нас здесь. Еще в лагере Лейка нас поразил вид уцелевших бумаг, испещренных странными пятнами, но то, что предстало нашим взорам в подземном склепе кошмарного города, было абсолютно невыносимо.

Сойдя с ума, Гедни мог, конечно, подражая точечному орнаменту на зеленоватых камнях, воспроизвести такие же узоры на отвратительных, невероятных пятиугольных могилах, а затем повторить их тут, на этих листках; поспешные грубые зарисовки тоже могли быть делом его рук; мог он составить и приблизительный план места и наметить путь от обозначенного кружком ориентира, лежащего в стороне от нашего маршрута, – громадной башни-цилиндра, постоянно встречавшейся на барельефах, с самолета она нам виделась громадной круглой ямой, – до этого пятиугольного здания и дальше, до самого выхода в туннель.

Он мог, повторяю, начертить какой-никакой план, ведь, несомненно, источником для него, так же как и для наших наметок, послужили все те же барельефы в ледяном лабиринте, но разве сумел бы дилетант воспроизвести эту неподражаемую манеру рисунка: ведь, несмотря на явную поспешность и даже небрежность зарисовок, манера эта ощущалась сразу и намного превосходила декадентский рисунок поздних барельефов. Здесь чувствовалась характерная техника рисунка Старцев в годы наивысшего расцвета их искусства.

Не сомневаюсь, что многие сочтут нас с Денфортом безумцами из-за того, что мы не бросились тут же прочь, спасать свои жизни. Самые

чудовищные наши опасения подтвердились, и те, кто читает сейчас мою исповедь, понимают, о чем я говорю. А может, мы и правда сошли с ума – ведь назвал же я эти страшные горы «Хребтами безумия»? Но нас охватил тот безумный азарт, какой не покидает охотников, выслеживающих диких зверей где-нибудь в джунглях Африки и рискующих жизнью, только чтобы понаблюдать за ними и сфотографировать. Мы застыли на месте, страх парализовал нас, но где-то в глубине уже разгорался неуемный огонек любопытства, и он в конце концов одержал победу.

Мы, конечно, не хотели бы встретиться лицом к лицу с тем или с теми, кто побывал здесь, но у нас было ощущение, что они ушли. Должно быть, сейчас уже отыскали ближайший туннель, проникли внутрь и направляются на встречу с темными осколками своего прошлого, если только они сохранились в темной пучине – в неведомой бездне, которую они никогда прежде не видели. А если заблокирован и тот туннель, значит, пойдут на север в поисках другого. Им ведь не так, как нам, необходим свет – это мы помнили.

Возвращаясь мысленно в прошлое, затрудняюсь определить, какие именно эмоции овладели нами тогда, какую форму приняли и как изменился наш план действий в связи с острым предчувствием чего-то необычайного. Разумеется, мы не хотели бы столкнуться с существами, вызывавшими у нас столь жгучий страх, но, думаю, подсознательно жаждали хоть издали их увидеть, тайком подсмотреть из укромного убежища. Мы не расставались окончательно с мыслью увидеть воочию таинственную бездну, хотя теперь перед нами замаячила новая цель – дойти до места, которое на смятом плане было обозначено большим кругом. Было ясно, что так изобразили диковинную башню цилиндрической формы, которую мы видели даже на самых ранних барельефах, – ведь сверху она выглядела просто огромным круглым провалом. Даже на этом небрежном чертеже чувствовалось некое скрытое величие этой постройки, уважительное к ней отношение; это заставляло нас думать, что в той части, что находится ниже уровня льда, может найтись для нас много интересного. Башня вполне могла быть архитектурным шедевром. Судя по барельефам, построена она в непостижимо далекие времена – одно из старейших зданий города. Если там сохранились барельефы, они могут многое поведать. Кроме того, от нее мы могли бы, возможно, найти для себя более короткую дорогу, чем та, которую так последовательно метили клочками бумаги.

Начали мы с того, что тщательно изучили эти ошеломляющие зарисовки, которые вполне совпадали с нашими собственными, а затем

отправились в обратный путь, точно придерживаясь указанного на листке маршрута, ведущего к цилиндрической башне. Наши неизвестные предшественники, должно быть, проделали этот путь дважды. Как раз за гигантским цилиндром начинался ближайший туннель. Не стану описывать нашу обратную дорогу, во время которой мы старались как можно экономнее тратить бумагу: ничего нового нам не повстречалось. Разве только теперь путь наш реже взмывал вверх, стелясь по самой земле и даже иногда опускаясь в подземелье. Не однажды замечали мы следы, оставленные прошедшими перед нами незнакомцами, а после того как запах бензина остался далеко позади, в воздухе вновь стал слышен слабый, но отчетливый неприятный запах, от которого нас бросило в дрожь. Свернув в сторону от прежнего маршрута, мы стали иногда включать фонарик, направляя свет на стены, и могу вас заверить, не было случая, чтобы при этом не высветился очередной барельеф – несомненно, то был наилюбимейший вид искусства у Старцев.

Около 9:30, двигаясь по длинному сводчатому коридору, обледеневший пол которого, казалось, уходил под землю, а потолок становился все ниже, мы заметили впереди яркий дневной свет и тут же выключили фонарик. Вскоре стало понятно, что наш коридор кончается просторной круглой площадкой вроде арены, до которой было уже рукой подать. Впереди вырисовывалась чрезвычайно низкая арка, совсем не типичная для мегалитов[19], и, даже не выходя, мы увидели довольно много интересного. Перед нами раскинулся огромный круг – не менее двухсот футов в диаметре, – заваленный обломками и прочим мусором, от него расходилось множество сводчатых коридоров, вроде того, которым шли мы, но большинство из них было основательно засыпано. По стене на высоте человеческого роста тянулась широкая полоса барельефов, и, несмотря на разрушительное действие времени, усиленное пребыванием под открытым небом, сомнений не оставалось: ничто из виденного нами ранее нельзя было поставить рядом с этими великолепными шедеврами. Толстый слой льда проступал из-под завалов мусора, и мы догадались, что настоящее дно открытого цилиндра глубоко внизу.

Но главной достопримечательностью места был огромный каменный пандус, который, не заслоняя коридоры, плавной спиралью взмывал ввысь внутри цилиндрического колосса, подобно своим двойникам в зиккуратах[20] Древнего Вавилона. Из-за скорости самолета, нарушившей перспективу, мы не заметили его с воздуха, потому-то и не направились к башне, когда решили спуститься под лед. Не сомневаюсь, что Пибоди

доискался бы до принципа устройства этой конструкции, мы же с Денфортом могли только смотреть и восхищаться. Каменные консоли и колонны были великолепны, но мы не могли взять в толк, как это все функционирует. Время не повредило пандусу, что само по себе удивительно – ведь он находился под открытым небом; мало того, он еще предохранил от разрушения диковинные космические барельефы.

Опасливо ступили мы на частично затененное пандусом ледяное дно этого необыкновенного цилиндра – ведь ему было никак не меньше пятидесяти миллионов лет, без сомнения, то была самая древняя постройка изо всех, что нам пришлось увидеть, – мы обратили внимание, что стены его, увитые пандусом, возвышаются на полных шестьдесят футов. Это означало, судя по нашему впечатлению с самолета, что снаружи ледяной пласт тянулся вверх, обхватывая цилиндр, еще на сорок футов: ведь зияющая яма, которую мы отметили с самолета, находилась посредине холма высотой футов в двадцать, состоящего, как мы решили, из раздробленного каменного крошева. На три четверти яму затеняли массивные, нависшие над ней руины окружающих ее высоких стен. На древних барельефах мы видели первоначальный облик башни. Стоя в центре огромной площади, она взмывала ввысь на пятьсот-шестьсот футов, сверху ее покрывали горизонтальные диски, верхний из которых имел по краям остроконечные завершения в виде игольчатых шпилей. К счастью, разрушенная кладка сыпалась наружу – иначе рухнул бы пандус, полностью завалив интерьер башни. И так-то зрелище было довольно жалкое. А вот щебень от арок, казалось, недавно отгребли.

Не составляло особого труда понять: именно по этому пандусу спустились в подземелье неведомые пришельцы. Мы тут же решили выбраться отсюда тем же способом, благо башня находилась от оставленного в предгорье самолета на таком же расстоянии, что и внушительных размеров дом с колоннадой, через который мы проникли в сердце города. Зря, конечно, оставили за собой тропу из бумажек, ну да ладно. Остальную разведку можно провести и в этом месте. Вам может показаться странным, но мы до сих пор не оставили мысль о том, чтобы вернуться сюда и, может быть, даже не один раз – и это несмотря на все увиденное и домысленное. С превеликой осторожностью прокладывали мы путь сквозь груды обломков, но тут необычное зрелище заставило нас застыть на месте. За выступом пандуса стояли трое саней, связанные вместе и находившиеся ранее вне поля нашего зрения. Они-то и пропали из лагеря Лейка и вот теперь обнаружились здесь, изрядно расшатанные в дороге, – по-видимому, их тащили не только по снегу, но и по голым

камням и завалам, а кое-где перетаскивали на весу. На санях лежали аккуратно увязанные и стянутые ремнями знакомые до боли вещи: наша печурка, канистры с бензином, набор инструментов, банки с консервами, завязанные узлом в брезент книги и еще какие-то тюки – словом, похищенный из лагеря скарб. После всего предыдущего мы не очень удивились находке, скажу больше – были почти к ней готовы. Однако когда, склонившись над санями, развязали брезентовый тюк, очертания которого меня почему-то смутно встревожили, нас как громом поразило. По-видимому, существам, побывавшим в лагере, тоже не была чужда страсть к научной систематизации, как и Лейку: в санях лежали два свежезамороженных экземпляра, раны вокруг шеи аккуратно залеплены пластырем, а, дабы избежать дальнейших повреждений, сами тела туго перевязаны. Надо ли говорить, что то были Гедни и пропавшая собака.

X

Наверное, многие сочтут нас бездушными и, конечно же, не вполне нормальными, но и после этой жуткой находки мы продолжали думать о северном туннеле, хотя, уверяю, мысль о дальнейшем путешествии на какое-то время оставила нас, вытесненная другими размышлениями. Закрыв тело Гедни брезентом, мы стояли над ним в глубокой задумчивости, из которой нас вывели непонятные звуки – первые услышанные с того момента, как мы покинули улицы города, где слабо шелестел ветер, спускаясь со своих заоблачных высот. Очень земные и хорошо знакомые нам звуки были настолько неожиданны в этом мире пагубы и смерти, что, опрокидывая все наши представления о космической гармонии, ошеломили нас сильнее, чем это сделали бы самые невероятные звучания и шумы.

Услышь мы загадочные и громкие трубные звуки, мы удивились бы меньше – результаты проведенного Лейком вскрытия подготовили нас к чему-то в этом роде, более того, наша болезненная фантазия после кровавой резни в лагере вынуждала нас чуть ли не в каждом завывании ветра чуять недоброе. Ничего другого не приходилось ожидать от этого дьявольского края вечной смерти. Здесь приличествовали кладбищенские, унылые песни канувших в прошлое эпох. Но услышанные нами звуки разом сняли с нас умопомрачение, в которое мы впали, уже и мысли не допуская, что в глубине антарктического континента может существовать хоть какая-то нормальная жизнь. То, что мы услышали, вовсе не исходило от захороненной в незапамятные времена дьявольской твари, разбуженной полярным солнцем, приласкавшим ее дубленую кожу. Нет, существо, издавшее этот крик, было до смешного заурядным созданием, к которому мы привыкли еще в плавании, недалеко от Земли Виктории, и на нашей базе в заливе Мак-Мердо; его мы никак не ожидали встретить здесь. Короче – этот резкий, пронзительный крик принадлежал пингвину.

Он доносился откуда-то снизу – как раз напротив коридора, которым мы только что шли, то есть со стороны проложенного к морской пучине туннеля. Присутствие в этом давно уже безжизненном мире животного, не способного существовать без воды, наводило на вполне определенные предположения, но прежде всего хотелось убедиться в реальности крика – а вдруг нам просто послышалось? Он, однако, повторился и даже умножился – орали уже в несколько глоток. Пойдя на звуки, мы вошли в арку, которую, видно, только недавно расчистили от завалов. Оставив дневной свет

позади, мы возобновили нашу возню с клочками, тем более что позаимствовали, хоть и не без брезгливости, изрядную толику бумаги из тюка на санях.

Вскоре лед сменился открытой почвой, состоящей преимущественно из обломков детрита, – на ней явственно виднелись следы непонятного происхождения, как если бы что-то тащили, а раз Денфорт заметил очень четкий отпечаток, но о нем не стоит распространяться. Мы шли на крик пингвинов, что соответствовало направлению, в котором, как говорили нам и карта, и компас, находился вход в северный туннель; коридор, ведущий туда, к счастью, не был засыпан. Согласно плану, туннель шел из подвала большой пирамидальной конструкции, на которую мы обратили внимание еще во время полета над городом, – она сохранилась лучше многих других построек. Освещая путь единственным фонариком, мы видели, что нас и тут продолжают сопровождать барельефы, но теперь нам было не до них.

Впереди замаячил белый громоздкий силуэт, и мы поспешно включили второй фонарик. Как ни странно, мы тут же сосредоточились на новой загадке, позабыв о своих страхах. Те, что оставили часть снаряжения на дне огромного цилиндра и отправились на разведку к морской пучине, могли в любую минуту вернуться, но мы почему-то перестали принимать их во внимание. Беловатое существо, неуклюже ковылявшее впереди, было не менее шести футов росту, но мы ни минуты не сомневались, что оно не из тех, кто побывал в лагере Лейка. Те были выше и темнее, а по земле двигались, несмотря на свою приспособленность к жизни под водой, быстро и уверенно, – это мы поняли из барельефов. И все же, не буду скрывать, мы испугались. На какое-то мгновение нас охватил безотчетный ужас, пострашнее прежнего, осознанного, с которым мы ожидали встречи с существами, опередившими нас на пути к туннелю. Разрядка, впрочем, наступила быстро, стоило белому увальню свернуть, переваливаясь, в проход под арку, где к нему присоединились двое собратьев, приветствуя его появление резкими, пронзительными криками. Это был всего лишь пингвин, хотя и значительно превосходящий размерами обычных королевских пингвинов. Полная слепота еще более усугубляла отталкивающее впечатление, которое производил этот альбинос.

Мы последовали за нелепым созданием, а когда, ступив под арку, направили лучи обоих фонариков на безучастно топчущуюся в проходе троицу, то поняли, что слепыми были и остальные два представителя этого неизвестного науке вида пингвинов-гигантов. Они напоминали нам древних животных с барельефов Старцев, и мы быстро смекнули, что эти недотепы наверняка были потомками тех прежних великанов, которые

выжили, уйдя от холода под землю; вечный мрак разрушил пигментацию и лишил их зрения, сохранив как бы в насмешку ненужные теперь узкие прорези для глаз. Мы ни на минуту не сомневались, что они и теперь обитают на берегах подземного моря, и это свидетельство продолжающегося существования пучины, по-прежнему дарующей тепло и пристанище тем, кто в них нуждается, наполнило нас волнующими чувствами.

Интересно, что заставило этих трех увальней покинуть привычную среду обитания? Особая атмосфера разора и заброшенности, царящая в громадном мертвом городе, не позволяла предположить, что он был для них сезонным пристанищем, а полнейшее равнодушие животных к нашему присутствию заставляло сомневаться, что их с обжитых мест могли вспугнуть опередившие нас незнакомцы – если, конечно, не набросились на пингвинов с целью пополнить свой запас продовольствия. А может, животных раздразнил висевший в воздухе едкий запах, от которого бесились собаки? Тоже маловероятно, ведь их предки жили в полном согласии со Старцами, и это должно было продолжаться и под землей. В сердцах посетовав, что не можем сфотографировать в интересах науки эти удивительнейшие экземпляры, мы обогнали их, еще долго слыша, как они гогочут и хлопают крыльями-ластами, и решительно направились вдоль указанного ими сводчатого коридора к неведомой бездне.

Вскоре на стенах исчезли барельефы, а коридор, став заметно ниже, резко пошел под уклон. Видимо, неподалеку находился вход в туннель. Мы поравнялись еще с двумя пингвинами; впереди слышались крики и гогот их собратьев. Неожиданно коридор оборвался, и у нас перехватило дыхание – перед нами находилась большая сферическая пещера, диаметром сто, а высотой пятьдесят футов; во все стороны от нее расходились низкие сводчатые галереи, и только один ход, пятнадцати футов высотой, нарушая симметрию, зиял огромной черной пустотой. То был, несомненно, путь, ведущий к Великой бездне.

Под сводом пещеры, которой явно пытались в свое время придать резцом вид небесной сферы (зрелище впечатляющее, хотя художественно малоубедительное), бродили незрячие и ко всему равнодушные пингвины-альбиносы. Туннель зазывно чернел, приглашая спуститься еще ниже, манил и сам вход, которому резец придал декоративную форму двери. Из таинственно зияющего отверстия, казалось, тянуло теплом, нам даже почудились струйки пара. Кого же еще, кроме пингвинов, скрывали эти бездонные недра и эти бесконечные ячейки, пронизывающие землю и гигантские хребты? Нам пришло в голову, что дымка, окутывавшая

вершины гор, которой мы любовались с самолета и которую Лейк, обманувшись, принял за проявление вулканической активности, могла быть всего лишь паром, поднимающимся из самых глубин земли.

Туннель был выложен все теми же крупными глыбами, и поначалу ширина в нем равнялась высоте. Стены украшали редкие картуши, приметы позднего упаднического искусства, все здесь сохранилось превосходно – и кладка, и резьба. На каменной пыли отпечатались следы пингвинов и тех, других, опередивших нас. Одни следы вели в сферическую пещеру, другие – из нее. С каждым шагом становилось все теплее, и вскоре мы, расстегнув теплые куртки, шли нараспашку. Кто знает, не происходят ли там, под водой, вулканические выбросы, благодаря которым подземное море сохраняет тепло? Довольно скоро кладку сменила гладкая скальная поверхность, но это никак не отразилось на размерах туннеля, да и картуши украшали стены с той же регулярностью. Иногда спуск становился слишком крутым, и тогда мы нащупывали под ногами каменные ступени. Несколько раз нам попадались небольшие боковые галереи, не обозначенные на нашем плане, впрочем, они никак не могли нас запутать и помешать нашему быстрому возвращению, напротив, в случае опасности мы могли в них укрыться. Неприятный едкий запах тем временем все усиливался. Учитывая обстоятельства, лезть в туннель было чистым безумием, но в некоторых людях страсть к познанию перевешивает все, ей уступает даже инстинкт самосохранения, именно эта страсть и гнала нас вперед. Мы повстречали еще нескольких пингвинов. Сколько нам предстояло идти? Согласно плану, крутой спуск начинался за милю до бездны, но предыдущие скитания научили нас не очень-то доверяться масштабам на барельефах.

Через четверть мили едкий запах стал почти невыносимым, и мы с особой осторожностью проходили мимо боковых галерей. Струйки пара, напротив, исчезли – температура теперь всюду выровнялась, такого контраста, как при входе в туннель, больше не было. Становилось все жарче, и поэтому мы не удивились, увидев брошенную на пол до боли знакомую теплую одежду и скарб. В основном это были меховые куртки и палатки, пропавшие из лагеря Лейка, и нам совсем не хотелось рассматривать странные прорези, сделанные похитителями, подгонявшими вещи по своим фигурам. Вскоре число и размеры боковых галерей резко увеличилось, видимо, начинался район изрешеченных подземными ходами-ячейками предгорий.

К едкой вони теперь примешивался какой-то новый, не столь резкий запах, откуда он взялся, мы не понимали и только гадали: может, что-то

гниет, или так своеобразно пахнет какая-нибудь неизвестная разновидность подземных грибов? Неожиданно туннель как по волшебству (карты нас к этому не подготовили) вдруг расширился, сменившись просторной, по-видимому, естественного происхождения пещерой овальной формы, с ровным каменным полом приблизительно семидесяти пяти футов длиной и пятидесяти – шириной. Отсюда расходилось множество боковых галерей, теряясь в таинственной мгле.

При ближайшем рассмотрении пещера оказалась вовсе не естественного происхождения: перегородки между отдельными ячейками были сознательно разрушены. Сами стены были неровными, с куполообразного потолка свисали сталактиты, а вот пол, казалось, только что вымели – никаких тебе обломков, осколков и даже пыли совсем немного. Чисто было и в боковых галереях, и это нас глубоко озадачило. Новый запах все усиливался, он почти вытеснил прежнее зловоние. От необычной чистоты, граничащей прямо-таки со стерильностью, мы потеряли дар речи, это казалось настолько необъяснимым, что произвело на нас более жуткое впечатление, чем все прежние странности. Прямо перед нами начиналась галерея, вход в которую был отделан более тщательно, чем все прочие; нам следовало выбрать его: на это указывали ведущие к нему внушительные груды пингвиньего помета. Решив не рисковать, мы, во избежание всяких случайностей, начали вновь рвать бумагу: ведь на следы рассчитывать не приходилось, чистота была прямо идеальная – никакой пыли. Войдя в галерею, мы привычно осветили фонариком стены и застыли в изумлении: как снизился уровень резьбы! Нам уже было известно, что во времена строительства туннелей искусство у Старцев находилось в глубоком упадке, и сами недавно воочию в этом убедились. Но теперь, на подступах к загадочной бездне, мы увидели перемены настолько разительные, что не могли найти им никаких объяснений. И форма, и содержание немыслимо деградировали, говорить о каком-либо мастерстве исполнения просто не приходилось.

В новой манере появилось нечто грубое, залихватское – никакой тонкости. Резьба в орнаментальных завитках была слишком глубокой, и Денфорту пришла мысль, что, возможно, здесь происходило как бы обновление рисунка, своего рода палимпсест – после того как обветшала и стерлась старая резьба. Новый рисунок был исключительно декоративным и традиционным – сплошные спирали и углы – и казался грубой пародией на геометрический орнамент Старцев. Нас не оставляла мысль, что не только техника, но само эстетическое чувство подверглось здесь грубому перерождению, а Денфорт уверял меня, что здесь не обошлось без руки

«чужака». Рисунок сразу же вызывал в памяти искусство Старцев, но это сравнение порождало в нас одновременно и глубокое внутреннее неприятие. Непроизвольно вспомнилось мне еще одно неудачное подражание чужому стилю – пальмирские скульптуры, грубо копирующие римскую манеру. Те, что шли перед нами, тоже заинтересовались резьбой, об этом говорила использованная батарейка, брошенная рядом с наиболее типичным картушем.

Однако из-за недостатка времени мы бросили на эти необычные барельефы лишь беглый взгляд и почти тут же возобновили путь, хотя далее довольно часто направляли на стену лучи фонариков, высматривая, не появились ли еще какие-нибудь новшества. Но все шло как прежде, разве что увеличивалось расстояние между картушами: слишком много отходило от туннеля боковых галерей. Нам повстречалось несколько пингвинов, мы слышали их крики, но нас не оставляло чувство, что где-то в отдалении, глубоко под землей, гогочут и кричат целые стаи этих больших птиц. Новый запах непонятного происхождения почти вытеснил прежний, едкий. Вновь появившиеся в воздухе струйки пара говорили о нарастающей разнице температур и о близости морской бездны, таящейся в кромешной мгле. И тут вдруг, совершенно неожиданно, мы увидели впереди, прямо на сверкающей глади пола какое-то препятствие – нет, совсем не пингвинов, а что-то другое. Решив, что непосредственной опасности как будто нет, мы включили второй фонарик.

XI

И вот снова слова застывают у меня на губах. Казалось бы, пора привыкнуть спокойнее на все реагировать, а может, даже ожесточиться, но в жизни случаются такие переживания, что ранят особенно глубоко, от них невозможно исцелиться, рана продолжает ныть, а чувствительность настолько обостряется, что достаточно оживить в памяти роковые события, и снова вспыхивают боль и ужас. Как я уже говорил, мы увидели впереди, на чистом блестящем полу, некое препятствие, и одновременно наши ноздри уловили все тот же новый запах, многократно усилившийся и смешавшийся с едкими испарениями тех, кто шел перед нами. При свете фонариков у нас не осталось никаких сомнений в природе неожиданного препятствия; мы не побоялись подойти поближе, потому что даже на расстоянии было видно, что распростертые на полу существа не способны больше никому причинить вреда – так же как и шестеро их товарищей, похороненных под ужасными пятиконечными надгробиями из льда в лагере несчастного Лейка. Как и у собратьев, почивших в ледяной могиле, у них были отсечены некоторые члены, а по расползавшейся темно-зеленой вязкой лужице было понятно, что печальное событие случилось совсем недавно. Мы увидели только четверых, хотя из посланий Лейка явствовало, что звездоголовых существ должно быть не менее восьми. Зрелище потрясло и одновременно удивило нас: что за роковая встреча произошла здесь, в кромешной тьме?!

Напуганные пингвины разъяренно щелкали клювами; по доносившимся издалека крикам мы поняли, что впереди – гнездовье. Неужели звездоголовые, потревожив птиц, навлекли на себя их ярость? Судя по характеру ран, такого быть не могло: ткани, которые с трудом рассек скальпелем Лейк, легко выдержали бы удары птичьих клювов. Кроме того, огромные слепые птицы вели себя исключительно мирно.

Может, звездоголовые поссорились между собой? Тогда вина ложилась на четверых отсутствующих. Но где они? Прячутся неподалеку и выжидают удобный момент, чтобы напасть на нас? Медленно продвигаясь к месту трагедии, мы опасливо поглядывали в сторону боковых галерей. Что бы здесь ни случилось, это очень напугало пингвинов, они необычайно всполошились. Возможно, схватка завязалась недалеко от гнездовья, где-нибудь на берегу бездонной темной пучины: ведь поблизости не было птичьих гнезд. Может, звездоголовые бежали от преследователей, хотели

поскорее добраться до оставленных саней, но тут убийцы нагнали тех, кто послабее, и прикончили? Можно представить себе панику среди звездоголовых, когда нечто ужасное поднялось из темных глубин, распугав пингвинов, и те с криками и гоготом бросились в бегство.

Итак, мы опасливо приближались к загромоздившим проход истерзанным созданиям. Но не дошли, а, слава Создателю, бросились прочь, опрометью понеслись назад по проклятому туннелю, по его гладкому, скользкому полу, мимо издевательских орнаментов, открыто высмеивающих искусство, которому подражали. Мы бросились бежать прежде, чем уяснили себе, что же все-таки увидели, прежде чем наш мозг опалило знание, из-за которого никогда уже нам не будет на земле покоя!

Направив свет обоих фонариков на распростертые тела, мы поняли, что более всего встревожило нас в этой жуткой груде тел. Не то, что жертвы были чудовищно растерзаны и искалечены, а то, что все были без голов. Подойдя еще ближе, мы увидели, что головы не просто отрубили, а изничтожили каким-то дьявольским способом – оторвали или, скорее, отъели. Кровь, темно-зеленая, все еще растекавшаяся лужицей, источала невыносимое зловоние, но теперь его все больше забивал новый, неведомый запах – здесь он ощущался сильнее, чем прежде, по дороге сюда. Только на совсем близком расстоянии от поверженных существ мы поняли, где таится источник этого второго, необъяснимого запаха. И вот тогда Денфорт, вспомнив некоторые барельефы, живо воспроизводящие жизнь Старцев во время перми, сто пятьдесят миллионов лет назад, издал пронзительный, истошный вопль, отозвавшийся мощным эхом в этой древней сводчатой галерее со зловещей и глубоко порочной резьбой на стенах.

Секундой позже я уже вторил ему: в моей памяти тоже запечатлелся старинный барельеф, на котором неизвестный скульптор изобразил покрытое мерзкой слизью и распростертое на земле тело обезглавленного Старца; это чудовищные шогготы убивали таким образом своих жертв – отъедая головы и высасывая из них кровь; происходило это в годы их неповиновения, во время изнурительной, тяжелой войны с ними Старцев. Высекая эти кошмарные сцены, художник нарушал законы профессиональной этики, хотя и изображал события, уже канувшие в Лету: ведь шогготы и последствия их деяний явно были запретным для изображения предметом. Несомненно, на это существовало табу. Недаром безумный автор «Некрономикона» пылко заверял нас, что подобные твари не могли быть созданы на Земле и что они являлись людям только в наркотических грезах. Бесформенная протоплазма, до такой степени

способная к имитированию чужого вида, органов и процессов, что копию трудно отличить от подлинника. Липкая пузырчатая масса… эластичные пятнадцатифутовые сфероиды, легко поддающиеся внушению послушные рабы, строители городов… все строптивее… все умнее… живущие и на земле, и под водой… и все больше постигающие искусство подражания! О Боже! Какая нелегкая дернула этих нечестивых Старцев создать этих тварей и пользоваться их услугами?!

Теперь, когда мы с Денфортом воочию увидели блестящую, маслянистую черную слизь, плотно обволакивающую обезглавленные тела, когда в полную силу вдохнули этот ни на что не похожий мерзкий запах, источник которого мог себе представить только человек с больным воображением – исходил он от слизи, которая не только осела на телах, но и поблескивала точечным орнаментом на грубо и вульгарно переиначенных картушах, – лишь теперь мы всем своим существом прочувствовали, что такое поистине космический страх. Мы уже не боялись тех четверых, которые сгинули неведомо где и вряд ли представляли теперь опасность. Бедняги! Они-то как раз не несли в себе зла. Природа сыграла с ними злую шутку, вызвав из векового сна: какой трагедией обернулось для них возвращение домой! То же станет и с остальными, если человеческое безумие, равнодушие или жестокость вырвут их из недр мертвых или спящих полярных просторов. Звездоголовых нельзя ни в чем винить. Что они сделали? Ужасное пробуждение на страшном холоде в неизвестную эпоху и, вполне вероятно, нападение разъяренных, истошно лающих четвероногих, отчаянное сопротивление, и, наконец, впридачу – окружившие их неистовые белые обезьяны в диковинных одеяниях… несчастный Лейк… несчастный Гедни… и несчастные Старцы. Они остались до конца верны своим научным принципам. На их месте мы поступили бы точно так же. Какой интеллект, какое упорство! Они не потеряли головы при встрече с неведомым, сохранив спокойствие духа, как и подобает потомкам тех, кто изображен на барельефах! Кого бы они ни напоминали внешним обликом – морских звезд или каких-то наземных растений, мифических чудищ или инопланетян, по сути своей они были людьми!

Они перевалили через заснеженные хребты, на склонах которых ранее стояли храмы, где они возносили хвалу своим богам; там же они прогуливались когда-то в зарослях древесных папоротников. Город, в который они так стремились, спал, объятый вечным сном, но они сумели, как и мы, прочитать на древних барельефах историю его последних дней. Ожившие Старцы пытались разыскать своих соплеменников здесь, в этих

легендарных темных недрах, и что же они нашли? Примерно такие мысли рождались у нас с Денфортом при виде обезглавленных и выпачканных мерзкой слизью трупов. Затем мы перевели взгляд на резьбу, вызывавшую отвращение своей вульгарностью, над которой жирно поблескивала только что нанесенная гнусной слизью надпись из точек. Теперь мы поняли, кто продолжал жить, победив Старцев, в подводном городе на дне темной бездны, по краям которой устроили свои гнездовья пингвины. Ничего здесь не изменилось. Должно быть, и теперь над пучиной все так же дымятся клубы пара.

Шок от ужасного зрелища обезглавленных, перепачканных гнусной слизью тел был так велик, что мы застыли на месте, не в силах вымолвить ни слова, и только значительно позже, делясь своими переживаниями, узнали о полном сходстве наших мыслей. Казалось, прошли годы, на самом же деле мы стояли так, окаменевшие, не более десяти-пятнадцати секунд. И тут в воздухе навстречу нам поплыли легкие струйки пара, как бы от дыхания приближающегося к нам, но еще невидимого существа, а потом послышались звуки, которые, разрушив чары, открыли нам глаза, и мы опрометью бросились наутек мимо испуганно гогочущих пингвинов. Мы бежали тем же путем, топча брошенную нами бумагу, по извивавшимся под ледяной толщей сводчатым коридорам – назад, скорее в город! Выбежав на дно гигантского цилиндра, мы заторопились к древнему пандусу; оцепенело, автоматически стали карабкаться вверх – наружу, к спасительному солнечному свету! Только бы уйти от опасности!

Мы считали, в соответствии с гипотезой Лейка, что трубные звуки издают те, которые сейчас, в большинстве своем, были уже мертвы. Значит, кто-то уцелел! Денфорт позже признался, что именно такие звуки, только более приглушенные, он слышал при нашем вступлении в город, когда мы осторожно передвигались по ледяной толще. Они удивительно напоминали завывания, доносившиеся из горных пещер. Не хотелось бы показаться наивным, но все же прибавлю еще кое-что, тем более что Денфорту, по странному совпадению, пришла в голову та же мысль. Этому, конечно, способствовал одинаковый круг чтения; Денфорт к тому же намекнул, что, по его сведениям, По, работая сто лет назад над «Артуром Гордоном Пимом», пользовался неизвестными даже ученым тайными источниками. Как все, наверное, помнят, в этой фантастической истории некая огромная мертвенно-белая птица, живущая в самом сердце зловещего антарктического материка, постоянно выкрикивает некое никому неведомое слово, полное рокового скрытого смысла: «Текели-ли! Текели-ли!».

Уверяю вас, именно его мы расслышали в коварно прозвучавших за клубами белого пара громких трубных звуках. Они еще не отзвучали, а мы уже со всех ног неслись прочь, хотя знали, как быстро перемещаются Старцы в пространстве: выжившему участнику этой немыслимой бойни, тому, кто издал этот непередаваемый трубный клич, не стоило большого труда догнать нас – хватило бы минуты. Мы смутно надеялись, что нас может спасти отсутствие агрессии и открытое проявление нами добрых намерений – в преследователе могла проснуться любознательность. В конце концов, зачем причинять нам вред, если ему ничто не угрожает? Пробегая по галерее, где невозможно было укрыться, мы на секунду замедлили бег и, нацелив назад лучи фонариков, заметили, что облако пара рассеивается. Неужели мы наконец увидим живого и невредимого жителя древнего города? И тут снова прозвучало: «Текели-ли! Текели-ли!».

Преследователь отставал; может, он ранен? Но мы не решались рисковать: ведь он, услышав крик Денфорта, не убегал от врагов, а устремился вперед. Времени на размышления не было, оставалось только гадать, где сейчас пребывали убийцы его соплеменников, эти непостижимые для нас кошмарные создания, горы зловонной, изрыгающей слизь протоплазмы, покорившие подводный мир и направившие посланцев на сушу, где те, ползая по галереям, испоганили барельефы Старцев. Скажу откровенно, нам было жаль оставлять этого последнего и, возможно, раненого жителя города на почти верную смерть.

Слава богу, мы не замедлили бег. Пар вновь сгустился, мы летели вперед со всех ног, а позади, хлопая крыльями, испуганно кричали пингвины. Это было само по себе странно, если вспомнить, как вяло реагировали они на наше присутствие. Вновь послышался громкий трубный клич: «Текели-ли! Текели-ли!». Значит, мы ошибались. Звездоголовый не был ранен, он просто задержался у трупов своих товарищей, над которыми поблескивала на стене надпись из гнусной слизи. Неизвестно, что означала дьявольская надпись, но она могла оскорбить звездоголового: похороны в лагере Лейка говорили о том, что Старцы безмерно чтут своих усопших. Включенные на полную мощь фонарики высветили впереди ту, уже известную нам большую пещеру, где сходилось множество подземных ходов. Мы облегченно вздохнули, вырвавшись наконец из плена загаженных шогготами стен: даже не разглядывая мерзкую резьбу, мы ощущали ее всем своим естеством.

При виде пещеры нам пришло также в голову, что, возможно, наш преследователь затеряется в этом лабиринте. Находившиеся здесь слепые пингвины-альбиносы пребывали в страшной панике, казалось, они

ожидают появления чего-то ужасного. Можно попробовать притушить фонарики и в надежде, что испуганно мечущиеся и гогочущие огромные птицы заглушат наш слоновый топот, юркнуть прямиком в туннель: кто знает, вдруг удастся обмануть врага. В туманной дымке грязный, тусклый пол основного туннеля почти не просматривался, разительно отличаясь от зловеще поблескивавшей позади нас галереи; тут даже Старцам с их шестым чувством, позволявшим до какой-то степени ориентироваться в темноте, пришлось бы туго. Мы и сами боялись промахнуться, угодить не в тот коридор, ведь у нас была одна цель – мчаться что есть силы по туннелю в направлении мертвого города, а попади мы ненароком в одну из боковых галерей, последствия могли быть самые непредсказуемые.

То, что мы сейчас живы, доказывает, что существо, гнавшееся за нами, ошиблось и выбрало не тот путь, мы же чудом попали куда надо. И еще нам помогли пингвины и туман. К счастью, водяные пары, то сгущаясь, то рассеиваясь, в нужный момент закрыли нас плотной завесой. А вот раньше, когда мы только вбежали в пещеру, оставив позади оскверненную гнусной резьбой галерею, и в отчаянии оглянулись назад, вот тогда дымка несколько разошлась, и перед тем как притушить фонарики и, смешавшись с пингвиньей стаей, попытаться незаметно улизнуть, мы впервые увидели догонявшую нас тварь. Судьба была благосклонна к нам позже, когда скрыла нас в тумане, а в тот момент она явила нам свой грозный лик: мелькнувшее видение отняло у нас покой до конца наших дней.

Заставил нас обернуться извечный инстинкт догоняемой жертвы, которая хочет знать, каковы ее шансы, хотя, возможно, здесь примешались и другие подсознательные импульсы. Во время бегства все в нас было подчинено одной цели – спастись, мы не замечали ничего вокруг и, уж конечно, ничего не анализировали, но в мозг тем не менее, помимо нашей воли, поступали сигналы, которые посылало наше обоняние. Все это мы осознали позже. Удивительно, но запах не менялся! В воздухе висело все то же зловоние, которое поднималось ранее над измазанными слизью, обезглавленными трупами. А ведь запаху следовало бы измениться! Этого требовала простая логика. Теперь должен преобладать прежний едкий запах, неизменно сопровождавший звездоголовых. Но все наоборот: ноздри захлестывала та самая вонь, она нарастала с каждой секундой, становясь все ядовитее.

Казалось, мы оглянулись одновременно, как по команде, но на самом деле, конечно же, первым был один из двоих, хотя второй тут же последовал его примеру. Оглянувшись, мы включили на полную мощность фонарики и направили лучи на поредевший туман. Поступили мы так,

возможно, из обычного страха, желая знать, в чем именно заключается опасность, а может, из подсознательного стремления ослепить врага, а потом, пока он будет приходить в себя, скользнув меж пингвинов, юркнуть в туннель. Но лучше бы нам не оглядываться! Ни Орфей, ни жена Лота не заплатили больше за этот безрассудный поступок! И тут снова послышалось ужасное «Текели-ли! Текели-ли!».

Буду предельно откровенным, хотя откровенность дается мне с большим трудом, и доскажу все, что увидел. В свое время мы даже друг с другом избегали говорить на эту тему. Впрочем, никакие слова не передадут и малой толики пережитого ужаса. Зрелище настолько потрясло нас, что можно только диву даваться, как это у нас хватило соображения притушить фонарики да еще выбрать правильное направление. Есть только одно объяснение: нами руководил инстинкт, а не разум. Может, так оно было и лучше, но все равно за свободу мы заплатили слишком большой ценой. Во всяком случае, с рассудком у нас с тех пор не совсем в порядке.

Денфорт совершенно потерял голову; помнится, весь обратный путь он твердил на бегу одно и то же, для любого нормального человека это звучало бы чудовищным бредом – только один я понимал, откуда все взялось. Голос его разносился эхом по коридорам, теряясь среди криков пингвинов и замирая где-то позади, в туннеле, где, к счастью, уже никого не было. Слава богу, он забубнил этот бред не сразу после того, как оглянулся, иначе нас давно уже не было бы в живых. Страшно даже вообразить себе нашу возможную участь.

> «Саут-стейшн – Вашингтон-стейшн – Парк-стейшн – Кендалл-стейшн – Сентрел-стейшн – Гарвард…»

Бедняга перечислял знакомые станции подземки, проложенной из Бостона в Кембридж за тысячи миль отсюда, в мирной земле Новой Англии, но мне его нервный лепет не казался ни бредом, ни некстати проснувшимся ностальгическим чувством. Денфорт находился в глубоком шоке, но я тут же безошибочно уловил пришедшую ему на ум болезненную аналогию.

Оглядываясь, мы ни на минуту не сомневались, что увидим жуткое чудище, но все же вполне определенное – к обличью звездоголовых мы как-то привыкли и смирились с ним. Однако в зловещей дымке вырисовывалось совершенно другое существо, гораздо более гнусное. Оно казалось реальным воплощением «чужого», инородного организма, какие любят изображать наши фантасты, и больше всего напоминало

движущийся состав, если смотреть на него с платформы станции метро. Темная громада, усеянная ярко светящимися разноцветными точками, рвалась из подземного мрака, как пуля из ствола.

Но мы находились не в метро, а в подземном туннеле, а за нами гналась, синусоидно извиваясь, кошмарная черная блестящая тварь длиною не менее пятнадцати футов, изрыгавшая зловоние и все более набиравшая скорость; густой пар окружал ее, восставшую из морских глубин. Это невообразимое чудовище – бесформенная масса пузырящейся протоплазмы – слабо иллюминировало, образуя тысячи вспыхивавших зеленоватым светом и тут же гаснувших глазков, и неслось прямо на нас; массивнее любого вагона, оно безжалостно давило испуганных беспомощных пингвинов, скользя по сверкающему полу – ведь именно эти твари отполировали его до полного блеска. Вновь издевательски прогремел дьявольский трубный глас: «Текели-ли! Текели-ли!». И тут мы вспомнили, что этим нечестивым созданиям, шогготам, Старцы дали все – жизнь, способность мыслить, пластические органы; шогготы пользовались их точечным алфавитом и, конечно же, подражали в звучании языку своих бывших хозяев.

XII

Не все запомнилось нам с Денфортом из нашего поспешного бегства, но кое-что все-таки удержалось в памяти. Помним, как пробежали громадную пещеру, куполу которой Старцы придали черты небесной сферы; как, несколько успокоившись, шли потом коридорами и залами мертвого города, но все это помним как во сне. Как будто мы находились в иллюзорном, призрачном мире, в некоем неизвестном измерении, где отсутствовали время, причинность, ориентиры. Нас несколько отрезвил сумеречный дневной свет, падавший на дно гигантской цилиндрической башни, но мы все же не осмелились приблизиться к оставленным саням и взглянуть еще раз на несчастного Гедни и собаку. Они покоились здесь как на дне огромного круглого мавзолея, и я от всей души надеюсь, что их мертвый сон никто и никогда не потревожит.

Лишь взбираясь по колоссальному пандусу, мы осознали, насколько устали; от долгого бега в разреженной атмосфере перехватывало дыхание, но ничто не могло заставить нас остановиться и перевести дух, пока мы не выбрались наружу и не оказались под открытым небом. Карабкаясь на вершину сработанного из цельных глыб шестидесятифутового цилиндра, пыхтя и отдуваясь, мы тем не менее понимали, что сейчас происходит наше глубоко символичное прощание с городом: параллельно пандусу шли широкой полосой героические барельефы, выполненные в изумительной технике древней эпохи сорок миллионов лет назад, – последний привет от Старцев.

Поднявшись на вершину башни, мы, как и предполагали, обнаружили, что спускаться нам предстоит по замерзшему каменному крошеву, окружившему башню снаружи на манер холма. На западе высились другие, не менее громадные постройки, на востоке же, в той стороне, где дремали вдали занесенные снегом вершины великих гор, здания обветшали и были заметно ниже. Косые лучи низкого антарктического полночного солнца пробивались сквозь строй покосившихся руин, а город по контрасту со знакомым полярным пейзажем казался еще древнее и угрюмее. В воздухе дрожала и переливалась снежная пыль, мороз пробирал до костей. Устало опустив рюкзаки, которые лишь чудом сохранились во время нашего отчаянного бегства, мы застегнули пуговицы на куртках и начали спуск. Потом побрели по каменному лабиринту к подножью гор, где нас дожидался самолет. За весь путь мы ни словом не обмолвились о том, что

побудило нас спасаться бегством, так и не позволив побывать на краю загадочной и самой древней бездны на Земле.

Меньше чем через четверть часа мы по крутой древней террасе спустились туда, откуда был виден темный силуэт нашего самолета, оставленного на высокой площадке среди вмерзших в лед редких руин. На полпути к нему мы остановились, переводя дух, и посмотрели еще раз на оставленные позади фантастические каменные джунгли, четко и таинственно отпечатанные на фоне неба. В это время туманная дымка, затягивавшая западную сторону небосвода, рассеялась, снежная пыль устремилась ввысь, сливаясь в некий диковинный узор, за которым, казалось, вот-вот проступит некая страшная, роковая тайна.

За сказочным городом на совершенно белом небосклоне протянулась тонкая фиолетовая ломаная линия, ее острые углы, озаренные розовым сиянием, призрачно вырисовывались на горизонте. Плоскогорье постепенно шло ввысь – к этому таинственно мерцавшему и манившему венцу; местность пересекало бывшее русло реки, похожее теперь на неровно легшую тень. У нас захватило дух от неземной красоты пейзажа, а сердце екнуло от страха. Далекая фиолетовая ломаная линия была не чем иным, как проступившим силуэтом зловещих гор, к которым жителям города запрещалось приближаться. Эти высочайшие на Земле вершины являлись, как мы поняли, средоточием чудовищного Зла, вместилищем отвратительных пороков и мерзостей; им опасливо поклонялись жители древнего города, страшившиеся приоткрыть их тайну даже на своих барельефах. Ни одно живое существо не ступало на склоны загадочных гор – лишь жуткие, наводящие ужас молнии задерживались в долгие полярные ночи на их острых вершинах, освещая таинственным светом землю далеко вокруг. На полярных просторах они стали как бы прообразом непостижимого Кадата, находившегося за зловещим плато Ленг, о чем смутно упоминается в древних легендах.

Если верить виденным нами барельефам и резным картам, до загадочных фиолетовых гор было почти триста миль, однако очертания их четко проступали над раскинувшейся снежной гладью, а зубчатые вершины, круто взмывая ввысь, вызывали ощущение того, что они находятся на чужой, полной неведомых опасностей планете. Высота этих вершин была немыслимой, недоступной человеческому воображению, они уходили в сильно разреженные слои земной атмосферы, которые посещали разве что призраки – ведь ни один из дерзких воздухоплавателей не остался в живых, чтобы поведать о своем непонятном, не поддающемся объяснению внезапном крушении. Вид гигантских гор заставлял меня не

без дрожи вспоминать барельефные изображения, которые подсказывали нам, что великая река могла нести с проклятых склонов нечто, державшее жителей города в смертном ужасе, и я мысленно задавал себе вопрос: а не был ли их страх порождением укоренившегося предрассудка? Я припомнил также, что горы эти своей северной оконечностью выходят к побережью в районе Земли Королевы Мери, где, в тысяче миль отсюда, именно сейчас работает экспедиция сэра Дугласа Моусона, и от всей души пожелал, чтобы ни с научным руководителем, ни с прочими членами экспедиции не случилось ничего дурного и чтобы они даже не заподозрили, сколь опасные гиганты таятся за грядой прибрежных скал. Эти мысли ужасно угнетали меня, нервная система была напряжена до предела, а Денфорт просто находился на грани срыва.

Однако еще задолго до того, как мы, миновав руины пятиконечного Утроения, достигли самолета, наши неопределенные страхи обрели вполне четкую мотивацию. Черные, усеянные вмерзшими в лед руинами склоны Хребтов безумия, заслонив от нас высоченной стеной восточную часть неба, вновь напомнили нам о таинственных азиатских полотнах Николая Рериха. То и дело возвращаясь мыслями к ужасным бесформенным тварям, которые, изрыгая зловоние, копошились в подземных норах, пронизывавших хребты вплоть до вершин, мы содрогались от страха, представляя, как будем вновь пролетать над круглыми отверстиями, пробуравленными в земле, и как от трубного завывания ветра у нас будет холодеть в груди. Хуже того – кое-какие вершины окутывал туман (бедняга Лейк принял это за проявление вулканической деятельности), и мы ежились, вспоминая туманные завитки в подземном туннеле и представляя себе адскую бездну, от которой восходил весь этот пар.

Самолет благополучно дожидался нас на прежнем месте, и мы, напялив на себя всю теплую одежду, приготовились к взлету. Денфорт легко завел мотор, и самолет без труда плавно взмыл в воздух, унося нас от кошмарного города. Внизу вновь поплыл каменный лабиринт, а мы поднимались все выше, замеряя силу и направление ветра. Должно быть, где-то в верхних слоях зарождалась буря, мы видели, как бешено мчались там облака, но на высоте двадцати четырех тысяч футов, над перевалом, условия для перелета через горы были довольно сносные. Когда мы приблизились к торчащим пикам, вновь послышались странные трубные звуки, отчего у Денфорта, сидевшего у штурвала, затряслись руки. Хотя я был средним пилотом, скорее дилетантом, но тут все же решил вести самолет сам: в сложных условиях лавирования между пиками слишком опасно было доверять управление человеку, потерявшему голову от страха.

Денфорт даже не протестовал. Собрав всю свою волю, я сосредоточился на управлении и, стараясь вести самолет как можно увереннее, не сводил глаз с красноватого клочка неба, открывшегося в провале между пиками. Я сознательно избегал смотреть на клубившийся у вершины туман и, слыша тревожные трубные звуки, завидовал в душе Одиссею, который в подобной ситуации, чтобы не внимать чарующему пению Сирен, залепил уши воском.

Денфорт же, оставшись без дела и томясь внутренним беспокойством, не мог спокойно усидеть на месте. Он все время крутил головой: провожал взглядом оставшийся позади город, глядел вперед на приближавшиеся вершины, изрытые пещерами и усеянные прямоугольными руинами, поворачивался то в одну, то в другую сторону, где проплывали внизу заснеженные предгорья с утопавшими в снегу развалинами крепостных стен, а иногда устремлял взор в небо, следя за фантастическими сочетаниями мчавшихся над нами облаков. Вдруг у самого перевала, когда я, вцепившись в штурвал, преодолевал самый ответственный участок пути, раздался его истошный вопль, который чуть не привел к катастрофе: штурвал дрогнул у меня в руках и я едва не потерял управление. К счастью, мне удалось совладать с волнением и мы благополучно завершили перелет, но вот Денфорт… Боюсь, он никогда теперь не обретет душевного равновесия.

Как я уже говорил, Денфорт наотрез отказался поведать мне, что за кошмарное зрелище заставило его завопить с такой силой, а ведь именно оно окончательно лишило юношу покоя. Оказавшись по другую сторону Хребтов безумия и чувствуя себя в безопасности, мы наконец заговорили, обмениваясь громкими (чтобы перекричать шум мотора и завывания ветра) замечаниями; в основном они касались наших взаимных обещаний не разглашать ничего, имеющего отношение к древнему городу. Эти поистине космические тайны не должны были стать достоянием широкой публики, предметом зубоскальства, и, клянусь, я никогда бы и рта не раскрыл, если бы не вполне реальная перспектива работы в тех краях экспедиции Старкуэтера – Мура и прочих научных коллективов. В интересах безопасности человечества нельзя бесцеремонно заглядывать в потаенные уголки планеты и проникать в ее бездонные недра, ибо дремлющие до поры монстры, выжившие адские создания могут восстать ото сна, могут выползти из своих темных нор, подняться со дна подземных морей, готовые к новым завоеваниям.

Мне удалось выпытать у Денфорта, что его последнее ужасное зрительное впечатление напоминало мираж. По его словам, оно не имело

ничего общего ни с кубическими сооружениями на склонах, ни с поющими, источающими пар пещерами Хребтов безумия. Мелькнувшее среди облаков дьявольское видение открыло ему, что таят фиолетовые горы, которых так боялись и к которым не осмеливались приближаться Старцы. Возможно, видение являлось наполовину галлюцинацией, вполне вероятной после перенесенных нами испытаний, а наполовину – тем не распознанным им миражом, который мы уже созерцали, подлетая днем назад к лагерю Лейка. Но что бы это ни было, оно лишило Денфорта покоя до конца его дней.

Иногда с его губ срываются бессвязные, лишенные смысла словосочетания вроде: «черная бездна», «резные края», «протошогготы», «пятимерные, наглухо закрытые конструкции», «мерзкий цилиндр», «древний Фарос», «Йог-Сотот», «исходная белая студнеобразная структура», «космический оттенок», «крылья», «глаза в темноте», «лунная дорожка», «первозданный, вечный, неумирающий» и прочие странные словосочетания. Придя в себя, он ничего толком не объясняет, связывая свои темные высказывания с неумеренным чтением в юные годы опасной эзотерической литературы. Денфорт, один из немногих, осмелился дочитать до конца источенный временем том «Некрономикона», хранившийся под замком в библиотеке университета.

Помнится, когда мы летели над Хребтами Безумия, небо хмурилось, и хотя я ни разу не посмотрел вверх, но, думаю, клубившиеся снежные вихри принимали там фантастические очертания. Быстро бегущие облака могли усилить, дополнить и даже исказить картину, воображение – с легкостью разукрасить ее еще больше, а к тому времени, когда Денфорт впервые заикнулся о своем кошмарном видении, оно успело также обрасти аллюзиями из его давнего чтения. Не мог узреть он так много в одно мгновение.

Тогда же, над хребтами, он истошно вопил одно и то же – безумные, услышанные нами одновременно слова: «Текели-ли! Текели-ли!».

1936

Азатот
Перевод Юрия Соколова

Когда старость легла на мир и умение удивляться оставило умы людей; когда серые города вознесли к дымным небесам башни мрачные и уродливые, в тени которых никто не посмел бы возмечтать о цветущих весенних лугах; когда ученость сорвала с Земли покров красоты и поэты забыли о том, как надо воспевать призрачные явления, зримые затуманенными и обращенными внутрь глазами; когда миновало сие и детские надежды исчезли навсегда, нашелся такой человек, который, оставив жизнь, отправился взыскать пространства, в кои бежали мечты мира.

Об имени и обители этого человека известно немногое, ибо принадлежали они только к миру проявленному; впрочем, говорят, что славными они не были. Достаточно будет сказать, что обитал он в городе с высокими стенами, в котором правил бесплодный сумрак, что трудился весь день посреди суматошных теней, а вечером возвращался домой в комнату, единственное окно которой открывалось не на просторные поля и рощи, но в темный двор, куда в тупом отчаянии смотрели другие окна. Из этого каземата видны были только стены и окна, и, только высунувшись подальше, можно было взглянуть на течение мелких звезд. И потому что одних только стен и окон достаточно для того, чтобы довести до безумия человека, который мечтает и много читает, обитатель той комнаты ночь за ночью высовывался из окна и зрел ввысь, дабы увидеть хотя бы кусочек того, что творится за пределами мира проявленного и его высоких городов. С течением лет он стал называть неторопливо плывущие звезды по именам и провожать их в воображении своем, когда, к прискорбию его, ускользали они от взора; и вот наконец зрение его открылось для множества тайных перспектив, о существовании которых не подозревало обыкновенное око. А однажды ночью вдруг лег над великой пропастью мост, и полные видений небеса пролились в окно одинокого зрителя, смешиваясь со спертым воздухом его комнаты, делая его соучастником своих сказочных чудес.

Хлынули в ту комнату буйные потоки фиолетовой полночи, усыпанные золотой пылью, вихри песка и огня, вырвавшиеся из запредельных пространств, и густые ароматы горних миров. Ливнем пролились опиаты, озаренные солнцами, которых не узреть взгляду, и в водоворотах их

резвились странные дельфины и нимфы морских, не знающих времени глубин. Бесшумная бесконечность вскипела вокруг мечтателя и понесла его прочь, не касаясь тела, так и застывшего в одиноком окне; и на дни, которым счета не было в календарях людей, приливы дальних сфер понесли его к движению других циклов, ласково оставив его спящим на зеленом рассветном берегу – на зеленом берегу, пропитанном дуновением лотосового цвета и усыпанном алыми камалатами…

1938

Говард Филлипс Лавкрафт, Кеннет Стерлинг
В стенах Эрикса
Перевод Валерии Бернацкой

Перед тем как немного отдохнуть, я хочу сделать эти записи для будущего отчета. То, с чем я встретился, так удивительно, так не похоже на все виденное мною раньше и так превосходит все наши представления, что заслуживает самого тщательного описания.

Я приземлился на главную посадочную площадку Венеры 18 марта по земному календарю и VI, 9 – по местному. Меня включили в основную, возглавляемую Миллером группу, выдали все необходимое, в том числе часы, учитывающие более ускоренное, по сравнению с Землей, вращение Венеры, и заставили пройти обычную серию тренировок в шлеме. Через два дня я был признан годным для исполнения своих обязанностей.

Покинув на рассвете VI, 12 центр компании по заготовке кристаллов в Терра-Нова, я направился по южному маршруту, разработанному Андерсоном из космоса. Идти было трудно – после дождя джунгли здесь почти непроходимы. Должно быть, именно влага придает всем этим ползучим и вьющимся растениям прочность кожи – даже с помощью ножа с ними меньше чем за десять минут не управишься. К полудню немного подсохло, растения стали нежнее и гибче, но и тогда я продвигался вперед медленно. Эти кислородные маски Картера неимоверно тяжелы, даже с половинным запасом нетренированный человек далеко не уйдет. Маски Дюбуа с их губчатой структурой резервуара – вместо трубчатой Картера – дают при том же весе в два раза больше воздуха.

Прибор для обнаружения кристаллов работал отлично, подтверждая направление, разработанное Андерсоном. Любопытно, как хорошо действует на практике принцип структурной близости – без всяких накладок, которые то и дело случаются, когда имеешь дело с «волшебной лозой» у себя на планете. Здесь в радиусе двадцати миль должны быть большие залежи кристаллов, хотя, думаю, эти чертовы люди-ящеры здорово их стерегут. Возможно, они считают, что мы зря торчим на Венере из-за кристаллов, так же как и мы думаем, что они не от большого ума лезут в грязь, где только ее не увидят, или держат на пьедестале в своем

храме груду камней. Им стоило бы завести новую религию – они ведь не видят в кристаллах никакого другого проку, кроме как молиться на них. За исключением этих своих религиозных символов, ящеры готовы поделиться с нами всем остальным, но даже если бы они и поняли подлинную ценность своих камней, то все равно их хватило бы на обе наши планеты. Мне, во всяком случае, надоело обходить охраняемые крупные скопления кристаллов, выискивая отдельные экземпляры в зарослях по берегам рек. Иногда мне хочется, чтобы с родины прибыли отборные воинские части и уничтожили всех этих чешуйчатых недотеп. На всю операцию хватило бы двадцати кораблей с солдатами. Ведь, несмотря на все их города и башни, никому и в голову не придет считать этих ублюдков людьми. Они умеют только строить жилища, да еще метать отравленные стрелы и биться мечами, и я не думаю, что их так называемые «города» чем-то отличаются от муравейников или поселений бобров. Сомневаюсь, что у них есть настоящий язык. Все эти предположения о телепатической связи посредством щупалец, расположенных у них на груди, кажутся мне чистым бредом. Просто всех вводит в заблуждение их прямая осанка – чисто случайное сходство с земным человеком.

Хотелось бы хоть раз пройти через джунгли и не угодить по дороге в их засаду, не попасть под град дротиков. Может, они были и ничего поначалу, когда мы еще не отбирали у них кристаллы, но теперь как с цепи сорвались – то стрелами забросают, а то норовят перерубить водный шланг. Я начинаю приходить к выводу, что у них есть что-то вроде шестого чувства. Никто из них не нападает на человека – разве что издали метнет дротик, – если у того нет при себе кристалла.

Около часу дня пущенная стрела чуть не снесла у меня с головы шлем, и на какой-то момент я решил, что порвана одна из кислородных трубок. Эти хитрые бестии двигались совершенно бесшумно, и трое из них окружили меня. Их трудно было различить в зарослях, цветом они с ними сливались, но по шорохам и по еле заметному покачиванию лиан я все-таки выследил их и уложил всех разом из огнемета. Один оказался восьми футов роста, с хоботом, как у тапира, двое других были середнячками, футов по семи. Они держатся только благодаря своему численному превосходству, а так один взвод с огнеметами мог бы основательно потрепать этот народец. Странно, однако, что именно они стали хозяевами планеты. Остальные – акманы и скоры, из пресмыкающихся, и летающие тюкасы, которые живут на другом континенте, – значительно уступают им в интеллекте. Впрочем, возможно, в норах на Дионеанском плоскогорье скрываются еще какие-нибудь существа.

Около двух часов стрелка моего детектора отклонилась на запад, указывая местонахождение единичных кристаллов. Это совпадало с расчетами Андерсона, и я соответственно изменил направление. Идти стало труднее – путь шел в гору, и еще потому, что вокруг кишмя кишели разные животные. Я бил ножом угратов и давил скор, а мой кожаный комбинезон был весь усыпан семенами лопающегося при малейшем прикосновении дароха, который прямо-таки устилал мне путь. Туман едва пропускал солнечный свет, и потому грязь не высыхала. Ноги при ходьбе погружались на пять-шесть дюймов, каждый раз приходилось их с хлюпаньем вытаскивать. В таком климате, конечно, следовало бы носить костюмчик не из кожи. Обыкновенная материя здесь бы сгнила; тонкая металлическая нервущаяся ткань – вот что здесь нужно.

В три часа тридцать минут я поел, хотя какая уж тут еда, просто проглотил чертовы таблетки. Вскоре я отметил, что пейзаж вокруг меня резко переменился, появились яркие, видимо, ядовитые цветы, постоянно меняющие цвет и время от времени принимающие призрачные очертания. Все вокруг мерцало, и яркие вспышки света появлялись то там, то тут, как бы танцуя в замедленном, но четком ритме. Температура в унисон с ритмической вибрацией также начала колебаться.

Глубокая, равномерная пульсация, казалось, сотрясала все вокруг, заполняя каждый уголок пространства и проникая во все клетки тела и мозга. Я утратил чувство равновесия и брел вперед, пошатываясь как пьяный. Попытался было закрыть глаза и прикрыть руками уши, но легче не стало. Сознание у меня, однако, оставалось ясным, и спустя некоторое время до меня дошло, в чем тут дело.

Я встретил наконец одно из тех необычных растений-миражей, о которых много рассказывали мои товарищи. Андерсон тоже предупреждал меня и описал их внешний вид довольно точно: шершавый стебель, колючие листья, пестрые цветы. Их вызывающий галлюцинации аромат проникает сквозь любую защитную маску.

Помня, что приключилось три года назад с Бейли, я впал в панику и рванулся изо всех сил вперед, хотя еле держался на ногах в этой тяжелой, погружающей в безумие атмосфере. Затем здравый смысл вернулся ко мне, и я понял, что нужно просто свернуть в сторону от опасных цветов, уйти от источника пульсации и, резко сменив направление, постараться идти как ни в чем не бывало, пока не окажусь вне радиуса действия растений.

Все в глазах у меня кружилось с бешеной скоростью, но я постарался выбрать нужное направление и начал прорубать себе путь. Видимо, далеко не прямой, потому что, как мне показалось, миновали часы, прежде чем я

освободился от всепроникающего удушливого аромата. Постепенно танцующие огоньки исчезали, прекратилась и пульсация, мир вновь обрел устойчивость. Почувствовав себя в безопасности, я взглянул на часы и с удивлением увидел: четыре часа двадцать минут. Мне казалось, что прошла вечность, а на самом деле мое приключение продолжалось немногим более получаса.

Любое промедление было, однако, нежелательным, ведь я и так потерял время, спасаясь от этих растений. Собрав все свои силы, я решительно устремился вверх по склону холма, куда указывал детектор. Пробираться сквозь заросли было по-прежнему трудно, но живности попадалось меньше. Только один раз плотоядное растение обхватило мою правую ногу и держало так цепко, что мне пришлось высвобождаться с помощью ножа, изрубив кровожадный стебель в клочья.

Примерно через час заросли поредели, а к пяти часам я пересек рощу гигантских древовидных папоротников с небольшим подлеском и вышел на открытое, заросшее мхом плато. Я шел быстро – детектор показывал, что разыскиваемый мною кристалл где-то поблизости. Странное дело, ведь большинство этих одиночных яйцеобразных сфероидов отыскивалось по берегам речушек в самой глубине джунглей и уж никак не на равнине, лишенной всякой растительности.

Плато медленно поднималось вверх, увенчиваясь скалистым гребнем. Вершины я достиг в пять часов тридцать минут и увидел перед собой довольно большую поляну, окаймленную вдали леском. Это было явно то плоскогорье, которое пятьдесят лет назад заметил из космоса и нанес на карту Матсугава, назвав его Эриксом. Почти в центре его находился предмет, при виде которого у меня от радости сильно забилось сердце. Он ярко сверкал, несмотря на довольно плотный туман, и, казалось, целиком поглотил всю интенсивность света, которую туман похитил у солнечных лучей. Да, это, несомненно, был тот самый кристалл, который я разыскивал, – не больше куриного яйца, но в нем столько энергии, что ее на год хватит для обогрева целого города. Неудивительно, думал я, созерцая отдаленный блеск, что эти жалкие люди-ящеры поклоняются кристаллам, хотя и не имеют ни малейшего понятия об энергии, которая таится в них.

Я перешел на бег, стремясь как можно скорее завладеть долгожданным призом, и меня очень раздосадовало, что плотный мох уступил вскоре место вязкому месиву, в котором изредка проступали кочки, заросшие травой и вьюнками. Но я шлепал прямо по грязи, не раздумывая и не остерегаясь людей-ящеров. На таком открытом пространстве они вряд ли устроят засаду. По мере моего приближения блеск кристалла все

возрастал, – похоже, мне попалось нечто уникальное, превосходнейший экземпляр! Перепрыгивая с кочки на кочку, я ликовал.

С этого момента мне надо особенно тщательно обдумывать записи для будущего отчета, потому что придется излагать события совершенно невероятные, которые, к счастью, легко доказать. В превосходном расположении духа я спешил вперед; до кристалла, лежавшего среди мерзкой жижи (не странно ли?) на некоем возвышении, оставалось каких-то сто ярдов, когда внезапно страшная сила ударила меня в грудь и отшвырнула прямо в грязь.

С минуту я лежал на спине, не шевелясь и ничего не соображая от неожиданного потрясения. Потом с трудом поднялся на ноги и почти бессознательно начал счищать с комбинезона налипшую грязь.

Я не понимал, что со мной случилось. Что меня откинуло с такой силой? Передо мной ничего не было. Может, я сам шлепнулся в грязь? Однако в кровь разбитые фаланги пальцев и ноющая грудь убеждали в другом. А может, все случившееся – просто галлюцинация, вызванная где-то притаившимся растением-миражом? Но нет, маловероятно, обычных симптомов отравления я не ощущал, а кроме того, на таком открытом месте это яркое и ни на что не похожее растение бросалось бы в глаза. Будь я сейчас на Земле, мог бы предположить, что здесь установили барьер системы «N», загораживающий запретную зону, но в этом Богом забытом месте такое даже предполагать было нелепо.

Собравшись с духом, я решил осторожно обследовать все вокруг. Держа в вытянутой руке нож, чтобы он первым встретил препятствие, я снова направился к сверкающему кристаллу, ступая шаг за шагом с величайшей осторожностью. На третьем шаге мой нож наткнулся на твердую поверхность, которую глаза мои не видели.

После минутного замешательства я осмелел. Вытянув вперед левую руку в перчатке, я убедился, что передо мной плотное невидимое препятствие. Или же это тактильная галлюцинация? Проведя рукой по преграде, я убедился, что она уходит в обе стороны – сплошная, гладкая, без всяких стыков плоскость. Раздираемый любопытством, я снял перчатку и обследовал преграду голой рукой. Она в самом деле была твердой и гладкой, как стекло, а по контрасту с теплым воздухом – холодной как лед. Я до предела напряг зрение, тщетно стараясь различить хоть какие-то признаки материала, из которого сделана эта странная конструкция. Судя по пейзажу впереди, здесь не действовал закон преломления света. Не отражала эта плоскость и солнечных лучей.

Любопытство мое возрастало, вытесняя все прочие эмоции, и я

возобновил свои эксперименты. На ощупь установил, что невидимая преграда начинается у самой земли и уходит вверх, высоту ее мне не удалось установить. И в длину она тянулась в обе стороны на неопределенное расстояние. Следовательно, это стена, хотя и неясно, из какого она материала и каким служит целям. Я опять подумал о растении-мираже, но, поразмыслив, окончательно выбросил это предположение из головы.

Постукивая по барьеру рукояткой ножа и носками тяжелых ботинок, я старался по звуку догадаться о природе материала. Особый бетон? Похоже, хотя на ощупь вещество больше всего напоминает стекло или металл. Несомненно, я встретился с чем-то необычным, что не вписывается в рамки моего предыдущего опыта.

Следующим логическим действием стала попытка выяснить размеры стены. Труднее всего будет определить ее высоту, может, это вообще не удастся. Легче разобраться с длиной и формой. Я начал осторожно продвигаться влево и уже через несколько шагов понял, что стена не прямая, а скорее всего идет огромным кругом или эллипсом. Но тут мое внимание переключилось на другой объект, связанный с кристаллом, до которого я так до сих пор и не добрался. Как я уже говорил, издали казалось, что сверкающий предмет занимает какое-то странное положение, будто лежит на большом возвышении, выступающем из грязи. Теперь, находясь от него на расстоянии в сотню ярдов, я смог сквозь туман различить, что же это за возвышение. Это было тело человека в кожаном комбинезоне. Он лежал на спине, а немного поодаль, в грязи, валялась кислородная маска. В правой руке, судорожно прижатой к груди, он держал приведший его сюда кристалл – необычайно крупный сфероид, настолько большой, что еле помещался в руке мертвеца. Даже издалека было видно, что человек умер недавно. Следов разложения почти не заметно, а в здешнем климате это означает, что смерть наступила не более чем сутки назад. Скоро на труп налетят мерзкие мухи-фарноты. Интересно, кто этот человек? Он прилетел со мной. Наверняка один из старожилов, отправился в долгую заготовительную экспедицию и забрел сюда случайно, ничего не зная об исследованиях Андерсона. Теперь же все проблемы для него закончились, и он спокойно лежит, зажав в окоченевшей руке сверкающий кристалл.

Я постоял так минут пять, озадаченно глядя на труп. Мной овладела смутная тревога, невыносимо хотелось бежать отсюда прочь. Причиной смерти не могли быть люди-ящеры, ведь кристалл по-прежнему оставался у мертвеца. Есть ли здесь какая-нибудь связь с невидимой стеной? Где он

нашел кристалл? Прибор Андерсона зарегистрировал наличие в данном районе кристаллов задолго до того, как этот человек погиб. Теперь невидимая стена казалась мне чем-то зловещим, и я с содроганием отшатнулся от нее. Но деваться некуда – нужно разгадать эту тайну как можно скорее, причем, помня о недавней трагедии, вести себя очень осторожно.

Прикидывая так и эдак, я догадался, как проще всего определить высоту стены или хотя бы понять, можно ли вообще это сделать. Захватив пригоршню грязи и подождав, пока она немного обсохнет, я швырнул ее в прозрачную стену, целясь как можно выше. На высоте около четырнадцати футов ком глухо стукнулся о невидимую преграду, расползся и потек вниз густым месивом, которое почему-то исчезало на глазах. Ясно, стена высокая. Второй ком, брошенный уже на высоту восемнадцати футов, опять стукнулся о невидимую поверхность и так же быстро исчез, как и первый.

Собравшись с силами, я решил бросить третий ком еще выше. Отжал его покрепче и дал получше обсохнуть. Затем швырнул вверх под таким острым углом, что он мог бы и не долететь до стены. Однако он благополучно долетел и даже перелетел, шлепнувшись с гулким плеском в грязь на другой стороне. Теперь я приблизительно представлял себе высоту преграды – что-то около двадцати футов.

Не стоило даже пробовать взобраться на вертикальную, абсолютно гладкую стену такой высоты. Следовательно, надо идти вдоль нее в надежде отыскать вход, отверстие или что-либо в этом роде. Какой она формы – в виде круга, замкнутой фигуры, а может, всего лишь дуги или полукруга? Приняв решение идти вдоль стены, я зашагал влево, водя руками по невидимой поверхности на тот случай, если нащупаю окно или другое отверстие. Перед тем как отправиться в путь, я попытался как-то обозначить отправную точку – вырыл ногой в грязи ямку, однако она тут же затекла. И все же я запомнил это место, приметив в леске вдали высокий сайкад, который находился на одной прямой со сверкающим кристаллом. Теперь, если стена окажется замкнутой, можно будет это определить, очутившись снова на том же месте.

Немного пройдя вдоль стены, я решил, что она, скорее всего, образует окружность диаметром около ста ярдов. Неужели этот человек лежит внутри замкнутого пространства? Это мне предстояло вскоре узнать.

Описав полукруг, я пришел к выводу, что труп действительно внутри. Вгляделся в лицо мертвеца с близкого расстояния и понял, что человек был сильно испуган, это запечатлелось в его остекленевших глазах. Внешне он

напомнил мне Дуайта, ветерана, с которым я лично не был знаком, но видел в прошлом году в центре. Кристалл, который он сжимал в руках, был поистине прекрасен – крупнейший из всех виденных мною.

Как раз в тот момент, когда я очутился так близко от тела, что мог, не будь стены, до него дотянуться, моя рука, продолжая скользить по невидимой поверхности, вдруг наткнулась на острую грань. Очень скоро мне удалось определить, что это край отверстия шириной в три фута; проем начинался у самой земли и кончался где-то выше моего роста. Никакой двери не было – ни сейчас, ни, видимо, раньше: по краям отверстия отсутствовали петли. Не раздумывая, вошел я внутрь и сделал два шага к распростертому в грязи телу, которое лежало поперек невидимого коридорчика. Любопытная подробность – пространство и внутри оказалось разделенным прозрачными перегородками. На теле трупа не было следов насилия. Это не удивило меня: кристалл находился на месте, следовательно, квазирептилии-аборигены тут ни при чем. Озабоченный загадкой этой смерти, я опять обратил внимание на лежащую у ног мертвеца кислородную маску. Это уже что-то. Без нее ни один человек не может дышать атмосферой Венеры дольше тридцати секунд. Дуайт – если это он, – очевидно, потерял маску. Может, плохо ее застегнул и ремешки не выдержали веса трубок? С маской Дюбуа такого бы не случилось. А с этой за тридцать секунд поломку не исправишь. Да и цианогена могло быть в атмосфере больше обычного. Вполне возможно, что он залюбовался кристаллом. Вынул его, наверное, из кармана – вот и клапан расстегнут.

Пытаясь освободить кристалл из окостеневших рук мертвого старателя, я понял, что задача эта не из легких. Сам сфероид был больше человеческого кулака и переливался, как живой, в красноватых лучах заходящего солнца. Дотронувшись до сверкающей драгоценности, я непроизвольно вздрогнул: показалось, что, взяв ее, я как бы приобщаюсь к трагической судьбе ее прежнего владельца. Впрочем, сомнения скоро рассеялись, и я положил кристалл в карман моего кожаного комбинезона.

Закрыв шлемом лицо мертвеца с устремленными в пустоту глазами, я выпрямился и вошел через невидимый проем в коридорчик.

Меня обуревало любопытство. С какой целью построено это сооружение, кем и из какого материала? Ясно одно – это не произведение человеческих рук. Наши космические корабли впервые сели на Венеру только семьдесят два года назад, и единственный форпост на планете был в Терра-Нова. Кроме того, люди не умеют изготавливать полностью прозрачные материалы, вроде того, из которого построено это сооружение.

Посещение Венеры в доисторические времена тоже исключалось, и, следовательно, оставалось лишь предположить, что сооружение воздвигнуто местными строителями. Может, до людей-ящеров на Венере жили высокоорганизованные существа? Что касается нынешних хозяев планеты, то, несмотря на их аккуратненькие постройки, трудно предположить наличие у них таких выдающихся способностей. Скорей всего, в древности на Венере существовала другая цивилизация, последним памятником которой и осталось это чудо. А может, будущие экспедиции найдут здесь и другие памятники исчезнувшей цивилизации? Цели, которые преследовались при строительстве таких конструкций, могли быть самыми разными, но странный и непрактичный материал наводит на мысль: это что-то связанное с религиозным культом.

Понимая, что в одиночку эти загадки не разгадать, я решил хотя бы немного изучить невидимую структуру. Надо полагать, поверх этой девственной грязи раскинулся невидимый лабиринт из множества комнат и коридоров; стоило разобраться в его плане. Итак, запомнив положение выхода по отношению к трупу, я начал продвигаться по коридору к центру лабиринта, где, возможно, побывал и покойник. Помещение у выхода я решил обследовать позже.

Несмотря на пробивающийся сквозь туманную дымку солнечный свет, приходилось продвигаться вперед на ощупь, вслепую. Коридор вскоре резко свернул в сторону и пошел дальше, к центру, закручиваясь спиралью, витки которой становились все короче. Иногда я нащупывал боковые тупиковые помещения, попадались мне также и разветвляющиеся ходы. Каждый раз я выбирал по возможности центральный коридор, который казался продолжением изначально выбранного маршрута. Обследовать боковые ходы можно будет позже, когда я дойду до центра и поверну назад. Все происходящее было точно сон – я шел невидимыми коридорами по невидимому сооружению, созданному неведомо кем на чужой планете.

Наконец, все так же пробираясь ощупью и спотыкаясь, я попал в просторное помещение. Обойдя его, я установил, что это круглая комната футов десяти шириной, а сопоставив положение лежащего трупа с высоким деревом, убедился, что нахожусь в центре невидимой конструкции. Из центрального помещения вели пять коридоров, не считая того, которым я пришел. Вход в этот последний коридор я запомнил накрепко, также соотнеся его расположение со своими главными ориентирами.

Пространство внутри этого помещения было абсолютно пустым – только грязь под ногами вместо пола. Желая узнать, есть ли надо мной крыша, я повторил эксперимент с комом грязи и убедился, что нету. Если

она и была прежде, то, видимо, обрушилась; впрочем, мне ни разу не попались обломки. Странно, за многие годы в такой древней постройке не обвалилась стена, не образовались пробоины – словом, никаких признаков обветшания…

Что же это все-таки такое? Откуда взялось? Из чего сделано? Почему на исключительно гладких стенах нет следов соединения отдельных секций? Почему отсутствуют двери, как внутри, так и снаружи? Ясно только одно – я нахожусь в круглой постройке без крыши и дверей, стены которой изготовлены из плотного, гладкого, абсолютно прозрачного материала. Диаметр постройки сто ярдов, а в центре ее находится небольшой зал, к которому ведет множество коридоров. Вот все, что мне удалось пока выяснить.

Солнце – раскаленный диск в оранжево-алом нимбе, плывущий над затянутым дымком лесом, – почти село на западе. Мне следовало поторопиться, чтобы устроиться на ночлег на твердой земле до наступления темноты. Я еще прежде решил устроить привал на мшистом плато вблизи от вершины, где впервые увидел далекое сияние кристалла. Рассчитывал, что мне, как всегда, повезет и люди-ящеры не спугнут мой сон. Вообще-то положено отправляться в подобные экспедиции группами не менее двух человек, чтобы ночью обязательно был дежурный, но ночные нападения случаются редко, и компания смотрит на несоблюдение правил сквозь пальцы. Эти чешуйчатые ублюдки ничего не видят ночью даже в двух шагах, несмотря на все свои дикарские факелы.

Найдя свой коридор, я отправился в обратный путь. Дальнейшее изучение можно продолжить завтра. Я опять продвигался на ощупь, полагаясь на свои руки, общее представление о конструкции, память, а также на приблизительные ориентиры в виде растущих там и сям чахлых пучков травы. Вскоре я оказался снова в непосредственной близости от трупа. Над покрытым шлемом лицом вились два фарнота – это означало, что труп начал разлагаться. Чувствуя непреодолимое отвращение, я инстинктивно поднял руку, чтобы прогнать этих первых могильщиков, и тут произошло нечто неожиданное: рука моя стукнулась о невидимую преграду. Значит, несмотря на всю мою осторожность, я вышел не в тот коридор, где лежал мертвец. Этот идет параллельно, следовательно, я где-то ошибся, свернув не туда.

Надеясь отыскать-таки проход, я продолжил путь, но скоро опять уперся в прозрачную стену.

Надо было возвращаться в центральный зал и начинать все заново. Трудно сказать, где я допустил ошибку. Я оглядел землю: не остались ли

чудом мои следы, но нет, любая вмятина в этой грязи тут же затягивалась. Попасть в центральное помещение было нетрудно, я вернулся и стал тщательно обдумывать обратный путь. Видимо, в прошлый раз взял чересчур вправо. Надо пойти коридором, расположенным левее, а где ошибся, пойму по ходу дела.

Теперь, продвигаясь ощупью, я был совершенно в себе уверен и свернул налево там, где раньше сбился с пути. Приходилось тщательно следить за круговоротами спиралевидного коридора, чтобы не угодить в боковые ответвления. И все же вскоре я с горечью убедился, что на этот раз труп оказался еще дальше от меня, чем прежде, – коридор закончился у внешней стены. В надежде отыскать новый выход наружу, я медленно продвигался вперед, прижавшись к невидимой стене, но неожиданно уперся в твердую перегородку. Конструкция здания была явно сложнее, чем представлялось мне поначалу.

Что делать: отправиться ли вновь к центру или же попробовать поискать смежные коридоры, которые могут привести к телу? В последнем случае, если не придумаю способа оставить следы, могу совсем сбиться с пути. Но как это сделать? Голова моя лихорадочно работала. У меня при себе нет ничего подходящего – ничего, что можно рассыпать или раскидать.

Ручка не оставляла на невидимой стене следов. Были, правда, еще пищевые таблетки, но их нужно поберечь. Если бы я и решился потратить таблетки, их все равно не хватило бы, да и жидкая грязь, скорее всего, засосет их. Я поискал в карманах старомодную записную книжку, к которой часто прибегал на Венере, хотя во влажной атмосфере бумага быстро сырела. Можно разорвать листки на мелкие клочки и раскидать по пути. Но книжки я не нашел, а разорвать то, что ее заменяло – тонкие и прочные металлические вращающиеся пластины для заметок, не было никакой возможности. То же самое относилось и к одежде. В необычной атмосфере планеты без непроницаемого кожаного комбинезона и специального нижнего белья не обойтись.

Я попытался размазывать по стенам хорошо отжатую грязь, но она исчезала на невидимой поверхности почти мгновенно, как и те комья, которые я бросал, чтобы определить высоту перегородки. Наконец, вытащив нож, я стал царапать гладкую стену, стараясь оставить на ней хоть какой-то след, который впоследствии можно будет если не увидеть, то хоть нащупать рукой. Все бесполезно – нож только скользил по диковинному материалу.

Отчаявшись в попытках как-то пометить свое передвижение, я снова направился в центральный зал. Попасть туда всякий раз бывало почему-то

проще, чем выбраться обратно, и возвращение мое много времени не заняло. На этот раз я отмечал на записывающем устройстве каждый поворот, составив предположительный чертеж пути и отметив на нем все расходящиеся коридоры. Чертовски медленно это у меня получалось: все определялось на ощупь, да и возможность ошибки была велика. Но мои старания не могли не окупиться.

Сумерки, которые на Венере длятся долго, уже сгущались, когда я снова оказался в центральном зале, все еще не теряя надежды до темноты выбраться наружу. Сравнив составленный по пути чертеж с прошлыми маршрутами, я решил, что обнаружил ошибку, и уверенно направился обратно по невидимым переходам. Взял еще левее, чем в прошлый раз, и, чтобы не заблудиться, сверял с пластинами каждый свой поворот. В полутьме нечетко обрисовывался силуэт мертвеца, теперь уже основательно облепленного фарнотами. Еще долго эти грязные твари будут прилетать сюда с равнины, чтобы творить свое мерзкое дело. С отвращением приблизившись к трупу, я собрался было пройти мимо, как вдруг ударился о стену – меня снова угораздило сбиться.

С болью в душе я понял, что окончательно заблудился. Устройство здания было слишком сложным, чтобы принимать скоропалительные решения, и мне следовало все тщательно выверить, прежде чем забираться в него. Так или иначе, нужно попасть на твердую почву до наступления полной темноты, и я опять направился в центр здания. Шел я теперь уже по интуиции, ошибаясь и путаясь, возвращаясь назад, и, сверяя маршрут с записями, начинал свой путь заново. Включая фонарик, я с интересом отметил, что его свет никак не отражается на невидимых стенах. Впрочем, меня это не особенно удивило – ведь и само солнце не отражалось в этом странном материале.

Уже совсем стемнело, а я все еще блуждал по лабиринту. Плотный туман скрывал большинство звезд и планет, но Земля отчетливо вырисовывалась в юго-западной части неба в виде мерцающей голубовато-бирюзовой звездочки. Она только что вышла из противостояния и была превосходно видна в подзорную трубу. Когда туман немного расходился, я просматривал в трубу даже Луну.

Мрак поглотил мой единственный ориентир – труп, и я, спотыкаясь, снова побрел в центральный зал. Несколько раз сбившись с пути, я наконец нашел его. Пришлось отказаться от мысли ночевать на твердой земле, делать нечего, надо до рассвета хотя бы отдохнуть. Неприятно, конечно, спать прямо в грязи, но в наших кожаных комбинезонах это все-таки возможно. Мне приходилось спать и в худших условиях, а преодолеть

естественное отвращение поможет страшная усталость.

В настоящий момент я сижу на корточках в центральном зале, по щиколотку в грязи, и делаю эти записи при свете фонарика. В моем странном положении есть что-то комичное. Заблудиться в здании без дверей – в здании, которого даже не вижу! Несомненно, уже рано утром я выберусь отсюда и во второй половине дня буду в Терра-Нова с кристаллом. Он великолепен и царственно блистает даже при слабом свете фонаря. Только что опять им любовался. Несмотря на усталость, сон не приходит, так что я довольно подробно записываю все случившееся. Однако пора кончать. Хорошо еще, что здесь можно не опасаться визита проклятых аборигенов. Неприятно, конечно, близкое соседство с трупом, но, к счастью, кислородная маска предохраняет от самого худшего. Надо экономно пользоваться запасами кислорода. Сейчас приму две пищевые таблетки и буду спать. Остальное потом.

На следующий день – после полудня, VI, 13

Все оказалось сложнее, чем мне представлялось. Я все еще в здании, и придется основательно попотеть, чтобы выбраться сегодня на твердую землю. Вчера долго не мог уснуть и пробудился чуть ли не в полдень. Мог бы спать и дольше, но меня разбудил солнечный свет, пробившийся сквозь туман. Труп выглядит ужасно – над ним уже трудятся червеобразные сификлы, вьются облаком фарноты. Шлем свалился с лица, на которое лучше не смотреть. Я еще раз порадовался, что у меня есть кислородная маска.

Отряхнувшись и досуха обтеревшись, я принял пару таблеток и вставил новый кубик хлората калия в электролизатор маски. Кубики расходовались мною экономно, и все же хорошо бы их было больше. После сна я чувствовал себя лучше и надеялся быстро выбраться из здания.

Тщательно просмотрев все свои записи и чертежи, я был потрясен сложным переплетением коридоров и стал опасаться, что ошибся в чем-то главном. Из шести коридоров, ведущих из центрального помещения, я выбрал тот, по которому, судя по всему, пришел. Выбрал, учитывая зрительный ориентир. Когда смотришь из этого коридора, труп, находящийся в пятидесяти ярдах, лежит на одной линии с громадным лепидодендроном из отдаленного леса. Теперь этот ориентир показался мне не таким уж надежным: мертвец все же довольно далеко от меня и из соседнего коридора его положение по отношению к дереву выглядит почти

так же. Да и дерево не слишком уж отличается от других лепидодендронов, виднеющихся на горизонте.

Все взвесив, я, к своему величайшему сожалению, понял, что не могу ответить, какой коридор ведет к цели. Вступал ли я каждый раз в новую часть лабиринта или все коридоры соединены между собой? Надо проверить. Жаль, что нельзя оставлять по дороге какие-нибудь следы, одна вещь в запасе у меня для этого есть. Костюм трогать не следует, но вот шлем, благо шевелюра у меня густая, можно использовать. Достаточно большой и светлый, он не затеряется в грязи. Сняв свой полусферический головной убор, я положил его у входа в самый правый из трех намеченных мною для проверки коридоров.

Я собирался отправиться сначала по этому маршруту, сворачивая там, где считал нужным, и сверяясь при этом со своим планом. Если путь окажется ошибочным, придется испробовать все другие варианты маршрута. Предположим, что и здесь меня ждет неудача. Тогда я проделаю то же самое со вторым маршрутом, а в случае необходимости – и с третьим. Нужно только сохранять спокойствие, и верный путь найдется. Даже если мне долго не будет везти, все же я непременно выберусь к концу дня на плато и заночую наконец на сухом месте.

Первые результаты не обнадеживали, хотя мне удалось изучить избранный маршрут немногим более чем за час. Все его коридоры оказались тупиками и заканчивались у внешней стены далеко от трупа. Вчера я на них ни разу не выходил. Однако, как и раньше, никакого труда не составляло найти дорогу в центральный зал.

Около часу дня я передвинул шлем ко второму входу и начал изучать систему его коридоров. Поначалу отдельные ответвления показались мне знакомыми, но вскоре я понял, что попал в неизвестную часть лабиринта. До трупа было далеко, и в центральное помещение я теперь уже не мог попасть, хотя фиксировал каждый поворот. Некоторые ходы и их пересечения были как бы неуловимы и не попадали в мой вчерне составленный план. Во мне нарастали одновременно ярость и уныние. Но терпение в конце концов обязательно победит, хотя поиски обещают быть долгими и трудными.

Было уже два часа, а я все еще бродил незнакомыми коридорами, нащупывая путь руками и делая тщательные пометки в своем плане. Я проклинал глупость и праздное любопытство, завлекшие меня в чертов лабиринт. Ведь возьми я кристалл и уйди с этого проклятого места, быть бы мне давно целым и невредимым в Терра-Нова.

Неожиданно мне пришло в голову: а не попытаться ли сделать ножом

подкоп под невидимой стеной? Так будет легче выйти наружу или хотя бы в примыкающий к выходу коридор. Знать бы только, на какую глубину уходит фундамент здания. Впрочем, повсеместная грязь говорит о том, что другого основания, кроме земли, у него нет. Я стал яростно копать своим широким острым ножом, а прямо передо мной лежал труп, с каждым часом превращаясь во все более жуткое зрелище.

Почва на шесть дюймов в глубину была сплошным месивом, но глубже обретала исключительную твердость. Отличалась она и цветом – серая глина, похожая на ту, что встречается у северного полюса Венеры. По мере приближения к невидимой стене грунт становился все тверже. Жидкая грязь тут же заливала вырытую ямку, но, несмотря ни на что, я продолжал работу. Если удастся сделать подкоп, никакая грязь не помешает мне выбраться.

На глубине трех футов почва оказалась настолько плотной, что рыть стало невозможно. С подобным сопротивлением материала я еще не встречался, даже на этой планете, – плотность была совершенно уникальная. Мой нож отсекал и дробил мельчайшие частицы этой невиданной глины, которые больше напоминали кусочки камня или металлическую стружку. Наконец нож и вовсе перестал справляться, пришлось отступить, так и не добравшись до основания стены.

Эта часовая работа была не только бесполезной, но и вредной: я израсходовал много энергии, проголодался и был вынужден принять лишнюю таблетку, а также положить еще один кубик в кислородную маску. В обследовании лабиринта наступила большая пауза – я очень устал и не мог даже двигаться. Немного отчистив руки и привалившись к невидимой стене, так чтобы не видеть трупа, я сел писать эти заметки.

Тело теперь представляет сплошную копошащуюся массу: видимо, запах гниения привлек акманов из отдаленного леса. Растущие на кочках эфьи тоже тянут к трупу свои прожорливые щупальца, но его защищает стена. Я мечтаю о появлении какого-нибудь хищника, вроде скоры, который мог бы почувствовать мой запах и пробраться в лабиринт. Такие существа прекрасно ориентируются. Можно проследить его путь и занести в план. А когда доберется до меня – пристрелить, с моим пистолетом это не проблема.

Но на это вряд ли стоит надеяться. Сейчас закончу писать, немного отдохну, а потом продолжу поиски. Вернувшись в центральный зал – это будет нетрудно, – пойду левым коридором. Может, выберусь до темноты…

Ночь – VI, 13

Новое затруднение. Выбраться отсюда будет хлопотно – возникли совершенно непредвиденные обстоятельства. Еще одна ночь в грязи, а завтра – бой.

После неудачного подкопа я немного отдохнул и в четыре часа снова отправился в путь. Приблизительно минут через пятнадцать достиг центрального зала и переложил шлем к последнему выходу. Продвигаясь ощупью по этому маршруту, я, казалось, узнавал знакомые места, но уже минут через пять был вынужден остановиться: открывшееся моим глазам зрелище насторожило меня.

Четверо или пятеро гнусных людей-ящеров вышли из дальнего леса. На таком большом расстоянии я плохо их различал, но мне почудилось, что, увидев меня, они остановились и, повернувшись к лесу, начали делать какие-то знаки, после чего к ним присоединилась еще дюжина сородичей. Все вместе они направились к невидимому зданию, а я тем временем рассматривал их. Раньше мне доводилось видеть этих ящеров только издали – в туманной дымке джунглей.

Сходство с пресмыкающимися поразительное, хотя, должен сказать, чисто внешнее. Когда они приблизились, стало заметно, что с рептилиями их роднит только наличие плоской головы да зеленая кожа, подобная лягушачьей. Они передвигались, держась исключительно прямо на своих забавных толстых лапах, а каждый их шаг по грязи сопровождался громким чавканьем. Все они были среднего роста – около семи футов, с четырьмя длинными щупальцами на груди. Движения щупалец говорили (если верить теориям Фогга, Экьерга, Джэнета, а я теперь начинаю им верить) о том, что существа возбужденно переговариваются между собой.

Я вытащил огнемет и приготовился к тяжелому бою. Силы были неравные, но оружие давало мне некоторое преимущество. Если ящеры знают план здания, они могут проникнуть ко мне и таким образом указать путь наружу – то, чего я ждал от плотоядных скор. Вероятность нападения была велика: они всегда чувствуют, есть ли у тебя кристалл.

Однако, к моему удивлению, они не делали никаких попыток напасть, а вместо этого окружили меня с разных сторон. Расстояние между нами показывало, что они стоят вплотную к невидимой стене. Эти странные существа молча, с любопытством разглядывали меня, иногда кивая головой и жестикулируя верхними конечностями. Немного спустя я увидел, что из леса вышли новые особи и, подойдя, присоединились к группе

любопытствующих. Те, кто был ближе к трупу, мельком взглянув на него, не делали никаких попыток его убрать. Зрелище ужасное, но люди-ящеры, казалось, не обращали внимания. Время от времени кто-нибудь отгонял лапой фарнота или давил извивающегося сификла, акмана или пытающихся дотянуться до трупа эфий.

Разглядывая этих диковинных непрошеных гостей и размышляя с беспокойством, отчего они не нападают на меня, я на время утратил волю и нервную энергию, так необходимые в моих поисках. Вместо этого я привалился к невидимой стене коридора и предался самым фантастическим размышлениям. Сотни тайн, ставивших меня ранее в тупик, вдруг наполнились новым, зловещим смыслом, и, попытавшись постичь его, я испытал неведомый мне прежде ужас.

Теперь, кажется, до меня дошло, почему эти отвратительные существа столпились в ожидании вокруг меня. Мне открылся, кажется, наконец и секрет прозрачной конструкции. Желанный кристалл, который я сжимал в руке, труп человека, владевшего им прежде, – все вдруг обрело страшный и зловещий смысл.

То, что я заблудился в этом хитроумном переплетении невидимых, лишенных крыши коридоров, представлялось мне ранее простым невезением. Но это далеко не так. Несомненно, это западня, специально устроенная этими адскими тварями, чье умение и интеллект я, к сожалению, недооценил. Почему я, зная об их изощренном архитектурном мастерстве, не заподозрил подвоха? Лабиринт – это капкан для людей, а кристалл играет роль приманки. Эти рептилии в стремлении уберечь от нас свои драгоценности избрали новую стратегию, обратив против нас нашу же алчность.

Дуайт – если только этот гниющий труп был прежде им – стал жертвой такой стратегии. Заблудившись в лабиринте, он не сумел найти выход. Его, очевидно, мучила жажда, да и запас кислорода наверняка был на исходе. Вряд ли он потерял маску, все это больше смахивает на самоубийство. Не желая ждать приближения неминуемой смерти, он сам сорвал маску и глотнул ядовитый воздух планеты. Чудовищная ирония заключалась в том, что он находился всего в нескольких шагах от спасительного выхода, до которого так и не добрался. Если бы он еще на минуту продолжил борьбу, то был бы спасен.

Теперь в том же положении оказался и я – в ловушке, окруженный любопытными зеваками, потешающимися над моими мучениями. Эта нестерпимая мысль, овладев моим разумом, затуманила его, и я, охваченный паникой, стал бестолково сновать по невидимым коридорам,

спотыкался, падал, бился о невидимые стены и наконец, обессиленный, свалился в грязь. Окровавленный, задыхающийся кусок безумной плоти – вот что я собой представлял.

Падение несколько отрезвило меня; поднявшись на ноги, я снова обрел способность видеть и размышлять. Стоящие вокруг наблюдали и как-то необычно, без всякой системы размахивали щупальцами – похоже, они от всей души хохотали над моими страданиями. Я погрозил им кулаком. Этот жест, казалось, лишь добавил им веселья, а некоторые попытались мне подражать, делая это своими зелеными верхними конечностями крайне неуклюже. Пристыженный, я попытался собраться с мыслями и оценить ситуацию.

Ситуация у меня лучше, чем у Дуайта. Во всяком случае, я знаю, что к чему, а знание – большая сила. У меня есть неоспоримые доказательства, что выход достижим, и поэтому я не впаду, как он, в отчаяние. Труп, или скорее уже скелет, – мой неизменный ориентир, указывающий направление, и, проявив упорство и смекалку, можно добиться своего.

Плохо, что меня окружили эти проклятые рептилии. Теперь, когда мне понятен и смысл ловушки, и то, что лабиринт сооружен из неизвестного невидимого материала, превосходящего по уровню обработки все земные технологии, недооценивать их разум и способности уже невозможно. Даже с огнеметом мне придется нелегко, понадобится максимум смелости и ловкости.

Но сначала нужно выбраться наружу, иначе кто-нибудь из ящеров может соблазниться и проникнуть в лабиринт. Когда я проверял оружие и количество боеприпасов, меня вдруг осенило: что, если попробовать действие оружия на стене? Может, здесь лежит путь к спасению? Химический состав материала, из которого изготовлена стена, мне неизвестен, кто знает, вдруг пламя разрежет его, как бумажный лист? Выбрав часть стены поближе к трупу, я с близкого расстояния разрядил в нее всю обойму, а затем стал проверять ножом, не появилось ли отверстия. Увы, ничего подобного. Пламя расстилалось по стене и гасло, так что мои надежды оказались напрасны. Только долгие, утомительные поиски выхода могли принести спасение.

Итак, проглотив пищевую таблетку и положив новый кубик в электролизатор, я решил возобновить свои попытки и, вернувшись в центральный зал, начал все заново. При этом постоянно заглядывал в свои записи и чертежи и делал новые, а сбиваясь с пути, возвращался назад. Так я бродил до темноты. Упорно продолжая поиски, я время от времени поглядывал на молчаливый круг потешавшихся надо мной зевак и заметил,

что их состав постоянно обновляется. Кто-то возвращается в лес, кто-то занимает опустевшее место. Чем больше мысли мои занимало такое мельтешение, тем меньше все это мне нравилось: я догадывался об истинных мотивах их тактики. Эти чертовы куклы могли добраться до меня в любое время, но вместо этого предпочитали следить за моими мучениями. Они, видимо, наслаждались зрелищем, а меня их интерес приводил в содрогание. Что угодно – только бы не попасть к ним в лапы!

С наступлением темноты я прекратил поиски и уселся в грязь отдохнуть. Теперь пишу при свете фонарика и вскоре постараюсь заснуть. Надеюсь, завтра мне повезет, потому что моя фляга почти пуста, а таблетки лакола – плохой заменитель воды. Вокруг много влаги, но вряд ли я решусь ее попробовать: вода здесь годна для употребления только после дистилляции. Вот почему мы тянем шланги в дальние районы, где вода лучше, или заготавливаем дождевую, когда эти чертовы твари перерубают наши шланги. Запас кислорода у меня тоже невелик – нужно во всем подсократиться. Много кислорода я потерял утром, когда делал подкоп, и позже, когда впал в панику. Завтра постараюсь ограничить физическое напряжение – буду беречь силы для встречи с рептилиями. Кроме того, кислород нужен мне на обратный путь в Терра-Нова. Мои враги не покидают свой пост: видно, как они стоят кругом, держа в лапах горящие факелы. Свет этих факелов пугает меня и не дает уснуть.

Ночь – VI, 14

Еще день поисков – и опять неудача! Меня беспокоит отсутствие воды – фляга пуста с полудня. Во второй половине дня пошел дождь, и я, вернувшись в центральный зал, набрал в шлем стакана два. Большую часть выпил, а остатки вылил во флягу. Таблетки лакола мало помогают от жажды – хорошо бы ночью пошел дождь. Я опять выставил шлем в надежде, что какая-то малость туда накапает. Пищевых таблеток тоже осталось немного. Надо вдвое сократить рацион. Но особенно меня беспокоят мои кубики – даже без больших физических усилий скитания по лабиринту требуют значительных кислородных затрат. От постоянной жажды и экономии кислорода кружится голова. Представляю, что будет, когда я сокращу питание.

В этом лабиринте есть какая-то загадка, какая-то неразъяснимая тайна. На своих чертежах я отметил некоторые повороты как тупиковые, но с каждым новым путешествием все как будто выглядит чуть-чуть иначе.

Никогда раньше не задумывался, насколько мы зависим от зрения. Слепой наверняка преуспел бы больше меня, но для большинства людей зрение – царь чувств. После бесплодных блужданий по лабиринту в моей душе поселилось глубокое отчаяние. Представляю себе, что пережил бедняга Дуайт. Его труп теперь полностью превращен в скелет, а потрудившиеся над этим сификлы, акманы и фарноты исчезли. Эфьи растаскивают по кусочкам кожаный костюм – они, оказывается, растут быстрее, чем я думал, и могут достичь невероятной длины. У стены по-прежнему дежурят сменяющие друг друга зеваки, они злорадно посматривают на меня, наслаждаясь моим несчастным видом. Еще сутки, и я сойду с ума, если только прежде не свалюсь замертво от усталости.

Однако делать нечего – надо продолжать поиски. Если бы Дуайт продержался еще минуту, то был бы спасен. Возможно, власти из Терра-Нова будут искать меня, хотя на это надежды мало – я отсутствую лишь третий день. Страшно ломит тело – лежа в этой мерзкой грязи, совершенно не отдыхаю. Прошлой ночью, несмотря на чудовищную усталость, спал урывками, и сегодня, похоже, будет то же самое.

Я существую в каком-то нескончаемом кошмаре – между сном и явью – и никогда не могу с уверенностью сказать, сплю я или бодрствую. Сильно дрожат руки – больше писать не могу. И эта ужасная толпа за стеной, это дрожащее пламя факелов…

После полудня – VI, 15

Крупная удача! Все вроде идет неплохо. Чувствую себя очень слабым и до утра плохо спал. Потом крепко заснул и спал до полудня, но, проснувшись, не почувствовал себя отдохнувшим. Дождя нет, и меня очень мучает жажда. Чтобы прибавить сил, проглотил лишнюю пищевую таблетку, но без воды она особой пользы не принесла. Попробовал было отжать воду из кома грязи, но меня тут же затошнило, а пить захотелось еще сильнее. Экономлю кубики и поэтому чуть ли не задыхаюсь. Долго идти не могу и порой ползу на коленях. Около двух часов дня показалось, что узнаю некоторые коридоры, и действительно – я оказался к трупу, или, точнее, скелету, ближе, чем за все дни моих злоключений. Лишь раз забрел в тупик, но с помощью своего плана и записок снова выбрался в главный коридор. Пометок и уточнений становится все больше – в них трудно разобраться. Они занимают уже три пластины, и я вынужден подолгу копаться в них. От жажды, удушья и усталости плохо соображаю и не

всегда ориентируюсь в своих же записях. А эти чертовы ящеры по-прежнему глазеют на меня и хохочут, обмениваясь красноречивыми жестами – видимо, смачно шутят в мой адрес.

Успех пришел в три часа. Я достиг коридора, в котором, согласно моим заметкам, еще не бывал, и когда ползал по нему, то понял, что двигаюсь окольным путем к скелету. Коридор был спиралевидный и напоминал тот, по которому я впервые достиг центрального зала. Каждый раз, выбирая, куда свернуть, я направлялся туда, где, как мне казалось, проходил раньше. По мере приближения к моему мрачному ориентиру среди наблюдателей по ту сторону стены усилились злорадный смех и жестикуляция. Они явно видели в моем успехе какую-то оборотную сторону, и это их очень веселило. Наверное, видя, в каком плачевном состоянии я нахожусь, рассчитывали легко расправиться со мной. Что ж, не стану выводить их из приятного заблуждения: я, конечно, очень слаб, но уверен в своем огнемете, тем более при таком количестве зарядов.

Несмотря на ожившую надежду, на ноги я не встал. Лучше уж ползти, сберегая силы для предстоящей встречи с людьми-ящерами. Боясь угодить в тупик, я продвигаюсь вперед очень медленно, однако, несомненно, приближаюсь к желаемой цели. Предчувствие влило в меня новые силы, и на какое-то время забылись и боль, и жажда, и то, что кислород на исходе. Существа столпились теперь у входа, они жестикулируют, подпрыгивают и смеются своими щупальцами. Скоро я, кажется, встречусь лицом к лицу со всей этой ватагой, а может, к тому времени из леса подоспеет и подкрепление.

Я нахожусь всего в нескольких ярдах от скелета и остановился только для того, чтобы сделать эти записи. Сейчас встану и прорвусь сквозь эту мерзкую свору. Уверен, что мне хватит сил обратить их в бегство, несмотря на многочисленность, – у моего оружия неисчерпаемые возможности. А потом отдых на сухом плато и утром – обратное путешествие через джунгли в Терра-Нова. Нелегкий путь, но в конце его меня ждет желанная встреча с людьми, отдых в человеческом жилище. Однако как жутко поблескивает этот череп! Как страшен его оскал!

К концу дня – VI, 15

Снова ловушка! Сделав предыдущую запись, пополз дальше к скелету, но неожиданно наткнулся на стену. И на этот раз я, видимо, ошибся, оказавшись там, где был три дня назад, когда впервые безуспешно пытался

выбраться из лабиринта. Не помню, кричал ли я в отчаянии – должно быть, нет: слишком ослаб, чтобы издать хотя бы звук. Просто валялся, убитый горем, в грязи, в то время как зеленые твари прыгали и веселились снаружи.

Наконец сознание вернулось ко мне. Вернулось вместе с острой жаждой, слабостью и удушьем. Собрав последние силы, я положил в электролизатор последний кубик. Сделал это, не отдавая себе отчета и не думая о том, как доберусь до Терра-Нова. Приток кислорода слегка оживил меня, и я более осмысленно огляделся вокруг.

Я был вроде подальше от бедняги Дуайта, чем в тот раз, когда впервые испытал разочарование. Возможно, если проползти еще немного, попаду в какой-нибудь смежный коридор. Со слабой надеждой я снова двинулся вперед, но через несколько футов, как и прежде, оказался в тупике.

Итак, это конец. За несколько дней я не нашел никакого выхода, и силы мои иссякли. Жажда сводит меня с ума, а запаса кислорода уже не хватит на то, чтобы вернуться в Терра-Нова. Интересно, почему эти чудовища столпились именно у входа, потешаясь надо мной? Наверное, самое забавное – внушить мне, что я приближаюсь к цели.

Долго мне не продержаться. Хотя я и решил не торопить события, как Дуайт. Оскалившийся череп повернут теперь в мою сторону, это сделали эфьи, пожирающие кожаный костюм. Ужасный провал пустых глазниц – такой взгляд пострашнее злорадства гнусных ящериц. Он придает мертвому оскалу белых зубов еще более зловещий вид.

Буду спокойно умирать в грязи, сберегая до конца силы. Моя металлическая книжка заканчивается. Надеюсь, кто-нибудь отыщет эти записи после моей смерти. Сейчас кончу писать и немного отдохну. Затем, когда темнота сгустится и эти пугала перестанут что-либо различать, соберусь с силами и швырну книжку через стену. Брошу ее левее, чтобы она не упала рядом с этими веселящимися извергами. Она может, конечно, утонуть в грязи, но может и упасть на одну из заросших травой кочек, где ее найдет человек.

Люди, если мои записи дойдут до вас, знайте – это не только предупреждение о западне. Надеюсь, моя судьба послужит уроком для других. Не надо собирать сверкающие кристаллы. Они принадлежат Венере. На нашей планете можно обойтись без них. Похищая сокровища, мы, очевидно, нарушаем какие-то таинственные законы, идущие из самых глубин космоса. Откуда нам знать, какие темные, могущественные и вездесущие силы стоят за этими рептилиями, охраняющими свои сокровища таким странным способом. Дуайт и я расплатились за все

сполна, так же как прежде платили другие и кто-то заплатит в будущем. А может, эти отдельные смерти – пролог к грядущему возмездию? Оставьте Венере то, что ей принадлежит.

Смерть все ближе, боюсь, мне не хватит сил перебросить книжку через стену. Тогда ее найдут люди-ящеры и, возможно, поймут, что это такое. Они никогда не узнают, к чему я призывал своих соплеменников, и поэтому уничтожат записи, не желая выдать тайну лабиринта. Перед смертью я стал лучше относиться к этим существам. Нам не дано знать, кто из нас по космическим критериям совершеннее или ближе к некоей органичной норме – мы или они.

Вынул из кармана кристалл, чтобы полюбоваться им в последние мгновения. В огненных лучах заходящего солнца он сверкает ярко и зловеще. Беспокойная ватага заметила его, и их жестикуляция как-то странно изменилась. Почему они толкутся у входа, а не подойдут ближе и не встанут у прозрачной стены?

Я коченею и больше писать не могу. Кружится голова, но сознание еще присутствует. Смогу ли перебросить через стену книжку? Кристалл ослепительно сверкает, но тьма сгущается.

Темно. Страшная слабость. Они все еще смеются и прыгают у входа, освещая факелами темноту.

Они уходят? Мне послышался какой-то звук… легкий звук в небе.

Донесение Уэсли П. Миллера из группы розыска «А», «Винес кристалл компани»

(Терра-Нова, VI, 16)

Наш сотрудник А-49, настоящее имя Кентон Дж. Стэнфилд, проживающий по адресу: Виргиния, Ричмонд, улица Маршалла, 5317, покинул Терра-Нова рано утром VI, 12, отправившись за кристаллом, местонахождение которого указывал детектор. Должен был вернуться тринадцатого или четырнадцатого. Он не появился и вечером пятнадцатого, и тогда на розыски был послан поисковый самолет ФР-58 с группой из пяти человек под моим командованием. Мы вылетели в восемь часов пополудни, имея с собой детектор. Его стрелка показывала, что местоположение кристалла не изменилось.

До плато Эрикса мы летели, следуя указаниям детектора и посылая

сильные световые лучи во все стороны. С нами были дальнобойные огнеметы и радиоактивные излучатели типа «Д», способные подавить бунт аборигенов или нападение хищных скор.

Пролетая над плато Эрикса, мы заметили скопление огней – это оказались обитатели планеты с горящими факелами. Когда мы снизились, они – числом около сотни – скрылись в лесу. Детектор указывал, что кристалл находится в том районе, где они только что толпились. Мы опустились еще ниже, и тогда наши прожекторы осветили то, что лежало на земле. Это был скелет, опутанный эфьями, а в десяти футах виднелось человеческое тело. Когда мы приземлялись, невидимая преграда повредила крыло самолета.

Направившись к обнаруженным останкам, мы неожиданно наткнулись на гладкую невидимую стену.

Идя ощупью вдоль нее, мы добрались до отверстия, за которым было обширное пространство, нечто вроде холла, окруженного такими же невидимыми стенами. В одной из них мы обнаружили ход, который привел нас к скелету. Рядом с несчастным, одежду которого разорвали хищные растения, лежал шлем с указанием его данных. Это был служащий отдела Кенига Фредерик Н. Дуайт, номер В-9, отправившийся в долгосрочную заготовительную экспедицию и отсутствующий уже два месяца.

Хотя между скелетом и телом тоже была невидимая стена, мы сразу же узнали Стэнфилда. В левой руке он держал металлическую книжку, а в правой – ручку – видимо, писал в момент смерти. Кристалла видно не было, но детектор указывал, что рядом со Стэнфилдом должен находиться очень крупный экземпляр.

Мы с большим трудом добрались до Стэнфилда. Тело было еще теплым; рядом, утопая в грязи, лежал огромный кристалл. Прочитав оставленные им записи, мы решили следовать советам покойного. Текст этих записей прилагается к настоящему донесению, его наблюдения проверены и полностью подтвердились. Они дают достоверное объяснение разыгравшейся трагедии. Его заключительные выводы говорят об ослаблении интеллекта и потому могут быть оставлены без внимания, но это не повод, чтобы подвергать сомнению все остальное. Стэнфилд умер от совокупности причин: жажды, удушья, сердечной слабости и глубокой депрессии. Он до конца оставался в маске, которая продолжала в небольшом количестве подавать кислород.

В связи с поломкой самолета мы вызвали по рации Андерсона из ремонтного отдела и попросили выслать аварийную группу, снабдив ее также взрывчаткой. Утром прилетел ФХ-58, который вел сам Андерсон,

забрал мертвых, кристалл и вернулся на базу. Дуайта и Стэнфилда похоронят на кладбище компании, а кристалл отправят в Чикаго на ближайшей ракете. Мы, конечно, последуем совету Стэнфилда, данному им еще в здравом уме, и пришлем сюда военных, чтобы полностью уничтожить аборигенов. Без них можно будет беспрепятственно добывать кристаллы.

После полудня мы с большими предосторожностями, пользуясь длинной бечевой, обследовали здание и составили подробный план лабиринта для наших архивов. Конструкция не имеет аналогов; что же касается материала, то нами был взят образец для химического анализа. Результаты исследования могут понадобиться при уничтожении поселений аборигенов. Наши буры с алмазными головками просверлили неизвестное вещество, и рабочие закладывают сейчас в отверстие динамит. Следует навести здесь порядок, поскольку здание представляет большую опасность для наземного и воздушного транспорта.

Рассматривая план лабиринта, мы были потрясены иронией судьбы, сыгравшей злую шутку и с Дуайтом, и со Стэнфилдом. Пытаясь пройти к Стэнфилду от скелета, мы потеряли коридор, который привел нас сюда, но потом Маркхейм отыскал проход из ближнего ко входу холла; Дуайт лежал футах в пятнадцати от него, а Стэнфилд – в четырех-пяти. Проход ведет еще в один холл, который мы не обследовали, а правое его ответвление привело нас прямо к телу. Стэнфилд находился от выхода из лабиринта футах в двадцати двух-двадцати трех, не более, коридор начинался у него за спиной, но из-за усталости и отчаяния он проглядел его.

1939

Злой священник
Перевод Юрия Соколова

В комнату на чердаке меня провел серьезный, интеллигентного вида человек в скромной одежде и со стального цвета бородой, заговоривший со мной следующим образом:

– Да, он жил здесь, но я не советую вам что-либо предпринимать. Любопытство делает вас безответственным. Мы никогда не приходим сюда по ночам, и делаем так только благодаря его завещанию. Вам известно, чем он занимался. Это отвратительное общество наконец одержало верх, и мы не знаем, где он погребен. Ни закон, ни что либо другое не могли повлиять на это общество.

– Надеюсь, что вы не станете оставаться здесь после наступления темноты. И умоляю оставить в покое эту похожую на спичечный коробок вещицу, что лежит на столе. Нам неизвестно, что это такое, однако мы подозреваем, что предмет этот как-то связан с его занятиями. Мы даже стараемся не смотреть на него пристально.

Спустя некоторое время этот человек оставил меня в одиночестве. Чердачная комната показалась мне очень мрачной, пыльной и весьма скудно обставленной, и все же она выглядела опрятно, указывая тем самым на то, что не является обителью трущобного жителя. На книжных полках теснились друг к другу теологические и классические книги, другой книжный шкаф занимали трактаты по магии – Парацельса, Альберта Великого, Тритемия, Гермеса Трисмегиста, Бореля[21], с которыми соседствовали другие, написанные незнакомыми мне буквами. Мебель была очень простой. Единственная дверь в комнате открывалась в чулан. Входом и выходом же служило отверстие в полу, к которому вела грубая и крутая лестница. Круглые окошки и почерневшие дубовые балки свидетельствовали о невероятной старине. Дом этот явно принадлежал к Старому Свету. Кажется, я знал, где нахожусь, но не могу вспомнить того, что знал тогда. Бесспорно, город этот не был Лондоном. Скорее я находился в небольшом морском порту.

Небольшой предмет на столе приковывал мое внимание. Я явно знал, что нужно с ним делать, ибо достал из кармана электрический фонарик – во всяком случае нечто похожее на него – и нервным движением опробовал его. Свет оказался не белым, но фиолетовым, и напоминал истинный свет

не более чем радиоактивное излучение. Помнится, я и не считал этот фонарик обыкновенным – обыкновенный-то находился у меня в другом кармане.

Уже темнело, и древние крыши и колпаки дымовых труб снаружи казались очень странными в круглых проемах окон. Наконец я набрался отваги и поставил небольшой предмет на столе торчком возле книги – и затем посветил на него таинственными фиолетовыми лучами. Свет казался теперь скорее дождем или градом, потоком капель, а не лучом. Попадая на стеклянную поверхность в центре странного устройства, он производил треск, несколько напоминавший шипение вакуумной трубки, сквозь которую пролетают искры. Темная стеклянистая поверхность начинала светиться розоватым светом, и в середине ее уже как бы формировался некий белый силуэт. Тут я заметил, что нахожусь в комнате не один, и опустил лучевой проектор в карман. Однако пришедший не заговорил – более того, я не услышал ни звука во все непосредственно последовавшие мгновения. Все вокруг приобрело облик сумрачной пантомимы, рассматриваемой издали через некую промежуточную дымку – хотя, с другой стороны, новопришедший и все последовавшие за ним казались рослыми и близкими, точнее, одновременно близкими и далекими, согласно некоей аномальной геометрии.

Новопришедший оказался тощим и темноволосым человеком среднего роста в священническом облачении англиканской церкви. С виду ему было лет тридцать, желтовато-оливковая кожа покрывала достаточно правильные черты, которые дополнял ненормально высокий лоб. Черные волосы его были хорошо подстрижены и аккуратно причесаны, синел густым волосом хорошо выбритый подбородок. На носу его сидели очки без оправы со стальными дужками. Сложение и лицо его ничем не выделялись в ряду всех виданных мной священников, разве что куда более высоким лбом, однако лицо было несколько смуглее и интеллигентнее – но также и более закосневшим в тонко скрываемой злобе.

В это самое мгновение – только засветив неяркую керосиновую лампу – он казался нервозным и, прежде чем я успел что-то сообразить, принялся швырять все свои магические книги в незамеченный мною прежде камин, находившийся в комнате со стороны окна (там, где стена резко наклонялась). Пламя с жадностью принялось пожирать фолианты – вспыхивая странными красками и источая неописуемо гнусные оттенки зловония, пока исписанные непонятными иероглифами страницы и источенные червем фолианты покорялись всеразрушающей стихии. Тут я немедленно заметил, что в комнате присутствуют и другие лица –

серьезные с виду мужчины в священнических одеяниях, на одном из которых были ленты и бриджи епископа. Хотя я и не мог ничего слышать, мне было ясно, что явились они с решением высшей важности для первопришедшего. Они одновременно и ненавидели его, и боялись, и он явно разделял эти чувства по отношению к ним. На лице его застыло угрюмое выражение, но я видел, как трясется его правая рука, которой он пытался опереться о спинку стула. Епископ указал рукой на опустевший ящик и на камин (где язычки пламени уже гасли на обугленной, бесформенной груде), явно наполняясь при этом особенным отвращением. Пришедший первым тут сухо улыбнулся и протянул левую руку к находившемуся на столе небольшому предмету. Всех охватил испуг. Процессия клириков по одному начала спускаться вниз по крутой лестнице через люк в полу, поворачиваясь к пришедшему первым и грозя ему. Епископ ушел последним.

Пришедший первым теперь подошел к шкафу, находившемуся на внутренней стороне комнаты, и извлек из него моток веревки. Став на кресло, он привязал конец веревки к крюку на толстой серединной балке черного дуба и начал вязать удавку на другом ее конце. Осознав, что он намеревается повеситься, я шагнул вперед, чтобы отговорить и спасти его. Увидев меня, он прекратил свои приготовления, поглядев на меня с победоносным видом, чем немало озадачил и даже смутил меня. Ступив вниз с кресла, он скользнул ко мне с чисто волчьим выражением на смуглом, тонкогубом лице.

Каким-то образом я ощутил, что нахожусь в смертельной опасности, и извлек из кармана свой лучевой проектор, чтобы воспользоваться им в качестве средства обороны. Не знаю, почему я решил, что это орудие способно помочь мне. Включив его, я направил проектор прямо ему в лицо, и смуглая кожа осветилась сперва фиолетовым, а потом розовым светом. Волчий восторг начал сползать с его лица, сменяясь выражением глубочайшего страха, впрочем, не до конца вытеснившего восторг. Он замер на месте – а потом, отчаянно размахивая руками в воздухе, отшатнулся назад. Я заметил, что за спиной его находится в полу открытый лестничный люк, и попытался выкрикнуть предостережение, однако он не слышал меня. Еще через мгновение он шатнулся в отверстие и скрылся из виду.

Не без труда я заставил себя подойти к люку, однако, сделав это, не увидел внизу никакого искалеченного падением тела. Напротив, внизу затопали люди, поднимавшиеся наверх с фонарями, ибо легшая на комнату фантастическая тишина разлетелась вдребезги и я снова услышал звуки и

увидел нормальные трехмерные силуэты. Итак, нечто привлекло сюда толпу. Неужели это был звук, которого я не услышал?

Наконец двое из них (простые крестьяне с вида), далеко опередившие остальных, заметили меня и замерли как вкопанные. Один из них громко и звонко вскрикнул:

– Ахти мне!.. Ён, видишь? Снова?

Тут все они повернулись и ударились в бегство. То есть все, кроме одного. Когда толпа растворилась, я увидел степенного бородатого человека, который провожал меня к этому месту, стоявшего в одиночестве с фонарем в руках. Он смотрел на меня завороженным и изумленным взглядом, но не был испуган. Поднявшись по лестнице, он присоединился ко мне и сказал:

– Итак, вы не оставили этот предмет в покое! Жаль. Мне известно, что с вами случилось. Такое уже было здесь прежде, однако тот человек испугался и застрелился. Вам не следовало позволять ему вернуться. Вам известно, чего он хочет. Однако вам не обязательно пугаться, как тому человеку, которого он забрал. С вами произошло нечто очень странное и жуткое, однако случившееся не зашло настолько далеко, чтобы повредить вашему уму и личности. Если вы будете сохранять спокойствие и признаете необходимость радикальных изменений в собственной жизни, то сможете по-прежнему наслаждаться жизнью и плодами собственной учености. Однако жить здесь вам нельзя, и я сомневаюсь в том, что вы хотите вернуться назад в Лондон. Советую перебраться в Америку.

– Но не смейте вновь баловать с этой… вещью. Теперь уже ничего нельзя повернуть назад. Если попробуете что-либо сделать или… вызвать нечто, станет только хуже. Вы отброшены не так далеко, как могло быть, но отсюда вам надо убираться немедленно и никогда не возвращаться обратно. Лучше благодарите Небо за то, что процесс не зашел дальше…

– Хочу предупредить вас со всей откровенностью: в вашей внешности произошла… некоторая перемена. Он всегда производит их. Однако в новой стране вы привыкнете. В дальнем конце комнаты есть зеркало, и я намереваюсь подвести вас к нему. Вас ждет потрясение, хотя вы не увидите ничего отвратительного.

Смертный страх сотрясал теперь мое тело, и бородачу пришлось поддерживать меня на пути к зеркалу со слабой лампой (той, что прежде находилась на столе, а не еще более слабой, которую он принес с собой) в свободной руке. И вот что я увидел в стекле: худощавого и смуглого человека, облаченного в одеяния священника англиканской церкви, тридцати примерно лет от роду, в лишенных оправы очках со стальными

дужками, поблескивавшими под оливково-желтым, необычайной высоты лбом.

Облик безмолвного незнакомца, сжигавшего свои книги.

И всю свою жизнь внешне мне предстояло быть этим человеком!

1939

В поисках неведомого Кадата
Перевод Дениса Афиногенова

Трижды грезился Рэндольфу Картеру чудесный город, и трижды Картер пробуждался в тот самый миг, когда выходил на высокую террасу, с которой открывался великолепный вид: сверкали в лучах заката многочисленные купола, колоннады, мраморные арки мостов, облаченные в серебро фонтаны, что украшали широкие площади и тенистые сады; вдоль улиц тянулись ряды деревьев, цветочные клумбы и статуи из слоновой кости, а на севере карабкались на крутые склоны холмов островерхие красные крыши, целое море крыш, волны которого отделялись друг от друга вымощенными булыжником переулками. Переполняемый восторгом, Картер будто слышал пение небесных труб и звон цимбал. Подобно тучам вокруг легендарной горы, на вершину которой не ступала нога человека, город окутывала тайна; и когда Картер, трепетавший в предвкушении чуда, взирал с балюстрады, его терзали воспоминания о былой красоте мира и он рвался туда, где обитала некогда эта красота.

Он знал, что каким-то образом связан с тем городом, хотя и не мог сказать, в каком из воплощений, во сне или наяву он бывал там. Картер смутно припоминал далекую юность, когда каждый день обещал радость и удовольствие, а рассветы и закаты словно вторили песням и звукам лютни, отворяя огненные врата, за которыми скрывались еще более грандиозные чудеса. Ночь за ночью на высокой мраморной террасе с ее диковинными вазами и изваяниями, глядя на раскинувшийся внизу в лучах заходящего солнца прекрасный город, Картер ощущал невидимые путы, которые набросили на него деспотические божества сновидений: ибо как ни стремился он покинуть возвышение, спуститься по широким лестницам к древним мощеным улочкам, все было напрасно.

Проснувшись в третий раз, осознав, что так и не сумел достичь желаемого, он принялся молиться и долго и пылко взывал к капризным божествам, таящимся за облаками на вершине неведомого Кадата, что высился посреди холодной пустыни. Но боги не ответили ему, даже когда он воззвал к ним во сне, даже когда принес жертву, назначенную бородатыми жрецами Нашт и Кама-Таха, чей пещерный храм с огненным столбом расположен недалеко от ворот в мир яви. Впрочем, молитвам его все же вняли, однако иначе, нежели он рассчитывал: уже после первого

моления чудесный город перестал являться ему во сне, будто он, Рэндольф Картер, чем-то оскорбил богов или нарушил их волю.

Наконец, истомившись от тоски по сверкающим улицам, извилистым переулкам и островерхим крышам, Картер с мужеством отчаяния вознамерился попасть туда, где не бывал до сих пор ни один человек, – преодолеть мрак ледяной пустыни и достичь неведомого Кадата, окутанного облаками и увенчанного звездами, на вершине которого стоит ониксовый замок Великих.

Погрузившись в легкую дрему, он спустился по семидесяти ступенькам в пещеру пламени и поведал о своем замысле бородатым жрецам Нашт и Кама-Таха. Те покачали головами и сказали лишь, что он погубит душу. Они утверждали, что искушать Великих просьбами по меньшей мере безрассудно, и напомнили Картеру, что никому из смертных не известно, где находится Кадат – то ли в краях грез поблизости от нашего мира, то ли в непознанной дали, у Фомальгаута или Альдебарана. Лишь троим удалось пересечь темные провалы между мирами грез, и двое потеряли разум. Опасностей на пути не перечесть, а в конце путника поджидает ужас, обитающий за пределами упорядоченного космоса, последний осколок первобытного хаоса, оскверняющий пространство в самом центре бесконечности, – султан демонов Азатот, имя которого не смеют произносить ничьи уста. Он восседает в своих темных палатах вне времени, внимая оглушительному грохоту барабанов и пронзительному визгу колдовских дудок, наблюдая за неуклюжими движениями Других Богов, слепых, немых, мрачных божеств, чьим посланцем является ползучий хаос Ньярлатотеп.

Так предостерегали Картера бородатые жрецы Нашт и Кама-Таха в пещере пламени, однако Рэндольф не пожелал отказаться от своего намерения отыскать неведомый Кадат, где бы тот ни был, и вызнать у богов, которые восседают на его вершине, местонахождение чудесного города. Он знал, что путь будет долгим и трудным, что Великие воспротивятся его попыткам, но, поскольку был не новичком в стране грез, надеялся, что сумеет преодолеть все и всяческие преграды. Испросив благословения жрецов, он сошел по семидесяти ступеням к Вратам Глубокого Сна, миновал их и очутился в зачарованном лесу.

Там, под сенью кряжистых дубов, ветви которых переплетались между собой, а стволы поросли диковинным светящимся мхом, обитали загадочные зуги, ведавшие многие тайны мира грез и располагавшие кое-какими познаниями о мире яви, ибо их лес в двух местах соприкасался с землями людей (сказать, где именно, значило бы потрясти основы

мироздания). Там, куда имели доступ зуги, среди людей возникали невообразимые слухи, происходили необъяснимые события, творились невероятные дела, и нам повезло, что они не могут существовать вдали от края сновидений. В своем же собственном мире они странствуют свободно, шныряют по нему едва различимыми бурыми тенями, жадно впитывают все, что случается вокруг, чтобы потом, вернувшись в лес, рассказать собравшимся перед очагом сородичам. Большинство зугов живут в норах, но некоторые селятся в дуплах деревьев; питаются они в основном древесными грибами, однако не брезгуют и мясом, и многие из сновидцев, забредавших в зачарованный лес, так и не выбрались оттуда. Тем не менее Картер не испытывал страха; он неоднократно бывал у зугов, научился их языку; заключил с ними союз. Они даже помогли ему отыскать блистающий Селефаис в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, город, которым правил полгода король Куранес, знакомец Картера в мире яви, известный ему под другим именем. Куранес единственный преодолел звездный провал и не сошел с ума.

Шагая по тропинке, что вилась меж гигантских стволов, Картер время от времени издавал нечто вроде птичьей трели и прислушивался, не прозвучал ли ответ. Он помнил, что одно селение зугов находится прямо посреди леса, там, где выстроились в круг на поляне громадные замшелые валуны – творение древнего, всеми ныне позабытого народа, – и направился туда. Вскоре он разглядел впереди исполинский серо-зеленый монолит, возвышавшийся над макушками деревьев, и догадался, что теперь до селения зугов подать рукой. Он снова издал тот же переливистый звук, и на поляну высыпали крошечные существа. Их было не перечесть. Наиболее дикие принялись немилосердно толкать Картера, а один даже укусил его за ухо. Впрочем, старики быстро утихомирили непосед. Мудрецы совета, признав гостя, предложили ему напиток из коры призрачного дерева, что выросло из семени, которое уронил кто-то из лунных жителей. Картер пригубил вино, как того требовал обычай, и начался весьма странный разговор. К сожалению, зуги не ведали, где расположен Кадат, не могли сказать, в каком из миров грез простирается холодная пустыня – в нашем или нет. Наверняка можно было утверждать лишь одно: богов следует искать не в долинах, а на вершинах гор, ибо там они танцуют, когда с неба светит луна, а облака стелются по земле.

Однако нашелся дряхлый зуг, который припомнил то, что забыли или никогда не знали остальные. По его словам, в Ультаре, за рекой Скай, хранилась копия прославленных Пнакотических манускриптов, написанных в незапамятные времена людьми из некоего северного

королевства в мире яви и попавших в страну сновидений, когда волосатые каннибалы-гнофкесы захватили многокупольный Олатоэ и перебили всех героев края Ломар. В этих манускриптах, уверял зуг, часто упоминаются боги.

Рэндольф Картер поблагодарил зугов, которые подарили ему на прощание бутыль с напитком из коры лунного дерева, и двинулся через фосфоресцирующий лес в направлении бурной реки Скай, которая свергается водопадом с круч Лериона и течет по равнине, где высятся Хатег, Нир и Ультар. Он шагал не оглядываясь, а за ним по пятам крались несколько зугов, решивших узнать, что станется с человеком, и донести весть о том до своих соплеменников. За селением лес сделался гуще; Картер пристально вглядывался во мрак, чтобы не пропустить место, где деревья вдруг расступятся и покажется лужайка. На краю лужайки следовало резко свернуть в сторону, ибо посреди нее торчал черный камень (как утверждали те, кто осмелился приблизиться, из камня выступало железное кольцо). Зуги не отличались храбростью, а потому не подходили к замшелому валуну. Вдобавок они ежедневно видели громадные монолиты по соседству с селением и понимали, что «древний» вовсе не обязательно значит «мертвый».

Картер свернул как раз там, где было нужно, и услышал шепоток пугливых зугов. Он давно привык к их странностям и ничуть не сомневался, что они последуют за ним; пожалуй, даже удивился бы, случись наоборот. На опушку леса он вышел в рассветных сумерках. Вдалеке, на берегу Ская, виднелись соломенные крыши крестьянских домишек, из печных труб поднимался дымок, а вокруг, насколько хватало глаз, простирались разделенные изгородями поля. Картер направился к реке. Когда он остановился у деревенского колодца, чтобы попить воды, псы во всех дворах залились лаем, почуяв укрывшихся в траве зугов. Заглянув в один из домов, Картер начал было расспрашивать о богах, но крестьянин и его жена дружно заохали, сделали знак, призванный уберечь от сглаза, и смогли только объяснить путнику, как добраться до Нира и Ультара.

В полдень Картер ступил на широкие улицы Нира. Он бывал когда-то в этом городе, но дальше не заходил. Через Скай был переброшен: мост, и, перейдя на противоположный берег, Картер словно очутился в кошачьем царстве, а значит, понял он, до Ультара осталось всего ничего. Старинный ультарский закон гласит, что никто не смеет убивать кошек, потому-то их там видимо-невидимо. Странник любовался пригородами с их зелеными аккуратными домиками, а сам Ультар произвел на него еще более

благоприятное впечатление: островерхие крыши, нависающие над переулками балконы, бесчисленные печные трубы, узкие улочки, заполоненные котами всех возрастов и мастей. Появление зугов заставило животных освободить дорогу, и Картер двинулся прямиком к храму Древних, где хранились, по слухам, старинные записи. Увитый плющом храм стоял на вершине самого высокого из ультарских холмов. Оказавшись в его стенах, Картер поспешил разыскать патриарха Атала, который поднимался на запретный пик Хатег-Кла и избежал кары богов.

Атал восседал на троне из слоновой кости в святилище на верху храма. Он разменял четвертую сотню, но был по-прежнему крепок рассудком и памятью. Картер узнал от него, что боги Земли не столь уж могущественны: обитатели мира грез едва ли повинуются им. Да, повинуясь собственной прихоти, они могут внять молитвам человека, но о том, чтобы достичь их ониксовой твердыни на вершине неведомого Кадата, нечего и мечтать. Хорошо, что никто из людей даже не подозревает, где высится Кадат, ибо того, кто взойдет по его склону, ожидает смерть. Атал поведал о своем товарище, Барзае Мудром, которого затянуло в небо лишь потому, что он взобрался на пик Хатег-Кла. Что же касается Кадата, смерть будет ничтожнейшим из наказаний тому, чья нога ступит на вершину горы, ибо кроме богов Земли, которых можно перехитрить, существуют Другие Боги. Пришедшие извне, они охраняют земных божеств, и о них лучше не вспоминать. Они нисходили на Землю по крайней мере дважды: в первый раз, как то явствует из Пнакотических манускриптов, в доисторические времена, а во второй – когда Барзай Мудрый вознамерился увидеть танец земных богов на Хатег-Кла. И вообще, заключил Атал, безопаснее всего оставить небожителей в покое и не докучать им своими просьбами.

Разочарованный словами Атала и теми скудными сведениями, которые обнаружил в Пнакотических рукописях и семи Тайных Книгах Хсана, Картер тем не менее не отчаялся. Он спросил у старого жреца, не известно ли тому о чудесном городе, озаренном лучами заходящего солнца. Атал отвечал отрицательно и прибавил, что, возможно, тот город принадлежит миру грез Картера, то есть являлся в сновидениях лишь ему одному и – как знать – может помещаться на другой планете. В таком случае боги Земли будут бессильны помочь. Однако судя по тому, что сны прекратились, Великие тут все же замешаны.

Затем Картер совершил грех: он напоил гостеприимного хозяина вином из коры лунного дерева, которым его столь щедро наделили зуги. Старик разговорился, позабыл об осторожности и выболтал многое из того, о чем должен был молчать. Он упомянул об огромном лице, вырезанном в

камне горы Нгранек на острове Ориаб в Южном море, намекнул, что этот барельеф, скорее всего, дело рук земных божеств, танцевавших когда-то на той горе.

Картера словно осенило. Он знал, что молодые боги часто навещают человеческих дочерей – значит, в жилах крестьян на краю холодной пустыни, над которой возвышается Кадат, должна течь их кровь. Следовательно, чтобы отыскать пустыню, необходимо взглянуть на лицо в склоне Нгранека и запомнить черты, а затем пуститься на поиски подобных лиц среди смертных. Там, где сходство будет наиболее явным, и следует расспрашивать о богах; а каменистая пустыня, сколь бы убогой она ни выглядела, окажется именно той, что прячет неведомый Кадат.

Возможно, он сумеет побольше разузнать о Великих; ведь те, кто унаследовал их кровь, могли перенять от предков некие знания, весьма и весьма полезные для искателя истины. Возможно, они не подозревают о своем происхождении, поскольку божества всячески избегают являться людям. Однако им на роду написано выделяться, быть не такими как все, петь о далеких краях и дивных садах, столь непохожих даже на пейзажи мира грез. Соседи наверняка перешептываются и называют их глупцами. Что ж, если ему посчастливится, подумалось Картеру, его посвятят в древние тайны Кадата или, на худой конец, поведают, где лежит чудесный город, который купается в багрянце заката.

Атал, увы, не знал, в какой стороне находятся остров Ориаб и гора Нгранек, но посоветовал Картеру следовать за течением певучего Ская до того места, где река вливается в Южное море; там не бывал никто из горожан Ультара, за исключением купцов, что ходили туда на челнах или снаряжали караваны из множества запряженных мулами двухколесных повозок. В устье Ская стоял большой город Дайлат-Лин, пользовавшийся у ультарцев дурной славой из-за того, что в его порту частенько появлялись черные галеры; они приплывали из неведомой дали с полными трюмами драгоценных каменьев. Те, кто торговал этими самоцветами, выглядели обыкновенными людьми, гребцы же вовсе не показывались на палубах, а потому в Ультаре относились к галерам настороженно, если не с подозрением.

Язык у Атала заплетался. Старик клевал носом, и Картер уложил его на украшенную резьбой кровать черного дерева, поправил седую бороду жреца, повернулся к двери – и лишь теперь заметил, что кравшиеся по пятам зуги куда-то подевались.

Солнце клонилось к закату, и потому Картер отправился на поиски ночлега. Ему приглянулся старинный трактир, окна которого выходили на

нижний город. Когда Картер посмотрел вниз с балкона, он увидел красные черепичные крыши, мощеные улочки, зеленые предместья, залитые колдовским светом, вобравшим в себя все оттенки багрянца, и на миг ему почудилось, будто Ультар – предел его желаний. Однако мгновение душевной слабости миновало, и к нему возвратилась память о чудесном городе из снов. На Ультар опустились сумерки, розовые стены домов сделались загадочно-лиловыми, в крохотных окошках замерцали желтые огоньки. На колокольне храма зазвенели колокола, в небе засияла над лугами по берегам Ская первая звезда. Послышалась песня, в которой восхвалялись былые дни. Картер кивнул головой. Пожалуй, подумалось ему, в такую ночь покажутся сладкозвучными даже кошачьи голоса. Впрочем, ультарские коты, похоже, отдыхали после сытной трапезы, а потому хранили молчание. Некоторые из них ускользнули в таинственные закутки, доступные только кошкам; если верить молве, они каждый вечер отправлялись на обратную сторону луны, прыгали туда с коньков крыш. Но один черный котенок почему-то привязался к Картеру, долго мурлыкал, играл с человеком, а когда тот улегся спать, пристроился у него в ногах, на кровати, застланной свежим бельем. Картер с наслаждением откинулся на подушки, от которых исходил дурманящий аромат свежескошенных трав.

Утром он присоединился к купеческому каравану, что направлялся в Дайлат-Лин. Купцы везли на продажу капусту и ультарскую пряжу. Шесть дней кряду они ехали под звяканье колокольцев на шеях животных по ровной дороге вдоль берега реки, ночуя то в постоялых дворах рыбацких селений, то под открытым звездным небом. Местность была весьма живописной: зеленые изгороди и рощицы, островерхие крыши деревенских домиков, ветряные мельницы на холмах.

На седьмой день пути впереди заклубилось облако дыма, а затем на горизонте возникли черные базальтовые башни Дайлат-Лина. В многочисленных тавернах города и на мрачных городских улицах толкались моряки, прибывшие сюда со всех концов света и даже, по слухам, из-за его пределов. Картер пустился расспрашивать горожан, облаченных в диковинные наряды, о пике Нгранек на острове Ориаб и вскоре выяснил все, что требовалось. В Дайлат-Лин время от времени заходили корабли, приписанные к порту Бахарна, от которого до Нгранека было два дня езды на зебре. Что касается лика на скале, его видели немногие, ибо склон, в котором он был вырезан, смотрел на отвесные утесы да на залитое лавой ущелье: там когда-то жили люди, прогневавшие земных божеств и познавшие на себе мщение Других Богов.

Да, Картер добыл нужные сведения довольно скоро, но не без труда,

ибо моряки и купцы предпочитали шептаться о черных галерах, одна из которых ожидалась в Дайлат-Лине через неделю, тогда как бахарнской ладье предстояло отправиться в обратный путь не ранее чем через месяц. Когда эти черные галеры с грузом самоцветов пришвартовывались к причалам дайлатлинского порта, с них сходили большеротые люди с тюрбанами на головах, и у каждого ткань тюрбана в двух местах вспучивалась, словно под нею скрывались рога; башмаков же, подобных тем, в какие были обуты торговцы, не видывали ни в одном из шести Королевств. Однако хуже всего обстояло дело с незримыми гребцами. Три ряда весел двигались слишком ровно, слишком ритмично, чтобы не возбуждать нездорового любопытства; и потом, что это за корабли, гребцов с которых не пускают на берег, сколь бы долгой ни была стоянка в порту? Кабатчики, бакалейщики, мясники и рады были бы услужить, но в их услугах, по-видимому, не нуждались. Купцы с галер приобретали лишь золото да крепких чернокожих рабов из Парга, края за рекой. Если задувал южный ветер, город окутывала будто пелена тумана, нестерпимая вонь, исходившая от тех самых галер, одолеть которую можно было, разве что раскурив трубку, набитую крепчайшим табаком. Когда бы не драгоценные каменья, равных которым по красоте было не сыскать на всем белом свете, дайлатлинцы ни за что не стали бы торговать с купцами в причудливых тюрбанах.

Вот о чем перешептывались моряки в старинных тавернах Дайлат-Лина, вот что довелось узнать Картеру за то время, какое он провел в городе, считая дни, остававшиеся до прибытия бахарнской ладьи, которая доставит его на остров, где высится величественный Нгранек. Картер внимательно прислушивался к историям, которые рассказывали при нем, надеясь уловить хотя бы намек на Кадат или на чудесный город с мраморными стенами и серебряными фонтанами, обагренный лучами закатного солнца. Однако его надежды не оправдались, даже когда он завел разговор с узкоглазым стариком. Тот, как утверждала молва, торговал с жителями деревень, расположенных на каменистом плато Ленг, куда не отваживался заглядывать ни один здравомыслящий человек. По слухам, старый купец имел когда-то дело с верховным жрецом Тем-Кого-Нельзя-Описать, существом, лицо которого скрыто желтой вуалью, обитающим в древнем скальном монастыре. Вполне возможно, купец лишь притворялся несведущим, однако Картер довольно быстро понял, что продолжать расспросы нет никакого смысла.

Между тем в порт, проскользнув мимо базальтового утеса с маяком на вершине, вошла черная галера, и южный ветер погнал на Дайлат-Лин

невыносимую вонь. Хозяева и посетители приморских таверн сразу же повели себя так, будто сильно чего-то испугались, а вскоре на городских базарах появились большеротые торговцы с рогатыми тюрбанами на головах. Приглядевшись к ним, Картер решил, что они ему не нравятся. Как-то раз он увидел, как они загоняют на борт галеры чернокожих невольников-паргиан, и спросил себя: в каких неведомых краях – и вообще, на Земле ли? – суждено влачить свои цепи этим бедолагам?

На третий день стоянки галеры смуглый купец в тюрбане заговорил с Картером, когда тот зашел в таверну, намереваясь скоротать вечерок. Криво улыбаясь, купец признался, что слышал о поисках Картера, и намекнул, что обладает кое-какими сведениями, которые могут пригодиться, но которыми ни за что не поделится на людях. Его слащавый голос вызывал у Картера отвращение, однако возможностью вызнать хоть что-нибудь о Кадате пренебрегать не следовало, а потому он пригласил купца подняться наверх и угостил остатками лунного вина зугов, рассчитывая, что от спиртного у собеседника развяжется язык. Тот и не подумал отказаться, единым глотком осушил свой стакан, но вино, похоже, ничуть на него не подействовало. Затем купец поставил на стол диковинную бутыль, представлявшую собой полый рубин, украшенный снаружи затейливой резьбой. Он наполнил стакан Картера. Рэндольф Картер едва пригубил вино, однако у него тут же закружилась голова и все поплыло перед глазами, а купец по-прежнему улыбался. Последним, что увидел Картер, было смуглое, искаженное злорадной ухмылкой лицо и нечто совершенно неописуемое, выглянувшее вдруг из-под сбившегося тюрбана.

Картер болел три дня, но крепкий организм справился с ядом. Купец же исчез, и никто не мог припомнить ни имени его, ни внешности.

Через две недели прибыл долгожданный корабль до Бахарны. Картер обрадовался тому, что он выглядит ничуть не зловеще – ярко раскрашенные борта, желтые треугольные паруса. Барк доставил в Дайлат-Лин ароматные смолы Ориаба, изящные кувшины и горшки работы бахарнских мастеров и резные фигурки из запекшейся на склонах Нгранека лавы, а взамен его нагрузили ультарской шерстью, переливчатыми тканями Хатега и слоновой костью, которую добыли у себя за рекой чернокожие паргиане. Картер разыскал капитана, седобородого старика в шелковых одеждах, и попросился пассажиром; ему сообщили, что путь до Бахарны займет десять дней. Всю ту неделю, которую корабль простоял в порту, Картер расспрашивал капитана о Нгранеке. Старик сказал, что лишь немногие воочию видели тот лик на скалистом склоне, как правило, путешественники удовлетворялись легендами и преданиями, а дома потом

хвастали, будто и впрямь лицезрели выбитое в камне изображение. Капитан утверждал даже, что вряд ли кто из ныне живущих созерцал божественный лик, поскольку склон, в котором тот высечен, крут и обрывист, вдобавок его, по слухам, стерегут обитающие в пещерах у вершины горы призраки. Что именно за призраки, он не пожелал уточнить, заявив, что они, мол, со временем начинают неотвязно преследовать в сновидениях того, кто слишком много о них размышлял. Картер спросил у старика о неведомом Кадате в холодной пустыне и о чудесном городе в багрянце заката, но не узнал ничего нового.

Приняв на борт весь положенный груз, барк однажды утром вышел из дайлатлинской гавани. Стоя на палубе, Картер наблюдал затем, как первые лучи солнца выхватывают из мрака стройные башни базальтового города. Два дня напролет они плыли вдоль зеленого побережья, часто видели рыбацкие деревушки – красные крыши домов, печные трубы, ветхие пристани, раскинутые для просушки сети. На третий же день корабль повернул к югу, и земля вскоре исчезла из виду. К пятому дню пути матросы забеспокоились; капитан извинился за их страхи и объяснил, что барк вот-вот достигнет затонувшего города, развалины которого сплошь увиты водорослями, так что, когда вода прозрачна, кажется, будто среди них снуют некие существа.

Ночь выдалась светлая, луна сияла необыкновенно ярко, и морское дно можно было различить невооруженным глазом. Ветер стих, и барк еле двигался. Перегнувшись через борт, Картер разглядел глубоко внизу, под толщей воды, купол грандиозного храма, а чуть дальше – площадь, к которой вела аллея, украшенная изваяниями сфинксов. В развалинах резвились дельфины, иногда они поднимались к поверхности и выпрыгивали из воды. Впереди подводная равнина переходила в гряду холмов, усыпанных обломками древних строений. Когда корабль приблизился к городу, стали видны предместья, извилистые улочки и странное здание, располагавшееся отдельно от остальных, менее вычурное по архитектуре и гораздо лучше сохранившееся. Здание было приземистым и квадратным, с башенкой на каждом углу и мощеным внутренним двориком; возможно, его воздвигли из базальта, хотя определить наверняка было трудно, ибо кладка лишь кое-где выступала из-под густых водорослей. В стенах виднелись круглые окошки. Строение производило весьма внушительное впечатление и, судя по всему, являлось в незапамятные времена храмом или монастырем. Окошки тускло светились, должно быть, благодаря тому, что внутри прятались фосфоресцирующие рыбы, и страх матросов перед затонувшим городом показался Картеру

вполне простительным. Посреди мощеного дворика высился монолит, к которому был привязан веревкой какой-то предмет. Картер попросил у капитана разрешения воспользоваться подзорной трубой, навел резкость и рассмотрел, что к камню привязан человек в платье ориабского матроса. Зрелище было не из приятных, и Картер откровенно обрадовался, когда задул ветер и корабль устремился прочь от нечестивого жертвенника.

На следующий день им повстречалось судно с лиловыми парусами, шедшее в Зар, страну забытых сновидений, груженное луковицами лилий. А на одиннадцатые сутки пути, под вечер, на горизонте замаячил остров Ориаб и взметнулась к небесам снежная вершина Нгранека. Островов крупнее Ориаба не найти, а порт Бахарна ничем не уступал крупным городам материка. Причалы из порфира, каменные террасы, широкие лестницы, арки и мосты между домами – такова была Бахарна. Через весь город тянулся подземный туннель, который запирался гранитными воротами и вел к озеру Йат. На дальнем берегу острова громоздились руины доисторического поселения с позабытым именем. Когда барк вошел в гавань, маяки Тон и Тал приветствовали его мерцанием своих огней. Вечер незаметно перетек в ночь, на небе высыпали звезды, в домах горожан зажглись лампы, а на улицах – фонари, и Бахарна внезапно словно превратилась в искрящееся созвездие между ночными светилами в небесах и их отражениями на зеркальной глади бухты.

Капитан пригласил Картера поселиться в его домике на берегу Йата, у подножия холмов. Путника вкусно и сытно накормили и уложили спать. Поутру Картер приступил к поискам: он бродил по городу, не пропуская ни единой таверны, куда заглядывали сборщики лавы и резчики по камню, и расспрашивал о Нгранеке, но не сумел найти никого, кто забирался бы на вершину или зрел божественный лик. Крутизна склона, проклятая долина за горой, слухи о призраках – все это, вместе взятое, остужало пыл смельчаков, которым порой взбредало вдруг в голову взойти на Нгранек.

Когда старый капитан отправился обратно в Дайлат-Лин, Картер переселился в таверну, окна которой выходили на одну из городских лестниц. Картер принялся обдумывать, как ему осуществить свой замысел и подняться на вершину Нгранека. Хозяин таверны, человек весьма преклонных лет, оказался сущим кладезем полезных сведений, ибо помнил множество преданий. Он даже показал Картеру грубый рисунок, нацарапанный на глиняной стене комнаты еще в те времена, когда люди были смелее и не так страшились всяких призраков. Прадед хозяина слышал от своего деда, что храбрец, побывавший на Нгранеке, пытался изобразить на стене божественный лик, каким он его запомнил, однако в

достоверности этого предания Картер сомневался: слишком уж торопливыми, небрежными были линии рисунка, к тому же лицо с крупными, резкими чертами окружали гурьбой крохотные фигурки, наружность которых свидетельствовала разве что о дурном вкусе художника – рожки, крылышки, когти, лихо закрученные хвосты.

Наконец, разузнав, очевидно, все что можно, в тавернах и на улицах Бахарны, Картер купил зебру и как-то утром поскакал вдоль берега озера туда, где возвышается Нгранек. По правую руку от себя он видел холмы, цветущие сады и обнесенные каменными изгородями поля, что напомнили ему о плодородных землях в долине Ская. К вечеру он достиг безымянных руин на дальнем берегу Йата и, хотя сборщики лавы не советовали ему ночевать там, привязал зебру к какому-то столбу у осыпавшейся стены, а затем расстелил одеяло в укромном уголке, под затейливой и загадочной резьбой. Завернувшись в другое одеяло, ибо ночами на Ориабе отнюдь не жарко, он почти сразу заснул. Во сне ему почудилось, будто над ним кружит некое насекомое, и он укрылся с головой и проспал до самого рассвета.

Его разбудило пение птиц. Солнце только-только выглянуло из-за гор и осветило древние развалины – полуразрушенные стены, покосившиеся колонны, треснувшие постаменты. Картер поискал глазами зебру. Изумлению его не было предела: животное лежало у того самого столба, к которому его привязали накануне вечером, и не подавало признаков жизни. В горле зебры зияла страшная рана. Лишь теперь Картер заметил, что кто-то рылся в его пожитках и похитил некоторые из них. В пыли пропечатались следы огромных клиновидных лап. Картеру вспомнились рассказы и предостережения сборщиков лавы; он подумал о том, какие твари могли кружить поблизости, пока его посещали сны, а потом закинул за спину мешок и зашагал в направлении Нгранека.

Местность, по которой пролегал его путь, была лесистой и безлюдной – ни деревень, ни хуторов, лишь изредка попадались хижины углежогов да станы сборщиков знаменитой ароматной смолы. В воздухе разливался пряный аромат, птицы маги звонко рассыпали трели на ветвях деревьев, сверкая на солнце своим семицветным оперением. На закате Картер набрел на лагерь сборщиков лавы, возвращавшихся с добычей с нижних склонов Нгранека. Он подсел к костру, слушал песни и сказания, жадно ловил шепотки: сборщики перешептывались друг с другом о товарище, которого потеряли. Тот поднялся выше остальных, потому что углядел наверху отличный кусок лавы, и так и не спустился с горы, а на следующий день нашли только его тюрбан, после чего поиски прекратились, ибо самые

старые и опытные из сборщиков заявили, что толку все равно не будет. Если кто угодил к призракам, то ему не помочь.

Утром Картер простился со сборщиками лавы, которые отправились на запад, а он – на зебре к востоку. Старики благословили его и посоветовали не забираться чересчур высоко; он сердечно поблагодарил их, однако пропустил совет мимо ушей. Он чувствовал, что должен отыскать богов на неведомом Кадате и добиться, чтобы те объяснили ему дорогу к чудесному городу в багрянце заката.

К полудню, после долгого и утомительного подъема, Картер достиг заброшенной деревни, в которой когда-то проживали горцы, искусно вырезавшие из лавы затейливые фигурки. Они обитали здесь во времена прадедушки хозяина таверны в Бахарне, но уже тогда ощущали, что их присутствие кому-то мешает. Селение разрасталось, дома карабкались все выше по склону горы и все чаще оказывались на восходе солнца пустыми. В конце концов горцы решили уйти отсюда насовсем, ибо по ночам вокруг деревни начали шнырять существа, облик которых никак не внушал доверия. Они переселились к морю, в Бахарну, заняли целиком старинный городской квартал и стали учить детей искусству резьбы по камню, тому самому, что сохранилось до наших дней и вызывает такое восхищение знатоков. Рыская по тавернам Бахарны, Картер подружился кое с кем из детей переселенцев, их рассказы о Нгранеке были интереснейшими из всех, какие ему довелось слышать.

Чем ближе подъезжал Картер к пику, тем выше тот становился. Если на нижних склонах еще виднелась чахлая растительность – робкие деревца, хилый кустарник, – то наверху не было ничего, кроме камня, льда, вечных снегов и застывших языков лавы. Множество эпох назад, задолго до того, как танцевали на его вершине боги, Нгранек извергал огонь и сотрясался от раскатов подземного грома. Ныне же он хранил зловещее молчание и всячески скрывал от любопытствующих взоров высеченный в скалистом склоне божественный лик, о котором ходило столько слухов. Вдобавок ко всему прочему, если молва не обманывала, он приютил в своих мрачных пещерах таинственных созданий, о которых лучше даже не упоминать.

У подножия Нгранека росли редкие дубы и ясени, из-под толстого слоя пепла выглядывали камни, тут и там чернели кострища, следы ночевок сборщиков лавы, бросались в глаза грубые алтари, возведенные то ли для того, чтобы умилостивить Великих, то ли во славу тех божков, которые таились в горных проходах и гротах. Картер заночевал у последнего из кострищ. Он привязал зебру к стволу дерева, а сам поплотнее закутался в одеяла. Ночь напролет откуда-то издалека доносились крики вунита, но

Картер не обращал на них внимания, поскольку его заверили, что эти мерзкие твари не смеют приближаться к Нгранеку.

Ясным солнечным утром он ступил на склон горы. Вскоре ему пришлось расстаться с зеброй, ибо животное не могло, подобно человеку, карабкаться по крутизне. Картер миновал лесок с каменными развалинами на полянах, продрался сквозь кустарник и очутился в густой траве. Мало-помалу перед ним открывался вид на равнину, он различал покинутые хижины горцев, рощи и становища тех, кто собирал в них ароматную смолу, леса, где гнездились и пели переливчатые маги, и далеко-далеко – расплывчатые очертания берегов озера Йат и древних безымянных руин. Впрочем, вскоре ему стало ясно, что по сторонам лучше не глядеть, и он угрюмо уставился себе под ноги.

Постепенно трава сошла на нет, ее сменили громадные валуны, лезть по которым, не будь они выщербленными ветрами и дождями, было бы поистине невозможно. Порой в вертикальных трещинах или на уступах виднелись гнезда кондоров. Перебираясь с камня на камень, Картер радовался всякий раз, когда замечал на скале знак сборщиков лавы. Сознание того, что здесь бывали и другие люди, согревало душу. Потом знаки исчезли; теперь следовало искать зарубки для рук и ног. В одном месте вправо от тропы уводил вырубленный в склоне желоб – должно быть, кто-то торил дорогу к облюбованному куску лавы. Оглядевшись, Картер изумился явленному зрелищу. Его взгляду открылся весь остров до самого побережья: террасы Бахарны, струйки дымка из печных труб, бескрайняя ширь Южного моря, хранилища бесчисленных тайн.

До сих пор подъем был утомительным, поскольку Картер то и дело огибал различные препятствия. Но вот он рассмотрел впереди карниз и продолжил путь по нему, надеясь, что возвращаться не придется. Картер не обманулся в своих ожиданиях и десять минут спустя установил, что, если не случится ничего непредвиденного, он через несколько часов достигнет загадочного южного склона, выходящего на проклятую долину. Местность внизу становилась все более унылой, да и склон тоже менялся, в нем все чаще появлялись трещины, кое-где чернели зевы пещер, причем ни к одной нельзя было добраться иначе как по воздуху.

Наконец преодолев последние метры карниза, Картер вышел на загадочный склон Нгранека. Внизу, в немыслимой дали, проступали очертания залитой лавой долины, за которой простиралась пустыня. Пещеры и трещины в склоне по-прежнему оставались недоступными для скалолаза. Дорогу Картеру преградил громадный камень, и странник на мгновение испугался, что его не обойти. Солнце между тем клонилось к

закату; если ночь застанет его здесь, рассвета он уже не встретит.

Но страх накатил – и отхлынул, и тогда Картер понял, как следует поступить. Пройти там, где прошел он, сумел бы только опытный сновидец. Обогнув камень, он обнаружил, что дальше двигаться гораздо легче, поскольку по склону, очевидно, прополз когда-то ледник, оставивший после себя широкую колею. Слева высилась отвесная стена, в которой зияло чернотой отверстие очередной пещеры.

Справа же и сзади было достаточно места для того, чтобы выпрямиться и передохнуть.

Картер начал замерзать и заключил, что приближается к границе снежного покрова. Он поднял голову, чтобы осмотреться. И впрямь, высоко-высоко вверху серебрился снег, а чуть ниже виднелся величественный утес. Разглядев его, Картер задохнулся от радости, издал громкий крик и едва устоял на ногах. С утеса взирал на мир осиянный лучами заката лик божества.

Молва уверяла, что черты божества необычны и западают в память; Картер убедился, что так оно и есть. Он с первого взгляда запомнил узкие раскосые глаза, длинные мочки ушей, тонкий нос и заостренный книзу подбородок. Он преисполнился благоговения и трепетал под взором каменных глазниц, ибо хоть и разыскал то, к чему стремился, все же не был готов к великолепию открывшегося ему зрелища, несмотря на множество сказаний и легенд, услышанных в разных краях, – ни в одной из них не упоминалось о багреце заката.

Картер совершил открытие, полностью переменившее его планы. Он намеревался обойти, если понадобится, всю страну сновидений, чтобы найти отпрысков небожителей, но теперь осознал, что в том нет ни малейшей необходимости. Ему частенько доводилось видеть похожие черты в тавернах Селефаиса, приморского города в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, города, которым правил король Куранес, знакомец Картера по миру яви. Каждый год в Селефаис приплывали смуглокожие моряки, чьи черты угадывались в высеченном на склоне лике; они привозили оникс и меняли его на поделки из яшмы, золотую нить и певчих птичек Селефаиса. Значит, они – те самые полубоги, встречи с которыми он ищет! А раз так, то поблизости от их поселений должна простираться холодная пустыня, посреди которой возвышается неведомый Кадат с ониксовым замком Великих на вершине. Значит, нужно двигаться в Селефаис, покинуть остров Ориаб, возвратиться в Дайлат-Лин, пересечь по нирскому мосту Скай, вернуться в зачарованный лес зугов, а оттуда направиться на север, мимо садов Украноса, к золоченым шпилям Трана и

там сесть на какой-нибудь из галеонов, бороздящих ширь Серанианского моря.

Над Нгранеком сгущались сумерки. Божественный лик, укрывшись в тень, приобрел еще более грозное выражение. Ночь застала Картера на склоне. Беспомощный как ребенок, не в силах ни подняться выше, ни спуститься, он отчаянно прижимался к скале, моля о том, чтобы не заснуть, так как страшился, что потеряет во сне равновесие и рухнет вниз, прямиком в залитую застывшей лавой долину. На небе высыпали звезды, тусклые искорки в кромешной тьме, той, что была заодно со смертью, притягивала к себе, манила сделать шаг в пропасть. Последним, что видел Картер перед тем, как мир окутал непроглядный мрак, был кондор, паривший над расселиной; птица спокойно кружила в воздухе – и вдруг шарахнулась прочь от пещеры в отвесной стене.

Внезапно Картер почувствовал, как кто-то ловко вытащил у него из-за пояса ятаган. Мгновение спустя тот ударился о камни внизу. Млечный Путь заслонила некая фигура – рогатая, хвостатая, с крыльями как у летучей мыши. К первой твари прибавилась вторая, третья… Судя по всему, они появлялись из той пещеры, до которой было не добраться иначе как по воздуху. Холодная лапа сдавила Картеру горло; человека схватили за ноги, перевернули и куда-то поволокли. Звезды пропали из виду, и Картер догадался, что угодил к призракам.

Они влетели в пещеру и устремились дальше, в чудовищный лабиринт темных коридоров. Картер попытался вырваться, но похитители быстро вразумили его, дали понять, что шутить не намерены. Они хранили молчание, даже крылья их не производили ни шелеста, ни шороха – словом, призраки внушали жуткий страх. Вскоре лабиринт закончился, вернее, вывел в казавшийся бездонным колодец со спертым воздухом, и Картеру почудилось, будто его засасывает, пронзительно завывая и визжа, водоворот демонического безумия. Он закричал, а призраки в ответ принялись щекотать его, что вовсе не было приятно. Неожиданно мрак слегка рассеялся, вокруг разлился серый свет, и Картер сообразил, что они достигли подземелья ужасов, о котором говорилось в древних сказаниях; это подземелье освещали бледные огоньки, вроде тех, что вьются над могилами на кладбищах.

Наконец он разглядел под собой, сквозь белесую пелену, смутные очертания горных вершин. То были легендарные и зловещие Кряжи Трока, превосходившие размерами самое смелое человеческое воображение, стерегущие лишенные солнечного света долины, в которых ползают из норы в нору отвратительные, мерзкие дхолы. Горы повергали в панику,

однако Картер предпочитал все же смотреть на них, нежели на своих похитителей, чей облик потряс его до глубины души: гнусные черные твари с гладкой, лоснящейся кожей, повернутыми друг к дружке рогами, нетопыриными крыльями, когтистыми лапами и хвостами, которыми они непрестанно вертели. Призраки не переговаривались между собой, не смеялись и не улыбались, ибо улыбаться им было нечем – лица у них начисто отсутствовали. Таковы были призраки пика Нгранек, умевшие всего лишь хватать, тащить и щекотать.

Чем ниже они спускались, тем внушительнее становились серые Кряжи Трока, и уже можно было различить, что на их склонах нет и намека хотя бы на единый признак жизни. Бледные огоньки мало-помалу пропали, и стаю призраков вновь поглотила первобытная тьма. Вскоре горные вершины остались далеко вверху, задул порывистый ветер, пронизанный сыростью земных недр, и полет завершился. Картера бросили в одиночестве, распростертого на толстом слое костей. Призраки Нгранека, исполнив то, что вменялось им в обязанность, немедленно удалились. Картер всмотрелся в темноту, надеясь увидеть, как они поднимаются по колодцу, однако тщетно напрягал зрение: во мраке, который его окружал, было не различить даже Кряжи Трока.

Нечто, может статься наитие, подсказало Картеру, что он очутился в долине Пнот, той самой, которую населяли дхолы. Впрочем, осознание этого мало чем могло ему помочь, ибо он – да и никто другой – никогда не встречался с дхолом и понятия не имел о том, как тот выглядит и чего от него ждать. Про дхолов упоминалось разве что в преданиях: мол, их можно узнать по шороху, какой они производят, снуя среди костей, и по липкому прикосновению к коже. Видеть же их нельзя, ибо они живут в сплошной темноте. Картер отнюдь не стремился свести знакомство с дхолами, а потому настороженно прислушивался, жадно ловя любые звуки, откуда бы те ни доносились. Тем временем мысли его обратились к тому, как извлечь из случившегося хоть какую-то пользу. Давным-давно Рэндольфу Картеру довелось беседовать с человеком, сведущим в географии ужасного подземелья, и тот поведал, что долина Пнот – скорее всего, помойная яма, куда скидывают остатки своих пиров упыри, терзающие обитателей мира яви. Вполне возможно, подумалось Картеру, ему посчастливится набрести на гору, что выше Кряжей Трока и отмечает границу долины; надо только заметить, откуда сыплются кости, а уж там воззвать к упырям, чтобы те спустили лестницу. Он вправе был рассчитывать, что вампиры внемлют его призыву, ибо, как ни дико это звучит, его с ними кое-что связывало.

Он знавал бостонского художника, писавшего жуткие картины в своей

тайной студии, в подвале дома на окраинной улочке, неподалеку от кладбища; тот художник на деле подружился с упырями и научил Картера разбирать их бормотание, вернее, малую его часть. Потом художник бесследно исчез. Картер полагал, что найдет его здесь, и намеревался впервые за все свои странствия по миру грез воспользоваться английским языком, дабы привлечь внимание приятеля. Он не особенно уповал на то, что его затея осуществится, однако решил все же попытаться. По совести говоря, лучше уж повстречаться с вампиром, которого видно, нежели с дхолом, которого не разглядеть.

И вот Картер двинулся сквозь мрак сначала шагом и на ощупь, а затем бегом, после того как решил, что кости под ногами начинают шевелиться. Вскоре над его головой раздался чудовищный грохот, и он догадался, что приближается к нужному месту. Он засомневался было, услышат ли упыри крик, но тут же сообразил, что в подземном мире свои законы. В этот миг его слегка оглушило упавшей сверху костью, судя по размерам, не иначе как черепом; он заключил, что находится совсем рядом с пиком, и закричал по-вампирьи.

Звук путешествует медленно, а потому прошло некоторое время, прежде чем прозвучал ответный клич. Картеру сообщили, что лестницу сейчас спустят. Ожидание было непереносимым, он весь извелся, ибо не мог даже предположить, кто еще, кроме упырей, услышал его зов. Страхи оказались обоснованными: издалека донеслось какое-то шуршание, которое с каждым мгновением становилось все громче. Картер изнывал от беспокойства, паника нарастала, и он едва сдерживался. Внезапно что-то глухо стукнулось о кости. Лестница! В следующий миг он крепко вцепился в нее и полез вверх. Однако шуршание, казалось, преследовало его по пятам. На высоте около пяти футов он услышал внизу омерзительные звуки, а когда поднялся футов на десять, лестница заходила ходуном. Пятнадцать футов, двадцать – мимо Картера промелькнуло огромное склизкое щупальце; он содрогнулся и принялся лихорадочно карабкаться по перекладинам, моля небеса, чтобы ему удалось оторваться от преследователя – гнусного дхола, облик которого скрыт от человеческого взора.

Подъем продолжался не один час. У Картера болела каждая косточка, руки покрылись волдырями. Он миновал пояс бледных огоньков, взобрался выше Кряжей Трока, разглядел уступ на вершине упыриного пика, а несколько часов спустя увидел на краю уступа чье-то лицо, похожее на рыло горгульи. От подобного зрелища он едва не потерял сознание и оступился, однако совладал со своими чувствами, хоть и с немалым трудом.

Впрочем, благодаря любезности того самого бостонского художника Картеру доводилось уже общаться с упырями, и он хорошо запомнил их собачьи физиономии, уродливые тела и взбалмошный нрав. Так что он сохранил самообладание, когда гнусная тварь вытянула его на вершину пика, и не закричал в ужасе, заметив чуть поодаль целую толпу вампиров, что с любопытством таращились на него, не переставая одновременно ублажать свои чрева.

Картер осмотрелся по сторонам. Он оказался на тускло освещенной равнине, испещренной норами и громадными валунами. Упыри отнеслись к нему довольно уважительно, хотя один попробовал было ущипнуть Картера, а несколько других не сводили с него алчных взглядов. Тщательно выговаривая слова, Картер справился о своем пропавшем приятеле и выяснил, что тот сделался упырем и пользуется к тому же известным влиянием в сферах поблизости от мира яви. Пожилой упырь с зеленоватой кожей вызвался проводить человека туда, где находился сейчас бывший художник. Преодолев естественное отвращение, Картер заполз следом за вожатым в нору и погрузился на долгие часы в пропитанный сыростью мрак узких ходов. Утомительный путь завершился на бескрайней равнине, усеянной реликвиями человеческого бытия – старинными надгробиями, треснувшими урнами, обломками памятников, – и Картер догадался, что с тех пор, как сошел по семистам ступеням из пещеры пламени к Вратам Глубокого Сна, он не был еще столь близок к миру яви.

На могильном камне 1768 года, украденном с кладбища Гранари в Бостоне, восседал упырь, ранее известный как художник Ричард Антон Пикмен, совершенно голый и изменившийся настолько, что почти полностью утратил прежний облик. Однако английский он забыл не до конца и сумел худо-бедно объясниться с Картером, несмотря на то что речь его состояла в основном из маловразумительных звуков и то и дело перемежалась бормотанием на языке вампиров. Узнав, что Картер хочет попасть в зачарованный лес, а оттуда – в город Селефаис в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами, он как будто смешался, поскольку упыри, терзавшие мир яви, не заглядывали на могильники верхнего мира грез, оставляя те во владении краснолапых вурдалаков, что кишмя кишели в мертвых городах; вдобавок их отделяли от зачарованного леса многие мили пути, в том числе – по землям королевства ужасных кагов.

Именно каги, косматые исполины, возвели в зачарованном лесу те диковинные каменные сооружения, где поклонялись Другим Богам и ползучему хаосу Ньярлатотепу. Однажды ночью божества Земли прослышали об их бесчинствах и в наказание загнали кагов в пещеры. Из

обители упырей в зачарованный лес вела одна-единственная дорога, что заканчивалась огромным камнем с железным кольцом. То была дверь, которую каги никогда не открывали, опасаясь гнева богов. Сновидец-смертный не мог и мечтать о том, чтобы добраться до нее, ибо в седой древности каги питались людьми и у них сохранились предания о лакомой человеческой плоти. Стоит им увидеть Картера, они тут же сожрут его, тем более что теперь их пищу составляют одни только гасты, отвратительные существа, которые не выносят света, населяют подземелья Зина и прыгают на длинных задних ногах, точно кенгуру.

Поэтому упырь, который был Пикменом, посоветовал Картеру либо покинуть бездну у Саркоманда, заброшенного города в долине недалеко от Ленга, где крылатые диоритовые львы стерегут черные лестницы, ведущие в верхний мир грез, либо возвратиться через кладбище в мир яви и вновь сойти оттуда по семидесяти ступеням в пещеру пламени, а затем спуститься к Вратам Глубокого Сна и ступить сквозь них в зачарованный лес. Но Картер не внял его совету, ибо не ведал, в какой стороне от Ленга лежит Оот-Наргай, и не желал просыпаться из опасения потерять все то, что обрел в сновидении. Он сознавал, что ни в коем случае не должен забыть удивительные лица тех моряков с севера, что привозили в Селефаис оникс и, будучи отпрысками богов, могли указать путь к холодной пустыне и неведомому Кадату с замком Великих на вершине.

После долгих уговоров упырь согласился отвести Картера к стене, что окружала королевство кагов. Сновидец твердо решил воспользоваться той единственной возможностью, которая ему представлялась: прокрасться мимо круглых монолитов в час, когда исполины будут спать. Если повезет, он достигнет башни со знаком Коса, внутри которой вьется лестница к каменной двери в зачарованный лес зугов. Пикмен даже приставил к Картеру трех своих собратьев, они должны были помочь человеку отворить дверь. И потом, каги испытывали страх перед упырями и частенько бросались врассыпную, стоило тем появиться на кладбище.

Пикмен также дал Картеру совет притвориться упырем – сбрить бороду, так как вампиры не носят бород, раздеться догола, вызеленить кожу и шагать, переваливаясь с ноги на ногу, а одежду связать в узелок и закинуть за спину – каги наверняка подумают, что он тащит недоеденную добычу. В город кагов, пределами которого, собственно, и ограничивалось королевство, им предстояло попасть по подземному коридору, что выходил на поверхность на кладбище близ башни Коса, нужно было только остерегаться обширной пещеры, рубежа, принадлежавшего гастам Зина. Мерзкие гасты несли там неусыпный дозор, высматривая утративших

осторожность путников. Едва лишь каги ложились спать, те вылезали из своих нор и нападали на всех подряд, не делая разницы ни между кагами и упырями, ни между теми и собственными сородичами, ибо, как дикари, пожирали любых живых существ. Каги обычно выставляли часового, но тот зачастую дремал на посту, а потому нападения гастов многажды оказывались внезапными. Если бы в городе кагов было светлее, они, пожалуй, могли бы чувствовать себя в безопасности, но, к сожалению, жили они в вечном сумраке, который не причинял гастам ни малейших неудобств.

Завершив необходимые приготовления, Картер нырнул в туннель. Его сопровождали трое упырей, прихвативших с собой плоское надгробие полковника Непемайи Дарби, скончавшегося в 1719 году и похороненного на салемском кладбище Чартер-стрит. Туннель привел их к скопищу замшелых монолитов, таких высоких, что человеческий глаз бессилен был различить их вершины; однако то были всего лишь самые скромные из могильных камней кагов. Справа от зева норы виднелись за монолитами гигантские круглые башни, что тянулись вдаль, насколько хватало взгляда, и терялись в сером полумраке. Картер понял, что перед ним город кагов – исполинов, в чьих домах высота дверных проемов равнялась тридцати футам. Упыри нередко заглядывали сюда, ведь трупом одного кага можно было кормиться чуть ли не целый год; вдобавок похищать мертвецов у кагов куда проще, чем связываться с людьми. Теперь Картеру стало ясно, откуда взялись те громадные кости, на которые он несколько раз натыкался в долине Пнот.

Впереди, сразу за оградой кладбища, возвышался обрывистый утес, у подножия которого чернела дыра. Упыри предупредили Картера, чтобы он не вздумал приближаться к ней, так как это был вход в пещеру гастов. Там простирались в кромешном мраке подземелья Зина. Картер вскоре убедился, что предупреждение – не пустой звук: едва один из упырей пополз к башне, дабы удостовериться, спят ли каги, в черноте пещеры сверкнули чьи-то желтовато-красные глазки. Походило на то, что каги остались без часового; если так, значит, за упырями следили гасты, чьему исключительно острому чутью можно было только подивиться. Разведчик вернулся к норе и жестом призвал товарищей к молчанию. Упыри вовсе не рвались схватиться с гастами, пока существовала возможность избежать столкновения: утомленные битвой с часовым кагов, гасты наверняка вот-вот уберутся восвояси. Однако мгновение спустя из тьмы в серый сумрак выпрыгнуло существо размером с жеребенка, при виде которого к горлу Картера подкатила тошнота. Когда бы не отсутствие носа, лба и некоторых

других черт, морда гаста являла бы собой точную копию человеческого лица.

За первым гастом выскочили еще трое. Кто-то из упырей, обращаясь к Картеру, пробормотал, что враги, похоже, не сражались с кагом-часовым, а попросту проскользнули мимо него и потому будут рыскать по округе, пока не найдут жертву и не утолят свою свирепость. Гастов становилось все больше, теперь их насчитывалось что-то около пятнадцати особей; наблюдать за тем, как они скачут по кладбищу, было неприятно само по себе, однако куда неприятнее оказалось слушать кашель, заменявший им членораздельную речь. Да, они внушали отвращение, но существо, которое появилось из пещеры следом за ними, обладало поистине гнуснейшей наружностью.

Сперва показалась когтистая лапа, примерно двух с половиной футов в поперечнике, за ней другая, дальше – поросшая густым черным мехом рука, засветились розовые глаза на кончиках усиков длиной добрых два фута каждый, зашевелились низкие кустистые брови – проснувшийся каг покрутил огромной, как бочка, головой. Ужаснее всего в его облике была пасть, из которой торчали желтые клыки и которая словно рассекала голову чудища пополам, причем не горизонтально, а по вертикали.

Прежде чем каг успел распрямиться во весь свой рост – двадцать футов, – расторопные гасты скопом накинулись на него. Картер испугался было, что часовой поднимет тревогу и начнется всеобщий переполох, но притаившийся рядом упырь поведал, что каги лишены голоса и общаются лишь посредством мимики. Между тем на кладбище разворачивалась кровопролитная битва. Гасты наскакивали на бедного кага со всех сторон, щипали его, кусали, наносили удары своими заостренными копытами, не переставая при этом восторженно подкашливать, взвизгивали, когда кагу удавалось расправиться с кем-нибудь из них, – шум стоял такой, что удивительно, как только не проснулся весь город. Впрочем, каг слабел на глазах, и гасты мало-помалу оттаскивали его в глубь пещеры. Вскоре они исчезли вместе со своим пленником во мраке под ее сводами, и о том, что борьба продолжается, говорило разве что случайное эхо. Вожак упырей подал знак двигаться, и Картер, заодно с проводниками, покинул кладбище и устремился к городу гигантских башен. Пробираясь к своей цели темными мощеными улицами, все четверо настороженно прислушивались к доносившемуся из домов храпу кагов. Время сна исполинов подходило к концу, поэтому упыри торопились изо всех сил: ведь расстояние, которое предстояло пройти, было отнюдь не маленьким. Наконец из сумрака возникла башня, превосходившая размерами все остальные; над ее дверью

виднелся вырезанный в камне символ, от одного вида которого бросало в дрожь даже того, кто не ведал, что этот символ означает. То была башня Коса, а едва различимые ступени в ее дверном проеме являлись началом лестницы, что выводила в верхний мир грез, к зачарованному лесу.

Подниматься по лестнице было нелегко, ибо кругом царила непроницаемая тьма, к тому же ступеньки, высотой где-то в ярд, явно не предназначались для кого-либо, кроме кагов. Картер принялся пересчитывать их, но очень скоро утомился настолько, что незнакомым с усталостью упырям пришлось тащить его на себе. Они спешили, поскольку опасались погони: хотя, страшась гнева Великих, ни один каг не посмеет отворить каменную дверь в зачарованный лес, но ничто не препятствует исполинам входить в башню. Зачастую они намеренно загоняли внутрь башни гастов и преследовали тех до самого верха. Слух у кагов столь острый, что они вполне могли расслышать шаги чужаков на улицах своего города; коли так, им, привыкшим охотиться на гастов в лишенных света пещерах Зина, не понадобится много времени, чтобы отловить в темноте четверых возмутителей спокойствия. Мысль о том, что каги не могут разговаривать, а потому если нападут, то в полном молчании, угнетала Картера. Вдобавок он понимал, что на традиционный страх кагов перед упырями надежд возлагать не стоит: как-никак, все преимущества сейчас были на стороне косматых гигантов. Кроме того, не следовало забывать и про зловредных гастов, которые частенько забирались в башню, пока сонливые каги отдыхали. Может случиться и так, что та стая гастов, которая накинулась на часового, быстро управится с ним, учует запах упырей и ринется вдогонку.

Подъем продолжался невыносимо долго. Внезапно сверху донесся кашель, и стало ясно, что дело принимает дурной оборот. Очевидно, гаст или несколько гастов проникли в башню раньше Картера и его провожатых. Судя по всему, беды было не миновать. Справившись со смятением, вожак упырей оттолкнул Картера к стене и выстроил своих товарищей в подобие боевого порядка. Они могли видеть в темноте, и Картер порадовался тому, что не один. Раздался цокот копыт; упыри воздели над головами надгробие полковника Дарби и приготовились нанести сокрушительный удар. Вот в темноте сверкнули желтовато-красные глаза, послышалось учащенное дыхание; когда гаст оказался на расстоянии ступеньки, упыри обрушили на него надгробие. Сдавленный визг – и все было кончено. Установившаяся тишина как будто свидетельствовала, что гаст был один, и поэтому, выждав мгновение-другое, упыри поманили Картера за собой наверх. Им снова пришлось тащить его; медленно, но верно они уходили все дальше от того

места, где распростерся во мраке обезображенный труп гаста.

Какое-то время спустя упыри остановились. Картер пошарил вокруг и установил, что они добрались до громадной каменной двери с железным кольцом наверху. О том, чтобы распахнуть ее настежь, нечего было и думать; упыри рассчитывали подпихнуть под нее надгробие и выпустить Картера наружу сквозь образовавшуюся трещину. Сами же они собирались потом спуститься вниз и вернуться к своим через город кагов, поскольку, во-первых, не сомневались в том, что сумеют проскользнуть незамеченными, а во-вторых, не знали дороги к призрачному Саркоманду с его диоритовыми львами.

Упыри дружно навалились на дверь всем весом своих раздобревших от нечестивой пищи тел. Картер помогал им в меру оставшихся у него сил. Вот между дверью и стеной появилась тоненькая полоска света, и Картер, которому поручили эту задачу, умудрился всунуть в расщелину край надгробия. Однако первый успех оказался единственным: дверь упрямо не желала поддаваться.

Вдруг лестница словно заходила ходуном, послышался глухой стук – должно быть, покатилось по ступенькам тело убитого гаста. Упыри удвоили, если не удесятерили усилия и ухитрились-таки приоткрыть дверь настолько, что Картер сумел поставить надгробие на ребро. Потом он взобрался на плечи провожатым, подтянулся – и рухнул на благословенную почву верхнего мира грез. Вампиры, которые протиснулись следом, выбили надгробие, и дверь закрылась – весьма кстати, ибо в темноте уже разносилось тяжелое дыхание кагов. Теперь они были в безопасности: исполины ни за что не отважатся нарушить наложенный богами запрет. Картер привольно развалился на диковинном мху зачарованного леса, а упыри уселись на корточки – они всегда отдыхали в такой позе.

Сколь бы потусторонним ни был зачарованный лес, после тех передряг, в которых побывал Картер, он казался тихой гаванью, сулил покой и уют. Поблизости не было ни единого живого существа, поскольку зуги боялись камня с железным кольцом. Картер принялся совещаться с упырями, как быть дальше. Вампиры пребывали в затруднении: возвращение через город кагов представлялось уже невозможным, да и путь в мир яви не вызывал у них восторга, особенно когда они узнали, что дорога туда пролегает сквозь пещеру пламени, где обитают жрецы Нашт и Кама-Таха. В конце концов они решили вернуться к себе через ворота Саркоманда, но до тех тоже надо было как-то добраться. Картер припомнил, что Саркоманд расположен в долине за плато Ленг, а еще – что в Дайлат-Лине ему показывали зловещего вида узкоглазого купца, который,

по слухам, торговал с жителями плато. Поэтому он посоветовал упырям отправиться в Дайлат-Лин, объяснил, что нужно сперва попасть в Нир, перейти по мосту Скай, а затем следовать течению реки до самого устья. Те тотчас согласились. В зачарованном лесу сгущались сумерки. Картер поблагодарил своих спутников за помощь, выразил признательность бывшему Ричарду Пикмену, однако не смог подавить вздох облегчения, когда вампиры тронулись в путь. Упырь есть упырь, и для человека он в лучшем случае – неподходящая компания. Расставшись со своими проводниками, Картер разыскал в лесу пруд, выкупался, смыл с себя грязь подземелий и облачился в одежду из узелка.

В зачарованном лесу тем временем наступила ночь, правда, темноты как таковой не было, ее рассеивали светящиеся древесные грибы. Картер вышел на дорогу.

Ему частенько доводилось бывать в тех краях, что лежат между зачарованным лесом и Серанианским морем, а потому он ни минуты не сомневался, куда надлежит идти, – путь указывала певучая речка Укранос. Наступил рассвет, солнце поднималось все выше, освещало рощицы и луга, прибавляло яркости и свежести тысячам цветов, покрывавших землю переливчатым ковром. Над Украносом постоянно стояло легкое марево, благодаря чему солнце пригревало тут немного сильнее, нежели в других местах, птицы и насекомые пели дольше, а люди воображали, будто очутились в волшебной сказке, испытывали ни с чем не сравнимые радость и восторг.

К полудню Картер достиг яшмовых террас Кирана, спускавшихся уступами к реке и служивших опорой Храму Милости, куда прибывает раз в году в золотом паланкине из глубин сумеречного моря король Илек-Вада, чтобы помолиться богу Украноса, который пел ему, когда он был совсем маленьким и жил в доме на речном берегу. Тот храм тоже из яшмы и занимает целый акр земли со своими стенами, внутренними двориками, семью высокими башнями и святилищем, где струится вода реки и поет ночами бог. Луна, освещая храм, многажды слышала диковинную музыку, но была ли то песня бога или напевные заклинания жрецов, знал один лишь король Илек-Вада, ибо только ему разрешалось входить в храм и видеть жрецов. В разгар дня, когда все словно погружается в дрему, никто, похоже, петь не собирался, во всяком случае, Картер различал всего-навсего журчание воды, щебет птиц и стрекотание цикад.

За Кираном вновь начались луга и пологие холмы, на которых виднелись дома с соломенными крышами и алтари местных божеств, вырезанные из яшмы или хризоберилла. Порой Картер спускался к воде,

чтобы посвистеть шаловливым рыбам, порой замирал среди тростника и глядел на густой лес на противоположном берегу. В прежних снах он наблюдал за неуклюжими буопотами, что выходили из того леса к реке напиться, но теперь не заметил ни одного из них. Зато ему представилась возможность подсмотреть, как охотится на птиц плотоядная рыба: подманивает сверканием чешуи поближе к воде, а затем, стоит птице окунуть клюв, стискивает его мощными челюстями и увлекает жертву на дно.

Под вечер он взошел на травянистый холм и узрел пламенеющие в лучах заката золоченые шпили Трана. Алебастровые стены этого дивного города взмывают едва ли не к небесам и высечены из одного-единственного, невообразимо громадного камня в незапамятные времена руками не людей, а неких загадочных существ. В них сотня ворот, они увенчаны двумястами башенками и непостижимо высоки, однако белые городские башни с золочеными шпилями еще выше; те шпили видны издалека – они то сверкают на солнце, то вонзаются в облака, то рассекают грозовые тучи. На реке выстроены мраморные причалы, к которым швартуются галеоны, источающие аромат кедра и каламандера. Корабли привозят грузы со всех концов света, моряки, что плавают на них, поголовно носят бороды. От самых стен Трана простираются возделанные поля, дремлют на взгорках белые крестьянские домики, вьются меж полей и садов мощеные дороги со множеством каменных мостов.

Картер увидел с холма, как подкрадываются по реке к золоченым шпилям вечерние сумерки, спустился вниз, добрался вскоре до южных ворот города, остановился по приказу облаченного в алое стражника и вынужден был поведать три невероятных сна, чем доказал, что достоин ступить на таинственные улицы Трана и бродить по базарам, на которых продают товары, доставленные галеонами. Он прошел в ворота, вернее, в туннель, прорезавший толстую стену, и очутился в легендарном Тране. В окнах домов светились огни, из внутренних двориков, где журчали мраморные фонтаны, доносились звуки флейт и свирелей. Картер знал, куда идти, быстро добрался до прибрежной таверны, где разыскал знакомых по прежним сновидениям капитанов и матросов, договорился о том, что его доставят в Селефаис, и заночевал в той же таверне.

Утром он поднялся на борт галеона, который следовал в Селефаис, и сел на носу. Между тем матросы отдали швартовы, распустили парус, и корабль устремился вниз по реке к Серанианскому морю. Многие лиги подряд речные берега оставались такими же, какие они у Трана, лишь иногда возникали справа, на холмах, древние святилища да показывались

порой сонные деревушки с красными крышами домов и раскинутыми на солнце сетями. Картер расспрашивал моряков о том, с кем им доводилось встречаться в тавернах Селефаиса, старался разузнать как можно больше о людях с раскосыми глазами, длинными мочками ушей, тонкими носами и заостренными книзу подбородками, которые приплывают с севера на черных ладьях и меняют оникс на поделки из яшмы, золотую нить и певчих птиц Селефаиса. Мореходы не сумели удовлетворить его любопытство, твердили в один голос, что те люди почти не раскрывают ртов и внушают невольное к себе почтение.

Их страна называлась Инкванок, и мало кто стремился попасть туда, в холодные сумеречные широты, поблизости, если верить молве, от ужасного Ленга. Впрочем, та же молва утверждала, что Инкванок отделяет от Ленга цепь непреодолимых гор; потому невозможно сказать, вправду ли зловещее плато с его гнусными обитателями и пещерным монастырем, который лучше не упоминать, лежит так близко или это попросту домыслы, порожденные зрелищем грозных черных пиков на фоне встающей луны. Ведь известно, помимо всего прочего, что Ленга достигают не по земным морям. Ничего другого моряки об Инкваноке не ведали, равно как в жизни не слыхали о неведомом Кадате в холодной пустыне, если, конечно, не считать всяких маловразумительных историй. О чудесном же городе в багрянце заката, истинной цели поисков Картера, они и вовсе не имели ни малейшего представления. Поэтому Картер перестал донимать их расспросами и принялся с нетерпением дожидаться того мига, когда сможет перекинуться словечком с людьми из холодного и сумеречного Инкванока, отпрысками богов, лик одного из которых высечен в склоне Нгранека.

К вечеру показалась излучина, от которой начинались и тянулись в глубь суши джунгли Кледа. Картеру захотелось сойти на берег, ибо в глуши тропических зарослей возвышались чудесные дворцы из слоновой кости, ныне покинутые, а некогда принадлежавшие достославному монарху, правителю страны, чье название затерялось в веках. Чары Великих хранили дворцы, оберегали их от упадка и разрушения, так как в скрижалях богов было записано, что однажды они вновь могут понадобиться; погонщики слонов видели те дворцы, но не смели приближаться к ним из страха перед суровыми стражами. Однако галеон миновал излучину и двинулся дальше, в темноту ночи. На небе проступили первые звезды, словно откликнувшись на огоньки горевших по берегам костров, и вскоре джунгли остались позади, лишь попутный ветер доносил некоторое время их сладостный аромат. Ночь напролет корабль плыл к морю, и его команда не ведала – да и

не рвалась узнать, – что скрывает окружающий мрак. Раз дозорный на мачте крикнул, что на востоке полыхают на холмах огни, но капитан посоветовал не особенно приглядываться к ним – мол, откуда нам знать, кто и зачем их зажег.

Утром река разлилась так, что берега стали едва различимы. По виду местности Картер заключил, что галеон находится неподалеку от приморского торгового города Хланита. Городские стены были из шероховатого гранита, дома с островерхими крышами поражали причудливостью фасадов. Жители Хланита необыкновенно походили на обитателей мира яви, из-за чего в мире грез к ним относились с известной долей подозрительности, однако отдавали должное мастерству хланитских ремесленников. Корабль пристал к дубовому причалу. Капитан сразу направился в таверну, где обычно велись торговые дела, а Картер пошел побродить по городу, по узким улочкам которого громыхали телеги, а на базарах наперебой расхваливали свой товар купцы. Таверны все располагались рядом с причалами, на мощеной набережной, которую при высоком приливе захлестывали волны, и выглядели неизмеримо древними: низкие закопченные потолки, зеленоватые стекла круглых, точно иллюминаторы, окон. Моряки, сидевшие в тавернах, громогласно рассуждали о далеких портах и рассказывали множество историй о странных людях из сумеречного Инкванока, но их сведения, как правило, повторяли те, какие Картер добыл у матросов галеона. Наконец, после долгой и утомительной разгрузки-погрузки, корабль отвалил от пристани, вышел в Серанианское море, и стены Хланита исчезли за его кормой вместе с последними лучами заката, на миг придавшего городу очарование, какого не смогли сотворить люди.

Плавание по морю продолжалось две ночи и два дня, на протяжении которых на горизонте не было видно ни признака земли. Навстречу галеону попался лишь один корабль. Под вечер второго дня впереди замаячил снежный пик Аран; немного спустя Картер разглядел деревья гинкго на нижних склонах горы и догадался, что зрит долину Оот-Наргай, в которой привольно раскинулся прекрасный Селефаис. Вот стали различимы сверкающие минареты, мраморные стены с бронзовыми статуями наверху, каменный мост, перекинутый через Нараксу в том месте, где река вливается в море, пологие холмы с рощицами и садами асфоделей, маленькими храмами и домами горожан, а затем вдали проступили обагренные заходящим солнцем Танарианы, величественные и мистические, стерегущие запретные пути в мир яви и иные края мира грез.

Гавань заполняли разноцветные галеры; некоторые из них приплыли

из мраморного Сераниана, города в облаках, что находится в эфире, за той чертой, где море встречается с небом, другие же – из более привычных краев земли сновидений. Кормчий, лавируя между судами, подвел галеон к причалу как раз в тот миг, когда на город опустились сумерки и в воде гавани отразились мириады городских огней. Селефаис мнился вечно юным городом мечты: время здесь не имело власти старить или уничтожать. Бирюзовый храм Нат-Хортата – такой же, как десять тысяч лет назад, и среди восьмидесяти служащих в нем жрецов с венками орхидей на головах с тех пор не появился ни один новичок. По-прежнему ярко сияет бронза огромных ворот, по-прежнему кажутся только что вымощенными улицы, в ониксе которых дробится солнечный свет, по-прежнему взирают на купцов и погонщиков верблюдов дивные статуи, а в бородах горожан не найти ни единого седого волоска.

Картер не стал торопиться, не бросился сразу разыскивать главный храм, дворец или цитадель, но остался в порту, намереваясь потолкаться среди торговцев и моряков, а потом, когда все разошлись, направился в знакомую таверну, лег спать и грезил во сне о богах на неведомом Кадате.

На следующий день он вышел на набережную, надеясь на случайную встречу с кем-нибудь из Инкванока, однако ему сообщили, что галера оттуда ожидается не раньше, чем через две недели. Тогда Картер разговорился с торабонианским матросом, который бывал в Инкваноке и даже трудился там на ониксовых копях. По словам этого матроса, к северу от населенных земель лежала пустыня, которой все почему-то боялись. Он предположил, что причина страха кроется в том, что, идя по пустыне, можно обогнуть горную цепь и выйти на зловещее плато Ленг, но добраться туда, прибавил он, не так-то просто: Инкванок полнится слухами о всяких гнусных тварях и безымянных стражах. Та ли это пустыня, в которой высится неведомый Кадат, матрос не знал, но резонно заметил, что иначе не было бы смысла ставить в ней стражей, если те, конечно, не выдумка.

Проведя в таверне еще одну ночь, Картер поутру отправился вверх по улице Колонн в бирюзовый храм и завел беседу с верховным жрецом. Хотя в Селефаисе почитают только Нат-Хортата, дневные молитвы посвящаются всем Великим вместе, а потому верховный жрец ведал кое-что о нравах божеств. Подобно Аталу, он настойчиво убеждал Картера отказаться от поисков, заявил, что боги Земли раздражительны и капризны и пользуются покровительством Других Богов, обитающих Извне, чьим глашатаем является ползучий хаос Ньярлатотеп. То, что они скрыли от него видение чудесного города в багрянце заката, – ясный знак их немилости, и вряд ли

они доброжелательно отнесутся к Картеру, если тот все же предстанет перед ними и примется молить о возвращении своего сна. В прошлом никому из людей не удалось найти Кадат, и маловероятно, чтобы кто-то отыскал его в будущем. Вдобавок толки, что ходят про ониксовый замок Великих, ни в коей мере не обнадеживают.

Поблагодарив верховного жреца, Картер покинул храм и двинулся в сторону мясного рынка: там столовался вождь кошачьего ополчения Селефаиса. Серый кот грелся на солнышке и лишь вяло пошевелился, когда его окликнул человек. Но стоило Картеру произнести пароль, который он узнал от старого ультарского генерала, кот преобразился – сделался приветливым и разговорчивым, открыл гостю много такого, что известно только животным, шныряющим по долине Оот-Наргай. В частности, кот повторил Картеру те сведения, какими его самого снабдили трусоватые кошки из приморских таверн.

Походило на то, что людей из Инкванока будто окутывала некая аура потусторонности, хотя коты не плавали на их кораблях по другой причине, а именно – из-за того, что в Инкваноке простирались тени, которых не выносит никто из кошачьих. Вот почему тот холодный и сумеречный край никогда не слышал ни дружеского мурлыканья, ни звонкого «мяу». Определить, что настораживало котов, было трудно: кто говорил – твари, засевшие в горах на границе зловещего Ленга, кто – чудища, что шныряют в студеной пустыне к северу от моря. Так или иначе, в Инкваноке ощущалось присутствие чего-то чуждого, не от мира сего, чего-то такого, что не по нраву кошкам и что они улавливают гораздо лучше людей. Потому-то все коты дружно отворачивались от черных кораблей, приплывавших из далеких северных земель.

Старый вождь также поведал Картеру, где он сможет найти своего друга, короля Куранеса, которого в последних сновидениях видел попеременно то в хрустальном дворце Семидесяти Удовольствий в Селефаисе, то в высокобашенном облачном замке парящего в небесах Серанианa. Выяснилось, однако, что король, похоже, совсем извелся от тоски по зеленым холмам Англии, среди которых прошло его детство, где звучали вечерами старинные напевы и проступали из-за деревьев серые деревенские церквушки. Он не мог возвратиться в мир яви, ибо тело его умерло, а потому постарался вообразить себе похожую местность к востоку от города – там вздымались над морем утесы, за ними расстилались луга, упиравшиеся в конце концов в подножия Танарианских гор. Теперь Куранес обитал не во дворце, а в обыкновенном доме готического стиля, окна которого выходили на море, и убеждал сам себя, что это – Тревор-

Тауэрз, где появился на свет он и тринадцать поколений его предков. А на побережье он выстроил силою мысли рыбацкую деревушку, словно перенес ее туда из корнуоллской глубинки, сохранив в неприкосновенности все отличительные признаки, и населил людьми, наружностью напоминавшими англичан, которых все пытался научить столь милому его сердцу диалекту. В долине же неподалеку он возвел норманнское аббатство, чьей башней любовался отныне из окон своего дома, и устроил при аббатстве кладбище с надгробиями, на которых вырезал имена предков, а пространство между могилами выложил мхом, походившим на мох родной Англии. Да, Куранес был монархом в стране сновидений, где множество чудес и необычайных красот, восторгов и приключений, однако с радостью отрекся бы от престола, отказался от власти, коей его облекли, за один день в благословенной Англии, тихой и чистой, древней, ненаглядной Англии, которая вскормила его и частичкой которой он останется навеки.

Так что, простившись с вождем кошачьего ополчения, Картер не стал заглядывать в хрустальный дворец; он вышел из Селефаиса через восточные ворота и направился по полю к домику, приютившемуся под сенью раскидистых дубов. Вскоре он достиг живой изгороди, двинулся вдоль нее и какое-то время спустя очутился у кирпичной сторожки. Когда он дернул дверной молоток, к нему вышел не разряженный в пух и прах дворцовый лакей, а низкорослый старик в простой одежде, говоривший по-английски с легким корнуоллским акцентом. Старик пропустил Картера в сад, где все – породы деревьев, тенистые дорожки, планировка эпохи королевы Анны – напоминало об Англии. У двери дома, по обеим сторонам которой восседали на крыльце каменные коты, Картера встретил привратник в ливрее и с бакенбардами. Он проводил гостя в библиотеку, где сидел в кресле у окна Куранес, правитель Оот-Наргая и небес вокруг Серениана. Он глядел в окно на рыбацкую деревушку и мечтал, чтобы в комнату вошла няня и выбранила его за то, что он не готов ехать на чай к викарию, хотя карета уже подана и матушка сердится.

Завидев Картера, Куранес, облаченный в наряд, какой носили в Лондоне в дни его юности, тепло приветствовал гостя, ибо всякий англосакс из мира яви был для него другом, пускай даже он родился не в Корнуолле, а в Бостоне, штат Массачусетс. Они долго вспоминали былое, и обоим нашлось что сказать, поскольку и тот и другой принадлежали к числу искушенных сновидцев – людей, сведущих в тайнах мира грез. Что касается Куранеса, он побывал в пучине за звездами и, по слухам, единственный сохранил рассудок после такого путешествия.

Наконец Картер заговорил о том, что его волновало, спросил у хозяина про Кадат и про все остальное. Куранес не знал местонахождения Кадата или чудесного города, однако ему было известно, что с Великими лучше не связываться и что Другие Боги не брезгуют никакими средствами, когда защищают божеств Земли. Он многое узнал о Других Богах в отдаленных уголках космоса, особенно в тех палестинах, где не существует формы и где изучают загадки бытия разноцветные газы. Фиолетовый газ С'Нгак открыл ему суть ползучего хаоса Ньярлатотепа и советовал всячески избегать бездны, где пребывает во мраке демонический султан Азатот. Словом, подытожил Куранес, если Древние не пускают Картера в закатный город, безопаснее всего отступиться и прекратить попытки проникнуть туда.

Куранес даже сомневался, что Картер чего-либо добьется, попади он, паче чаяния, в заветный город. Он сам долгие годы томился по Селефаису в долине Оот-Наргай, по свободе, ярким краскам и буйству жизни, лишенной всевозможных пут, ограничений и условностей. В итоге он очутился в этом городе, стал королем окрестных земель, познал свободу – и что же? Яркие краски быстро потускнели, свобода опротивела, буйство утомило до последней степени. Он правил долиной Оот-Наргай, но не находил в этом ничего привлекательного и тосковал по Англии, какой та запомнилась ему по детским впечатлениям. Он отдал бы все свое королевство за плывущий над корнуоллскими холмами звон колоколов, променял бы тысячу минаретов Селефаиса на островерхие крыши деревушки поблизости от того дома, где родился. И потому Куранес сказал гостю, что город, который тот ищет, может не оправдать ожиданий, и лучше ему оставаться манящей, но несбыточной мечтой. В бытность человеком из плоти и крови Куранес часто навещал Картера и знал, что Рэндольф Картер горячо привязан к своей родине – холмистой Новой Англии, и, случить ему оказаться оторванным от нее, зачахнет от тоски.

Он предложил Картеру поучиться на его, Куранеса, собственном примере, заявил, что рано или поздно тот перестанет думать о чем-либо, кроме запавших в душу мест: будет видеть мысленным взором огонек маяка Бикон-хилл, шпили и извилистые улочки архаичного Кингспорта, двускатные крыши колдовского Аркхема, благословенные луга, долины с каменными изгородями, белые домики среди деревьев. Однако Картер не пожелал внять совету друга, и, когда они расставались, каждый был убежден, что прав именно он. Картер вернулся в Селефаис и стал дожидаться прибытия в порт черной галеры из холодного и сумеречного Инкванока, галеры, в жилах моряков и купцов с которой течет кровь

Великих.

Однажды вечером ведомая сигналами маяка долгожданная галера вошла в гавань, пристала к берегу, и вскоре в приморских тавернах появились, поодиночке и компаниями, люди, черты которых в точности воспроизводили божественный лик, высеченный в склоне Нгранека. Картер не спешил, присматривался и прислушивался, сознавая, что раскрывать немногословным северянам свои замыслы было бы несколько неосторожно, равно как и расспрашивать их о холодной пустыне; кто знает, каковы они по складу характера, эти отпрыски Великих? Северяне ни с кем особо не общались, в тавернах выбирали укромные уголки, сидели всегда вместе, пели песни неведомых земель или рассказывали друг другу длинные истории на языке, которого никто, кроме них, не понимал. О чем говорилось в тех песнях и историях, можно было, впрочем, догадаться по слушателям, взгляды которых выражали благоговение и восторг.

Черная галера простояла в порту Селефаиса ровно неделю. Моряки провели это время в тавернах, а купцы – на городских рынках. Картер попросился на борт перед самым отплытием, назвался рудокопом и заявил, что хочет добывать оникс. Никто не усмотрел в подобном намерении чего-либо необычного или подозрительного. Галера представляла собой не корабль, а прямо-таки произведение искусства: ее построили из тика с вкраплениями черного дерева и золота; стены каюты, в которую поместили пассажира, были завешены шелком и бархатом. Наутро капитан приказал распустить паруса и поднять якорь. Отлив подхватил судно и повлек его в море. Стоя на высокой корме, Картер наблюдал, как постепенно исчезают из виду залитые лучами рассвета стены, бронзовые статуи и золотые минареты Селефаиса, как становится все меньше и меньше снежная шапка пика Аран. К полудню Селефаис пропал без следа – куда ни глянь, повсюду простиралась безбрежная ширь Серанианского моря. Вдалеке виднелась ярко раскрашенная галера, похоже, державшая путь в Сераниан, где море сливается с небом.

С наступлением ночи на небосводе высыпали звезды. Кормчий правил по Большой и Малой Медведицам, матросы пели незнакомые песни, а остальные разглядывали плескавшихся в волнах рыб, что распространяли вокруг себя тусклый свет. Картер лег спать в полночь, а проснулся на заре и отметил, что солнце несколько сдвинулось к югу. Второй день плавания он посвятил тому, чтобы сойтись поближе с моряками и разговорить их. Осмелев, он начал спрашивать о холодном и сумеречном Инкваноке, об ониксовом городе, о непреодолимой горной цепи, за которой якобы лежит зловещее плато Ленг. Моряки поведали ему о своей печали, о том, что во

всем Инкваноке не сыскать ни единого кота и виной тому, должно быть, близость проклятого Ленга. Они охотно отвечали на вопросы Картера, но едва тот упоминал холодную пустыню, сразу стушевывались, замыкались в себе и угрюмо замолкали.

В следующие дни они рассказывали Картеру о копях, на которые тот будто бы направлялся. Копей было не перечесть, ведь оникса требовалось очень и очень много: из него были возведены все города Инкванока, им торговали в Ринаре, Огротане и Селефаисе, его меняли на пользовавшиеся большим спросом товары из Трана, Иларнека и Кадатерона. Один рудник, громаднее всех остальных, располагался на крайнем севере, чуть ли не на границе холодной пустыни, существование которой люди Инкванока отказывались признавать; это из него добыли в незапамятные времена те глыбы оникса, о чьих потрясающих воображение размерах напоминали теперь зияющие пустоты в драгоценной породе. Кто вырубил те глыбы и куда их потом переправили, сказать было невозможно, однако при всем при том сочли за лучшее во избежание всякого рода неожиданностей и неприятностей оставить эти копи в покое. Моряки уверяли, что ныне там никто не появляется, за исключением воронья и легендарной птицы шантак. Картер призадумался, ему вспомнились древние предания, гласившие, что замок Великих на вершине неведомого Кадата – из оникса.

С каждым днем солнце вставало все ниже и ниже над горизонтом, а туманы становились все гуще. Затем солнце исчезло вообще, на целые две недели; корабль плыл сквозь колдовские сумерки, светло-серые днем и серебристые ночью. На двадцатый день плавания впереди показалась торчащая из моря скала – первый признак суши с тех пор, как пропал из виду Аран; Картер спросил капитана, как она называется, и услышал в ответ, что названия у нее нет и что ни одно судно не отваживается подойти к ней сколько-нибудь близко из-за звуков, что раздаются с наступлением темноты. Когда пали сумерки, от скалы, словно подтверждая слова капитана, донесся заунывный вой, и пассажир порадовался тому, что галера находится на достаточном удалении от гранитного острова. Матросы молились, пока корабль не отошел настолько, что вой стал не слышен по причине расстояния, а Картера в ту ночь мучили кошмары.

На второе утро на восточном горизонте замаячил горный кряж. Узрев его, моряки затянули веселую песню, некоторые опустились на колени и принялись молиться, и Картер понял, что галера приближается к Инкваноку и скоро пришвартуется к базальтовому причалу. К полудню стало возможным различить береговую линию, а три часа спустя на севере проступили из мглы похожие на луковицы купола и затейливые шпили

ониксового города. Древний Инкванок производил весьма внушительное впечатление: черные с золотой инкрустацией стены домов, множество ворот, арки которых венчали бюсты божеств, исполненные столь же искусно, как и лик в склоне Нгранека, шестнадцатиугольная главная башня с балконом – как пояснили моряки, Храм Древних. Еще они прибавили, что верховный жрец этого храма изнемогает под бременем тайн, в которые посвящен. Инкрустация на стенах многооконных строений поражала воображение: замысловатые рисунки, конуса, пирамиды, прочие геометрические фигуры, пересечения, наложения, переплетения.

Время от времени над городом проплывал колокольный звон, которому всякий раз отвечали рога, виолы и сливавшиеся в хоре голоса. Треножники на галерее храма изрыгали пламя – жрецы, а заодно с ними и простые горожане, соблюдали правила, изложенные Великими на скрижалях, более древних, нежели Пнакотические рукописи. Когда галера миновала базальтовый волнолом и вошла в гавань, послышался шум, обычный для портового города, и Картер увидел на набережной моряков, купцов и рабов. Моряки и купцы явно относились к тем, чей род вел свое начало от богов, а вот рабы, низкорослые и узкоглазые, по слухам, явились в Инкванок из долин за зловещим плато Ленг, то ли обогнув, то ли каким-то образом перевалив через поднебесный хребет. На длинных причалах вовсю торговали всякой всячиной.

Галера пристала. Команда быстро покинула ее и направилась в город. Улицы этого города были вымощены ониксом, некоторые из них отличались прямизной и широтой, прочие были извилистыми и узкими. Дома на набережной уступали высотой всем остальным, однако здесь висели над дверями золотые символы, означавшие, что дому покровительствует то или иное божество. Капитан галеры привел Картера в таверну, где собирались моряки со всего света, пообещал показать ему завтра достопримечательности сумеречного города и отвести в таверну рудокопов у северной стены. Наступил вечер, зажглись бронзовые светильники, моряки запели о далеких краях. Но когда зазвонил колокол храмовой башни, они перестали петь, склонили головы и молчали, пока не стихло последнее эхо. В сумеречном городе Инкванок – свои обычаи, и нарушать их никто не собирался, опасаясь скорого и ужасного возмездия.

Картер окинул взглядом залу – и вздрогнул: в укромном уголке притаился в тени тот самый купец из Дайлат-Лина, кто, если верить молве, торговал с жителями зловещего плато Ленг, которого чураются все здравомыслящие люди; да, купец, якобы имевший дело с верховным жрецом, чье лицо скрывает желтая шелковая вуаль, обитающий в

одиночестве в доисторическом скальном монастыре. Этот купец искоса поглядывал на Картера, когда тот расспрашивал дайлатлинцев о холодной пустыне и неведомом Кадате; его присутствие в сумеречном Инкваноке, столь близко от чудес севера, порождало в душе смутную тревогу. Картер хотел было заговорить с ним, но тот ухитрился незаметно ускользнуть. Кто-то из моряков позднее сообщил Картеру, что купец появился в городе с караваном яков, привез огромные и очень приятные на вкус яйца легендарной птицы шантак, которые, судя по всему, намеревался обменять на яшмовые кубки из Иларнека.

Наутро капитан галеры привел Картера к храму, что располагался, вместе с обнесенным стеной садом, на просторной площади, от которой, подобно спицам в колесе, разбегались во все стороны улицы Семь ворот сада – арки с резными ликами богов, которые никогда не запирались, и каждый, кому хотелось, мог побродить среди деревьев по дорожкам, вдоль которых расставлены были пьедесталы с бюстами, заглянуть в скромные святилища мелких божеств. Когда звенел колокол, из семи сторожек у семи ворот звучали рога, виолы и человеческие голоса, а из семи дверей храма выступали семь процессий – жрецы в масках и черных плащах с капюшонами, державшие перед собой, на расстоянии вытянутой руки, золотые чаши, над которыми курились дымки. Шагали они весьма странно: не сгибая ног в коленях, постепенно выстраивались в одну длинную колонну, направлялись к семи сторожкам, вновь разделялись, заходили внутрь – и пропадали. Кое-кто утверждал, что сторожки соединены с храмом подземными коридорами, по которым возвращаются жрецы; правда, уверяли также, что ониксовые ступеньки уводят из сторожек в земные недра, к непостижимым тайнам, но лишь немногие отваживались намекать, что жрецы в масках – вовсе не люди.

Картер не пошел в храм, поскольку путь туда был заказан всем, кроме Короля-под-вуалью. Однако прежде чем он успел покинуть сад, прогремел колокол, запели рога и виолы, потянулись вереницами к семи сторожкам жрецы в масках, и, глядя на них, странник невольно содрогнулся от страха, какой люди внушают отнюдь не часто. Выждав, пока не исчезнет последний из жрецов, Картер покинул сад, поторапливаемый капитаном галеры, который повлек его к прекрасному дворцу Короля-под-вуалью.

Улицы, что вели ко дворцу, были узкими и крутыми, все за исключением той, по которой король и придворные ездили на яках или на влекомых яками колесницах. Картер с капитаном выбрали именно ее, прошли между инкрустированных золотом стен, под балконами, откуда доносились звуки музыки или пряные ароматы, миновали огромную

черную арку и очутились в садах развлечений монарха, чей дворец, знаменитый своими высокими стенами, могучими башнями и многочисленными куполами-луковицами, возвышался впереди. У Картера захватило дух от окружающей красоты: ониксовые террасы, колоннады, клумбы, ряды деревьев в цвету, золотые шпалеры, бронзовые урны, треножники с резьбой, статуи из черного с прожилками мрамора, настолько правдоподобные, что казались не изваяниями, а живыми людьми; выложенные базальтом водоемы со светящимися рыбами, птицы, сверкающие переливчатым оперением, изумительный орнамент огромных ворот из бронзы, цветущие лозы на стенах – все это вместе создавало картину, превосходившую прелестью действительность и непривычную даже в стране сновидений. Чудилось, что под серым сумеречным небом словно воплотились чьи-то грезы, невыразимо дивные и потусторонние, особенно в сочетании с видом на королевский дворец и далекий непреодолимый горный хребет.

Затем капитан повел Картера в северный квартал города, к Воротам Караванов, туда, где располагались таверны рудокопов и торговцев. И там, под низким потолком одной из таверн, они расстались, ибо капитану пора было заняться делами, а Картеру не терпелось приступить к расспросам. Народу в таверне было много, и вскоре страннику удалось завязать разговор на интересовавшую его тему. Он представился рудокопом и заявил, что хочет узнать побольше об ониксовых копях Инкванока. Однако ему не слишком повезло: собеседники давали уклончивые ответы, всячески изворачивались или просто замолкали, когда речь заходила о холодной пустыне и заброшенном руднике. Люди боялись существ, что «могли явиться невзначай со зловещего Ленга, а еще – пустынных тварей и безымянных часовых в скалах. Картер краем уха разобрал чей-то шепоток: мол, шантакам тоже не след доверять, недаром молва твердит, что увидеть такую птицу – не к добру (не зря же прародителя шантаков, заключенного в королевском дворце, кормят в сплошной темноте).

На следующий день, сказав, что хочет побывать на копях и заглянуть в несколько деревушек, Картер нанял яка, навьючил на животное мешки с поклажей и выехал из города через Ворота Караванов. Дорога бежала, никуда не сворачивая, вдоль нее виднелись дома с приплюснутыми куполами. Время от времени Картер заходил в эти дома и задавал свои вопросы. Раз ему встретился человек замечательной наружности, суровый и немногословный, черты лица которого удивительно напоминали божественный лик в склоне Нгранека, и Картер решил, что наконец-то отыскал одного из Великих или, по крайней мере, кого-то из числа их

ближайших родственников, а потому беседовал с тем поселянином весьма почтительно, избегал всего, что могло бы помни́ться хулой на богов, наоборот, не уставал повторять, как признателен Древним за все их благодеяния.

Он заночевал на придорожном лугу, под сенью громадного дерева лигат, к которому привязал своего яка, а утром продолжил путь на север. Часам к десяти он добрался до селенияУрг, где отдыхали обычно караванщики и делились историями рудокопы, и просидел до полудня в деревенской таверне. Сразу за Ургом караваны сворачивали на запад, в сторону Силарна; Картер же по-прежнему двигался в северном направлении. Дорога, уже караванной тропы, вилась меж каменистых взгорков, а слева приобретала все более четкие очертания гряда холмов. К вечеру холмы превратились в черные скалы, и Картер понял, что приближается к местам, где добывали оникс. Вдалеке справа высился непреодолимый горный хребет, и чем выше забирался путник, тем меньше приятного слышал он о тех горах от случайных попутчиков.

На четвертый день местность сделалась не то чтобы пугающей, но достаточно неприглядной, дорога сузилась до тропки, которая вела все вверх и вверх. Справа по-прежнему возвышались грозные пики; чем дальше проникал Картер в неизведанный край, тем холоднее и темнее становилось вокруг. Вскоре он заметил, что на тропе нет ни единого следа, и догадался, что ею не пользовались с незапамятных времен. Порой над головою раздавался хриплый крик ворона, а шорох за камнями наводил на мысль о легендарных шантаках, но в основном окрест было тихо. Косматый як тащился вперед – Картеру раз за разом приходилось его понукать, – фыркал и тряс головой при малейшем, даже еле слышном звуке.

Тропу с обеих сторон стискивали отвесные стены утеса, она стала еще круче, копыта яка частенько скользили по камням. Часа через два такой езды Картер разглядел перевал, за которым не было ничего, кроме тускло-серого неба, и порадовался предстоящему спуску. Однако добраться до перевала оказалось не так-то легко: тропа пошла вверх едва ли не вертикально. Картер спешился и повел животное в поводу, а як то упирался, то спотыкался. Внезапно подъем закончился. Картер осмотрелся – и оторопел.

Тропа и впрямь сбегала вниз по более-менее пологому склону. Слева от нее находилась пропасть – не естественная, а рукотворная, образовавшаяся после того, как из скалы извлекли умопомрачительное количество оникса. На дно копей, помещавшееся, казалось, в глубине

планетных недр, нырял, словно в пасть исполинского чудища, гигантский желоб. Да, подумалось Картеру, тут поработали явно не люди. Щербины на стенах пропасти свидетельствовали о том, какого размера куски высекали здесь когда-то молотки неведомых рудокопов. Над краем пропасти кружили вороны, а внизу шныряли нетопыри или урхаги, а может, иные жуткие твари. Ошеломленный Картер глядел то на сумеречное небо, то на тропу, поворачивался то к высоким утесам справа, то к бездонной пропасти слева.

Вдруг, издав пронзительный вопль, як вырвал из руки человека повод и помчался по тропе вниз. Камни из-под его копыт летели в пропасть и словно растворялись в воздухе, не достигая дна. Картер бросился вдогонку. Постепенно утесы обступили тропу как справа, так и слева, опасность свалиться в пропасть миновала. Картеру почудилось, будто впереди слышен топот копыт, и он припустил еще быстрее. Погоня продолжалась миля за милей, тропа мало-помалу становилась все шире, и Картер осознал, что скоро очутится в холодной пустыне. Над утесами справа вновь возникли вершины непреодолимого горного хребта, прямо же виднелось открытое пространство, предвестник голой и студеной равнины. Вновь, отчетливее, чем раньше, зацокали копыта, и Картер испугался, ибо звук доносился сверху, с перевала, и вовсе не походил на топот мчащегося сломя голову яка.

Погоня за животным обернулась бегством от незримого преследователя. Картер не оглядывался, но что-то подсказывало ему, что ничего хорошего он у себя за спиной не увидит. Должно быть, як ощутил это прежде человека. Неужели, подумал Картер, меня преследуют от самого Инкванока или это появилось какое-нибудь чудовище из бездны? Тем временем утесы сгинули, словно их и не было; впереди расстилалась бескрайняя песчаная пустыня. Следы яка исчезли, зато сзади по-прежнему раздавался цокот, перемежавшийся порой звуком, напоминавшим хлопанье крыльев. Картер понимал, что его настигают, вдобавок он утратил всякую ориентировку.

И тут Картер рассмотрел нечто поистине ужасное. Сперва ему показалось, что на севере – гряда холмов, но, когда замерцали низко нависшие над землей тучи, он осознал свою ошибку. То были не холмы, а колоссальные изваяния, статуи собакоподобных существ высотой в добрую тысячу футов, протянувшиеся цепочкой от горного хребта на востоке до горизонта на западе, – громадный ониксовый кряж, преобразившийся под руками тех, с кем не мог равняться человек. Молчаливые стражи, они сидели в пустыне, подобные волам или упырям, увенчанные коронами туманов и туч, воздев правые лапы в угрожающем жесте.

Картеру померещилось, будто двухголовые твари шевельнулись, однако то была всего лишь игра тусклого света. Но в следующий миг над статуями показались черные силуэты, которые действительно двигались. Крылатые создания неумолимо приближались – размерами больше слона, с лошадиными мордами. Картер, хоть ни разу не встречался с ними, догадался, что это легендарные шантаки. Ему стало ясно, кого так страшатся люди Инкванока, каких безымянных дозорных в пустыне. Он остановился, решил наконец оглянуться и увидел то, что, собственно, ожидал: за ним ехал на тощем яке купец с раскосыми глазами, которого сопровождала стая омерзительных шантаков, не успевших еще отряхнуть с крыльев селитру земных недр.

Очутившись в западне, окруженный кошмарными существами, Рэндольф Картер не потерял ни сознания, ни присутствия духа. Купец соскочил с яка, ухмыльнулся и ткнул пальцем в одного из шантаков. Картер понял: ему предлагали взобраться на отвратительное чудище. Купец подсадил его, Картер содрогнулся от прикосновения нечестивца. Подниматься было нелегко, ибо у шантаков вместо перьев чешуя, притом очень и очень скользкая. Но вот Картер уселся, купец пристроился у него за спиной, оставив яка кому-то из гиппоцефалов. Картер увидел, что животное погнали в сторону гигантских ониксовых статуй.

Остальные шантаки взмыли в воздух и устремились на восток, к тому непреодолимому хребту, за которым, по слухам, лежал Ленг. Они летели над облаками, а потому Картер сумел разглядеть то, что было недоступно взорам людей Инкванока – затянутые сверкающей дымкой горные вершины. Он различил на склонах отверстия пещер и вспомнил о Нгранеке, но не стал спрашивать купца, кто обитает в тех пещерах, ибо заметил, что и купец, и его крылатый скакун, похоже, испытывают страх.

Миновав горы, шантак снизился. В разрывах облаков стала видна серая равнина, на которой, на значительном удалении друг от друга, мерцали огоньки костров. Присмотревшись, Картер увидел одинокие гранитные дома и деревни из таких домов. Окна строений лучились бледным светом, изнутри доносились визгливое пение дудок и мерзкий грохот.

У костров плясали какие-то существа. Картеру, несмотря на его положение, стало любопытно, каковы они из себя. Он ведал, что никому еще не доводилось сталкиваться с обитателями Ленга – в преданиях говорилось лишь о каменных селениях и огнях костров. Плясуны двигались медленно и неуклюже, изгибаясь так, что к горлу подступала тошнота, и Картер понял, откуда взялся тот ужас, с которым упоминают о

Ленге во всех концах мира грез.

Шантак пролетел над кострами, гранитными строениями и пляшущими у огня нелюдями и устремился дальше. Под ним тянулись голые серые холмы – единственное, что оживляло угрюмый пейзаж студеной пустыни. Наступил день, свечение облаков померкло, а исполинская птица продолжала по-прежнему мерно взмахивать крыльями. Порой купец заговаривал со своим скакуном, обращался к нему на отвратительном, клекочущем языке, а тот отвечал свистом, который резал уши, как царапанье ногтем по стеклу. Между тем местность внизу постепенно повышалась, и какое-то время спустя шантак очутился над плоской, доступной всем ветрам равниной, этакой крышей проклятого, обезлюдевшего мира. Посреди той равнины стояло приземистое здание без окон, окруженное цепочкой грубо обтесанных монолитов. На человеческий дух здесь не чувствовалось даже намека; Картеру вспомнились старинные предания, и он заключил, что и впрямь попал в самое жуткое на свете место – доисторический монастырь, в котором молится в одиночестве Другим Богам и их глашатаю, ползучему хаосу Ньярлатотепу, верховный жрец, чье лицо скрыто желтой шелковой маской.

Птица приземлилась. Купец легко соскочил с нее и помог спуститься пленнику. Теперь Картер знал, зачем его похитили. Вне сомнения, купец с раскосыми глазами являлся соглядатаем темных сил и, чтобы выслужиться перед своими повелителями, решил доставить им смертного, который осмелился разыскивать неведомый Кадат и ониксовый замок Великих на его вершине. Что ж, подумалось Картеру, во всяком случае, он узнал, что подходы к Кадату надежно охраняются Другими Богами, владыками Ленга и холодной пустыни к северу от Инкванока.

Купец был невысок ростом, но ослушаться его не представлялось возможным, ибо он, чуть что, поглядывал на огромного гиппоцефала. Поэтому Картер безропотно последовал за ним, миновал круг монолитов и ступил сквозь низкий дверной проем под своды лишенного окон монастыря. Внутри было темно, однако купец зажег глиняный светильник с омерзительной резьбой на стенках и повел пленника в лабиринт узких, извилистых коридоров. Стены коридоров сплошь покрывали фрески, возраст которых уходил в глубину веков, а стиль исполнения поразил бы археологов мира яви. Несмотря на прошедшие тысячелетия, краски ничуть не выцвели, поскольку их сохранила стужа, царившая на зловещем Ленге. То, что удалось разглядеть Картеру в тусклом свете, исходившем из глиняной плошки, заставило его содрогнуться.

На фресках раскрывалась история Ленга. Рогатые большеротые

нелюди плясали на развалинах позабытых городов, сражались с жирными лиловыми пауками из соседних долин, встречали черные галеры с луны, сдавались жабообразным тварям, что спрыгивали с палуб кораблей, а после поклонялись им как богам, и во взглядах, какими они провожали галеры, увозившие самых крепких и упитанных самцов, не читалось ни гнева, ни мольбы о снисхождении. Судя по фрескам, лунные жабы обосновались по прибытии на острове в открытом море; Картер понял страх моряков Инкванока перед одинокой скалой, мимо которой им приходится плавать и с которой доносится по ночам жуткий, заунывный вой.

Кроме того, на этих фресках изображен был морской порт, столица хвостатых нелюдей, город на утесах со множеством колоннад, базальтовыми причалами, великолепными дворцами и чудесными храмами. Широкие улицы вели от утесов и от шести увенчанных сфинксами ворот через цветущие сады к просторной центральной площади, на которой восседали два циклопических крылатых льва: они стерегли уводившую под землю лестницу. Изображения львов повторялись снова и снова, то в серых сумерках дня, то в тусклом свечении ночи, и в конце концов Картера словно осенило; он догадался, где сидят исполинские львы и какой город принадлежал нелюдям до прибытия черных лунных галер. Ошибки быть не могло – тот город неоднократно прославлялся в легендах. Баснословный Саркоманд, лежавший в руинах за миллион лет до появления на Земле человека! Если так, львы охраняют лестницу, что ведет из страны сновидений в Великую Бездну.

Другие фрески показывали горный хребет, что отделял Ленг от Инкванока, чудовищных шантаков, чьи гнезда лепились к скалам над глубокими пропастями, и пещеры вблизи вершин, те пещеры, от которых шарахались в ужасе, как можно было судить по картине, храбрейшие из шантаков. Картер видел эти пещеры сверху, со спины гигантской птицы, и еще тогда заметил их сходство с пещерами Нгранека. Теперь же он убедился в том, что сходство – не простая случайность. Фрески изображали обитателей пещер – нетопыриные крылья, рога, хвосты, когтистые лапы, будто гуттаперчевые тела… Да, он сталкивался с ними! Лишенные рассудка стражи Великой Бездны, которых боятся даже Великие и которые подчиняются не Ньярлатотепу, а седому Ноденсу, призраки Нгранека, что никогда не смеются и не улыбаются, потому что не имеют лиц, вечно снующие во мраке между долиной Анот и проходами во внешний мир!

Купец привел Картера в помещение с арочным потолком. Стены украшали отталкивающего содержания барельефы, в полу посреди помещения зияла круглая дыра, вдоль которой выстроились в кольцо шесть

покрытых бурыми пятнами алтарей. Глиняная плошка светила столь слабо, что подробности обстановки воспринимались не сразу, а постепенно, одна за другой. У дальней стены возвышался каменный помост, к которому вели пять ступенек; на нем стоял золотой трон, а на том троне сидело существо в желтых с красным шелковых одеждах и с желтой шелковой маской на лице. Купец принялся оживленно жестикулировать, существо в ответ поднесло к губам флейту из слоновой гости и извлекло из инструмента ряд оскорбительных для слуха звуков. Разговор продолжался, но вот существо высунуло из шелкового рукава лапу, и Картер удостоверился, что его опасения были не напрасны. Волной накатил страх и побудил сделать то, на что по здравом размышлении он вряд ли бы отважился. Всякие раздумья уступили место одной-единственной мысли: бежать прочь отсюда, прочь от этой твари на золотом троне! Он помнил, что от выхода из монастыря его отделяет лабиринт коридоров, а на студеной равнине поджидают шантаки, однако все опасности вдруг будто умалились, а все желания свелись к тому, чтобы вырваться из лап облаченного в шелковые одежды чудища.

Купец поставил плошку на один из алтарей у края дыры в полу и прошел немного вперед, вероятно, для того, чтобы верховный жрец мог лучше разобрать его жесты. Картер, до сих пор выказывавший полную покорность судьбе, внезапно словно воспрял: толкнул купца с силой, которую придал ему страх, и тот рухнул в дыру, что являлась, по слухам, колодцем, достигавшим пещер Зина, где охотились во мраке на гастов косматые каги. Почти в ту же секунду сновидец схватил с алтаря глиняную плошку со свечой и кинулся в лабиринт коридоров, сворачивая туда, куда несли ноги, и стараясь не думать о возможной погоне и о тех ловушках, которые наверняка подстерегают его в темноте.

Мгновение спустя ему пришлось пожалеть о том, что он бежал без оглядки, – ведь насколько разумнее было бы ориентироваться по фрескам! Правда, с ними тоже морока, зачастую последующее изображение лишь немногим отличается от предыдущего, но надо было хотя бы попробовать. Те фрески, которые открывались его взгляду теперь, выглядели гораздо отвратительнее прежних, и он сообразил, что направляется не к выходу из монастыря, а, по-видимому, в обратную сторону. Довольно скоро он убедился, что его не преследуют, и слегка сбавил шаг, но едва вздохнул с облегчением, как обрушилась новая напасть: свеча в плошке догорала. Картеру предстояло очутиться в кромешной тьме.

Когда свеча погасла, он продолжил путь на ощупь, моля Великих о пускай незначительной, но помощи. Порой коридор уводил вверх, порой нырял вниз, а как-то раз Картер споткнулся о ступеньку, которой по всем

признакам на том месте никак не должно было быть. Чем дальше он шел, тем более сырым становился воздух; когда обнаруживал, что туннель разветвляется, то всегда выбирал тот проход, который имел наименьший уклон. Он сознавал, что идет вниз: запах как на кладбище, узоры на склизких стенах, покатый пол – все свидетельствовало о том, что он забрался глубоко в недра зловещего плато Ленг. А дальше случилось непредвиденное. Только что он ковылял по коридору, ощупывая рукой стену, – а в следующий миг уже летел с головокружительной скоростью во мрак по чуть ли не строго вертикальной шахте.

Сколько продолжалось падение, он не знал, ибо замечал всего лишь приступы тошноты и панического ужаса, но вдруг понял, что лежит на земле, устремив взгляд на тускло светящиеся облака. Его окружали осыпавшиеся стены и полуразрушенные колонны, сквозь камни мостовой пробивались трава и кустарник. Сзади возвышался базальтовый утес, в его испещренном узорами склоне зияло черное отверстие – должно быть, та самая шахта. Впереди виднелись двойные колоннады, обломки, пьедесталы, урны, бассейны фонтанов: похоже, когда-то здесь пролегала широкая и красивая улица. В конце улицы можно было различить просторную площадь, над которой проступали из серого сумрака два диоритовых колосса. То были крылатые львы, расстояние от их голов до земли составляло полных двадцать футов, они грозно взирали на руины и как будто рычали. Рассмотрев их, Картер понял, куда его забросило. Перед ним восседали бессменные стражи Великой Бездны, у ног которых распростерлись развалины древнего Саркоманда.

Первым делом Картер заложил то отверстие, из которого выскочил, попавшимися под руку кусками камня. Ему вовсе не хотелось столкнуться с погоней из скального монастыря на зловещем плато Ленг. Покончив с этим, он задумался над тем, как ему возвратиться из Саркоманда в населенные области страны сновидений. Спускаться к упырям не имело смысла, ибо собратьям Пикмена известно не больше, чем самому Картеру. Те трое упырей, что помогли ему пробраться через город кагов, ведать не ведали, как им добраться до Саркоманда, и собирались расспросить торговцев Дайлат-Лина. Мысль о том, чтобы вновь сойти в подземелье кагов, проникнуть в башню Коса и попытаться достичь зачарованного леса, отнюдь не прельщала Картера; тем не менее он решил вернуться к ней, если не придумает ничего другого. Бродить по зловещему Ленгу с его доисторическим монастырем, да еще в одиночку, было бы сущим безумием; вдобавок он вряд ли сумеет избежать встречи с шантаками и прочей тамошней жутью. Будь у него лодка, он мог бы доплыть до

Инкванока, миновав каким-то образом торчащую из моря скалу: ведь если судить по фрескам в лабиринте монастыря, та скала находится довольно близко от базальтовых причалов Саркоманда. Но лодки нет, и найти ее или построить не удастся.

Вот о чем размышлял Рэндольф Картер, когда произошло событие, положившее конец всяким размышлениям. Справа от крылатых львов замерцал над руинами баснословного Саркоманда призрачный свет, исходивший не от фосфоресцирующих туч. Этот свет имел зеленоватый оттенок и то становился ярче, а то тускнел. Догадавшись об искусственном происхождении зеленоватого свечения, Картер осторожно двинулся туда, где предположительно находился его источник. Как выяснилось минуту-другую спустя, то были отблески разожженного близ пристани костра, возле которого толпились смутно различимые фигуры и который источал весьма неприятный запах. Слышался плеск воды. У пристани стоял большой корабль. Картера пронзил страх, когда он увидел, что судно – черная галера с луны.

Он уже собирался ползти прочь, но тут толпа у костра зашевелилась, и до Картера донесся звук, который невозможно было спутать ни с каким иным, – всхлип перепуганного упыря. Поначалу еле слышный, всхлип постепенно перешел в надрывный вопль. Чувствуя себя в безопасности в тени саркомандских развалин, Картер справился со страхом и, вместо того чтобы убраться восвояси, пополз вперед. Ему пришлось перебраться на противоположную сторону, что он и проделал, извиваясь всем телом, как громадный червяк, а затем вынужден был подняться на ноги, чтобы преодолеть без лишнего шума груду мраморных осколков. Никто его не окликнул и не схватил, так что вскоре он притаился за толстой колонной, откуда мог наблюдать за происходящим, оставаясь незамеченным. Возле костра, разведенного из лунного мха, сидели на корточках жабообразные твари и их рабы-нелюди. Несколько рабов нагревали в пламени наконечники диковинных копий для того, чтобы потом прижечь кожу троим крепко связанным пленникам, катавшимся от боли по земле у ног предводителей отряда. По тому, как дергались щупальца на рылах лунных жаб, Картер заключил, что они наслаждаются зрелищем; а затем он пришел в неописуемый ужас, ибо узнал в мучимых упырях своих проводников, верных товарищей на пути из подземелья в верхний мир, с которыми расстался в зачарованном лесу, когда они отправились на поиски Саркоманда и ворот, через которые могли бы попасть домой.

Лунных жаб у костра было многое множество, так что Картер бессилен был помочь тем, кто не так давно выручил его. Каким образом

упыри оказались в плену, он не имел ни малейшего понятия, однако предположил, что жабы услышали в Дайлат-Лине, как те выспрашивают дорогу в Саркоманд, устроили засаду, не желая близко подпускать их к зловещему плато Ленг и скальному монастырю с его верховным жрецом. Прикидывая, как ему поступить, Картер припомнил вдруг, что совсем недалеко – ворота в подземелье упырей. Пожалуй, разумнее всего будет вернуться на площадь диоритовых львов и спуститься по лестнице в бездну, ужасы которой наверняка уступают тем, что творятся здесь. Да, необходимо спуститься и разыскать там вампиров, готовых сразиться за освобождение сородичей. Быть может, битва завершится истреблением всех до единой жаб с черной лунной галеры. Тут Картеру пришло в голову, что ворота, как и прочие проходы в бездну, стерегут, должно быть, немые призраки, но их, как ни странно, он не боялся. Он узнал, что призраков связывают с упырями нерушимые клятвы; упырь Ричард Пикмен сообщил ему пароль, который понимали призраки.

Картер пополз обратно, по направлению к центральной площади с ее крылатыми львами. Увлеченные пыткой лунные жабы не обращали внимания на шум, который он производил при движении. Наконец Картер выбрался на площадь и, перебегая от одного мертвого дерева к другому, устремился к воротам в бездну. Исполинские львы, очертания которых четко обрисовывались на фоне тускло-серого ночного неба, грозно нависали над ним, но он мужественно продолжал путь. Статуи располагались на расстоянии десяти футов друг от друга, их пьедесталы испещряли отталкивающие изображения. Между пьедесталами была площадка, некогда огороженная ониксовой галереей, а посреди площадки чернел зев провала. Присмотревшись, Картер различил искрошившиеся от времени ступени, ведущие вниз.

Ужасный спуск длился не час и не два. Время летело незаметно для Картера, спускавшегося по бесконечной спирали в кошмарное подземелье. Ступени были столь древними и узкими и вдобавок такими скользкими, что он постоянно ожидал падения, гибельного полета до самых земных недр. К тому же в уголке сознания прочно угнездилась мысль, что ему не избежать нападения немых призраков. Постепенно Картер словно превратился в автомат: он двигался как заведенный и не заметил, что кто-то подхватил его и повлек в темноту, и лишь когда зашелся в нервном смехе от щекотки, сообразил, что угодил-таки в лапы к призракам.

Опомнившись, Картер прокричал пароль, который узнал от упыря Ричарда Пикмена. Хотя, по утверждению молвы, призраки лишены рассудка, их поведение тут же изменилось: щекотка прекратилась,

пленника оставили в покое. Ободренный таким поворотом событий, Картер пустился в объяснения, поведав об участи троих упырей, и заявил, что необходимо освободить несчастных. Призраки, похоже, поняли его, скорость их движения возросла. Внезапно густая тьма рассеялась, вокруг засерел тусклый свет подземного мира, впереди показалась одна из тех равнин, на которых так любят собираться вампиры. Повсюду валялись обломки надгробий и остатки нечестивых пиршеств; когда Картер издал призывный клич, из нор высунулось с дюжину похожих на собачьи морд. Призраки опустили Картера на ноги посреди возбужденных упырей, а сами порхнули в сторону.

Картер быстро сообщил, что привело его к вампирам. Четверо упырей немедля нырнули в норы, чтобы известить остальных и собрать войско. Через некоторое время появился упырь, пользовавшийся, должно быть, определенным влиянием. Он сделал знак призракам, и двое из них сорвались с мест и скрылись во мраке. Вскоре они возвратились, а за ними прилетела целая стая их собратьев. Между тем из нор, взволнованно переговариваясь, вылезали все новые упыри. Мало-помалу они выстраивались в некое подобие боевого порядка. Вот из норы возник предводитель, бывший бостонский художник Ричард Пикмен, и ему Картер изложил случившееся во всех подробностях. Пикмен, обрадованный встречей со старым другом, быстро разобрался что к чему и устроил совет с другими вождями.

Наконец, окинув придирчивыми взглядами собравшееся войско, предводители принялись отдавать приказы как вампирам, так и призракам. Крупный отряд рогатых летунов взмыл в воздух, а те, что остались, разбились на пары и опустились на колени. Едва тот или иной упырь взбирался на своих «скакунов», призраки взлетали и пропадали во тьме. Постепенно равнина опустела, исчезли все, за исключением Картера, Пикмена, прочих вождей и их призраков. Пикмен объяснил, что призраки – кавалерия упыриного войска, которая ринулась в Саркоманд. По примеру вампиров, Картер подошел к призракам, очутился в крепких объятиях, а в следующее мгновение поднялся над кладбищем, и призраки понесли его к крылатым львам и древним руинам древнего города.

Снова томительно долгое пребывание в кромешной тьме, но вот показались светящиеся тучи, и призраки вылетели на центральную площадь Саркоманда, заполненную воинственно настроенными упырями и их помощниками. Судя по свечению неба, скоро должен был наступить день, однако армия была столь внушительной, столь грозной, что ее командующий вовсе не собирался прятаться от врага. Близ пристани по-

прежнему виднелись зеленоватые отблески пламени костра, хотя отсутствие криков говорило о том, что пытка – по крайней мере, на время – закончилась. Отданы последние указания, упыри сомкнули ряды и двинулись по развалинам в направлении пристани. Картер шагал рядом с Пикменом в первой шеренге и потому чуть ли не раньше всех увидел лунных жаб. Те оказались застигнутыми врасплох. Трое пленников лежали на земле, их мучители дремали у огня, рабы-нелюди крепко спали, даже часовые пребывали в полусонном состоянии, ибо жабы, по всей вероятности, полагали, что опасаться им некого.

Упыри и призраки напали разом, так что жабообразные твари и рабы-нелюди не успели издать ни звука. Впрочем, лунные жабы не имели голосов, но и у рабов вырвались в лучшем случае всего лишь один или два сдавленных вопля. Жабы бешено извивались, но, как ни пытались, не могли освободиться из железной хватки призраков. Те применяли простой, однако, судя по результатам, весьма действенный способ, чтобы успокоить непонятливых: хватали их за розовые щупальца на рылах, и жабы сразу же прекращали трепыхаться. Картер ожидал кровавой бойни, но обнаружил, что замысел упырей гораздо коварнее. Призракам велели сделать то-то и то-то (Картер не разобрал, что именно). Однако какое-то время спустя его любопытство было удовлетворено: призраки с живым грузом в когтях отправились обратно в Великую Бездну, чтобы доставить столь изысканное лакомство к столу дхолов, кагов, гастов и прочих жителей подземелья. Трех несчастных упырей развязали, разведчики обыскали окрестности и взошли на борт черной галеры, дабы убедиться, что никто не избежал возмездия. Да, победа была полной и сокрушительной. Картер, желая сохранить корабль для возможного путешествия в иные пределы страны сновидений, попросил не сжигать галеру. Его просьбу, разумеется, исполнили, ибо упыри были признательны человеку за услугу, которую он им оказал. На корабле нашли диковинные предметы и украшения, впрочем, бóльшую часть Картер немедля выкинул в море.

Вожди стали обсуждать дальнейшие действия. Трое спасенных предлагали совершить набег на скалу в море и уничтожить тамошний гарнизон. Но призраки не согласились, ибо не любили летать над водой, поэтому от этой затеи пришлось отказаться. Впрочем, не до конца: Картер посоветовал воспользоваться вражеской галерой и научить упырей работать веслами. Все одобрительно зашумели. Наступил серый день; отряд вампиров поднялся на борт корабля, и Картер взялся за обучение. Дело пошло столь гладко, что к вечеру он уже отважился поплавать немного по гавани, но лишь три дня спустя окончательно уверился в том,

что может положиться на упырей. Призраков разместили на носу, гребцы заняли свои места, Картер, Пикмен и прочие вожди расположились на корме, и галера снялась с якоря.

В первую же ночь над морем разнесся заунывный вой. Все невольно содрогнулись; хуже других чувствовали себя трое спасенных, которым было известно, что означает этот вой. Посовещавшись, вожди сочли за лучшее не нападать ночью. В час серого рассвета завывания стихли; гребцы налегли на весла, и галера помчалась к гранитной скале, чьи очертания мнились поистине фантастическими на фоне свинцового неба. На крутых, обрывистых склонах виднелись уступы, на которых мелькали диковинные здания без окон и придорожные ограждения. К этому острову не приближалось еще ни одно судно с командой и людьми – вернее, приближаться-то оно могло, но вот на возвращение живыми и здоровыми морякам рассчитывать не приходилось, однако ни Картер, ни упыри не ведали страха. Галера обогнула восточный склон горы – и впереди проступили из сумрака причалы порта.

Вход в гавань охраняли два высоких мыса. Расстояние между ними было столь малым, что, сумей встретиться в проливе корабли – один с моря, другой из порта, – они ни за что бы не разминулись. Дозорных вроде бы не наблюдалось, поэтому галера устремилась в пролив, проскользнула меж мысов и оказалась в гавани. Там уже находилось несколько судов, стоявших на якоре у каменного причала, по которому, подгоняемые лунными жабами, сновали рабы-нелюди – таскали ящики и бочонки, грузили их на повозки, покрикивали на запряженных в постромки чудовищных тварей. Над пристанью нависал утес, у подножия которого притулились какие-то строения, а по склону вилась дорога, исчезавшая за гребнем.

Завидев галеру, существа на причале засуетились: те, у кого были глаза, таращились на судно, а лишенные глаз помахивали розовыми щупальцами. Они, разумеется, не догадывались, что черная галера сменила хозяев, ибо издали упыри сильно смахивали на рогатых рабов-нелюдей, а призраки заблаговременно попрятались. Замысел вождей состоял в следующем: едва корабль пристанет, выпустить на врагов немых призраков, а самим идти полным ходом обратно в открытое море. Брошенные якобы на произвол судьбы, призраки похватают всех живых существ, каких только сумеют найти, а затем, изнывая от тоски по дому, преодолеют свой страх перед водой и полетят к подземелью, обремененные добычей, которую потом разделят по справедливости.

Упырь Ричард Пикмен спустился в трюм и разъяснил призракам, что

от них требуется, а тем временем галера подошла едва ли не вплотную к одному из зловещих причалов. Внезапно Картер заметил, что на берегу нарастает беспокойство. То ли корабль двигался не туда, куда предписано, то ли кто-то уловил разницу между рабами-нелюдями и упырями на палубе. Должно быть, подали сигнал тревоги: из зданий без окон у подножия утеса выплеснулся целый поток лунных жаб, на галеру обрушился град дротиков, двое вампиров упали замертво, третий был ранен. Но тут распахнулись настежь люки, и из трюма вырвались призраки – они закружились над пристанью подобно стае громадных рогатых нетопырей.

Лунные жабы попытались отпихнуть галеру от причала длинным шестом, однако на них накинулись призраки, и они забыли и думать о своих попытках. Зрелище впечатляло: безликие призраки парили над пристанью, залетали в дома, носились над дорогой; порой они роняли по ошибке кого-то из жаб, твари падали и разбивались о камни, распространяя вокруг отвратительную вонь. Когда последний из призраков покинул галеру, прозвучала команда, гребцы навалились на весла, и корабль устремился прочь из гавани. На берегу по-прежнему царил хаос.

Пикмен решил, что призракам понадобится несколько часов, чтобы довершить дело, а потому галера бросила якорь примерно в миле от гранитной скалы, и упыри занялись ранеными товарищами. Пала ночь, серый сумрак сменился тусклым свечением облаков; предводители пристально вглядывались в небо, ожидая появления вереницы призраков. Где-то под утро показалась черная точка, вскоре к ней присоединились другие, и словно возникло еще одно облако. Перед самым рассветом облако рассеялось, а через четверть часа его было не сыскать и следа. Призраки улетели на северо-восток. Когда упыри убедились, что призраки направились в сторону Саркоманда и ворот в Великую Бездну, галера снялась с якоря и снова вошла в гавань. Команда высадилась на берег и рассыпалась по окрестностям.

Ужасными были находки, сделанные в башнях и домах без окон: в основном остатки нечестивых пиршеств. Внутренняя обстановка домов была весьма скудной и состояла, как правило, из диковинных стульев и скамей, сделанных из древесины лунного дерева; стены украшали затейливые узоры. Повсюду валялись оружие и драгоценности, в том числе вырезанные из цельных рубинов идолы с наружностью явно неземных существ. Эти идолы, несмотря на материал, который пошел на их изготовление, не заслуживали того, чтобы ими любовались, и Картер разбил целых пять штук на мельчайшие кусочки. Копья и дротики он, с

одобрения Пикмена, распределил среди упырей. Тем такое оружие было в новинку, однако обращение с ним не составляло никакого труда, поэтому Картер надеялся, что упыри вскоре освоятся.

Чем выше по склону утеса, тем чаще встречались храмы и реже – жилые дома. Сделанные в скале многочисленные пещеры скрывали во мраке резные алтари, все в бурых пятнах от жидкости, которой их наполняли, святилища для поклонения тем, кому были не чета даже дикие божества, воздвигшие себе замок на вершине неведомого Кадата. В одном из скальных храмов Картер обнаружил уводивший в темноту коридор и забрался в него с зажженным факелом. Коридор привел его в подземный зал со сводчатым потолком, на стенах которого виднелись изображения всевозможных бесов, а посредине зияла дыра, как две капли воды напоминавшая жерло бездонного колодца в монастыре на плато Ленг, где обитает верховный жрец в желтой шелковой маске. Картеру почудилось, будто он различает в стене рядом с ямой бронзовую дверцу, но что-то подсказало ему, что открывать ее не нужно и лучше даже не приближаться, и он заторопился обратно, к своим союзникам-упырям, которые шныряли по острову, проявляя завидную любознательность и полное равнодушие к тому, что повергало человека в панику. Они отыскали бочонок крепкого лунного вина и закатили на борт галеры. На складе недалеко от пристани нашлось громадное количество лунных рубинов, как ограненных, так и необработанных, но когда упыри выяснили, что самоцветы не годятся в пищу, они потеряли к ним всякий интерес.

Вдруг с причала донесся окрик часовых. Все, кто находился на берегу, обернулись к морю. В проливе показалась черная галера. Оставалось лишь какое-то мгновение до того, как рабы на ее палубе заметят упырей и сообщат о том хозяевам-жабам. По счастью, вампиры не додумались выкинуть копья и дротики, которыми вооружил их Картер; повинуясь приказу человека, подкрепленному распоряжениями Ричарда Пикмена, упыри построились в боевой порядок и приготовились отразить натиск новоприбывших. Волнение на борту галеры свидетельствовало о том, что экипаж корабля в замешательстве, а то, что судно, едва войдя в гавань, подняло все весла, доказывало – жабы приняли в расчет многочисленность упыриного войска. Вот галера развернулась и помчалась в море, однако вампиры отнюдь не предполагали, что им удалось одержать столь легкую, бескровную победу. Галера либо отправилась за подкреплением, либо ее команда попытается высадиться на остров в другом месте, поэтому на высокий утес были посланы дозорные с наказом проследить, куда двинется вражеское судно.

Несколько минут спустя один из дозорных вернулся с вестью, что лунные жабы и их рабы высаживаются на побережье восточного мыса и поднимаются наверх тропинками, крутизны которых испугаются и горные козлы. Тут в глубине пролива вновь мелькнула галера, а потом прибежал второй дозорный с донесением, что еще один отряд, еще большим числом, занял западный мыс. В этот миг галера, которую только что поминали, проскользнула в гавань, действуя лишь одним рядом весел, и бросила якорь.

Картер и Пикмен разделили упырей на три группы – две направлялись в бой, а третья оставалась в городе. Первые группы немедленно разошлись в разные стороны, третью же разбили на сухопутную и морскую. Морской, под командованием Картера, предстояло атаковать вражескую галеру. Та, видя, что противник выбирает якорь, вышла в открытое море. Картер не стал преследовать ее, так как понимал, что может понадобиться в городе.

Отряды жаб и рабов-нелюдей взобрались на вершины мысов, их фигуры отчетливо вырисовывались на фоне сумеречного неба. Завизжали дудки; общее впечатление, которое производили жабообразные твари, было ничуть не менее тошнотворным, чем вонь, исходившая от их тел. Неожиданно в поле зрения возникли упыри. Воздух заполонили дротики, к визгу дудок добавились крики упырей и завывания нелюдей, и все вместе они слились в чудовищную, демоническую какофонию. Тела валились с обрывов то в открытое море, то в воду гавани; в последнем случае их незамедлительно проглатывали некие твари, чье присутствие ощущалось лишь по пузырькам на поверхности.

Сражение продолжалось около получаса. Но вот западный мыс оказался полностью очищенным от нападавших. Однако на восточном, где, судя по всему, бился в рядах своих воинов предводитель лунных жаб, дела обстояли иным образом: упыри медленно отступали.

Пикмен отправил туда подкрепление, а затем в схватку вмешались подоспевшие с западного мыса, и стало ясно, что победа достанется упырям. Они отогнали врагов к обрыву. Нелюди к тому времени все полегли, уцелели только жабы, да и то немногие, но дрались они отчаянно, размахивая огромными копьями. Дротики уже не годились, завязалась рукопашная.

Битва кипела, и тела сыпались вниз одно за другим. Все, кто падал в гавань, погибали в челюстях неведомых тварей, из тех же, кто очутился в открытом море, некоторым посчастливилось добраться до подножия мыса, где торчали из воды обнажившиеся с отливом камни, а нескольких лунных жаб подобрала их галера. Впрочем, упыри на камнях находились в

незавидном положении: влезть наверх они не могли, ибо единственный проход загораживали жабы, а с галеры принялись метать дротики. Но тут, очень вовремя, появился Картер, прогнал лунную галеру подальше от берега, снял горстку упырей с камней, выловил тех, что барахтались в воде, и прикончил обнаруженных у подножия мыса лунных жаб.

Считая, что вражеской галеры теперь можно не опасаться, он высадил на сушу многочисленный отряд, который ударил противнику в тыл, и сражение вскоре закончилось. Зажатых с обеих сторон жаб убили или сбросили со скал. Черная галера скрылась за горизонтом. Обсудив, как быть дальше, вожди упырей решили покинуть гранитный остров, дабы избежать столкновения с превосходящими силами лунян, которые наверняка вот-вот явятся сюда.

Пикмен с Картером собрали упырей, пересчитали их и установили, что в схватке пала четвертая часть войска. Раненых разместили на корабле – Пикмен терпеть не мог древнего обычая убивать и поедать сородичей, получивших ранения в бою, – гребцы расселись по веслам, а остальные примостились там, где нашлось свободное местечко, и галера тронулась в путь. Картер ни капельки не жалел о том, что покидает загадочный остров с его секретами и сводчатой залой, где зияет в полу черная дыра, а рядом виднеется в стене бронзовая дверца. Рассвет застал галеру рядом с базальтовыми развалинами Саркоманда, где упырей поджидало несколько призраков: словно рогатые горгульи, они сидели на корточках, взгромоздясь на руины города, процветавшего и канувшего в небытие задолго до рождения первого человека.

Упыри расположились лагерем на набережной и послали гонца за призраками. Пикмен и прочие вожди наперебой благодарили Картера, а тот вдруг ощутил, что обрел над соратниками власть, позволявшую требовать от тех помощи в поисках ониксового замка богов на вершине неведомого Кадата и чудесного города в багрянце заката, столь безжалостно выхваченного из его сновидений. И тогда он поведал упырям то, что сумел узнать за время своих блужданий по миру грез. Он сказал, что знает, где холодная пустыня, в которой высится Кадат, упомянул про гигантских шантаков и двухголовых ониксовых исполинов, заявил, что шантаки боятся немых призраков, описал, как громадные гиппоцефалы шарахались от пещер на склонах гор, отделяющих Инкванок от зловещего Ленга. Он прибавил также, что видел изображения призраков на фресках в коридорах скального монастыря, где восседает на золотом троне верховный жрец в желтой шелковой маске; судя по тем фрескам, крылатых тварей боятся даже Великие, а повелевает ими не ползучий хаос Ньярлатотеп, но седой и

неизмеримо древний Ноденс, владыка Великой Бездны.

Изложив все это упырям, Картер сказал, что у него есть просьба, которую, он надеется, не сочтут чрезмерной в благодарность за услуги, оказанные им упириному роду. Он просит выделить ему столько призраков, сколько нужно, чтобы перенести человека через гнездовья шантаков, по-над ониксовыми страхами и холодной пустыней, туда где не бывал еще ни один смертный. Он хочет добраться до замка на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне, дабы умолить Великих вернуть ему видение чудесного города в багрянце заката. Он убежден, что призракам под силу преодолеть все опасности на долгом и многотрудном пути.

Для подобного путешествия, продолжал Картер, вполне хватило бы десяти или пятнадцати призраков, такое количество наверняка удержит шантаков на почтительном расстоянии. Вдобавок он был бы очень рад, если бы его вызвался сопровождать кто-либо из упырей, поскольку упыри гораздо лучше знакомы с повадками призраков. Возможно, кому-то из упырей также захочется повидать Великих; он, Картер, отнюдь не станет возражать, ибо присутствие сподвижников придаст лишний вес его мольбе. Впрочем, последнее не суть важно. Итак, он просит, чтобы его доставили в ониксовый замок на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне, а оттуда или в чудесный закатный город, если боги смилостивятся, или к Вратам Глубокого Сна в зачарованном лесу, если моления окажутся тщетными.

Вожди внимательно слушали Картера. Небо между тем потемнело от кишевших в нем призраков, тех самых, за которыми посылали гонца. Рогатые твари окружили войско упырей и замерли в ожидании. Упырь Ричард Пикмен, переговорив с остальными, объявил Картеру решение совета. Поскольку человек помог им расправиться с лунными жабами, они посодействуют ему в осуществлении его дерзкого замысла, предоставят в распоряжение Картера стаю призраков заодно с седоками, за исключением небольшого отряда, необходимого для охраны захваченной галеры, а по прибытии на вершину Кадата ему, когда он ступит под своды замка божеств, будет сопутствовать процессия упырей.

Донельзя обрадованный, Картер принялся обсуждать подробности перелета. Было решено, что призраки полетят как можно выше, чтобы избежать неприятностей над зловещим Ленгом с его безымянным монастырем и каменными поселениями, задержатся лишь на горном хребте, где постараются отыскать своих внушающих ужас чудовищным шантакам сородичей и перемолвятся с ними словечком. Затем, в

зависимости от того, что сообщат им собратья, они двинутся дальше то ли над пустыней с ее ониксовыми двухголовыми стражами, то ли над северными пределами гнусного Ленга. Лишенные души, ни упыри, ни призраки не страшились кары, могущей постигнуть тех, кто проникнет в студеную пустыню, и не испытывали ни намека на благоговение при упоминании неведомого Кадата.

Около полудня все было готово, каждый из упырей встал рядом с парой выделенных ему летунов; Картер находился во главе войска рядом с Пикменом перед двойной шеренгой призраков без ноши – они составляли авангард. По сигналу Пикмена стая взмыла в воздух, поднимаясь все выше и выше над развалинами древнего Саркоманда, и вот уже остался внизу исполинский базальтовый утес, и взгляду открылась голая равнина – предвестница зловещего Ленга. Но подъем продолжался, и вскоре равнина сделалась едва-едва различимой. Призраки устремились на север. Когда они неслись над жутким плато, Картер содрогнулся, рассмотрев круг монолитов и приземистое здание без окон, где скрывается верховный жрец в желтой шелковой маске, отвратительный монстр, в чьих когтистых лапах ему довелось не так давно очутиться. Стая пролетела над монастырем, миновала селения с их бледными огоньками костров, у которых плясали под визгливые звуки дудок рогатые и хвостатые нелюди. Вдалеке мелькнул шантак – углядев призраков, он издал истошный вопль и умчался на север.

В сумерках стая достигла горного хребта, отделяющего Ленг от Инкванока, и закружилась над пещерами, которые, как вспомнилось Картеру, вызывали панический страх у шантаков. Вожди упырей призывно закричали, и из пещер вылетели черные крылатые существа, упыри и призраки завязали с ними разговор. Вскоре выяснилось, что безопаснее всего продолжать путь над холодной пустыней, ибо северные пределы Ленга изобилуют ловушками, которых остерегаются даже призраки; те представляют собой полусферические белые здания на диковинных холмах, и молва гласит, что их воздвигли Другие Боги со своим ползучим хаосом Ньярлатотепом.

О Кадате обитатели горных вершин ничего не знали, сообщили только, что к северу должно находиться некое чудо, доступ к которому преграждают шантаки и двухголовые ониксовые стражи. По слухам, холодная пустыня искажала до неузнаваемости любые формы и размеры, а еще толковали, что ее окутывает покрывало вечной ночи. Однако это были домыслы, и потому Картер, поблагодарив рогатых существ, дал знак отправляться; стая призраков снова взвилась в воздух, промчалась над кряжем, а затем опустилась до уровня фосфоресцирующих облаков, и тут

вдалеке проступили из сумрака очертания исполинских фигур, созданных в седой древности руками неведомых титанов.

Чудища сидели полукругом, зарывшись в песок задними лапами, а правые передние воздев к облакам – зловещие, похожие на волков двухголовые твари с выражением ярости на оскаленных мордах, бессменные блюстители рубежей человеческого мира, хранители тайн студеной северной пустыни. На статуях примостились огромные шантаки, которые было замахали крыльями, но, заметив передовой отряд призраков, ринулись прочь, оглашая окрестности истошными воплями. Стая пролетела над стражами, и внизу потянулась, лига за лигой, безжизненная холодная пустыня. Свет облаков все более тускнел, наконец наступила темнота, но призраки, привычные к мраку своего подземелья, ничуть не испугались. Дальше, дальше, лига за лигой, туда, где тьма гуще… Прикинув, сколько длится полет, Картер невольно вздрогнул: а что, если они покинули земной мир грез?

Внезапно облака стали реже, в разрывах между ними замерцали звезды. Внизу по-прежнему царила кромешная тьма, зато наверху лучились светом небесные маяки, словно указуя дорогу. Картеру чудилось, будто знакомые созвездия сделались вдруг символами, суть которых проясняется с первого же взгляда. Впечатление было такое, что на небе возникла громадная сверкающая стрела, устремленная на север; странника как бы подгоняли к неведомой цели, лежавшей за студеной пустыней. Картер посмотрел на восток, где высился горный хребет, протянувшийся вдоль границы Инкванока. В сиянии звезд можно было различить отдельные пики, зияющие чернотой расщелины, обрывистые склоны; горы, мнилось, являются продолжением прорезавшей небосвод стрелы, чем-то вроде ее оперения.

Призраки летели так быстро, что человек попросту не успевал как следует разглядеть то, что приковывало к себе его внимание. Неожиданно Картер уловил краем глаза какое-то движение над хребтом: некая тень двигалась в том же направлении, в каком мчалась стая. Упыри также заметили новоявленного спутника, о том говорило их возбужденное бормотание; сперва Картер решил, что видит необычайно крупного шантака, но мгновение спустя понял, что ошибся: у крылатых гиппоцефалов не наблюдалось пары голов, до сих пор они обходились одной, и, кроме того, диковинное существо, если и летело, то без помощи крыльев.

Впереди показался разрыв в горной цепи: узкий проход, соединявший холодную пустыню со зловещим Ленгом. Картер пристально всматривался

в него, рассчитывая увидеть преследователя в полный рост. Тот сейчас слегка опережал призраков. Вот он достиг прохода и немного умерил свою прыть, будто осознал, что превратился из преследователя в преследуемого. Упыри, не сводившие с него глаз, дружно вскрикнули, и их возгласы выражали панический ужас, а человек ощутил, как ему в душу закрадывается беспримерная стужа. Над горами виднелась лишь голова, вернее, две головы, а в проходе мелькнуло на миг массивное тело, напоминавшее очертаниями невероятно огромную гиену.

Картер не потерял сознания и даже не закричал от страха, ибо отнюдь не впервые очутился в мире грез. Однако, оглянувшись, он содрогнулся: в погоню за стаей призраков бросились, похоже, все до единого ониксовые исполины. Трое из них гнались за дерзкими нарушителями буквально по пятам. Выходит, гиганты сидят на рубеже пустыни не просто так: у них есть свои обязанности, которые они должны выполнять. Жуткость происходящего подчеркивалась тем, что каменные твари не издавали ни звука, двигались совершенно бесшумно.

Упырь Ричард Пикмен отдал приказ – и стая взмыла вверх, едва ли не под самые звезды; призраки поднимались до тех пор, пока горный хребет и ониксовые стражи не пропали в разливавшемся внизу мраке. Теперь вокруг были только мерцание звезд, шелест ветров да смех эфира – ни шантаков, ни иных, более гнусных тварей. Быстрее, быстрее! Казалось, призраки превзошли резвостью скорость винтовочной пули и вот-вот достигнут той, с какой кружит по орбите планета. Странно, подумалось Картеру, сколько летим, а под нами все та же Земля. Впрочем, ему было известно, что в мире грез расстояния иные. Он был уверен единственно в том, что они попали в край вечной ночи; ему вновь почудилось, будто созвездия указывают на север. Небо словно сжималось гигантской пружиной, чтобы затем швырнуть стаю в холодные объятия северного полюса.

Картер вдруг заметил, что призраки больше не машут крыльями, и преисполнился ужаса. В самом деле, рогатые летуны сложили свои перепончатые отростки и доверились буйному ветру, стаю увлекала вдаль неведомая, потусторонняя сила: ни призраки, ни упыри не могли противостоять небесному течению, мчавшему их на север, откуда не возвращался еще ни один смертный. На горизонте заблистал свет, разгоравшийся тем ярче, чем становился ближе, а под ним проступало нечто темное, заслонявшее собой звезды. Картеру померещился маяк на горе – лишь высокая гора способна была произвести подобное впечатление из поднебесья.

Гора, если то была гора, постепенно увеличивалась в размерах и

наконец взметнулась выше стаи призраков, надо всеми земными вершинами, пронзив лишенный атомов эфир, в котором вращаются загадочная луна и безумные планеты. Люди не в состоянии вообразить себе что-либо подобное. Кайма облаков оторачивала подножие горы, верхние слои атмосферы служили ей как бы поясом на чресла. Черный во мраке вечной ночи, вздымался впереди мост между землей и небом, увенчанный короной звезд, которые изливали на него ослепительное сияние. Упыри шумно восхищались, Картер же испугался, что беспомощная стая врежется с лета в грандиозную скалу.

А та поднималась все выше, прямо в зенит, и будто бы подмигивала путнику, насмешливо и с издевкой, со своей недосягаемой вершины, где стоял маяк. Пространство внизу затянула тьма: кромешный, непроницаемый мрак, истекавший из незримых пучин и достигавший непознанных высот. Картер присмотрелся к маяку – и оторопел от неожиданности. Он различил башни с куполами, созданные явно не человеческими руками, укрепления, террасы, невыразимо прекрасные и грозные одновременно, посеребренные сиянием звездного венца; увидел и понял, что поиски завершены, что он добрался до желанной Цели, предмета дерзновенных мечтаний и устремлений, легендарного замка Великих на вершине неведомого Кадата.

Едва постигнув это, он осознал, что ветер, увлекавший стаю к горе, изменил направление и теперь дует снизу вверх. Судя по всему, ему велели доставить незваных гостей в ониксовый замок. Склон горы был совсем рядом, но подъем происходил столь быстро, да и к тому же было так темно, что разглядеть что-либо не представлялось возможным. Мало-помалу замок Великих приобретал все более четкие очертания, и Картеру подумалось, что колоссальные башни попирают самим фактом своего существования законы и установления населенного людьми мира. Все постройки замка были сложены из громадных глыб оникса, вполне возможно, тех, что добыли в незапамятные времена на заброшенном ныне руднике близ Инкванока. Купола многочисленных башен сверкали и переливались в свете звезд. То, что Картер поначалу принял за маяк, оказалось освещенным окном наверху одной из высочайших башен. Человеку показалось, он видит в окне – сводчатом, ничуть не похожем на окна земных домов, – неясные тени.

Между тем отвесный склон исподволь перешел в замковую стену. Скорость полета слегка уменьшилась. Мелькнули огромные ворота, а в следующий миг призраки, упыри и Рэндольф Картер очутились на внутреннем дворе замка богов. Там они не задержались, невидимое

воздушное течение увлекло их в темный дверной проем у основания башни. Коридор, в котором, как и снаружи, царила темнота, сворачивал то вправо, то влево, однако неуклонно вел вверх. Тьма угнетала: ее не нарушили ни звук, ни проблеск света. Стая призраков словно сгинула в ней, канула в бесконечном лабиринте ониксового замка. Но вот вокруг разлился бледный свет, и пилигримы оказались в помещении со сводчатым окном. Картер долго приглядывался к стенам и потолку, прежде чем сообразил, где находится: ему было почудилось, что он окружен пустотой.

Рэндольф Картер рассчитывал явиться в тронную залу Великих – пускай не торжественно, но с достоинством, в сопровождении свиты упырей, и изложить свою просьбу так, как пристало свободному и искушенному сновидцу. Он знал, что мольба смертного может тронуть Великих, и уповал на то, что в решающее мгновение поблизости не будет ни Других Богов, ни их глашатая – ползучего хаоса Ньярлатотепа. В глубине души он даже грезил о том, что его свита отпугнет Других Богов, ведь упыри не подчиняются никому, а призраками повелевает не Ньярлатотеп, но неизмеримо древний Ноденс. Однако сейчас, узрев величественный Кадат, охраняемый безымянными стражами и полный чудес, он понял, что Другие Боги, должно быть, не спускают глаз со слабых, безвольных божеств Земли. Да, они не правят ни упырями, ни призраками, но наделены могуществом и способны, когда понадобится, подчинить себе любого. Так что Рэндольф Картер явился в тронную залу Великих не как свободный и искушенный сновидец. Его вместе со спутниками внесли туда звездные вихри и швырнули на ониксовый пол, исполняя, очевидно, некое беззвучное, неслышимое распоряжение.

Картер не увидел ни золотого престола, ни диковинных существ в ореолах славы, с узкими раскосыми глазами, длинными мочками ушей, тонкими носами и заостренными книзу подбородками, – словом, тех, к кому, убежденный сходством их черт с ликом на склоне Нгранека, мог обратиться с мольбой. Не считая одной-единственной комнаты, ониксовый замок на вершине Кадата был погружен во мрак, а его владельцы не показывались. Картер добрался до неведомого Кадата в холодной пустыне, но богов не нашел. Однако просторное помещение наверху высочайшей из башен заливал неяркий свет. Да, божества Земли отсутствовали, но в дымке, скрывавшей стены и потолок помещения, угадывались иные создания, ибо Великие не вездесущи, но Другие Боги – повсюду и, разумеется, не могли оставить без присмотра ониксовый замок. В каком обличье они предстанут, Картер не ведал, однако чувствовал, что его здесь ожидали, и спросил себя, сколь пристально следил за ним ползучий хаос

Ньярлатотеп. Именно Ньярлатотепу, ужасу множества миров, гнусному глашатаю Других Богов, служат лунные жабы; Картеру вспомнилась черная галера, исчезнувшая за горизонтом, когда стало ясно, что упыри сумели отстоять гранитный остров.

Подобного рода размышлениям предавался Рэндольф Картер, когда вдруг под сводами необъятной залы раскатился громоподобный звук, повторившийся затем еще дважды. Три раза пропели фанфары, смолкло последнее эхо, и Картер обнаружил, что остался один. Упыри и призраки будто растворились в воздухе. Куда и каким образом они подевались, Картер не имел ни малейшего представления, знал только, что лишился дружеской поддержки и что невидимые существа, которые заполняют комнату, – чужаки в земном мире грез. Из глубины помещения донесся новый звук, похожий на предыдущий, но менее пронзительный, исполненный эфирной мелодичности и волшебности, присущей разве что сну: он навевал видения, пронизанные насквозь неизъяснимой прелестью. По комнате заструились диковинные пряные ароматы, а под потолком вспыхнул ослепительный свет, небесный огонь, менявший цвета в такт музыке, то и дело обретавший неизвестные на Земле оттенки. Вдали замерцали факелы, дробь барабанов словно подчеркнула напряженность ожидания.

Из утончающейся на глазах дымки возникли окутанные клубами благовоний черные рабы с набедренными повязками из искрящегося шелка. Их головы венчали причудливые металлические шлемы, в которые были вставлены смолистые факелы, распространявшие вокруг поистине божественный фимиам. Каждый раб держал в правой руке хрустальный жезл с набалдашником в виде мерзко ухмыляющейся химеры, а в левой – серебряную трубу, в которую по очереди дул. На запястьях и лодыжках блистали золотые браслеты, причем ножные были соединены между собой золотой же цепочкой, что, похоже, сильно мешало рабам идти. В них с первого взгляда можно было признать жителей земного мира грез, однако наряды и украшения явно принадлежали иным измерениям. Двигаясь двумя вереницами, рабы остановились в десяти футах от Картера, трубы взлетели к толстым губам, а затем, как бы вторя пению фанфар, из множества глоток вырвался приветственный клич.

В дальнем конце комнаты появилась еще одна фигура: высокий и стройный человек с юным лицом египетского фараона, облаченный в яркие одежды, со сверкающим золотым обручем на волосах. Он приблизился к Картеру, которому почудилось, будто он видит перед собой темного бога. Незнакомец усмехнулся и заговорил, и в его голосе послышалась дикая

музыка реки забвения.

– Рэндольф Картер, – произнес незнакомец, – ты явился сюда, чтобы узреть Великих, которых не дано видеть никому из людей. О твоей дерзости говорили стражи. Другие Боги гневались в бездне, где они пляшут под звуки флейт, радуя демонического султана, чье имя не смеют произносить вслух.

Барзай Мудрый, что взобрался на Хатег-Кла, чтобы понаблюдать за Великими, танцующими на вершине в лунном свете, так и не вернулся домой. Зениг из Афората пытался достичь неведомого Кадата в холодной пустыне, и теперь его череп оправлен в металл кольца на пальце того, кого мне не нужно называть.

Но ты, Рэндольф Картер, оказался отважнее всех в земном мире грез, и в твоей душе по-прежнему горит пламя. Ты пришел не из праздного любопытства, но чтобы отыскать то, что полагаешь своим, и ни единожды не оскорбил богов Земли словом или поступком. Тем не менее эти боги спрятали от тебя чудесный город в багрянце заката, видение из твоего сна. Знай же, что их побудила к тому обыкновенная зависть: они позавидовали богатству твоего воображения и поклялись, что отныне не станут обитать ни в каком ином месте.

Они покинули замок на вершине неведомого Кадата, чтобы поселиться в том чудесном городе! В его мраморных дворцах они веселятся днем, а когда солнце садится, выходят в сады и любуются отблесками заката на храмах и колоннадах, мостах и фонтанах, на широких улицах с цветниками и статуями из слоновой кости. С наступлением ночи, когда на траву падает роса, они поднимаются на террасы, усаживаются на резные скамьи из порфира и глядят на звезды или на холмы к северу от города; там зажигаются одно за другим окошки в домиках под островерхими крышами.

Боги полюбили твой чудесный город и ради него отринули древние обычаи. Они забыли о вершинах Земли, о тех горах, на которых танцевали в дни юности. Земля утратила своих божеств, лишь Другие Боги, существа Извне, навещают ныне вековечный Кадат, а Великие, безучастные к радостям и скорби людей, проводят дни в бездумном веселье в далекой долине твоего, Рэндольф Картер, счастливого детства. Твои грезы были чересчур хороши, о великий сновидец, они заставили божеств бежать из мира, созданного снами всех людей, в тот, который сотворил ты, ибо тебе удалось воплотить детские фантазии в нечто непостижимое, непередаваемо прекрасное!

Но божествам Земли не к лицу оставлять троны, чтобы на тех пряли свою пряжу гнусные пауки, или препоручать державу произволу Других.

Силы, явившиеся Извне, грозят хаосом и бедой, прежде всего тебе, Рэндольф Картер, ибо ты причина случившегося; впрочем, Другим известно, что лишь при твоем участии возможно возвращение божеств Земли в покинутый ими мир. В страну, возникшую в твоем воображении, сейчас нет доступа никому, кроме тебя; только ты можешь изгнать себялюбивых Великих из чудесного города в багрянце заката, вернуть их в северные сумерки, на вершину неведомого Кадата в холодной пустыне.

А потому, Рэндольф Картер, я пощажу тебя! Во имя Других Богов повелеваю тебе разыскать чудесный город, где скрываются божества, по которым томится мир грез, и прислать их сюда. Тебе нетрудно будет найти свою мечту. Вспомни звуки фанфар и звон цимбал, вспомни тайну, что сопровождала тебя по залам яви и пещерам сна, мучила обрывками позабытых впечатлений, терзала мыслями о том, что ты считал утраченным навеки. Вспомни свою путеводную звезду, в сиянии которой слились воедино искорки всех твоих сновидений. Зри! Ищи не за безбрежными морями – за прожитыми годами. Ты должен повернуть вспять, возвратиться в детство – к волшебным чарам, узнанным тобою на заре жизни.

Знай: чудесный город в багрянце заката – воплощение всего, что ты видел и любил в молодости. В нем прелесть бостонских крыш и окон, обагренных лучами заходящего солнца, огромный купол на холме, лес печных труб в лиловой долине величавого Чарлза, сладость напоенного цветочными ароматами воздуха. Все это, Рэндольф Картер, ты видел своей первой весной и увидишь снова, в последний час. Еще в том городе – древний Салем, и призрачный Марблхед, и солнце, садясь, золотит шпили Салема и пастбища Марблхеда, и гавань, которая их разделяет.

Не забудь о Провиденсе с его семью холмами над зеркальной гладью вод, зелеными террасами, что ведут к высоким башням и старинным укреплениям; о Ньюпорте, что вздымается, подобный призраку, над призрачным же волноломом; об Аркхеме, за двускатными крышами которого раскинулись среди скалистых холмов пышные луга; о старом Кингспорте, где дымоходы осыпаются от дряхлости, набережные пусты, а над затянутым белесой дымкой океаном возносятся исполинские утесы, вершин которых достигает порой звон колокольцев на бакенах.

Прохладные долы Конкорда, мощеные улочки Портсмута, извивы сельских дорог Нью-Гемпшира, гигантские ильмы, белые домики, скрипучие журавли колодцев; просоленные причалы Глостера, скрытые зарослями дикого винограда окна Труро, зрелище, какое являет собой Северное побережье: гряды холмов, маленькие тихие городки; приземистые строения Род-Айленда; запах моря и благоухание полей;

очарование лесов и рассветное чудо садов – таков, Рэндольф Картер, твой город и таков ты сам. Новая Англия воспитала тебя и запечатлелась в твоей душе, и образ ее бессмертен. То великолепие, подправленное и дополненное годами мечтаний и видений, и есть твоя греза о багрянце заката на мраморных террасах. А чтобы найти террасы и спуститься наконец по широкой лестнице в город просторных площадей и искрящихся фонтанов, тебе нужно лишь обернуться в прошлое, вернуться к мыслям и переживаниям своего детства.

Зри! В окне башни мерцают звезды вечной ночи. Даже сейчас, даже здесь они льют свой свет на пейзажи, ведомые тебе и любимые тобой, впитывают пленительность твоих снов, чтобы потом одарить ею самые укромные уголки мира грез. Вон Антарес – он стоит над Тремонт-стрит, и ты можешь видеть его из окна своего дома на Бикон-хилл. За теми звездами простирается бездна, куда загнали меня мои лишенные разума хозяева. Быть может, однажды ты навестишь меня там, но я надеюсь, что мудрость удержит тебя от подобного шага, ибо из тех смертных, что заглядывали в черную пучину, лишь один сохранил рассудок. Там снуют чудовищные твари, они сражаются друг с другом, потому что им не хватает места, и мелкие куда злее крупных. Признаться, я не испытывал желания губить тебя и давным-давно бы помог, не будь я уверен, что ты справишься без моей помощи, и не отвлекай меня иные заботы. Берегись преисподней, что Извне, и не забывай светлых дней своей юности! Отыщи чудесный город, изгони оттуда Великих, напомни им о горах, что ожидают их возвращения!

Однако я попытаюсь облегчить твой путь. Смотри! Вот шантак, его ведет раб, которого ты не видишь. Забирайся на птицу. Пособи-ка ему, черный Йогаш! Правь на ярчайшую из звезд к югу от зенита, на Вегу; через два часа она встанет над террасами твоего города. Правь на нее, но лишь до тех пор, пока не услышишь тихое пение. То голоса эфира, они навевают безумие, поэтому поверни шантака и оглянись на Землю. Ты узришь вечное пламя алтаря Иред-Наа на крыше священного храма. Это и будет твой город, лети к нему, иначе сойдешь с ума.

Когда окажешься над городом, правь на тот балкон, с которого любовался когда-то закатом, и заставь шантака закричать. Великие услышат этот крик и все поймут, их одолеет тоска по дому, они поступятся всеми красотами закатного города ради угрюмого замка на вершине Кадата и звездного венца над ним.

Тогда ты должен приземлиться и проследить, чтобы Великие притронулись к гиппоцефалу, не переставая твердить им о неведомом Кадате. Скажи им, что ты только что оттуда, сердце твое полно скорби, ибо

в замке темно и пусто и нет былого веселья. А шантак заговорит с ними по-своему, но он способен лишь напомнить о прошлом, власть убеждать ему не дана.

Снова и снова повторяй Великим, сколь прекрасен их древний дом; в конце концов они попросят указать тропу, которая приведет их сюда. Тогда ты отпустишь шантака, тот поднимется в небо и издаст свой клич. Великие примутся танцевать, а затем последуют за шантаком легкой поступью божеств, перешагивая через небесные пропасти, и вернутся на отринутый ими Кадат.

Чудесный город в багрянце заката останется тебе, наслаждайся им в свое удовольствие, а земные божества вновь станут править сновидениями людей. Лети – окно открыто, звезды ожидают снаружи. Твой шантак извелся от нетерпения. Правь на Вегу, но поверни, когда услышишь пение. Не забудь повернуть, иначе неописуемые твари увлекут тебя в пучину безумия. Помни Других Богов, они лишены разума, но велики и грозны, они – Извне. Таких богов следует опасаться.

Хей! Аа-шанта’ниг! Лети! Верни богов Земли в замок на вершине неведомого Кадата и молись, чтобы тебе не привелось вновь встретиться со мной в любом из моих обличий. Прощай, Рэндольф Картер, и берегись. Ибо я – ползучий хаос Ньярлатотеп!

Картер закричал от ужаса, но тут шантак ринулся в окно и устремился сквозь ночь туда, где холодно мерцала голубая Вега. Человек посмел бросить лишь один взгляд через плечо на башни ониксового замка, на бледный свет в окне высоко над миром грез. Мимо проносились омерзительные чудища, он слышал хлопанье множества нетопыриных крыльев, но лишь крепче вцеплялся в гриву исполинского гиппоцефала. Звезды словно потешались над ним – смещались то вправо, то влево, вверх или вниз, образуя светящиеся знаки судьбы; завывали вокруг космические ветры, будто жалуясь на вечный мрак и одиночество.

Вдруг ветры и чудища разом исчезли, как исчезают на рассвете в норах ночные животные. Картер очутился в переливчато-золотом облаке и различил далекую мелодию, равной которой по красоте поистине не могло возникнуть в нашей Вселенной. Шантак встрепенулся и помчался вперед, седок пригнулся, чтобы лучше слышать. Это была песня, которую пели небесные сферы, и звучала она задолго до того, как был сотворен космос и родились Ньярлатотеп и Другие Боги.

Все быстрее летел шантак, все ниже пригибался человек к его спине, опьяненный чудесами, пронизанный волшебством того, что Извне. Внезапно – слишком поздно! – он вспомнил предостережение

Ньярлатотепа, вспомнил, что тот советовал остерегаться музыки эфира. Лишь затем, чтобы помучить, указал ползучий хаос дорогу к чудесному городу в багрянце заката; лишь затем, чтобы вдоволь натешиться, открыл тайну божеств Земли, которых легко мог возвратить единым мановением руки! Безумие и возмездие обитателей бездны – вот чем одарил Ньярлатотеп самонадеянного смертного! Как ни старался Картер поворотить шантака, тот рвался выше и выше, обуреваемый злобной радостью, устремляя полет к пучине, которой не достигают никакие сны: той самой, где мечется в центре бесконечности демонический султан Азатот, чье имя никогда не произносят вслух.

Повинуясь воле Ньярлатотепа, гнусная птица летела сквозь мрак, в котором копошились бесформенные, безымянные создания, прислужники Других Богов, слепые, как хозяева, лишенные рассудка, зато наделенные неутолимым голодом и жаждой.

Вперед, вперед, под истерический хохот, в какой переросла песня ночи и небесных сфер, вперед, за грань мироздания, к непостижимым рубежам иных измерений, прочь от звезд и материи, – блистающим метеором через Ничто, туда, где мечется жуткий Азатот, где гремят бейовские барабаны и визжат мерзкие дудки.

Вперед, вперед, сквозь наполненные клекотом полости… Внезапно взору обреченного Рэндольфа Картера явился благословенный образ. Сведущий в пытках и мучениях Ньярлатотеп воссоздал то, чего не уничтожить отвратительнейшим из порождений зла: дом! Новая Англия… Бикон-хилл… Мир яви!..

«Знай: чудесный город в багрянце заката – воплощение всего, что ты видел и любил в молодости… прелесть бостонских крыш и окон, обагренных лучами заходящего солнца, огромный купол на холме, лес печных труб… А чтобы найти террасы и спуститься наконец по широкой лестнице в город просторных площадей и искрящихся фонтанов, тебе нужно лишь обернуться в прошлое, вернуться к мыслям и переживаниям своего детства».

Вперед, вперед, с головокружительной скоростью к неумолимой судьбе, сквозь мрак, где шарят вслепую чьи-то лапы, касаются тела скользкие рыла, раздаются отвратительные звуки. Однако, как бы то ни было, образ мелькнул – и запечатлелся, и Рэндольф Картер теперь знал наверняка, что всего лишь спит и что город его детства лежит где-то на рубежах мира яви. Снова пришли слова: «…тебе нужно лишь обернуться в прошлое…». Обернуться. Обернуться! Вокруг темнота, но он, Рэндольф Картер, увидит то, что ждет!

Несмотря на накатившую вдруг слабость, Картер сумел обернуться. Он обнаружил, что может двигаться, может, если захочет, спрыгнуть со спины шантака, уносившего его в бездну по приказу ползучего хаоса Ньярлатотепа. Да, он может спрыгнуть в пучину ночи под ногами, в пучину, которой страшится гораздо меньше, нежели участи, уготованной ему в сердце хаоса.

Обреченный сновидец сорвался с исполинского гиппоцефала, скатился в кромешную тьму бездны. Мимо пролетали эпохи, умирали и рождались заново вселенные, звезды превращались в туманности и вновь становились звездами, а Рэндольф Картер все падал и падал.

И тут, на необъятной протяженности вечности, космос завершил один цикл и перешел в другой, и все стало таким, каким было несчетные тысячелетия назад. Материя и свет возродились в том виде, какой был изначально присущ им в пространстве; кометы, солнца и миры воспряли к жизни. Правда, Ничто уцелело – чтобы напомнить о порядке вещей: все, что появляется, должно рано или поздно исчезнуть. Так заведено от века.

Сызнова возникла небесная твердь, подул ветер, и в глаза сновидцу ударил багряный свет. Возвратились боги и прочие живые существа, добро и зло, послышался истошный вопль ночи, которую лишили жертвы. Но образ, сохранившийся в памяти сновидца с детских лет, пережил вселенскую катастрофу, только благодаря ему удалось воссоздать мир яви. Фиолетовый газ С’нгак указал Картеру путь, а из бездны подал голос седой Ноденс.

Звездные сумерки перетекли в рассветы, а те расцвели всплесками золота, кармина и багрянца. Падение же Картера все продолжалось. Лучи света разогнали тварей тьмы, эфир огласили веселые крики, седой Ноденс торжествующе захохотал, когда Ньярлатотеп, уже настигавший сновидца, отпрянул, ибо яркое сияние испепелило его гнусных приспешников. Рэндольф Картер опустился на широкую мраморную лестницу, что вела в чудесный город, и очутился в Новой Англии, на просторах которой провел годы детства.

Загремели раскаты незримого органа, приветствуя наступление рассвета, первые лучи коснулись огромного купола Стэйт-Хайз на холме, и Рэндольф Картер, вскрикнув, проснулся в собственном доме на одной из бостонских улиц. За окном пели птицы, в комнату проникал аромат кустарников и вьюнков, посаженных еще дедом Картера. В спальне было светло и уютно, у очага лежал черный кот; он потянулся, разбуженный криком хозяина, а далеко-далеко, за Вратами Глубокого Сна, зачарованным лесом, плодородной долиной Ская, Серанианским морем и сумрачными

пределами Инкванока, расхаживал по ониксовому замку на вершине неведомого Кадата ползучий хаос Ньярлатотеп. Раздраженный неудачей с Картером, он издевался над божествами Земли, которым так и не дал сполна насладиться чудесным городом в багрянце заката.

1943

Говард Филлипс Лавкрафт, Август Дерлет
Наследство Пибоди
Перевод Валерии Бернацкой

Так случилось, что я никогда не видел своего прадеда Асафа Пибоди. Мне было пять лет, когда он скончался в старинной родовой усадьбе, расположенной к северо-востоку от Уилбрема, городка в штате Массачусетс. Помнится, во время его болезни родители возили меня туда, но даже взглянуть на старика мне не удалось: взрослые поднялись к нему в спальню одни, оставив меня на попечение няни. Прадед слыл богачом, но, как известно, каждый новый наследник беднее предыдущего: даже камень не вечен, что уж говорить о деньгах – время тем более их не щадит. Наследство подтачивают налоги, а после смерти прадеда оно к тому же часто переходило из рук в руки. Сначала умер дед. Потом скончалось двое моих дядюшек: один погиб на Западном фронте, другой потонул на «Лузитании». Третий дядя умер задолго до своих двух братьев, и поэтому усадьба отошла к моему отцу.

У отца напрочь отсутствовал вкус к сельской жизни – этим он отличался от остальных родичей. Он не собирался хоронить себя в глуши и потому не проявлял должного интереса к унаследованной усадьбе. Деньги же прадеда отец пустил в дело, приобретая акции нескольких бостонских и нью-йоркских фирм. Мать тоже не разделяла моего жгучего любопытства к уединенной массачусетской усадьбе. И все же с имением не расставались. Однажды, когда я во время каникул гостил дома, мать в разговоре с отцом предложила продать старую развалину, но отец отказался самым решительным образом. Помню, меня поразила та ледяная (другого слова не подобрать) отчужденность, с какой он выслушал это предложение, а также произнесенные им загадочные слова: «По предсказанию деда, один из его потомков возродит старое владение». На это последовала презрительная реакция матери: «Господи! Было бы о чем говорить! Что там осталось!» Пропустив мимо ушей ее язвительные слова, отец молчал, продолжая хранить на своем лице поразившее меня выражение холодной замкнутости. Своим молчанием он как бы говорил, что есть чрезвычайно важные причины, чтобы воздерживаться от продажи имения, но не в его власти открывать их. И все же сам он никогда не наведывался туда, хотя исправно платил налоги через своего поверенного в делах, некоего Ахаба Хопкинса,

юриста из Уилбрема. Тот регулярно извещал родителей о положении дел в имении, советуя «поддерживать его в надлежащем порядке», они же пропускали его советы мимо ушей, полагая, что вкладывать средства в усадьбу – пустая трата денег.

Хозяйство было полностью заброшено. Хопкинс попытался было сдать старый дом, но особого успеха не имел. Кое-кто снимал его на короткий срок, но потом он снова надолго пустел. Родовое гнездо Пибоди медленно разрушалось от сырости и времени. Тогда-то в результате трагического стечения обстоятельств, а именно – после гибели обоих родителей осенью 1929 года в автомобильной катастрофе, хозяином усадьбы стал я. Хотя это событие совпало с началом затяжного экономического кризиса и недвижимость неуклонно падала в цене, я все же решил продать наш бостонский дом и вырученные деньги вложить в благоустройство имения. После смерти родителей мне отошел достаточно солидный капитал, и потому я решил оставить юридическую практику, которая отнимала у меня много времени и сил, и поселиться на природе.

Мне не терпелось осуществить свой план, но вначале следовало привести в порядок хотя бы уголок в старом доме. Ведь надо же где-то на скорую руку обосноваться. Заложенный в 1787 году особняк затем обустраивался несколькими поколениями. Первоначально это было типичное жилище колониста – строение строгих пропорций, с четырьмя внушительного вида колоннами по фасаду и недостроенным третьим этажом. Со временем именно эта часть стала основной – сердцевиной дома. Впоследствии дом постоянно подвергался реконструкциям, расширялся, становясь все более громоздким. Был закончен полностью третий этаж, подведена лестница. Появились многочисленные флигели и служебные помещения. К тому времени, когда я решил здесь обосноваться, особняк превратился в бесформенную громадину и вместе с садом, не уступавшим по заброшенности дому, занимал более акра земли.

Здание уже полностью утратило свой строгий колониальный стиль. Архитектура его стала эклектична: каждый из владельцев вносил в облик дома что-то свое. Двускатная крыша соседствовала с односкатной; оконные рамы различались величиной, причудливой лепки карнизы чередовались с классически простыми, почти аскетическими выступами. Даже слуховыми окошками снабжена была одна часть крыши. Но хотя знаток с пренебрежением отнесся бы к строению, вобравшему в себя столько несовместимых художественных стилей, для обычного человека вид его оставался довольно привлекательным. Во многом этому способствовали разросшиеся старые вязы и дубы – особняк прямо-таки в них утопал.

Просвет открывался лишь в сторону заброшенного сада с розовыми кустами и зеленеющими поодаль топольками и березками. Несмотря на губительное действие времени и разноликость стилей – или благодаря этому, – особняк навевал мысли о преходящем величии и как-то удивительно соответствовал колориту местности. Казалось, его некрашеные стены гармонично сливаются с окружающими их могучими, неохватными деревьями.

В доме было ни много ни мало – двадцать семь комнат. Из них я решил привести в порядок три – все в юго-восточной части особняка. Осенью и в начале зимы я регулярно наезжал сюда из Бостона, следя за ходом работ. После того как старое дерево отчистили и натерли воском, оно приобрело дивный теплый оттенок; электрический свет изгнал из комнаты угрюмый мрак, и только затянувшиеся сантехнические работы задержали до конца зимы мой приезд. Лишь двадцать четвертого февраля я поселился в родовом гнезде Пибоди, а затем в течение месяца ломал голову, что делать дальше с домом. Первоначально я собирался сохранить только старинную часть особняка, сломав все позднейшие пристройки, но затем изменил решение. Особое очарование дома состояло для меня в том, что здесь обитали, сменяя друг друга, мои предки, здесь текла их жизнь, заполненная обыденными событиями и переживаниями.

Ночью, когда мартовский ветер глухо завывал за окном, я долго лежал без сна, томимый подозрениями, что в доме кто-то есть. Сверху доносился неясный шум. Похоже, там некто перемещался, не ступал, а именно перемещался, то есть двигался как-то необычно. Трудно сказать, на что это было похоже. Казалось, движение сосредоточено на малой площади. Вперед-назад. Вперед-назад. Помнится, я вышел в темный холл, откуда вела наверх лестница, и долго стоял, прислушиваясь и всматриваясь в темноту. Теперь звук плыл, спускаясь по ступеням, то усиливаясь, то затихая. Я продолжал стоять и слушать, пытаясь понять, где таится его источник. Очень хотелось найти всему этому какое-то рациональное объяснение. Решив наконец, что это бьется на ветру ветка, я удалился к себе и успокоился. Шум продолжался, но теперь, когда я докопался, как полагал, до его причины, он меня больше не тревожил.

А вот замучившие меня в ту ночь сны толкованию не поддавались. Обычно наутро я забывал ночные видения, но тут они оказались настолько ярки и фантасмагоричны, что живо держались в памяти. В них я играл роль пассивного свидетеля бесконечных пространственно-временных смещений и череды обманных ощущений. Все это происходило в присутствии призрачной фигуры в остроконечной шляпе и еще какого-то неразличимого

существа, которых я видел как бы сквозь призму мрачного ночного пейзажа. Но мучили меня не столько сами сны, сколько их прерывистость. Краткие видения молниеносно сменяли друг друга, каждое не имело ни начала, ни конца, а мир, в который меня уносили, был совершенно фантастичен и чужероден, как если бы находился в другом, неизвестном мне измерении. Проснулся я совершенно измученный.

На следующий день меня посетил архитектор, молодой человек, не склонный верить мрачным легендам, слагаемым в народе о старых домах, укромно затаившихся в сельской глуши. Он открыл мне прелюбопытный факт.

– Вступив во владение домом, вы, конечно, не ожидали, что в нем есть потайная комната? – спросил он, раскладывая предо мной чертежи.

– А разве она есть? – удивился я.

Есть. Может, тайная молельня, а может, темница для сбежавших рабов.

– Никогда не видел.

– Я тоже. Но взгляните сюда…

И он показал мне составленный им план дома, где было ясно видно, что вдоль северной наружной стены старейшей части здания тянется неучтенное пустое пространство. Что там было? Вряд ли молельня. Может, и правда карцер для беглых рабов? Но дом построили в те времена, когда рабы еще не сбегали в Канаду. Нет, не то.

– Вот бы взглянуть на этот тайник, – сказал я.

– Он должен быть тут.

И мы его действительно обнаружили – надежно скрытый тайник; на его след могло навести разве что отсутствие окна в северной стене спальни. Дверь в потайную комнату удачно маскировала искусная резьба, украшавшая стену из красного дерева. Не знавший о тайнике человек ни за что не распознал бы скрытую в резьбе дверь – не имея дверной ручки, она открывалась нажатием на определенный узор. Ее отыскал архитектор, лучше меня разбиравшийся в подобных делах. Перед тем как войти в потайную комнату, я задержался на пороге, изучая проржавевший запор.

За дверью находилась узкая каморка – конечно же, не молельня. В длину она тянулась футов на десять, пройти их можно было не сгибаясь, но вот в сторону из-за крутого ската крыши нельзя было сделать ни шагу. Только вперед-назад, и ни на дюйм вбок. Любопытно, что комната все еще хранила следы пребывания человека: повсюду валялись книги и бумаги, а стул, казалось, только что отодвинули от небольшого письменного стола.

Сама комната ни на что не походила. У нее были какие-то скошенные, искривленные углы, как будто строитель хотел сбить с толку ее владельца.

Весь пол покрывали диковинные узоры, некоторые из них самым варварским образом были вырезаны в дощатом полу, образуя подобие круга. Углы комнаты расписаны крайне отталкивающими рисунками. Стол вызывал отвращение своим внешним видом: казалось, его спалил огонь – такого он был грязно-черного цвета. И уж явно служил не только для письменных занятий. На нем высилась кипа книг – видимо, очень старых – в кожаных, как и лежавшая рядом тетрадь, переплетах.

Общество архитектора не позволило мне изучить комнату более тщательно: убедившись в существовании тайника и бегло осмотрев помещение, он увлек меня к выходу.

– Вы, конечно, захотите снести стенку, расширить спальню и прорубить здесь окно? – спросил он. И, не дождавшись ответа, добавил: – Не станете же вы сохранять этот чулан?

– Не знаю, – уклончиво ответил я. – Пока ничего не могу сказать. Надо еще выяснить, когда сделан тайник.

Про себя же подумал: окажись комната такой старой, как я предполагаю, ни за что с ней не расстанусь. Хотелось получше рассмотреть ее, порыться в старых книгах. Да и спешки не было – у архитектора хватало и других дел. О судьбе маленькой каморки наверху можно было еще подумать. На том и порешили.

Я собирался завтра же вновь заглянуть в тайник, но помешали обстоятельства. Во-первых, меня ждала еще одна тревожная ночь, с мучительными, навязчивыми видениями, растолковать которые я не умел, потому что прежде видел сны, только когда болел. Мне грезились мои предки, и чаще всего длиннобородый старец в чудно́й конусообразной черной шляпе. Этот старец оказался моим прадедом Асафом, в чем я удостоверился на следующее утро, найдя его изображение в череде фамильных портретов, висевших в холле нижнего этажа. В моем сне прадед перемещался как-то странно, будто летал. Он проходил сквозь стены, шел по воздуху, не касаясь земли; его тень мелькала в кронах деревьев. И повсюду его сопровождал громадный черный кот, с той же легкостью, что и хозяин, нарушавший законы пространства и времени. Сны никак не были связаны между собой, и даже внутри каждого из них отсутствовала цельность – просто бесконечная цепь ярких, галлюцинаторных видений, хотя и с непременным присутствием прадеда, кота и фамильного особняка. Эти сны перекликались с картинами, виденными мною прошлой ночью, демонстрируя все те же пространственно-временные фокусы, правда, с меньшей отчетливостью отдельных видений. Так я промаялся всю ночь.

А наутро вдобавок ко всему архитектор сообщил об отсрочке строительных работ. Он долго уклонялся от объяснений, но затем признался на мои настойчивые расспросы, что нанятые им строители сегодня утром в один голос заявили, что отказываются «здесь» работать. Однако мне не стоит беспокоиться: в Бостоне полно польских и итальянских безработных и, если я согласен немного подождать, он заключит с ними договор на выгодных для меня условиях. У меня не было выбора, и я согласился. Впрочем, во многом мое разочарование было напускным: к этому времени я стал сомневаться, стоит ли так уж все переделывать. В конце концов, очарование старых построек таится в стоящих за ними веках, поэтому центральную, наиболее древнюю часть усадьбы нужно лишь отремонтировать, не внося никаких новшеств. Попросив архитектора все же поторопиться, я отправился сделать кое-какие покупки.

В неприязни ко мне местных жителей я уже успел удостовериться. Но если раньше большинство старалось просто не замечать меня, а другие, с кем я успел познакомиться, небрежно кивали, то этим утром все как один отводили глаза в сторону. Даже продавцы отвечали сквозь зубы, всем своим видом показывая, что в дальнейшем мне стоит наведываться за покупками в другую лавку. Поломав голову над тем, что бы это значило, я пришел к выводу, что такое отношение напрямую связано с моими планами по переустройству усадьбы. Могли быть два объяснения. Либо фермеры считали, что усадьба в результате утратит свою прелесть, либо, напротив, боялись, что реставрация продлит ей жизнь, уничтожив все их надежды распахать лакомый кусочек земли.

Но вскоре мои догадки сменились гневом. Почему меня чураются как парии? Разве я заслужил такое обращение? Кипя от негодования, я зашел в контору Ахаба Хопкинса и пылко излил перед ним свои обиды, хотя видел, что тем немало его смущаю.

– Не принимайте все так близко к сердцу, мистер Пибоди, – попытался он успокоить меня. – Согласитесь, эти люди пережили страшный шок. Можно понять их нелюбезность и подозрительность. К тому же крестьяне очень суеверны. Сколько помню себя – а ведь я не молод, – они всегда были такими.

Серьезность, с какой Хопкинс произнес эти слова, охладила мой пыл.

– Вы сказали: шок? Простите, но я ничего не понимаю.

Адвокат посмотрел на меня с таким удивлением, что мне стало не по себе.

– Гм, видите ли, мистер Пибоди, в двух милях от вас живут некие

Тейлоры. Глава семейства Джордж мне хорошо знаком. У них десяток детей. Точнее, было десять. Этой ночью одного из младших, двухлетнего малыша, похитили прямо из кроватки и унесли, не оставив никаких следов.

– Мне очень жаль. Но при чем здесь я?

– Конечно, ни при чем, мистер Пибоди. Вы здесь человек новый и многого не знаете… Впрочем, раньше или позже вам все равно станет известно… Здесь не любят семейство Пибоди. Более того – ненавидят.

Я не смог скрыть своего изумления.

– Но почему?

– Сами знаете, люди склонны верить самым невероятным слухам и сплетням, – ответил Хопкинс. – Вы достаточно пожили на свете, мистер Пибоди, и понимаете, что мир не изменишь. А уж деревенских тем паче. Еще ребенком я слышал о вашем прадеде всякие россказни. Дело в том, что после его вступления в наследство здесь произошло несколько жутких случаев с похищениями малолетних детей. И вот теперь они видят связь между приездом нового владельца и возобновлением, как они полагают, страшного ритуала.

– Какой ужас! – воскликнул я.

– Согласен с вами, – проговорил Хопкинс с преувеличенной любезностью. – Но что поделать! Кроме того, уже апрель. Вальпургиева ночь на носу.

Его явно смущал мой убитый вид.

– Послушайте, мистер Пибоди, – спросил он с наигранной шутливостью, – неужели вам неизвестно, что ваш дед слыл здесь колдуном?

Я вышел от адвоката в смятении. Несмотря на пережитое потрясение и обиду, несмотря на все мое возмущение грубостью фермеров, которые демонстрировали мне неприязнь, смешанную с неподдельным ужасом, меня все же больше беспокоила возможная связь моих ночных видений с этими страшными событиями. В снах прадед являлся мне в странном виде – Хопкинс же дал вполне определенную характеристику этому моему предку. Оказывается, местный люд почитал его за колдуна или чародея – словом, мужской вариант ведьмы. Выйдя от Хопкинса, я уже не пытался проявлять любезность к встречным, которые по-прежнему отворачивались при моем приближении, а просто сел в машину и поехал домой. Но там мое терпение подверглось новому испытанию: кто-то из безграмотных и озлобленных соседей прибил к парадной двери вырванный из тетради листок, на котором нацарапал карандашом: «Праваливай пака цел, нито пажалеиш!»

Этой ночью мой сон, возможно по причине пережитых волнений, был еще беспокойнее, чем предыдущий. Но в тревожных грезах появилась некоторая связность. В них опять присутствовал мой прадед Асаф Пибоди, только теперь облик его стал еще более зловещим, а в руках он нес неразличимый в сумраке предмет телесного цвета. Не менее устрашающе выглядел и громадный кот, скользящий, или скорее парящий, бок о бок с хозяином: шерсть на нем вздыбилась, уши стояли торчком, а хвост был лихо задран кверху. Я видел, как лесами, проселками, рощами проносился Асаф, потом замелькала череда узких коридоров, и наконец он оказался в склепе. Временами я различал его и в самом доме. И повсюду его сопровождал на некотором отдалении Черный Человек – не негр, а существо черное как бы изнутри, темнее самой ночи, с глазами, пылавшими адским пламенем. За прадедом поспешали и разные мелкие твари: летучие мыши, крысы, а также гнусные карлики – полулюди-полукрысы. Мои сновидения сопровождались слуховыми галлюцинациями: я слышал сдавленные стоны и плач, как будто мучили ребенка, чей-то омерзительный утробный хохот и монотонно бубнящий голос: «Асаф будет жить. Асаф возродится».

Когда я пробудился с первыми лучами солнца в своей комнате, вырвавшись наконец-то из непривычного кошмара, в моих ушах, могу поклясться, все еще звучал детский плач. Ребенок, казалось, находился в доме. Сон больше не шел, и я долго лежал с широко раскрытыми глазами, размышляя, что принесет мне будущая ночь, и та, что следом за ней, и вереница дальнейших.

С приездом из Бостона польских рабочих я на какое-то время отвлекся и перестал думать о ночных видениях. Поляки выглядели флегматичными, добродушными людьми. Бригадир, коренастый, плотного сложения, – звали Чичерка – довольно бесцеремонно командовал тремя своими товарищами. Те же торопились выполнить любой приказ пятидесятилетнего здоровяка, как бы боясь его гнева. Рабочие обещали архитектору быть только через неделю, но тут, по их словам, сорвалась одна работенка, они и подались сюда. Послали архитектору телеграмму и выехали вслед за ней. У них есть план реконструкции, и они сразу же, не дожидаясь архитектора, примутся за дело…

Перво-наперво строители взялись счищать штукатурку с северной стены – как раз в той комнате, за которой располагался тайник, при этом они старались не повредить опоры, удерживавшие третий этаж. Я стоял и смотрел, как мастеровые аккуратно снимают вслед за штукатуркой и старую, ручной работы крепежную сетку. Стены в комнате были все в

трещинах и с годами напрочь утратили первоначальный цвет. Здесь, как видно, давно никто не жил. В той части дома, где я поселился, стены тоже имели жалкий вид, но, сделав там столько кардинальных преобразований, с косметическим ремонтом я решил повременить.

Немного понаблюдав за ходом работ, я вышел из комнаты. По дому разносился глухой стук, потом он неожиданно прекратился. С минуту помедлив, я снова вернулся в помещение и увидел, как вся четверка сгрудилась у стены и истово крестится. Затем, в ужасе отпрянув от стены, они сломя голову бросились из дома. Поравнявшись со мной, побагровевший от волнения Чичерка выкрикнул в мой адрес какое-то несусветное ругательство. Через мгновение их уже и след простыл, а я все стоял в полном остолбенении – слышал, как затарахтел мотор, как отъехала машина, но не в силах был сдвинуться с места.

Наконец, охваченный глубоким смятением, я направился к месту, где поляки только что работали. Рядом со стеной валялись забытые ими при бегстве инструменты. Они уже успели снять изрядный слой штукатурки, обнажив у плинтуса часть стены, сохранившей следы минувших десятилетий. Но только подойдя совсем близко, я увидел то, что так напугало рабочих, и понял, почему в такой панике и страхе бежали они из моего дома.

Ведь в основании стены, за плинтусом, завернутые в пожелтевшую и почти истлевшую бумагу с еле различимыми древними кабалистическими знаками, рядом с гнусными орудиями убийства – короткими кинжалами с ржавыми следами крови – лежали крошечные черепа и скелеты по меньшей мере трех младенцев!

Я не верил своим глазам, однако находка эта подтверждала местные нелепые суеверия, о которых днем назад рассказывал Ахаб Хопкинс. Мысль моя лихорадочно заработала. Известно, что при жизни прадеда исчезали младенцы, а его самого почитали колдуном и магом, приносившим во время своих богохульственных обрядов человеческие жертвоприношения. И вот теперь в стенах дома отыскались зловещие свидетельства его нечестивых деяний!

Справившись с первоначальным шоком, я сообразил, что мне следует действовать, причем без промедления. Если о черепах пронюхают мои богобоязненные соседи, мне несдобровать, это ясно. Не мешкая побежал я за картонной коробкой, а вернувшись, побросал в нее кости и снес в фамильный склеп. Там я ссыпал их в пустую нишу, где когда-то покоились останки Джедедийи Пибоди. При этом крошечные черепа рассыпались, к моему облегчению, в прах, теперь, если начнутся поиски, в склепе

обнаружат только горсть истлевших костей. Даже эксперт не сможет дать точного заключения. И если поляки напишут архитектору о случившемся, я смогу все отрицать. Кстати сказать, в дальнейшем они никак не проявили себя – видимо, скрыли от архитектора подлинные причины своего бегства, перепугавшись до смерти.

Не дожидаясь, пока отыщутся новые рабочие, согласные выполнить все нужные реставрационные работы, я однажды под влиянием неясного инстинкта, отправился в потайную комнату, которую собирался при свете мощного электрического фонарика осмотреть самым тщательным образом. Уже на пороге меня ждало ошеломляющее открытие: после нашего с архитектором визита там кто-то побывал – об этом неопровержимо говорили следы, оставленные таинственным гостем. На пыльном полу виднелись отпечатки босых ног мужчины и кошачьих лап. Но были и более страшные свидетельства. Следы мужчины и кота начинались в искривленном северо-восточном углу, хотя там нельзя было даже выпрямиться. Эта парочка, казалось, прошла сквозь стену и направилась к черному столу, где, собственно, и оставила самые кощунственные приметы своего визита. Идя след в след за таинственными отпечатками, я чуть не натолкнулся на этот самый стол.

Он был весь забрызган какой-то жидкостью. В одном месте, по соседству с темным пятном, оставшимся на пыльной поверхности то ли от лежавшей кошки, то ли просто от небольшого свертка, растеклась мерзкого вида лужица, не более трех дюймов диаметром. Направив на стол фонарик, я пытался понять, как туда могла попасть жидкость, затем перевел луч на потолок, предположив, что он, возможно, прохудился, но тут же вспомнил, что со времени моего предыдущего прихода сюда дождя не было. Обмакнув указательный палец в лужицу, я поднес к нему фонарик. Жидкость оказалась красной, и я мгновенно понял, что это кровь. Как она попала сюда? Об этом я не осмеливался думать.

И все же разные предположения вне всякой логики, одно мрачнее другого, лезли мне в голову. Прихватив с собой несколько книг в кожаных переплетах и рукопись, я заторопился прочь из этой зловещей комнаты и перевел дух, лишь оказавшись в менее романтической обстановке, где углы были углами, а не таинственными конфигурациями, как бы заимствованными из других, неведомых человечеству измерений. Прижав к груди взятые книги, я поспешно, с тяжелым ощущением невольной вины, прошел в свои покои.

Раскрыв книги, я с ужасом убедился, что знаю их содержание, хотя могу поклясться, что никогда не видел их прежде и даже не слышал в ту

пору о существовании таких трудов, как «Молот ведьм» или «О демоническом» Синистрари. Они были посвящены магии и колдовству, в них приводились разные заклинания и магические формулы, рассказывалось, как можно с помощью огня уничтожить ведьм и колдунов, говорилось об их излюбленных способах передвижения… «Прельщенные призрачными видениями демонов, они с легкостью перемещаются в ночном пространстве, путешествуя, как они сами, кстати, свидетельствуют, на некоторых животных… или сами по себе, выходя из помещения через специально предназначенные для этого отверстия. Сам Сатана прельщает во сне ум того, кого избрал, используя для искушения окольные пути… Они берут мазь, изготовленную ими по дьявольскому рецепту на крови убиенных младенцев, обмазывают ею стул или метлу, а затем, усевшись поудобнее, тут же взмывают ввысь, будь то день или ночь. По своему желанию они могут быть видимыми или невидимыми…» Отложив это чтение, я потянулся за книгой Синистрари.

Здесь подробно говорилось о том, что колдуны и ведьмы должны через определенные промежутки времени совершать ритуальные убийства детей или другие акты кровавого насилия. В переводе с латыни это звучало буквально так: «Они обещают дьяволу совершать в установленное время жертвоприношения; каждые пятнадцать дней или по крайности каждый месяц убивать или отравлять ядом человеческое дитя, а также еженедельно творить какое-нибудь другое зло на погибель рода человеческого, навлекать на людей град, бурю, пожары, падёж скота…» Это чтение пробудило во мне острую, мучительную тревогу, передать которую слова бессильны. Я машинально перебирал остальные книги, среди которых были «Жития магов» Эвнапиуса, «О природе демонов» Анания, «Полет Сатаны» Стампы, «Слово о колдунах» Буже, а также рукопись некоего сочинения Олауса Магнуса в черном переплете из гладкой кожи, в которой я не сразу распознал человеческую.

Само присутствие в доме подобных книг свидетельствовало о повышенном интересе его хозяина к колдовству и магии и во многом объясняло живучесть предрассудков среди местного люда по отношению к моему прадеду. Но кто мог знать об этих книгах? Единицы. Значит, было что-то еще? Что же? Найденные в стене под тайником кости неопровержимо доказывали, что между усадьбой и загадочными исчезновениями детей существует какая-то зловещая связь. Впрочем, кроме меня, о находке никто не знает. Нет, видимо, в жизни прадеда помимо затворничества и скаредности было что-то еще, что вызывало у соседей такие страшные предположения. Ключ к этой загадке не найти в потайной

комнате, но вот в старых подшивках «Уилбремских ведомостей», хранившихся в публичной библиотеке, он мог и отыскаться.

Полчаса спустя я уже сидел в книгохранилище, листая пожелтевшие от времени страницы. Это занятие могло затянуться, ведь я просматривал газеты без всякой системы, номер за номером, изучая все экземпляры, вышедшие в последние годы жизни моего прадеда. Я мог вообще ничего не найти, хотя некоторую надежду давала менее ревностная в те времена защита прав личности, позволявшая прессе публиковать все подряд, любые сомнительные материалы. Так минул час, а я все еще не встретил ни единого упоминания об Асафе Пибоди, хотя нашел и внимательно прочитал несколько заметок о случаях нападения на людей, чаще детей, в непосредственной близости от усадьбы Пибоди. Потерпевшие единодушно утверждали, что стали жертвой некоего «большого черного зверя», который, по их словам, легко менял свои размеры – «то был величиною с кошку, а то – со льва». Такие заявления объяснялись, конечно же, разыгравшимся воображением жертв, в основном детей до десяти лет, которые сумели убежать от преследователя, отделавшись ранами и укусами. Меньше повезло малышам: за 1905 год несколько младенцев исчезло бесследно. Но имя прадеда никак не связывалось с этими жуткими событиями и вообще не возникало на страницах вплоть до года его кончины.

Только тогда корреспондент «Уилбремских ведомостей» обнародовал местные домыслы об Асафе Пибоди. «Скончался Асаф Пибоди, – писал он. – Его будут долго помнить. Многие приписывали ему способности, коими в давние времена обладали значительно чаще, тем теперь. Известно, что во время знаменитых салемских процессов был осужден некий Пибоди. И сам Джедедийя Пибоди приехал в наши места из Салема, а затем выстроил себе близ Уилбрема дом. Предрассудки очень живучи, и в них обычно отсутствует логика. Со времени кончины Асафа Пибоди никто больше не видел черного кота, но это всего лишь чистейшей воды совпадение. И уж совсем нелепы слухи, что гроб не открывали для прощания по причине жуткого вида усопшего и необычности погребального ритуала. К слову, досужие кумушки уверяют, что колдунов и ведьм следует хоронить лицом вниз и ни в коем случае не переворачивать. В крайнем случае их останки нужно сжечь…»

В такой вот странной манере, с явным подтекстом была написана вся статья. Мне же она открыла, к сожалению, даже больше, чем я предполагал. На кота моего прадеда смотрели как на его помощника в черных делах: существовало ведь поверье, что ведьмы и колдуны имеют в

своем распоряжении личных демонов, способных принимать любое обличье. Фермеры, конечно же, склонны были в этом случае видеть демона и в обычном домашнем животном, просто очень привязанном к своему одинокому хозяину и никогда не покидавшем его. В моих снах они, кстати, тоже были неразлучны. Несравненно больше насторожили меня слова, относящиеся к особенностям погребения прадеда. Уж кто-кто, а я-то знал, что Асафа Пибоди действительно похоронили лицом вниз. И более того – знал, что теперь он против всех правил перевернут навзничь. Я всерьез начал подозревать, что кроме меня в доме живет еще кто-то, он проникает в мои сны, бродит по окрестностям, летает!

В эту ночь мне снова привиделись сны, сопровождаемые громкими слуховыми эффектами, как если бы на меня изливалась какофония звуков из других миров. В них вновь явился ко мне прадед, творя опять какое-то зло, но в этот раз его хвостатый компаньон порой останавливался и смотрел на меня с торжествующей злобной издевкой. Я видел, как старец в конусообразной шляпе и длинном черном балахоне, показавшись со стороны леса и войдя в незнакомый мне дом через стену, очутился сразу в темной пустой комнате с черным алтарем, перед которым дожидался жертвоприношения Черный Человек. Зрелище было тяжким, но согласно тайным законам сна я был обязан смотреть на это дьявольское деяние. В другом сне я снова увидел прадеда, кота и Черного Человека, на этот раз далеко от Уилбрема, в густом лесу; они стояли среди толпы, собравшейся перед воздвигнутым на поляне алтарем, чтобы отслужить Черную Мессу, а затем предаться диким оргиям. Эти видения были достаточно четкими, но другие казались вырванными из бездонной сумеречной пропасти, полной непривычных цветовых сочетаний и звуковых диссонансов. Земное тяготение, видимо, отсутствовало в этих никому не ведомых мирах, а я обретал там несвойственные мне наяву измерения. Так, я внимал леденящим кровь песнопениям Черного Человека, предсмертным крикам погибающего ребенка, нестройным звукам свирели, извращенным молитвам странной паствы, животным воплям участников оргии. Всё это отчетливо звучало в моих ушах, хотя сами картины я мог и не видеть. Иногда в мои сны вторгались обрывки разговоров или отдельные фразы, производившие на меня крайне тягостное впечатление; несмотря на всю бессмысленность, они тоской ложились на сердце.

– Изберем его?

– Он именно тот, кто нам нужен.

– Потомок Джедедийи, потомок Асафа, опекаемых Балором.

– Он должен предстать перед Книгой.

Иногда в этих причудливых фантасмагориях я видел и себя. Особенно запомнился мне сон, где прадед и кот поочередно подводили меня к огромной черной книге, в которой кровью начертанные подписи горели огнем. Я тоже должен был расписаться. Прадед крикнул Балора, который расцарапал мне руку и, пританцовывая, обмакнул перо в кровь. Когда я писал свое имя, прадед направлял мою руку. Меня очень разволновала поутру связь сна с реальностью. Дело в том, что в моем сне тропа к шабашу нечестивцев пролегала через болото, мы шли по заросшим осокой склизким кочкам, я то и дело оступался в мерзкую жижу, а вот прадед и кот ни разу не оступились, они словно скользили над болотом.

Утром я проснулся позже обычного и сразу заметил на своих еще вечером чистых ботинках ошметки высохшей черной грязи! Как ошпаренный спрыгнув с кровати, я пошел по следам, оставленным грязными подошвами, которые по коридору и лестнице привели меня в потайную комнату третьего этажа. Заканчивались они, конечно же, в треклятом углу. Я стоял и смотрел, не веря своим глазам. Невероятно, но все обстояло именно так. Свежий порез на руке говорил, что ночные события происходили на самом деле.

Когда я покидал комнату, меня прямо-таки качало, голова кружилась. Так вот почему отец мой с такой неприязнью принял идею продажи поместья. Родители, видимо, слышали краем уха о творящейся здесь чертовщине от деда, который, наверное, и похоронил своего отца вниз лицом. И хотя они с большим сомнением и толикой презрения относились к такого рода предрассудкам, все же у них хватило рассудительности не рисковать и не бросать открыто вызов таинственным силам. Можно было понять и жильцов, не желающих здесь жить и бегущих отсюда как от чумы. Дом стал средоточием неподвластных человеку сил, и я понимал, что в меня тоже проникла зараза, пропитавшая весь особняк. В каком-то смысле меня можно было считать узником дома и его зловещей истории.

Мне оставалось только попытаться отыскать разгадку тайны в дневнике прадеда. Забыв о завтраке, я поспешил открыть тетрадь. Записи, сделанные рукой моего прадеда, чередовались в дневнике с вырезками из писем, газет, журналов и даже книг, относящихся к интересующему его вопросу. Казавшиеся на первый взгляд не связанными друг с другом, эти вырезки рассказывали о разных непостижимых явлениях. Как я уразумел, прадед считал их делом рук колдунов. Его собственные записи встречались редко, однако были весьма многозначительны.

«Всё идет как предполагал. Плоть Дж. восстанавливается

необычно быстро. Так и должно быть согласно магическим заповедям. Стоит перевернуть, и всё начинается снова. Возвращается демон-слуга, и с каждой новой жертвой прибавляется плоть. Бессмысленно переворачивать его вновь. Единственный выход – предать огню!»

И еще:

«В доме кто-то есть. Кот? Вижу его, но не могу поймать».

«Это действительно черный кот. Откуда он мог взяться? Тревожные сны. Дважды присутствовал на Черной Мессе».

«Видел во сне кота. Он подвел меня к Черной Книге. Подписал».

«Во сне ко мне явился демон по кличке Балор. Красивый юноша. Объяснил мою зависимость».

И почти вслед за этим:

«Сегодня ко мне приходил Балор. Ни за что не узнал бы его. В виде кота он тоже очень красив. Спросил его, не в этом ли обличье он служил Дж. Он подтвердил. Показал мне место, где стены образуют странный многомерный угол – путь наружу. Его сконструировал Дж. Научил, как выходить через него».

Больше я не мог читать. И этого было больше чем достаточно. Теперь я знал, что случилось с останками Джедедийи Пибоди. И знал, что мне следует делать. Мучимый страхом, я все же, не откладывая, направился прямо к фамильному склепу и, войдя в него, заставил себя подойти к гробу прадеда. И, увы, только теперь заметил под именем Асафа Пибоди бронзовую табличку с выгравированными словами: «Да падет проклятие на того, кто потревожит его сон!»

Я поднял крышку гроба.

Несмотря на то что ничего другого я не предполагал увидеть, кровь застыла в моих жилах. Всё изменилось. Раньше здесь были только припорошенные пылью скелет и лохмотья одежды. Теперь же скелет прадеда стал вновь обрастать плотью, понемногу обретаемой с того момента, когда я бездумно послужил Злу, перевернув прах. Но был и другой источник жуткого перерождения покойника, он лежал тут же в гробу – высохший, сморщенный трупик, и хотя младенца похитили менее

десяти дней назад, у него был вид выпотрошенной и набальзамированной мумии!

Я выскочил из склепа как ошпаренный, но только для того, чтобы заняться устройством погребального костра. Работал в исступлении, торопился сколь мог, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил; впрочем, опасения мои были излишни – местные жители за версту обходили поместье. Затем я из последних сил выволок гроб Асафа Пибоди с его дьявольским содержимым, точно так же как за десятилетия до этого сам Асаф тащил гроб Джедедийи! А потом стоял у костра, неотрывно глядя, как огонь расправляется с гробом, и только один слыша истошный, полный муки и ярости вопль, уносимый пламенем ввысь.

Угли погребального костра тлели всю ночь, яркое пятно было хорошо видно из моего окна.

Внутри же дома меня ждало нечто другое. Черный кот подошел к порогу моей комнаты и застыл, выжидательно, плотоядно на меня косясь.

И тут я вспомнил тропу через болото, засохшую глину на ботинках, грязные следы, вспомнил и не зажившую еще царапину на запястье, и Черную Книгу, в которой расписался так же, как и Асаф Пибоди.

Повернувшись к еле различимому в полумраке коту, я тихо позвал его: «Балор!»

Он приблизился и уселся уже на самом пороге.

Вынув из ящика стола пистолет, я тщательно прицелился и выстрелил.

Кот по-прежнему пристально смотрел на меня. Даже ухом не повел.

Балор. Один из младших демонов.

Значит, вот оно – настоящее наследство Пибоди! Дом, земля, лес – всё это только прикрытие, за которым прячутся потайная комната, угол, ведущий в иное измерение, тропа через болото к месту шабаша, росписи в Черной Книге.

Кто же, подумал я, перевернет меня после моей смерти?

1957

---

notes

Примечания

1

Мероэ – древний город, столица Мериоитского царства (2-я пол. 6 в. до н. э. – 4 в. н. э.) на Среднем Ниле.

2

Офир – упоминаемая в Библии страна, славившаяся своим золотом, относительно местоположения которой высказываются самые разные мнения: Сомалийское побережье Восточной Африки, Южная Аравия и даже Индия.

3

Тюхе (Тихе, Тихэ, Тихея, «случайность», то, что выпало по жребию) – в греческой мифологии – богиня случая и удачи. В древнеримской мифологии ей соответствует Фортуна. Тюхе не встречалась в классической мифологии, а появилась только в эпоху эллинизма как сознательное противопоставление древнему представлению о неизменной судьбе. Она символизирует изменчивость мира, его неустойчивость и случайность любого факта личной и общественной жизни.

4

Граждане, оказывавшие по личной инициативе или по поручению своего полиса гостеприимство и помощь послам или гражданам другого полиса и пользовавшиеся за это в чужом городе рядом привилегий.

5

Честерфилд Филип Дормер Стенхоп (1694–1773) – граф, английский государственный деятель, дипломат и публицист. Автор наставительных «Писем к сыну» (изд. 1774).

6

Рочестер Джон Уилмот (1648–1680) – граф, английский поэт, фаворит Карла II.

7

Гей Джон (1685–1732) – английский поэт и драматург, автор комедии «Опера нищих» (1728). Прайор Мэтью (1664–1721) – английский поэт и дипломат. Автор эпиграмм, баллад, стихотворных пародий на самых веселых римских остроумцев и рифмоплетов.

8

Перевод Дм. Раевского.

9

Палинур – рулевой корабля Энея, направлявшегося из Карфагена в Италию. Палинур заснул за рулем, упал за борт и погиб в волнах.

10

Перевод С. Сухарева.

11

Общее название различных стадий классицизма в англо-американской архитектуре периода царствования в Великобритании четырех сменявших друг друга королей по имени Георг (1714–1830).

12

Ручной ударный музыкальный инструмент, схожий с кастаньетами, деревянный или металлический, бывший в употреблении у греков и римлян.

13

Здесь и далее имеется в виду полуостров Росса.

14

Перевод К. Чуковского.

15

Мачу-Пикчу – город-крепость инков XIV–XV вв.

16

Киш – центр одного из древнейших месопотамских государств (XXVIII в. до н. э.).

17

En masse – все вместе (*фр.*).

18

Борхгревинк, Карстен (1864–1934) – норвежский путешественник.

19

Мегалиты – сооружения из больших блоков грубо обработанного камня.

20

Зиккурат – культовое сооружение в древнем Двуречье.

21

Парацельс, настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм или Гогенгейм (1493–1541) – знаменитый алхимик, врач и оккультист.

Альберт Великий (1193–1280), он же св. Альберт, Альберт Кельнский, Альберт фон Больштедт, – философ, теолог, учёный. Видный представитель средневековой схоластики, доминиканец.

Иоганн Тритемий (1462–1516) – автор книг по истории, криптографии и оккультизму. Его имя представляет собой латинизированную форму названия его родного города Триттенхайм.

Гермес Трисмегист (Триждывеличайший) – имя синкретического божества, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тота и древнегреческого бога Гермеса. Считается весьма древним автором ряда «герметических» произведений, в подлинности которых отцы церкви не сомневались. Лактанций полагает Трисмегиста гораздо более древним, чем Пифагор и Платон, и считает Трисмегиста одним из важнейших языческих провидцев, предсказавших приход христианства.

Пьер Борель (Petrus Borellius) (1620–1671) – французский химик (алхимик), врач и ботаник, занимался оптикой, древней историей, филологией и библиографией.